

Блаженнаго Іеронима, пресвитера Стридонскаго.

Три книги толкованій на посланіе къ Галатамъ.

(въ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Прошло еще немного дней послѣ того, какъ я, истолковавъ посланіе Павла [Апостола] къ Филимону, перешелъ къ посланію къ Галатамъ, опустивъ многія, которыя находятся между ними. И вотъ неожиданно мнѣ доставлено письмо изъ города [Рима], извѣщающее меня, что и достопочтенная старица Альбина представилась предъ лице Господа, и святая Марцелла, лишенная сожителства матери, теперь еще болѣе нуждается въ вашемъ, Павла и Евстохія, утѣшеніи. А такъ какъ, однако, этого утѣшенія [съ моей стороны] ожидать нельзя вслѣдствіи значительнаго между нами сухопутнаго и воднаго разстоянія, то я хотѣлъ бы внезапно поразившій ударъ исцѣлить врачевствомъ Писаній; правда, я знаю ея пылкую ревность, знаю ея вѣру, знаю и то, какой пламень она имѣетъ въ груди, чтобы побѣждать слабость своего пола, забывать свою человѣческую сторону и переходить Красное море вѣка сего подъ звуки тимпановъ божественныхъ Писаній. И дѣйствительно (certe), если только я бывалъ въ Римѣ, то она никогда,—какъ бы наскоро ни видалась со мною,—не забывала спросить чего-либо отъ Писаній. И не по примѣру учениковъ Пифагора она признавала правиль-

нымъ всё, что бы ни отвѣчалъ я ей, наоборотъ: безъ предварительнаго обсужденія значеніе [учащаго] (auctoritas) въ ея глазахъ не имѣло силы: она изслѣдовала все и проникающею мыслию все обсуждала такъ, что мнѣ казалось, будто у меня не столько ученица, сколько ученый судья. Итакъ я приступаю къ дѣлу, которое считаю и пріятнымъ для нея, отсутствующей, и полезнымъ для васъ, находящихся въ нашемъ присутствіи,—[къ дѣлу], которое до меня не было предпринято пишущими на нашемъ языкѣ, и которое было предпринято греками,—не смотря на великое значеніе сего,—только немногими. Это не значить того, что мнѣ неизвѣстенъ Кай Марій Викторинъ, который еще во время моего дѣтства преподавалъ науку краснорѣчія и издалъ толкованія на Апостола, а то, что онъ, занятый изученіемъ свѣтскихъ произведеній, совершенно не зналъ священныхъ Писаній; а вѣдь никто не можетъ разсуждать хорошо о томъ, чего не знаетъ. Итакъ, къ чему я, глупый и безразсудный, берусь исполнить то, чего онъ не могъ? Совсѣмъ нѣтъ! Да и кромѣ того, какъ мнѣ кажется, я еще осторожнѣе и осмотрительнѣе въ томъ отношеніи, что, сознавая слабость силъ своихъ, слѣдовалъ толкованіямъ Оригена; ибо этотъ мужъ написалъ нарочито пять свитковъ толкованій на посланіе Павла къ Галатамъ и кромѣ того десятую книгу Стромать своихъ дополнилъ краткимъ разсужденіемъ о толкованіи этого произведенія. Онъ также составилъ различныя разсужденія и извлеченія, которыя даже сами по себѣ (vel sola) могли бы быть достаточными. Я не говорю о Дидимѣ, моемъ ясновидцѣ, или о Лаодикійцѣ (Аполлинаріи), который недавно вышелъ изъ Церкви; и о древнемъ еретикѣ Александрѣ, а также о Евсевіи Емесскомъ и Θεодорѣ Гераклеискомъ, которые и съ своей стороны оставили нѣкоторые толкованія на это произведеніе. Если бы я изъ нихъ сдѣлалъ даже малое извлеченіе, то получилось бы нѣчто такое, къ чему не слѣдовало бы относиться съ пренебреженіемъ. Но,—признаюсь откровенно (ut simpliciter

fatear),—я перечиталъ все это и, соединяя весьма многое въ умѣ своемъ, а затѣмъ пригласивъ переписчика, я продиктовалъ ему отчасти свое, а отчасти заимствованное, иногда даже не напрягая памяти для воспроизведенія, какъ словъ, такъ и смысла. И только божественное милосердіе мы должны благодарить за то, что не исчезло по нашей неопытности то хорошее, что было сказано другими, а между заимствованнымъ изъ чужого [намъ] не нравилось то, что нравилось между своимъ собственнымъ.—Опредѣляя кратко ходъ мысли этого посланія, я этимъ предисловіемъ указываю вамъ, чтобы вы знали, что предметъ (materiam) посланія Павла къ Галатамъ тотъ же самый, какъ и его писанія къ Римлянамъ. Но между тѣмъ и другимъ нужно различать то, что въ послѣднемъ посланіи мы видимъ болѣе возвышенный смыслъ и пользованіе болѣе глубокими доказательствами, а въ первомъ онъ,—обращаясь письменно какъ бы къ тѣмъ, о которыхъ далѣе онъ говорить: *О несмысленные Галаты и: Вы такъ неразумны*,—такъ направляетъ свою рѣчь, что скорѣе запрещаетъ, чѣмъ поучаетъ; и ту рѣчь, которую могли понять и недалекіе люди, какъ всеобще доступныя разсужденія, онъ облекаетъ въ общепонятныя обороты, и тѣхъ, которыхъ невозможно убѣдить силою разума, призываетъ къ послушанію властному слову (auctoritas). И дѣйствительно, нѣтъ ни одной рѣчи Апостола, содержащейся ли въ посланіи, или произнесенной имъ лично при посѣщеніи (vel per Epistolam vel praesentis), въ которой онъ не стремился бы научить, что тяготы древняго Закона устранены, и все то, что было въ образахъ и прообразахъ, какъ на примѣръ: субботній покой, унижительный обрядъ обрѣзанія, повтореніе празднованій первыхъ дней и трехъ праздниковъ, точное распредѣленіе и предписаніе родовъ пищи и каждодневное омовеніе загрязнявшихся сосудов,—все это прекратилось съ наступленіемъ благодати Евангелія, которую подаетъ (человѣку) не кровь закалаемыхъ животныхъ, а вѣра души вѣрующей. Тогда какъ въ другихъ мѣстахъ отчасти,—

и какъ будто этотъ вопросъ представляется иначе,—[Апостоль] разсуждаетъ о немъ только мимоходомъ и почти кратко; въ этихъ двухъ посланіяхъ, какъ я сказалъ, содержится преимущественно [ученіе] о прекращеніи древняго Закона и введеніи Евангелія; однако посланіе къ Галатамъ имѣетъ ту особенность, что оно писано не къ тѣмъ, которые изъ Іудеевъ увѣровали во Христа и при этомъ полагали, что необходимо хранить отеческую обрядность, а къ тѣмъ, которые приняли вѣру Евангелія изъ язычниковъ, но отнали снова; они были утрашены настоятельными увѣреніями нѣкоторыхъ людей, будто Петръ и Іаковъ, а также всѣ церкви въ Іудеѣ смѣшали евангеліе Христово съ ветхимъ Закономъ; будто бы даже и самъ Павелъ одно дѣлаетъ въ Іудеѣ, а другое проповѣдуетъ язычникамъ, и что они [Галаты] тщетно вѣрують въ Распятаго, если полагають, что можно съ небреженіемъ относиться къ тому, что соблюдаютъ первоверховные Апостолы (*principes Apostolorum*). По этой причинѣ [Апостоль Павелъ], столь осмотрительно занимаетъ средину между тѣмъ и другимъ, чтобы, съ одной стороны, не погубить благодати Евангелія подъ давленіемъ важности и значенія [для язычниковъ] древнихъ т. е. предковъ, а съ другой стороны, не нанести удара тѣмъ, которые проповѣдали прежде него, чрезъ твердую защиту дѣла благодати; поэтому онъ идетъ косвеннымъ путемъ и какъ бы по скрытымъ подъ землею ходамъ, чтобы и Петра научить ради ввѣренныхъ ему людей обрѣзанія [Іудеевъ] дѣйствовать такъ, чтобы они, быстро отказавшись отъ прежняго обычая, не соблазвились до степени невѣрія въ крестъ Христовъ; и относительно себя показать, что ему, какъ имѣющему повелѣніе проповѣдать язычникамъ, должно въ видахъ распространенія истины защищать то, что тотъ [Петръ] дѣлалъ ради исполненія своего служенія. Вотъ этого совершенно не понялъ извѣстный житель Батанеи, богохульный Порфирій; въ первой книгѣ своего произведенія противъ насъ онъ высказалъ упрекъ, что будто Петръ былъ пори-

цаемъ Павломъ за то, что онъ не прямою стопою шелъ при проповѣданіи Евангелія: онъ хотѣлъ на Петра набросить клеймо заблужденія, а Павлу бросить упрекъ въ злословіи, и вообще обвинить ихъ обоихъ въ измышленіи ложнаго ученія, такъ какъ будто бы сами предстоятели церквей разногласили между собою. Съ помощью молитвъ вашихъ мы теперь касаемся только слегка смысла этого мѣста, а въ своемъ мѣстѣ изслѣдуетъ его болѣе подробно. Но уже время приступить къ раскрытію каждаго мѣста въ отдѣльности, полагая въ основу слова самого Апостола.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Глава I.—Стихъ 1: *Павелъ Апостолъ* [т. е. посланный] *не отъ людей и не чрезъ человека, но отъ Иисуса Христа и Бога Отца, Который воздвигъ Его отъ мертвыхъ.*—Не влѣдствіе гордости,—какъ полагаютъ нѣкоторые,—а по необходимости онъ представляетъ себя, какъ Апостола [посланника] не отъ людей, и не чрезъ человека, а чрезъ Иисуса Христа и Бога Отца, и это именно съ тѣмъ, чтобы такимъ величіемъ [пославшей его] власти привести въ смущеніе тѣхъ, которые болтали на вѣтеръ (*ventilabant*), что Павелъ стоитъ внѣ числа двѣнадцати, и прибавляли, что онъ явился неизвѣстно откуда, или что онъ былъ поставленъ на служеніе (*ordinatum*) старѣйшими [его]. Но можно думать, что косвеннымъ образомъ здѣсь сказано и относительно Петра, и другихъ [Апостоловъ], что ему, Павлу, проповѣданіе Евангелія вручено не Апостолами, а самимъ Иисусомъ Христомъ, Который и ихъ поставилъ Апостолами. А все это поставлено въ началѣ посланія для того, чтобы никто не могъ ему, Павлу, возражать,—когда онъ говоритъ противъ тягостей Закона въ защиту благодати Евангелія,—[въ такомъ, напр., родѣ]: „Но это Петръ сказалъ“, „а это постановили Апостолы“, „а это опредѣлили твои предшественники“. И дѣйствительно, въ даль-

нѣйшей рѣчи эту мысль, теперь предпосланную скрыто, онъ дѣлаетъ болѣе очевидною: это тогда, когда онъ указываетъ, что онъ ничего не усвоилъ себѣ отъ тѣхъ, которые, повидимому, имѣютъ нѣчто, и когда пишетъ, что въ лице противосталъ Петру, утверждая, что ему нѣтъ никакой нужды дѣлать уступки лицемѣрію Іудеевъ. Поэтому, если нѣкоторымъ кажется безразсудствомъ, что онъ,—будь то даже въ скрытомъ видѣ,—говорилъ противъ Апостоловъ, въ то время, какъ самъ направился [или: направлялся] въ Іерусалимъ съ цѣлію сравнить свое благовѣствованіе съ ихъ [Евангелиемъ], чтобы какъ-нибудь не обратить въ ничто свои прошедшіе и настоящіе труды (ne forte in vacuū suggeret aut ciccurrisset),— [поэтому] мы обратимъ свое вниманіе на слѣдующее. До того дня патріархи Іудеевъ посылали Апостоловъ [къ Галатамъ]; отъ нихъ то, по моему мнѣнію, тогда развращенные изъ Галатовъ приняли обычай соблюдать предписанія Закона, а можетъ быть и другой кто изъ Іудеевъ, вѣровавшихъ во Христа, направился въ Галатію, и увѣрялъ, что Петръ, первоверховный изъ Апостоловъ, и Іаковъ, братъ Господень, соблюдаютъ обряды по предписанію Закона. Посему для необходимаго отличія тѣхъ,—которые посылаются отъ людей,—Апостоль отъ себя,—посланнаго Христомъ,—дѣлаетъ такое вступленіе: *Павелъ Апостоль не отъ людей и не чрезъ человека; а Апостоль, т. е. посланный.*—слово свойственное и Еврейскому языку: это также значить и *Silas* [или: *Silai*], которому дано отъ посланія имя: *посланный*. По свидѣтельству Евреевъ, между ними также есть пророки и нѣкоторые святые мужи, которые одновременно суть и апостолы, и пророки, а другіе только пророки. Такъ (denique) Моисею говорится: *Я пошлю тебя къ фараону (Исх. III, 10, 11)*, и онъ отвѣчаетъ: *усмотри другого, котораго Ты пошлешь*; также и Исаи говорится отъ Бога: *Кого Я пошлю, и кто пойдетъ къ этому народу (Ис. VI, 8)*; [сіи два] являются и апостолами, и пророками. Посему также Іоанна Крестителя должно называть и пророкомъ, и апосто-

ломъ, хотя Св. Писаніе говоритъ: *Человѣкъ былъ посланъ отъ Бога, котораго имя: Іоаннъ (Іоан. I, 6)*. А въ посланіи къ Евреямъ (гл. III) [Апостолъ] Павелъ вопреки своему обыкновенію не назвалъ и своего имени, и не предпослалъ наименованія себя Апостоломъ; это потому, что онъ имѣлъ въ виду говорить о Христѣ: *Итакъ, имѣя Первосвященника [великаго] и Посланника [Апостола] исповѣданія нашего Іисуса*; кромѣ того было и неприлично представлять Павла Апостоломъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ Христосъ долженъ былъ получить имя Апостола. Но есть четыре рода апостоловъ. Одинъ родъ это—тѣ, которые *не отъ* людей и *не чрезъ* человѣка, а *отъ* Іисуса Христа и Бога Отца; другой родъ это—тѣ, которые *отъ* Бога, *но чрезъ* человѣка; третій это—тѣ, которые *отъ* человѣка, а *не отъ* Бога; четвертый это—тѣ, которые *и не отъ* Бога, *и не чрезъ* человѣка, *и не отъ* человѣка, а отъ самого себя. Къ числу Апостоловъ перваго рода относится Исаія и прочіе пророки, и самъ Апостолъ Павелъ, который не отъ людей и не чрезъ человѣка, а посланъ отъ Іисуса Христа и Бога Отца; ко второму роду [относится] Іисусъ, сынъ Навина, который поставленъ Апостоломъ, правда, отъ Бога, но чрезъ человѣка Моисея. Къ третьему роду относится тотъ, который поставленъ (ordipatus) по благорасположенію и стараніямъ людей. Такъ (Ut) нынѣ мы видимъ весьма многихъ, которые призваны къ священству не по Божественному суду, а по подкупленному голосу простаго народа. Къ четвертому роду относятся лжепророки и лжеапостолы, о которыхъ Апостолъ говоритъ: *Лжеапостолы этого рода, дѣлатели неправды, преображающіе себя въ апостоловъ Христовыхъ [суть тѣ], которые говорятъ: „Сіе говоритъ Господь“. А Господь не послалъ ихъ (2 Коринѣ. XI, 13)*¹⁾. Но Апостолъ Павелъ не таковъ,

¹⁾ Въ указанномъ мѣстѣ нѣтъ словъ: *которые говорятъ* и т. д. смотр. 2 Коринѣ. XI, 13 по греческому, латинскому и славянскому текстамъ

потому что онъ посланъ и не отъ людей, и не чрезъ чело-
вѣка, а отъ Бога Отца чрезъ Іисуса Христа. Изъ этого под-
тверждается та,—въ опроверженіе ереси Евіона и Фотина,—
мысль, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ есть Богъ; въ
самомъ дѣлѣ (dum) Апостоль, посланный для проповѣданія
Евангелія Іисусомъ Христомъ, отрицаетъ посланіе свое отъ
человѣка. Этимъ мѣстомъ пользуются и другія ереси,
которыя, доказывая, что плоть Іисуса Христа была только
призрачною (putativam), утверждаютъ, что Христосъ былъ
Богомъ, а не человѣкомъ; то же должно сказать и о новой
ереси, которая утверждаетъ, что дѣло Христа было дѣломъ
только наполовину (dimidiatam). Такимъ образомъ въра Цер-
кви поставлена подъ удары столькихъ ложныхъ ученій, что,
если она будетъ исповѣдать Христа человѣкомъ, то неожиданно
выступаютъ Евіонъ и Фотинъ; если же она усиливается доказать,
что Онъ есть Богъ, то внезапно выплываютъ [какъ пузыри
въ кипятокѣ] сочинители новаго ученія: Манихей и Маркіонъ.
Посему пусть они одновременно вмѣстѣ выслушаютъ, что
Христосъ есть и Богъ, и человѣкъ. Это не то, что въ Немъ
одно—Богъ, а другое—человѣкъ, а то, что, бывший всегда
Богомъ, ради нашего спасенія удостоилъ Самъ сдѣлаться чело-
вѣкомъ. Должно знать, что въ „Апостоль“ Маркіона ¹⁾ не
написано: и чрезъ Бога Отца, такъ какъ онъ хотѣлъ пока-
зать, что Христосъ воздвигнуть [изъ мертвыхъ] не отъ Бо-
га Отца, а Самъ Собою, соотвѣтственно тому, что сказано
Имъ: *Разорите храмъ сей, и Я въ три дня воздвигну его*
(Іоан. II, 19), какъ и въ другомъ мѣстѣ: *Никто не воз-
метъ души Моей отъ Меня, но Я полагаю ее Самъ Собою.*
*Я имѣю власть положить ее, и имѣю власть снова при-
нять ее* (Іоан. X, 18).

¹⁾ Здѣсь разумѣется сборникъ десяти посланій Апостола Павла, которыми пользовались маркіониты.

Стихъ 2: *И всѣхъ братья, находящіеся со мною церквамъ [или: Церкви] въ Галатіи.*—Въ началѣ другихъ посланій поставляются Сосвѣтъ, Сильванъ, иногда Тимоѳей; и только въ этомъ въ виду важности значенія весьма многихъ Апостолъ называетъ всѣхъ братьевъ. Можетъ быть они и сами были изъ числа обрѣзанныхъ, и со стороны Галатовъ не считались достойными презрѣнія. Дѣйствительно, вѣдь для исправленія народа весьма много значить мнѣніе многихъ и согласіе ихъ въ одномъ дѣлѣ. А относительно его словъ: *къ церквамъ въ Галатіи* должно замѣтить и то, что здѣсь только вообще онъ пишетъ не къ одной Церкви, одного города, а къ церквамъ всей области, также и то, что онъ называетъ ихъ церквами, хотя потомъ обличаетъ ихъ, какъ подвергшіяся заблужденію. Изъ этого послѣдняго должно заключить, что церковью можетъ быть называемо нѣчто двоякое: и та церковь, которая не имѣетъ сѣверны или порока и есть по-истинѣ тѣло Христово, и та, которая во имя Христово собирается, не имѣя полноты совершенныхъ добродѣтелей (*Ефес. V. 27*). Такимъ же образомъ (*quomodo*) и мудрые въ двоякомъ отношеніи называются такъ: и тѣ, которые отличаются полною и совершенною добродѣтелью, и тѣ, которые начинаютъ и могутъ быть отнесены къ движущимся впередъ. О совершенныхъ говорится: *Пошлю къ вамъ мудрыхъ* (*Лук. XI, 49*). О недостигшихъ мудрости говорится: *Обличай премудраго и возлюбитъ тебя* (*Притч. VIII, 9*). Въ самомъ дѣлѣ, тотъ, который имѣетъ полную и совершенную добродѣтель не нуждается въ исправленіи. Соответственно такому значенію должно имѣть въ виду также и прочія добродѣтели, т. е. (*quod scilicet*) крѣпкій, благоразумный, благочестивый, неспроchnый, праведный и воздержный понимаются то въ полномъ значеніи слова, то въ ограниченномъ смыслѣ.

Стихъ 3: *Благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца и Господа нашего Іисуса Христа.*—Не такъ, какъ въ прочихъ посланіяхъ, онъ полагаетъ благодать Бога Отца и Го-

спода нашего Іисуса Христа и миръ, чрезъ который безъ нашихъ, имѣющихъ значеніе заслуги дѣлъ (*absque opere merito*) и прежніе грѣхи намъ прощены, и послѣ прощенія поданъ миръ; наоборотъ, онъ уже благоразумно ведетъ дѣло [обличенія] противъ тѣхъ, которые были прежде расположены въ пользу Закона и думали, что могутъ оправдаться отъ дѣлъ [Закона]; это съ тою цѣлю, чтобы они знали, что они спасены по благодати и должны твердо стоять въ томъ, что начали дѣлать.

Стихъ 4: *Который предалъ Себя Самого за наши грѣхи, чтобы исторгнуть насъ отъ настоящаго вѣка лукаваго по волю Бога и Отца нашего, Которому слава во вѣки вѣковъ Аминь.*—Ни Сынъ не предалъ Себя за наши грѣхи безъ воли Отца, ни Отецъ не предалъ Сына безъ воли Сына. Но въ томъ и проявилась воля Сына, чтобы исполнить волю Отца, какъ Онъ Самъ говоритъ въ Псалмѣ: *Я восхотѣлъ исполнить волю Твою, Боже Мой (Псал. XXXIX, 9).* А Сынъ предалъ Себя, чтобы бывшую въ насъ неправду Самому замѣнить оправданіемъ. Премудрость предала Себя, чтобы побѣдить неразуміе. Святость и Крѣпость принесла Себя въ жертву, чтобы уничтожить скверну и немощь. При этомъ Онъ освободилъ насъ не только въ будущей жизни, какъ мы вѣруемъ соотвѣтственно данному намъ упованію, но даже и здѣсь, въ этой жизни, когда мы, умирая со Христомъ, преобразуемся новыми чувствованіями; перестаемъ быть отъ міра сего, который соотвѣтственно этому (*merito*) и не любитъ насъ. Спрашивается: какимъ образомъ настоящій вѣкъ названъ злымъ, лукавымъ? Дѣло въ томъ, что нѣкоторые еретики находятъ обыкновенно въ этомъ поводъ къ тому, чтобы утверждать, что Творецъ свѣта и будущаго вѣка былъ одинъ, а творецъ тьмы и вѣка настоящаго—другой. А мы утверждаемъ, что лукавымъ называется не столько самый этотъ вѣкъ, слагающійся изъ дней и ночей, годовъ и мѣсяцевъ, сколько то, что происходитъ въ [этомъ] вѣкѣ

по соотвѣтствію имени (δρῶνδρως); какимъ образомъ говорится, что для каждаго дня достаточно его злобы (Мѡ. VI, 34), и что дни Іакова были кратки и бѣдственны (Быт. XLVII, 9)? Не потому, конечно, что промежутокъ времени жизни Іакова былъ несчастнымъ, а потому, что пережитое имъ было перенесеніемъ различныхъ испытаній. Конечно, то время, когда онъ былъ въ тяжелой работѣ ради полученія себѣ жень и переносилъ многія притѣсненія (Быт. XXIX—XXXI), для Исава было временемъ спокойствія, и такимъ образомъ одно и то же время для одного было хорошимъ, а для другого—дурнымъ; и въ Екклесіастѣ написано: *Не говори, что дни мои прежніе* (p̄iōges) [или: худшіе—rejoies] *были хороши сравнительно съ этими* (Еккл. VII, 10), только съ тою цѣлію, чтобы различить [доброе] отъ злого. Посему и Іоаннъ говоритъ: *Всѣ міръ во злѣ лежатъ* (Іоан. V, 19). Это не то значить, что самъ міръ есть зло, а то, что зло въ мірѣ бываетъ отъ людей, которые говорятъ: *Будетъ ѣсть и пить, ибо завтра умремъ* (Ис. XXII, 17); да и самъ Апостолъ Павелъ говоритъ: *Испытывая время, потому что дни—лукавы* (Ефес. V, 16). Поэтому подвергаются ругательствамъ и тѣнистыя горы, когда онѣ наполнены разбойническими дѣлами, не потому, что земля и лѣса впадаютъ въ грѣхъ, а потому, что мѣстамъ этимъ прпевоено безславіе за чело-вѣкоубійство. Мы ненавидимъ и мечъ, которымъ пролита кровь чело-вѣческая, и чашу, въ которой растворенъ ядъ, не вслѣдствіе грѣха меча или чаши, а вслѣдствіе того, что заслужили ненависть тѣ, которые ихъ употребили во зло. Подобно этому и вѣкъ, который есть извѣстное количество времени, не самъ по себѣ называется добрымъ или злымъ, а соотвѣтственно качествамъ тѣхъ, которые живутъ въ течение его. Посему должно съ презрѣніемъ относиться къ измышленіямъ и баснямъ Валентина, который сочинилъ тридцать своихъ эоновъ (αἰῶνας=вѣковъ), потому что Священное Писаніе говоритъ о вѣкахъ (αἰῶνας); онъ утверждаетъ, что

эоны—живыя существа (animalia), и сооѣтственно четверицамъ, восьмерицамъ, десятирицамъ и двадцатерицамъ составилъ такое же число вѣковъ, какое породила плодovitая нечистота Энеиды. Должно также спросить: какое различіе между *вѣкомъ* и *вѣкомъ вѣка*, или *вѣкомъ вѣковъ*, и гдѣ говорится о маломъ количествѣ времени, а гдѣ идетъ рѣчь о вѣчности, потому что на Еврейскомъ языкѣ *olam* (עולם), т. е. *вѣкъ*, обозначаетъ вѣчность тамъ, гдѣ пишется съ вставкою буквы ך (ch), а тамъ, гдѣ пишется безъ буквы ך (ch) обозначаетъ пятидесятый годъ, который они называютъ *юбилейнымъ*. Вотъ почему тотъ Еврей, который ради жены своей и дѣтей и изъ любви къ господину своему назначается въ рабство чрезъ прокалываніе уха, получаетъ повелѣніе быть въ рабствѣ *на вѣкъ*, въ смыслѣ: до пятидесятаго года (*Исх. XXI. 6*) Также и Моавиты, и Аммониты не вступаютъ въ Церковь Господню до пятаго и десятаго погребенія и *на вѣкъ*: потому что съ наступленіемъ юбилея наступалъ конецъ всѣмъ тяжелымъ условіямъ и обязательствамъ (*Второз. XXIII, 3*). Нѣкоторые утверждаютъ, что значеніе словъ: *во вѣки вѣковъ*, то же самое, что и словъ: *во святомъ святыхъ, во небесахъ небесъ, во днѣлахъ днѣхъ, во пѣсняхъ пѣсней*; и какъ есть различіе *неба* въ отношеніи къ тѣмъ, которымъ принадлежитъ небо, и различіе *святилища* во отношеніи къ тому, что болѣе свято, чѣмъ святилище, и различіе дѣяній, которыя по превосходству лучше другихъ дѣяній и пѣсней, которыя возвышаются надъ всѣми пѣснями; такъ есть различіе и между вѣками, которые по сравненію съ вѣками суть вѣка по преимуществу. Итакъ, подъ настоящимъ вѣкомъ разумѣютъ тотъ, который должно исчислять, начиная отъ времени, когда созданы небо и земля, и который протекаетъ до времени окончанія міра, когда Христосъ имѣетъ судить всѣхъ. А иногда отодвигаютъ и далѣе, дѣлая шагъ въ прошедшее, и разсуждая о вѣкахъ прошедшихъ и будущихъ: были ли они добры, или злы, или же будутъ тако-

выми; при этомъ вступали въ разсмотрѣніе столь глубоко-мысленныхъ вопросовъ, что составили даже книги и необъятные свитки (*infinita volumina*) для ихъ разрѣшенія.—А окончаніе предисловія Павла сдѣлано Еврейскимъ словомъ: *Amen* (אמן), которое семьдесятъ переводятъ [обыкновенно] словомъ *γένοιτο*, т. е. *да будетъ*; а Акила словомъ *πεποιστωμένος*—*истинно*, или: *вѣрно*; это слово въ Евангеліи часто употребляется Спасителемъ: Онъ рѣчь Свою утверждаетъ словомъ *amen* (Аминь)

Стихъ 6: *Я удивляюсь, что вы столь скоро отдаля-
етесь (transferimini) отъ Того, который призвалъ васъ къ
благодати Иисуса Христа, въ слѣдъ другого благовѣство-
ванія, которое есть не что иное, какъ то, что являются
нѣкоторые, возмущающіе васъ и желающіе извратить благо-
вѣствованіе Христово.*—Слово отдаленіе (перенесеніе—
translatio) въ первый разъ мы встрѣчаемъ въ книгѣ Бытія
(*Быт* V, 24), гдѣ [говорится]: *Богъ удалилъ (transtulit) Эно-
ха, и онъ не былъ найденъ* Послѣ того также въ книгѣ
Царствъ (3 *Цар.* XXI, 26), гдѣ говорится, какъ жена царя
Ахава Іезавель отдалила его отъ истиннаго богопоклоненія
къ почитанію идоловъ, чтобы онъ сталъ дѣлать все, подобно
тому, что дѣлалъ Аморея, котораго Господь разсѣялъ предъ
лицемъ сыновъ Израиля. Но хотя и то, и другое дѣйствіе
есть удаленіе (*translatio*), однакоже первое [Эноха] есть дѣло
Божіе, а [Ахава]—дѣло діавола. Кто похищается (*trausfertur*)
Богомъ, тотъ не бываетъ найденъ врагами своими, и не
можетъ его похитить строящій козни; вотъ это, по моему
мнѣнію, и значить: *и не былъ найденъ*. А кто похищается
діаволомъ, тотъ переносится въ то, что, повидимому, есть,
а на самомъ дѣлѣ не существуетъ. И мудрецы міра сего
увлеченными (*translatos*) называютъ тѣхъ, которые переносятъ
отъ одного ученія къ другому; такъ и извѣстнаго Діонисія
назвали они *Transpositus* или *Translatus* [*Μεταθέμενος*—
перенесенный, переложенный съ мѣста на мѣсто], т. е. от-

ступившій отъ прежняго убѣжденія (decreto) къ противоположному; это тотъ Діонисій, который первоначально проповѣдалъ ученіе, что скорбь не есть зло; а потомъ, подъ давленіемъ несчастій и терзаемый скорбью, сталъ утверждать, что скорбь есть величайшее изъ всѣхъ золъ.—Итакъ [Апостоль] Павелъ удивляется, что [Галаты] увлечены отъ свободы Евангелія въ рабство дѣль Закона; а потомъ удивляется тому, что они увлечены столь скоро, потому что не одна и та же отвѣтственность лежитъ на томъ, который съ трудомъ поддается увлеченію со стороны другого, и на томъ, который увлекается быстро; то же самое (ut) и во время мученичества: не одна и та же вина лежитъ на томъ, кто безъ борьбы и истязаній быстро переходитъ къ отреченію отъ вѣры, и на томъ, кто чрезъ дыбы (equuleos), четвертовальныя колеса (fidiculos) и огонь растерзанъ и вынужденъ отречься отъ того, во чтó вѣровалъ. Проповѣданіе Евангелія было еще сравнительно новымъ; еще не великъ былъ промежутокъ послѣ того, когда Апостоль увлекъ Галатовъ отъ идоловъ къ Христу. Итакъ онъ удивляется, какимъ образомъ они столь скоро отступили отъ Того, по имени Котораго недавно еще сдѣлались Христіанами. Это мѣсто заключаетъ въ себѣ оборотъ рѣчи, называемый *перестановкою* словъ (ὀπέρβατον), которая въ своемъ собственномъ порядкѣ можетъ быть прочитана такимъ образомъ: „Я удивляюсь, что вы такъ скоро отвлеклись отъ Христа Иисуса, Который призвалъ васъ къ благодати“, говоря: *Я пришелъ призвать къ покаянію не праведныхъ, но грѣшныхъ* (Марк. II, 17). И дѣйствительно, мы спасены благодатию, а не чрезъ Законъ (*Ефес. II, 8, 9*). А увлечены вы къ другому Евангелію, которое не есть иное, потому что все, чтó ложно, не можетъ быть твердо стоящимъ (non subsistit); а то, чтó противно истинѣ, не существуетъ, какъ видно изъ слѣдующаго: *Не передавай, Господи, державы Своей тѣмъ, которые не существуютъ* (Есфир. XIV, 12)? И Господь призвалъ то, чего не было, чтобы вызвать

къ бытію небывшее. Если же о тѣхъ, которые вѣровали въ одного и того же Бога и имѣли одно и то же Писаніе, говорится, что они увлечены къ другому Евангелію, которое не есть Евангеліе, то *что* мы должны думать о Маркіонѣ и другихъ еретикахъ, которые отвергаютъ Творца міра и придумываютъ, что Іисусъ Христосъ есть Христосъ [Помазанникъ] другого Бога. Они погрѣшаютъ и падаютъ не только въ толкованіи Закона и буквального смысла (*litterae*), или въ [ученіи о] борьбѣ плоти и духа; но даже они не согласны въ [ученіи объ] основномъ (*toto*) правѣ Церкви. Но прекрасно говоритъ [Апостоль]: *Это только нѣкоторые, возмущающіе васъ и желающіе извратить Евангеліе Христово.* Они желаютъ, говоритъ онъ, подмѣнить Евангеліе, извратить и произвести возмущеніе; но они этого не въ силахъ сдѣлать, потому что оно таково по природѣ, что не можетъ быть инымъ, какъ только истиннымъ. Всякій истолковывающій Евангеліе иначе по духу и мысли, чѣмъ содержится въ написанномъ, приводитъ вѣрующихъ въ смущеніе и извращаетъ Евангеліе Христово, такъ что стоящее впереди онъ отодвигаетъ назадъ, а то, что стоитъ позади, обращаетъ впередъ. Если кто слѣдуетъ только буквѣ, такъ стоящее позади ставитъ впереди; а если кто прилѣпляется къ толкованіямъ Іудеевъ, тотъ отодвигаетъ назадъ то, что по природѣ своей поставлено впереди. Сверхъ того (*песноп*) и усвоеніе Галатамъ слова *увлеченіе* (*translatio*) весьма подходитъ [къ нимъ]. ибо слово *Галатія* на нашемъ языкѣ значитъ именно увлеченіе, перенесеніе (*translatio*).

Стихъ 8 и 9: *Но хотя бы мы или [даже] ангелъ съ неба сошелъ благовѣствовать вамъ [нѣчто] сверхъ того, что мы благовѣствовали вамъ, да будетъ отлученъ. Какъ мы сказали прежде, такъ и теперь я снова повторяю: Если кто-либо будетъ благовѣствовать вамъ [нѣчто] сверхъ того, что вы приняли, да будетъ отлученъ.*—Эти слова Апостола могутъ быть приняты, какъ нѣкоторое преувеличе-

ніе (hyperbolice), а не въ томъ значеніи, будто апостолъ или ангелъ съ неба могли бы проповѣдать иначе, чѣмъ прежде сказали. Но даже если бы и такъ могло быть, что измѣнились бы и апостолы, и ангелы, однако не должно отступать отъ того, что однажды было принято. [Такъ должно думать] особенно, когда самъ Апостолъ показываетъ твердость своей вѣры, говоря въ другомъ мѣстѣ: *Я знаю, что ни смерть, ни жизнь, ни ангелы, ни владыки, ни настоящее, ни будущее, ни крѣпость, ни высота ни глубина, и никакая другая тварь не можетъ отлучить насъ отъ любви Божіей, которая во Христвъ Іисусъ Господь нашъ* (Римл. VIII, 38). *Истину говорю вамъ, не лгу, такъ какъ совѣсть моя даетъ мнѣ свидѣтельство.* (Римл. IX, 1). Несомнѣнно, что это сказано не тѣмъ, кто могъ бы когда-нибудь отступить отъ вѣры во Христа и отъ любви къ Нему. Но тѣ, которые хотятъ видѣть въ этихъ словахъ истину дѣйствительную, а не предположеніе (καθ' ὑπόθεσιν dictum), т. е., которые хотятъ видѣть мысль, что и Апостолы и даже Ангелы могутъ обратиться къ злу, представляютъ въ доказательство то, что и самъ Апостолъ Павелъ зналъ, что и онъ можетъ пасть, если будетъ жить болѣе нерадиво; это видно изъ его словъ: *Но я покоряю и поработаю тѣло свое, чтобы, проповѣдуя другимъ, мнѣ самому не оказаться осужденнымъ* (1 Коринѣ. IX, 27); [это видно и изъ того,] что и Ангелы, которые не сохранили своего первоначальнаго состоянія ¹⁾, но оставили свое жилище, были спо-

¹⁾ Греческ *ἀρχή*, латинск. *principatus*, въ славянскомъ переведено: *начальство*, въ русскомъ: *достоинство*; въ переводѣ этого мѣста на новыя языки замѣтно нѣкоторое разногласіе: англійскій и польскій переводятъ *первоначальное состояніе* (*first estate, pierwszego stanu*); французскій и итальянскій: *своего происхождения, начала, рода* (*leur origine, loro origine*, т. е. состоянія по роду, происхожденію); нѣмецкій и чешскій: *своего княжества* (*ihr Furstenthum, sveho knížetství*). Мы удержали переводъ большинства, который вполне соответствуетъ греческому *ἀρχή* и латинскому *principatus*; по нашему мнѣнію греческому *ἀρχή* болѣе соответствуетъ латинское *principium*, а не *principatus*.

собны къ измѣненію; въ вѣчныхъ узахъ подь мракомъ соблюдаются они на судъ великаго дня (*Иуд.* I, 6). Только естество Бога одного неизмѣнно, о чемъ пишется такъ: *Ты же—тотъ же самый* (*Псал.* CI, 28), и Самъ Онъ говорить о Себѣ: *Я—Богъ вашъ, и не измѣняюсь* (*Малах.* III, 6). Что палъ свѣтоносный (*lucifer*), который восходитъ утромъ, [это такъ же извѣстно, какъ и то], что Посланный нѣкогда ко всѣмъ народамъ былъ сокрушенъ на землѣ. Извѣстный ученый мужъ Тертуллианъ искусно писалъ относительно этого мѣста противъ Апеллеса и его сестры Филумены, которою овладѣлъ нѣкоторый ангель діавольскаго духа и развращенный; [онъ писалъ], что это тотъ ангель, противъ котораго задолго прежде рожденія Апеллеса Духъ Святыи пророчески изрекъ отлученіе (анаѣему) чрезъ уста Апостола. Затѣмъ *ἀνάθεμα* есть понятіе (*verbum*) собственно Еврейское и употреблено какъ въ книгѣ Іисуса Навина, такъ и въ книгѣ Числъ (*Нав.* VI, 17, 18; *Числ.* XXI, 2, 3), когда Господь повелѣлъ, чтобы все, что было въ Іерихонѣ и принадлежало Модіанитамъ, считалось подь заклятіемъ и отлученіемъ. Спросимъ тѣхъ, которые Христа и Апостола Павла считаютъ Одного—Сыномъ, а другого рабомъ благаго и еще въ то время неизвѣстнаго (?) Бога, Который не хотѣлъ ни злословить (*nesciat maledicere*=проклинать), ни осуждать кого-либо: какимъ образомъ Апостоль Его употребляетъ слово Іудеевъ, т. е. [слово] Творца, и выражаетъ пожеланіе (*velit*), чтобы погибъ или апостоль, или ангель, хотя Самъ Онъ не хотѣлъ мстить. А прибавленіе его: *Какъ мы сказали прежде, такъ и снова я повторяю*, показываетъ, что и въ началѣ Апостоль предостерегалъ отъ того же самаго, т. е. провозгласилъ отлученіе тѣхъ, которые будутъ учить иначе, и теперь послѣ того, какъ обнаружилась такая проповѣдь, онъ произноситъ отлученіе, которое раньше предсказалъ. Поэтому онъ произнесъ отлученіе и себѣ, такъ какъ его обвиняли, будто онъ въ Іудеѣ дѣлаетъ одно, а среди язычниковъ проповѣдуетъ

гое, и противъ Ангела, который, какъ это извѣстно было [всѣмъ], по достоинству выше даже его предшественниковъ Апостоловъ Такъ что, по его словамъ, и значеніе (auctoritas) Петра и Іоанна не должно считаться столь великимъ, когда онъ [Павелъ] ни для себя, учившаго ихъ [Галатовъ] раньше, ни для Ангела не считалъ позволительнымъ проповѣдать иначе сравнительно съ тѣмъ, чему они были научены раньше. Итакъ онъ обозначилъ по имени только себя и Ангела, а прочихъ указалъ безъ имени: *если кто-либо*, говоритъ онъ, *будетъ благовѣствовать вамъ*, чтобы общимъ словомъ [кто-либо] не нанести обиды своимъ предшественникамъ, и, однако, въ скрытомъ видѣ указать ихъ имена.

Стихъ 10: *Въ самомъ дѣлѣ, буду ли я склонять къ себѣ¹⁾ теперь лишь людей или Бога, или я стремлюсь быть приятнымъ для людей? Если бы я еще угождалъ людямъ, то не былъ бы рабомъ Христовымъ.*—Не будемъ думать, что Апостолъ учить насъ по его примѣру презирать сужденіе людей, ибо въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: *Итакъ имѣя страхъ Господень, мы склоняемъ къ себѣ людей, и Богу мы открыты* (2 Корнѣ. V, 11), и извѣстное слово: *Будьте беззаворными для Иудеевъ и язычниковъ, и для Церкви Божіей* (1 Корнѣ. X, 32), *какъ и я угождаю всѣмъ во всемъ, стремясь не къ тому, что мнѣ полезно, но многимъ, чтобы они спаслись* (ст. 33) Но если возможно, чтобы мы одинаково угодили Богу и людямъ, то людямъ должно угождать; если же мы не иначе угождаемъ людямъ, какъ чрезъ неугодное Богу, то должны скорѣе угождать Богу, чѣмъ людямъ. Съ другой стороны, Апостолъ и

¹⁾ Греческое πείθω и латинское: suadeo имѣютъ значеніе: *уговаривать, убѣждать*, и такимъ образомъ склонять на свою сторону; а не: *препирати* (славянское) или: *искать благоволенія* (русск.), которыми переведено это мѣсто. Славянское *препирати* болѣе близко къ смыслу.

самъ присоединяетъ причину того, почему онъ угождаетъ людямъ, говоря: *Стремясь не къ тому, что мнѣ полезно, а къ тому, что полезно многимъ, чтобы они спаслись.* А тотъ, кто, побуждаемый любовію, которая не ищетъ своего, а чужого, угождаетъ всѣмъ, чтобы они спаслись, тотъ несомнѣнно угождаетъ Богу, Который заботится о спасеніи людей. Въ его рѣчи есть и особенное слово *теперь лишь* (modo), нарочито присоединенное здѣсь, показывающее: слѣдуетъ ли, смотря по обстоятельствамъ (pro tempore), угождать или не угождать людямъ; такимъ образомъ тотъ, кто теперь не угоденъ людямъ вслѣдствіе проповѣди евангельской истины, впослѣдствіи будетъ угоденъ имъ вслѣдствіе спасенія весьма многихъ людей. Нѣкогда Павелъ былъ угоденъ Іудеямъ, какъ настоящій ревнитель отеческихъ преданій, ибо онъ прежде безупречно исполнялъ Законъ и имѣлъ пламенную ревность къ обрядамъ и обычаямъ предковъ въ такой степени, что даже принималъ участіе въ побіеніи Стефана камнями, и въ Дамаскѣ стремился, чтобы лишить свободы тѣхъ, которые отреклись отъ Закона (*Дрян. VП, 58; VШ, 1; IX, 1, 2*). Но послѣ превращенія своего изъ гонителя въ сосудъ избранный и начала проповѣданія той вѣры, гонителемъ которой онъ нѣкогда былъ, онъ сталъ ненавистнымъ для Іудеевъ, которые прежде любили его. Вотъ это и значать его слова: „Развѣ я стремлюсь угождать Іудеямъ, вслѣдствіе ненависти которыхъ ко мнѣ я сдѣлался угоднымъ Богу? Вѣдь если бы я былъ угоденъ имъ, то не былъ бы рабомъ Христовымъ; потому что я утверждалъ бы Законъ, разрушая благодать Евангелія; по этой же причинѣ я не стремлюсь къ сохраненію Закона. Я не могу одинаково угождать Богу и Іудеямъ, потому что тотъ, который бываетъ угоденъ имъ, не бываетъ угоденъ Богу“. Да и самое слово *suadere* взято изъ обыкновеннаго словоупотребленія (humano usu),—именно когда кто-либо имѣющеея у него и однажды усвоенное имъ себѣ старается вну-

шить и другимъ,—это слово употребляется въ весьма многихъ мѣстахъ Писанія, къ числу которыхъ относится и слѣдующее: *Убѣжденіе* (suasio) *происходитъ не отъ того, Который призвалъ васъ* (Галат. V, 8); то же самое и въ квигѣ Дѣяній Апостоловъ: *Итакъ приходили къ нему въ страннопрімницу многие Іудеи, которымъ онъ изъяснялъ, подкрѣпляя свидѣльствами, царство Божіе и убѣждая ихъ относительно Іисуса* [свидѣльствами] *изъ Закона Моисеева и пророковъ до самаго вечера* (Дѣян. XXVIII, 23). Все это онъ дѣлалъ потому, что о немъ былъ распространень слухъ, будто онъ тайно соблюдаетъ предписанія закона и въ Іерусалимѣ присоединяется къ числу Іудействующихъ

Стихи 11, 12: *Ибо я извѣщаю васъ, братіе, что благовѣствованіе, провозвѣщенное Мною, не есть по происхожденію отъ человѣка, потому что не отъ человѣка я принялъ его и научился ему, но чрезъ откровеніе отъ Іисуса Христа.*—На основаніи этого мѣста сокрушается ученіе Эвіона и Фотина, [ибо это мѣсто свидѣльствуетъ,] что Христось есть Богъ, а не человѣкъ только. Въ самомъ дѣлѣ, если благовѣствованіе Павла происходитъ не отъ человѣка, и если онъ принялъ его и научился ему не отъ человѣка, а чрезъ откровеніе Іисуса Христа, то, безъ сомнѣнія, Іисусъ Христось, открывшій Павлу благовѣствованіе, не есть человѣкъ. А если Онъ не есть человѣкъ, то слѣдуетъ, что Онъ—Богъ. Но этимъ мы не отвергаемъ того ученія, что Онъ воспринялъ [естество] человѣка, а отвергаемъ только то ученіе, по которому Онъ былъ только человѣкомъ. Спрашивается: Приняли ли Церкви всего міра благовѣствованіе отъ Бога, или отъ человѣка? Въ самомъ дѣлѣ, кто изъ насъ былъ наученъ чрезъ откровеніе Христова, а не получилъ знаніе чрезъ проповѣдь человѣческую? На этотъ вопросъ мы отвѣтимъ, что тѣ, которые могутъ сказать: *Развѣ вы ищите доказательства Того, Который, какъ Христось,*

говоритъ во мнѣ (2 Корнѣ. XIII, 3), и: *Но живу уже не я, а живетъ во мнѣ Христосъ* (Галат. II, 20),—[эти] учили не столько сами, сколько [живущій] въ нихъ Богъ, который говоритъ святымъ: *Я сказалъ: вы—боги, и вы всѣ—сыны Вышняго* (Псал. LXXXI, 6), и вслѣдъ затѣмъ о грѣшникахъ: *Вы же, какъ люди, умрете и падете, какъ одинъ изъ первенствующихъ*. Итакъ, когда говоритъ Павелъ и Петръ, которые не умираютъ, какъ люди, и не падаютъ, какъ одинъ изъ первенствующихъ, то очевидно, что они—боги. А тѣ, которые суть боги, преподаютъ благовѣстіе не человѣческое, а Божіе. Маркіонъ и Василидъ, и прочая еретическая зараза не имѣютъ благовѣствованія Божія, потому что они не имѣютъ Духа Святаго, безъ Котораго проповѣдуемое ими благовѣстіе является человѣческимъ. И при этомъ не будемъ думать, что Евангеліе заключается въ словахъ Писанія, а въ его смыслѣ, не въ поверхностномъ значеніи, а во внутреннѣйшемъ содержаніи, не во внѣшнихъ покровахъ (foliis) рѣчи, а въ корнѣ его смысла. О Богѣ говорится у пророка: *Слова Его благи въ отношеніи къ нему* (Мих. II, 7, по LXX). Писаніе тогда полезно для слушающихъ, когда оно не провозглашается безъ Христа; когда оно не предлагается безъ Отца, и когда проповѣдающій не внушаетъ его другимъ безъ Духа [Святаго] Въ противномъ случаѣ по слову Іезекіиля (Іезек. XIII, 18) и діаволь, говорящій отъ Писаній, и всѣ ереси приготовляютъ себѣ изъ него удобную опору (consuunt cervicalia=сшиваютъ изголовье), которую подкладываютъ подъ руку (subitum) людей всякаго возраста. Также и самъ я,—который говорю,—если я имѣю въ себѣ Христа, то имѣю благовѣствованіе не человѣческое; а если я—грѣшникъ, то мнѣ говорится: *Господь сказалъ грѣшнику: Почему ты провозглашаешь оправданія Мои, и принимаешь въ уста свои Заветъ Мой? А самъ возненавидѣлъ наставленіе и бросилъ позади себя слова Мои* (Псал. XLIX, 16, 17) и проч. слѣдующее за тѣмъ. Весьма опас-

но проповѣдать въ Церкви, потому что вслѣдствіе превратнаго толкованія изъ благовѣствованія Христова можетъ быть сдѣлано благовѣствованіе человѣческое, или, — что еще хуже, — дѣвольское. А между *воспринимать* и *научаться* есть то различіе, что воспринимаетъ благовѣствованіе тотъ, которому оно сначала внушается и въ которомъ возводится на степень вѣры, такъ что онъ вѣритъ, что написанное принадлежитъ вамъ. А научается тотъ, кто познаетъ ясно и раздѣльно представленное въ немъ подъ образами гаданій и притчей, и познаетъ не по откровенію человѣческому, а по откровенію отъ Христа, Который открылъ Павлу, или чрезъ Павла, въ которомъ говоритъ Христосъ. И самое слово *ἀποκάλυψις*, т. е. *откровеніе*, есть слово свойственное исключительно Писанію, а не заимствованное у Грековъ отъ какого-либо изъ свѣтскихъ мудрецовъ. Поэтому, кажется мнѣ, какъ въ другихъ словахъ, которые LXX толковниковъ перевели на Греческій языкъ съ Еврейскаго, такъ и въ этомъ особенно, они стремились къ тому, чтобы выразить особія свойства иностранной рѣчи, изыскивая новыя слова для новыхъ предметовъ, и дать значеніе, когда что-либо тайное и прикровенное, по удаленіи вѣшняго покрывала, дѣлалось яснымъ и выводилось на свѣтъ. Для объясненія этого вотъ примѣръ. Моисей бесѣдовалъ съ Богомъ съ открытымъ лицомъ, т. е. безъ покрывала (*Исх.* XXXIII, XXXIV); но, обращаясь къ народу, онъ возлагалъ на свое лице покрывало, потому что народъ не имѣлъ силы смотрѣть прямо въ лицо ему (*Числ.* IV). Такъ же и предъ ковчегомъ Завета была растянута завѣса; и когда она была удаляема, то скрытое прежде выставлялось на видъ, и, — воспользуемся этимъ самымъ словомъ, — *открывалось* (*revelabantur*). Итакъ, если тѣ, которые привыкли читать сочиненія краснорѣчивыхъ людей свѣтскихъ, начнутъ издѣваться надъ новизною и безыскусственностію нашей рѣчи, то мы отошлемъ ихъ къ книгамъ Цицерона, относящимся къ философскимъ вопросамъ; и они увидятъ, какъ велика была

необходимость употреблять тамъ столь большое число диковинныхъ словъ, которыхъ ухо латинскаго человѣка никогда не слышало; и это тогда, когда онъ переводилъ съ греческаго языка, который близокъ къ намъ. А что должны были перенести тѣ, которые пытались выразить особенности трудныхъ Еврейскихъ оборотовъ? И тѣмъ не менѣе въ столь многихъ свиткахъ Писаній находится гораздо меньше словъ, которыя дышатъ новизною, чѣмъ тѣхъ, которыя Цицеронъ собралъ въ [своей] маленькой книгѣ. Затѣмъ, какъ мы сказали и въ началѣ, при толкованіи словъ: *Павелъ, посланный не отъ людей и не чрезъ человека*, такъ и теперь слово его можетъ быть понято прикровенно въ отношеніи къ Апостолу Петру и прочимъ его, Павла, предшественникамъ въ томъ смыслѣ, что онъ, имѣющій наставникомъ въ благовѣствованіи только одного Христа, не былъ подвигнутъ какимъ-либо закономъ или властію (*quod nullius pro Lege et auctoritate moveatur*). Далѣе: онъ указываетъ на то откровеніе, въ которомъ,—во время пути въ Дамаскъ,—удостоился слышать голосъ Христа и пораженный слѣпотою тѣлесныхъ очей, сталъ созерцать свѣтъ міра.

Стихи 13, 14: *Ибо вы слышали о моей жизни въ Иудействѣ нѣкогда: какъ я чрезмѣрно былъ юнителемъ Церкви Божіей и разорялъ ее, и превосходилъ въ Иудействѣ многихъ [своихъ] сверстниковъ въ родѣ моемъ [какъ] болѣе чѣмъ должно ревнующій о моихъ отеческихъ преданіяхъ.*—Такое сообщеніе весьма полезно для Галатовъ, именно о томъ, что Павелъ, опустошитель Церкви Божіей и ревностнѣйшій защитникъ Иудейства, внезапно обратился къ вѣрѣ во Христа. И это въ то время, когда Распятый только что былъ проповѣданъ въ мірѣ, и когда новое ученіе было гонимо и язычниками, и Іудеями всего [тогдашняго] міра. Дѣйствительно, они могли сказать: „Если тотъ, кто съ малаго возраста былъ наставленъ въ правилахъ жизни (*disciplinis*) фарисеевъ; кто въ іудейскихъ преданіяхъ превосходилъ всѣхъ

своихъ сверстниковъ,—[если онъ] теперь защищаетъ Церковь, которую когда то весьма сильно преслѣдовалъ, и предпочитаетъ имѣть благодать и новое ученіе Христа вопреки ненависти всѣхъ, а не [сохранять] старину Закона ради похвалы со стороны многихъ; то что же дѣлать намъ, сдѣлавшимся Христіанами непосредственно изъ язычества? И прекрасны его слова: *Чрезмѣрно преслѣдовалъ Церковь Божию*, такъ что и изъ этого возникаетъ удивленіе [къ нему], потому что не каждый изъ тѣхъ, которые даже были незначительными преслѣдователями Церкви Божіей, обратился къ вѣрѣ, а только тотъ, который превосходилъ въ гоненіи прочихъ. И мудро передаетъ онъ въ своемъ повѣствованіи, что онъ не столько служилъ Закону Божию, сколько отеческимъ, т. е. фарисейскимъ преданіямъ, которыя учатъ ученіямъ и заповѣдямъ человѣческимъ (*Мѡ XV, 9; Мрк. VII, 7—9*). Какъ прекрасны подборъ и значеніе выраженій: *Вы слышали*, говорить, *о моей жизни въ Иудействѣ нѣкогда*; „о жизни“ не: „о благодати“, „нѣкогда“, а не: „теперь“. „въ Иудействѣ“, а не: „въ Законѣ Божіемъ“; *Какъ я чрезмѣрно былъ гонителемъ Церкви Божіей и опустошалъ ее*. Онъ былъ гонителемъ не такъ, какъ прочіе, а „чрезмѣрно“. И онъ какъ будто не удовлетворялся сильнымъ преслѣдованіемъ, но опустошалъ Церковь, какъ будто былъ хищникомъ или разбойникомъ. Также не говоритъ онъ: *Церковь Христову*, какою тогда ее самъ считалъ [или: считали], т. е. происходящую отъ Того, Котораго презиралъ и преслѣдовалъ, а: *Церковь Божию*, соотвѣтственно своей настоящей вѣрѣ; причемъ или указываетъ въ Христѣ Бога, или говоритъ, что она—Церковь Того же самаго Бога, Который нѣкогда далъ Законъ. *И превосходилъ въ Иудействѣ многихъ* [своихъ] *сверстниковъ въ родѣ моемъ*, [какъ] *болѣе чѣмъ должно ревнующій о своихъ отеческихъ преданіяхъ*. И опять онъ называетъ себя превосходящимъ не въ Законѣ Божіемъ, а въ Иудействѣ, и [превосходилъ] не всѣхъ, а весьма многихъ, и не старѣй-

шихъ себя, а своихъ сверстниковъ, такъ что дѣлаетъ указаніе и на свои ревностныя занятія, и вмѣстѣ съ тѣмъ отклоняетъ возможность упрекнуть его въ хвастовствѣ. А говоря объ отеческихъ преданіяхъ, но не о заповѣдяхъ Божіихъ, онъ показываетъ въ себѣ и фарисея изъ фарисеевъ, и имѣющаго ревность Божію, но не по разуму (поп *secundum scientiam*). Даже до настоящаго времени люди, понимающіе Священное Писаніе по-Иудейски преслѣдуютъ Церковь Христову и опустошаютъ ее; они развращены не Закономъ Божіимъ, а преданіями человѣческими.

Стихъ 15 [и начало 16]: *Когда же благоугодно было Тому, Который избралъ меня отъ чрева матери Моей, и призвалъ меня чрезъ благодать Свою, чтобы открыть во мнѣ Сына Своего для того, чтобы я благовѣствовалъ о Немъ среди язычниковъ.*—Не только въ этомъ мѣстѣ, но и въ посланіи къ Римлянамъ Павелъ пишетъ, что онъ избранъ для благовѣстія Божія. И Іеремія,—прежде чѣмъ зачатъ былъ и образовался въ чревѣ матери своей, представляется, какъ извѣстный и освященный отъ Бога (*Іерем* I, 5); также и отъ лица Праведника, или, какъ нѣкоторые думаютъ отъ лица Христа, говорится: *На тебя оставленъ я отъ чрева; отъ утробы матери моей Ты—Богъ мой (Псал. XXI, 11).* А противъ грѣшниковъ Давидъ восклицаетъ: *Ибо вотъ въ беззаконіяхъ я зачатъ, и въ грѣхахъ зачала меня мать моя (Псал. L, 7);* и въ другомъ мѣстѣ: *Со времени пребыванія во чревѣ нечестивые отчуждены [отъ Бога] (Псал. LVII, 4);* наконецъ въ томъ и другомъ значеніи [говорится]: *Богъ Іакова возлюбилъ, а Исава возненавидѣлъ (Малах. I, 1, 2),* прежде чѣмъ дѣти родились [*Римл. IX, 11—13*]. Еретики находятъ въ этомъ мѣстѣ основаніе для признанія нѣсколькихъ различныхъ природъ,—именно: духовной, душевной и земной (*χοικήν*), изъ которыхъ одна спасается, другая погибаетъ, а третья занимаетъ средину между тѣми двумя; они представляютъ дѣло такъ, что праведникъ ни-

когда не былъ бы избранъ, прежде чѣмъ не сдѣлалъ бы какого либо добра, ни грѣшникъ не возбуждалъ бы ненависти прежде совершенія преступленія, если бы природа спасаемыхъ и погибающихъ не была различна. На это мы можемъ отвѣтить просто, что это бываетъ по божественному предвѣденію, такъ что тотъ, въ комъ Онъ предусматриваетъ будущаго праведника, бываетъ возлюбленъ, прежде чѣмъ родится изъ чрева, а будущаго грѣшника Онъ ненавидитъ прежде, чѣмъ тотъ согрѣшитъ; но это не значить, что Богъ бываетъ несправедливъ въ любви и ненависти Своей, а только то, что Онъ по достоинству (*debeat*) разсматриваетъ ихъ не иначе, какъ зная впередъ, что они будутъ или праведниками, или грѣшниками; что Онъ судить не такъ, какъ люди, только о настоящемъ, ибо для Него и будущее есть уже совершившееся, и что Онъ произноситъ Свой приговоръ по послѣдствіямъ дѣйствій, а не по началу ихъ. Это есть наиболѣе простое объясненіе, и безъ другихъ болѣе возвышенныхъ разъясненій оно можетъ быть до нѣкоторой степени достаточно для читателя. Впрочемъ тѣ,—которые стремятся утверждать, что Богъ несправедливъ, на основаніи того, что мы немного выше сказали: *Отъ чрева [матери] грѣшники отчуждены [отъ Бога]*, присоединяютъ также и далѣе слѣдующія слова: *Они заблуждаются отъ утробы [матери], говорятъ ложь*. Эти люди указываютъ на слѣдующее: Какъ это грѣшники заблуждаются прямо отъ чрева матери и говорятъ ложь, когда они еще не могутъ имѣть ни словъ, ни смысла? Или: какова же правда предвѣденія Божія, если Онъ прежде рожденія одного любитъ и сохраняетъ, а другого ненавидитъ? Или же таковыя [еретики] причину такого дѣйствія Божія относятъ къ прежней жизни, будто каждый по заслугъ своей съ самаго рожденія причисляется къ добрымъ или злымъ ангеламъ. Они болтаютъ, что все это мѣсто объ Іаковѣ и Исавѣ, о которомъ мы сейчасъ упомянули, написано Римлянамъ такъ, что на него невозможно дать удовлетворительнаго

отвѣтъ безъ усиленнаго труда и пріема чемерицы Хризиппа [т. е. успокоивающаго средства]. Не одно и то же сказать: *Чтобы открыть Сына Своего во мнѣ* сравнительно съ тѣмъ, если бы сказать: *Чтобы открыть Сына Своего мнѣ*. Дѣйствительно, если кому-нибудь открывается что-нибудь, тому можетъ быть открыто только то, чего въ немъ прежде не было; а если въ комъ-нибудь открывается, то открывается уже прежде бывшее въ немъ, и уже послѣ того, какъ ему открыто. Подобное этому находимъ въ Евангеліи: *Среди васъ стоитъ нѣкто, Котораго вы не знаете* (Іоан. I, 26). И въ другомъ мѣстѣ: *Былъ свѣтъ истинный, который просвѣщаетъ всякаго человека, приходящаго въ міръ* (Іоан. I, 9). Изъ этого видно, что по природѣ всѣмъ людямъ присуще познаніе о Богѣ, и что никто не рождается [духовно] безъ Христа и не имѣетъ въ себѣ премудрости, справедливости и другихъ добродѣтелей. Поэтому хотя многіе безъ вѣры Христовой и Евангелія дѣйствуютъ въ нѣкоторомъ отношеніи мудро и даже свято, напр. [ut], повинуются родителямъ, протягиваютъ руку неимущему, не угнетаютъ ближнихъ, не похищаютъ чужого; тѣмъ не менѣе они болѣе повинны предъ судомъ Божиимъ, ибо, имѣя въ себѣ зародыши (principia) добродѣтелей и сѣмена Божественныя, они не вѣруютъ въ Того, безъ Котораго не могутъ быть. Но открывшійся въ Павлѣ Сынъ Божій можетъ быть понять и въ другомъ смыслѣ (aliter),—именно въ томъ, что чрезъ его проповѣдь язычникамъ сдѣлался извѣстнымъ Тотъ, Котораго они прежде не знали.

Стихъ 16 [окончаніе]: *Тотчасъ же я не положилъ на плоть и кровь*,—или, какъ еще лучше имѣется въ Греческомъ: *Не посоветовался* (contuli, греч. προσανθεδέρην) *съ плотію и кровію* [или: *не доверился плоти и крови*]. Я знаю, что многіе думаютъ, будто это [плоть и кровь] сказано объ Апостолахъ; дѣйствительно и Порфирій возражаетъ, что послѣ откровенія Христова Павлу не было бы пристойно

идти къ Апостоламъ и совѣстно съ ними обсуждать дѣло проповѣди,—т. е. послѣ наученія отъ Господа получить наставленіе отъ плоти и крови. Но сохрани меня Богъ отъ того, чтобы считать Петра, Іакова и Іоанна плотію и кровію, которыя не могутъ наслѣдовать царства Божія (1 Корнѣ. I, 26, 28; [XV, 50]). Дѣйствительно, если бы *духовные* Апостолы были плотію и кровію, то что мы должны думать тогда о *тѣлесныхъ* (χοϊκοῖς)? Итакъ несомнѣнно, что Апостолъ Павелъ послѣ откровенія не положился на плоть и кровь въ томъ смыслѣ, что не хотѣлъ бросать бисера предъ свиньями и давать святыню псамъ (Мѡ. VII, 6). Посмотри, чтó написано о грѣшникахъ: *Не останется Духъ Мой въ людяхъ сихъ, потому что они—плоть и кровь* (Быт. VI, 3). А если съ такими, которые суть плоть и кровь,—не открывшія Петру Сына Божія (Мѡ. XVI, 16),—Апостолъ не совѣтовался о благовѣствованіи, которое ему открыто, но мало-по-малу отъ плоти и крови обратился къ духу; то именно онъ ввѣрилъ имъ сокровенныя святыни (occulta sacramenta) благовѣствованія. Но кто-нибудь, можетъ быть, скажетъ: „Если онъ непосредственно не посовѣтовался о Евангеліи съ плотію и кровію, то подразумѣвается, что послѣ того онъ посовѣтуется съ плотію и кровію, и то значеніе мѣста, по которому отрицается принадлежность Апостоловъ къ плоти и крови, не можетъ держаться, потому что, какъ я сказалъ, тотъ, кто въ началѣ не совѣтовался съ плотію и кровію, по крайней мѣрѣ въ послѣдствіи посовѣтуется съ ними“. Такое предположеніе вынуждаетъ насъ указать такое различіе: мы не должны соединять слово „тотчасъ же“ (*statim* или: *continuo*) съ словами „плоти и крови“, но связывать ихъ съ вышестоящими: *Когда же благоугодно было Тому, Который избралъ Меня отъ чрева матери и потомъ: Чтобы открыть во мнѣ Сына Своего и наконецъ: Чтобы я благовѣствовалъ Его тотчасъ же язычникамъ,* такъ что слова: *Не доверился плоти и крови* являются

собственно началомъ; и преимущественно такъ именно нужно думать, потому что тотъ, который непосредственно послѣ откровенія отъ Христа, чтобы возвѣститъ Евангеліе язычникамъ, не терялъ времени въ какомъ-нибудь промедленіи, идя къ Апостоламъ и совѣщаясь съ людьми объ откровеніи Господнемъ; но удалился въ Аравію, а потомъ, спустя три года проповѣданія, снова возвратился въ Дамаскъ, и вотъ тогда (*tunc demum*), отправившись въ Іерусалимъ, увидалъ Петра, Іакова и Іоанна.

Стихъ 17: *И не пошелъ въ Іерусалимъ къ Апостоламъ, предшественникамъ своимъ.*—Если Апостоль говоритъ: *Не доверился плоти и крови*, то какая нужда была повторять то же самое въ словахъ: *И не пошелъ въ Іерусалимъ къ Апостоламъ, своимъ предшественникамъ?* Итакъ должно держаться того значенія, которое мы выше изложили

Но пошелъ въ Аравію, и снова возвратился въ Дамаскъ.—Повидимому порядокъ событій не совпадаетъ въ томъ отношеніи, что Лука въ Дѣянїяхъ св Апостоловъ сообщаетъ (*Дѣян. IX, 19—27*) такъ: когда Павель, увѣровавъ въ Христа, многіе дни дерзостно проповѣдалъ Евангеліе въ Дамаскъ, то противъ него были устроены козни, и онъ ночью въ корзинѣ былъ спущенъ съ стѣны, а потомъ прибылъ въ Іерусалимъ, пытаясь присоединиться къ ученикамъ. Когда же они избѣгали его, боясь къ нему приступить, то онъ былъ приведенъ къ Апостоламъ Варнавою, и у нихъ сообщилъ, какъ видѣлъ Господа на пути, и какъ въ Дамаскъ съ твердою вѣрою дѣйствовалъ во имя Господа [*или съ прибавленіемъ: Іисуса*]. *Былъ съ ними*, говоритъ онъ, *входя и исходя изъ Іерусалима и съ твердою вѣрою дѣйствуя во имя Господа. Бесѣдовалъ также и состязался съ Греками, а они пытались убить его; когда же братія узнали [объ этомъ], то отвели его въ Кесарію и потомъ отпустили въ Тарсъ* (*Дѣян. IX, 28—30*). А въ посланіи Апостоль говоритъ, что онъ сперва ходилъ въ Аравію и, снова

возвратившись въ Дамаскъ, пришелъ, — спустя три года, — въ Іерусалимъ, видѣлъ Петра и провелъ у него пятнадцать дней. и не встрѣтился ни съ кѣмъ другимъ изъ Апостоловъ, кромѣ Іакова, брата Господа. А что это было дѣйствительно такъ, чтобы вѣровали ему (потому что не бывшимъ съ нимъ это могло показаться сомнительнымъ), онъ утверждаетъ свои слова клятвою: *А то, что я говорю вамъ, вотъ передъ Богомъ, я не измышляю.* Мы, согласно съ повѣствованіемъ Луки, можемъ думать, что Павелъ дѣйствительно былъ въ Іерусалимѣ, но не какъ у Апостоловъ, своихъ предшественниковъ, чтобы научиться отъ нихъ чему-либо, а съ тѣмъ, чтобы отклонить [отъ себя] опасность преслѣдованія, которую онъ навлекъ на себя въ Дамаскъ ради проповѣди Евангелія; и такимъ образомъ онъ пришелъ въ Іерусалимъ, какъ пошелъ бы въ какой-либо другой городъ. А оттуда онъ успѣшно удалился въ Аравію вслѣдствіе козней, или [снова] въ Дамаскъ, откуда спустя три года возвратился въ Іерусалимъ, чтобы повидаться съ Петромъ. Конечно, могло быть и такъ: непосредственно послѣ крещенія и подкрѣпленія себя пищею, онъ въ теченіе нѣсколькихъ дней пробылъ съ учениками въ Дамаскъ и къ изумленію всѣхъ въ Іудейскихъ собраніяхъ (синагогахъ) непосредственно сталъ проповѣдать, что Іисусъ есть Сынъ Божій, а потомъ пошелъ въ Аравію и изъ Аравіи возвратился въ Дамаскъ, гдѣ и пробылъ въ теченіе трехъ лѣтъ, о которыхъ, какъ о дняхъ многихъ, свидѣлствуетъ и Писаніе такъ: *Когда исполнились многіе дни, Іудеи составили совѣщаніе, чтобы умертвить Его* (Дѣян. IX, 23). Но Савлу сдѣлались извѣстны ихъ замыслы, поэтому они день и ночь сторожили двери, чтобы умертвить Его. Поэтому то ученики взяли его ночью и чрезъ стѣну выпустили, спустивъ его въ корзину. А когда онъ пришелъ въ Іерусалимъ, то сдѣлалъ попытку присоединиться къ ученикамъ. Апостолъ Лука можетъ быть потому опустилъ свѣдѣнія объ Аравіи, что [Павелъ] не достигъ тамъ ничего достойнаго проповѣди

Апостольской и предпочель сообщить въ краткихъ словахъ, то, что, по его мнѣнію, было достойно Евангелія Христова. Если даже онъ провелъ время въ Аравіи и безъ особыхъ послѣдствій (*frustra*), то и этого не должно относить къ медлительности Апостола, а къ тому, что можетъ быть было какое-либо повелѣніе и даже заповѣдь отъ Бога относительно молчанія. Ибо и послѣ того мы читаемъ, что Павлу, вышедшему съ Силою, было запрещено отъ Духа Святаго проповѣдать въ Азіи (*Дьян. XVI, 6*) Иначе: *Но поможь въ Аравію и снова возвратился въ Дамаскъ.* Какую пользу приноситъ мнѣ это сообщеніе, если я прочитаю, что Павелъ непосредственно послѣ откровенія Христова отправился въ Аравію, а изъ Аравіи тотчасъ возвратился въ Дамаскъ, ибо я не знаю, почему онъ ходилъ туда, или: какую пользу принесло его хожденіе и возвращеніе? Самъ Апостоль даетъ мнѣ поводъ къ вышему пониманію [этого мѣста] въ томъ же самомъ посланіи, когда разсуждаетъ объ Авраамѣ, Агари и Саррѣ: *Дѣйствительно, это выражено иносказательно, ибо здѣсь два Завета,—именно: одинъ отъ горы Синайской рождающій въ рабство, это—Агарь, потому что Синай есть гора въ Аравіи; она соединена [духовно] съ тою, которая нынѣ въ Іерусалимѣ (Галат. IV, 24, 25).* И онъ учитъ, что Ветхій Завѣтъ, т. е. сынъ рабыни установленъ въ Аравіи, что значить: *униженная и близкая къ паденію.* Такимъ образомъ Павелъ, какъ только увѣровалъ, обратившись къ Закону, къ Пророкамъ, къ тайнствамъ Ветхаго Завета, уже склонявшагося къ закату, искалъ въ нихъ Христа, проповѣдать Котораго язычникамъ онъ получилъ повелѣніе. Но, открывъ Законъ, онъ не долго оставался въ немъ, а возвратился въ Дамаскъ, т. е. къ крови и страданіямъ Христовымъ, а оттуда подкрѣпленный чтеніемъ пророчествъ направился въ Іерусалимъ, т. е. къ мѣсту *виднѣнія и міра*, не столько для того, чтобы научиться чему-нибудь отъ Апостоловъ, сколько для того, чтобы сравнить свое ученіе Еван-

гелія съ ученіемъ ихъ [Апостоловъ]

Стихъ 18: *Потомъ спустя три года пошелъ въ Иерусалимъ, чтобы увидѣть Петра*,—не съ тѣмъ [конечно], чтобы посмотрѣть на его глаза, щеки, или выраженіе лица, или видѣть: худой ли онъ, или тучный, съ орлинымъ или прямымъ носомъ, покрыто ли его чело волосами, или онъ плѣшивый, какъ объ этомъ сообщаетъ Климентъ въ своихъ „Періодахъ“ Я не признаю, чтобы для Апостольской строгости было важнымъ дѣломъ послѣ столь долгаго—трехлѣтняго—приготовленія желать знакомства съ какою-нибудь человѣческою стороною Петра Но онъ [Павель] созерцалъ его тѣми очами, которыми мы видимъ его въ настоящее время въ его посланіяхъ. Тѣми же очами онъ созерцалъ Кифу, которыми самъ Павель нынѣ созерцается нѣкоторыми благоразумными людьми. А если кому-либо это кажется не такъ, тотъ пусть все это свяжетъ съ вышеуказаннымъ смысломъ: съ тѣмъ, что апостолы ничего ему не сообщили; потому что, если онъ и получилъ повелѣніе идти въ Иерусалимъ, то идти для того, чтобы повидать Апостола не ради наученія отъ него, такъ какъ и у него самого былъ тотъ же самый источникъ (auctorem) проповѣди, но ради возданія чести первому Апостолу.

И пробылъ у него дней пятнадцать.—Ему не было нужно продолжительныхъ наставленій, такъ какъ онъ столь долгое время готовился къ свиданію съ Петромъ. И хотя нѣкоторымъ кажется излишнимъ дѣломъ обращать вниманіе на счетъ чиселъ въ Писаніи, но я полагаю, что не безъ пользы [будетъ замѣтить, что] пятнадцать дней, въ теченіе которыхъ Павель былъ у Петра, обозначаютъ полное знаніе, законченное ученіе. Дѣйствительно, и въ Псалтири есть пятнадцать стиховъ и пятнадцать степеней, чрезъ которыя приступаютъ къ Богу для пѣнія. и праведникъ восходитъ, чтобы пребывать въ жилищахъ Божіихъ Также и Езеція удостоивается получить знаменіе съ помощію

ступеней, когда ему было дано для жизни пятнадцать лѣтъ (*Исаи*, XXXVIII); и празднества Божіи начинались съ пятнадцатаго дня. И кромѣ того (такъ какъ мы слѣдуемъ двоякому пониманію) когда онъ указываетъ пятнадцать дней, то дѣлаетъ это затѣмъ, чтобы показать, что не велико было время, въ теченіе котораго онъ чему-нибудь могъ научиться отъ Петра; такъ что все сводится къ одному и тому же пониманію, съ котораго онъ и началъ: т. е. онъ наученъ не отъ человѣка, а отъ Бога.

Стихъ 19. *А другою изъ Апостоловъ не видѣлъ никого, кромѣ Иакови, брата Господа.*—Я вспомнилъ, что когда я былъ въ Римѣ, то по побужденію братьевъ писалъ книгу о непрестанномъ дѣвствѣ святой Маріи. Въ ней мнѣ было необходимо вести продолжительное разсужденіе о тѣхъ, которые названы братьями Господа. Поэтому, каково бы ни было написанное нами, мы должны имъ довольствоваться. Теперь для насъ достаточно только того, что онъ [Иаковъ] названъ братомъ Господнимъ по превосходному своему нраву. по несравненной вѣрѣ и по необыкновенной (non mediâ) мудрости, а также потому, что онъ первымъ предстоятельствомъ въ той Церкви, которую прежде другихъ составили увѣровавшіе во Христа Іудеи. Впрочемъ, и остальные Апостолы называются братьями Господа, напр., (sicut) въ Евангеліи: *Иди, [и] скажи братьямъ Моимъ: Иду къ Отцу Моему и Отцу вашему, и къ Богу Моему и Богу вашему* (*Іоан* XX, 17) И въ Псалмѣ: *Возвѣщу имя Твое братьямъ Моимъ: посреди Церкви буду воспѣвать Тебя* (*Псал.* XXI, 22). Но преимущественно братомъ называется этотъ, такъ какъ ему Господь, отходя къ Отцу, вручилъ сыновъ матери Своей. И подобно тому, какъ Іовъ и прочіе патріархи называются служителями Божіими, но Моисей называется такъ, какъ будто имѣющій нѣчто болѣе превосходное,—такъ что относительно его написано: *Но не какъ Моисей служитель Мой* (*Евр.* III, 5); такъ и бла-

женный Іаковъ въ особенномъ значеніи названъ братомъ Господнимъ (какъ мы прежде сказали). А когда помимо Апостоловъ еще и другіе нѣкоторые называются Апостолами, то причина этого заключается въ слѣдующемъ: Всѣ видѣвшіе Господа и потомъ проповѣдавшіе его, были названы Апостолами, какъ это написано въ посланіи къ Коринѳянамъ: *Что Онъ явился Кифѣ, послѣ этого известнымъ (illis) одинадцати* ¹⁾, *потомъ явился болѣе чѣмъ пятистамъ братьямъ одновременно (simul), изъ которыхъ многіе остаются въ живыхъ еще и до настоящаго времени, и нѣкоторые уже уснули [умерли]: потомъ явился Іакову, потомъ всѣмъ Апостоламъ (1 Корнѳ. XV, 5 и далье).* Дѣйствительно, съ теченіемъ времени, понемногу и въ другихъ мѣстахъ, изъ числа тѣхъ, которыхъ Господь избралъ, были поставлены Апостолы (ordinati sunt apostoli), какъ объ этомъ говоритъ известное слово къ Филиппійцамъ: *Но я счелъ необходимымъ послать къ вамъ брата Епафродита, сотрудника и соратника своего, а вашего Апостола и служителя въ нуждѣ моей (Филип. П, 25).* О такомъ же случаѣ пишется и къ Коринѳянамъ: *Или Апостолы Церкви, слава [или: въ славу] Божія (2 Корнѳ. VIII, 23)* ²⁾. Сила и Іуда также названы Апостолами отъ Апостоловъ. Поэтому очень сильно заблуждался тотъ, который думалъ, что этотъ Іаковъ есть Апостоль, братъ Іоанна, который, какъ известно, пролилъ кровь за Христа послѣ Стефана,—по свидѣтельству (juxta fidem) книги Дѣяній Апостольскихъ (*Дѣян. XII, 2*). А этотъ Іаковъ былъ первымъ епископомъ Іерусалима и имѣлъ про-

¹⁾ *Греческ текстъ: τοῖς δώδεκα (русскій: двѣнадцати); по примѣру греческаго переводятъ на новыя языки: двѣнадцать. Но латинскій и славянскіи удерживаютъ: undecim, единонадесятымъ.*

Примѣч. переводчика.

²⁾ *Греч. и слав. имѣютъ: δόξα Χριστοῦ = слава Христова.*

Примѣчаніе переводчика.

званіе *Праведный*,—человѣкъ, извѣстный такою святостью и пользовавшійся въ народѣ такою славою, что къ краю одежды его ревностно стремились прикоснуться. Это и есть тотъ, который въ послѣдствіи былъ сброшенъ Іудеями съ вершины храма,—имѣлъ преемникомъ Симона, котораго также предали ради распятаго Господа. Итакъ онъ [Павель] говоритъ, что кромѣ этихъ не встрѣчался ни съ кѣмъ изъ Апостоловъ, чтобы не оказалось противорѣчія,—именно: хотя и не былъ наставленъ Петромъ, однако у него были другіе Апостолы въ качествѣ наставниковъ. Но онъ не видался съ ними, и не потому, что руководствовался пренебреженіемъ (*contemptui*), а потому, что они разошлись по всему міру для проповѣди Евангелія.

Стихъ 20: *А то, что я пишу вамъ, вотъ предъ Богомъ, я не лгу.*—Это должно понимать или просто: „То, что я говорю вамъ, истинно, и,—Богъ мнѣ свидѣтель,—не поддѣлано мною ни искусно составленными словами, ни какою-нибудь ложью“; или же это должно понимать въ болѣе возвышенномъ значеніи: „То, что я пишу вамъ, находится предъ лицомъ Божиимъ, то есть достойно созерцанія Божія“. А почему достойно созерцанія Божія? Именно потому, что я не лгу. И такъ какъ *очи Господа обращены на праведниковъ* (*Псал. XXXIII, 16*), а отвращаетъ Онъ лице Свое отъ лица нечестивыхъ; то написанное нынѣ потому предъ лицомъ Божиимъ, что я пишу, не примѣняя лжи. Если бы я лгалъ, то это не было бы предъ лицомъ Божиимъ. И это,—что теперь онъ пишетъ къ Галатамъ,—можетъ быть понимаемо не только относительно того, что онъ пишетъ имъ, но и о всѣхъ вообще посланіяхъ, потому что не должно то, что онъ пишетъ, и его слова, и сердце не находятся въ несогласіи между собою.

Стихъ 21: *Потомъ я пришелъ въ области Сиріи и Вилликіи.*—Послѣ посѣщенія Іерусалима онъ пошелъ въ Сирію, которая значитъ для насъ: *возвышенная, превосходная,*

а оттуда перешелъ въ Киликію, которую пожелалъ принять въ вѣру во Христа, провозглашая ей призывъ къ покаянію, ибо имя Киликіи значитъ *принятіе*, или *горестный плачь*.

Стихъ 22—24: *Но я по лицу не былъ извѣстенъ Церквамъ Іудеи, которыя были во Христа Іисуса; и только онъ слышали, что нѣкогда преслѣдовавшій насъ нынѣ благовѣствуетъ вѣру, которую когда то старался искоренить, и прославляли Бога за меня.*—Церкви, бывшія въ Іудеѣ, знали Павла только по слуху, и весьма многія изъ нихъ видѣли въ немъ скорѣе гонителя, чѣмъ Апостола. Но Сирія, части Киликіи, Аравія и Дамаскъ случайно знали его также и лично, потому что учитель язычниковъ проповѣдалъ благовѣствованіе Христово не Іудеямъ, а язычникамъ. А все то, что онъ дѣлалъ, было слѣдующее: онъ имѣлъ цѣль показать, что никогда онъ изъ преслѣдователя не могъ бы сдѣлаться славнымъ въ глазахъ тѣхъ, которыхъ прежде преслѣдовалъ, если бы его проповѣдь не была одобрена приговоромъ тѣхъ самыхъ, которые раньше знали его злобу (*eius malum poterant*). И онъ скрыто возвращается къ этой цѣли, утверждая, что въ Іудеѣ онъ трудился столь краткое время, что вѣрующимъ былъ неизвѣстенъ даже въ лице. Этимъ онъ показываетъ, что для него учителемъ не былъ ни Петръ, ни Іаковъ, ни Іоаннъ, но Христосъ, открывшій ему Евангеліе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ должно замѣтить, что прежде онъ представляется гонителемъ Церкви, а здѣсь—вѣры, тамъ—людей, а здѣсь—дѣла, такъ что теперь [*или: тогда, т. е. tunc вместо nunc*] съ большимъ удобствомъ говорится: *Благовѣствуетъ вѣру, которую нѣкогда старался искоренить*. Въ самомъ дѣлѣ о Церкви не могло быть сказано подобнымъ образомъ.

Глава II.—Стихи 1, 2: *Потомъ, спустя четырнадцать лѣтъ, снова ходилъ въ Іерусалимъ съ Варнавою, взявъ съ собою и Тита. А ходилъ по откровенію, и совѣщался съ ними о благовѣствованіи, которое я проповѣдую язычни-*

камъ и отдѣльно съ тѣми, которые казались [выдающимися], чтобы случайно не подвизаться мнѣ или не подвизался я напрасно.—То что латинскій переводчикъ выше перевелъ словомъ *успокоился* (*acquiesci*)—въ томъ мѣстѣ, въ которомъ написано: *Тотчасъ я не успокоился* [не положился] *на плоти и крови*, въ настоящемъ мѣстѣ гораздо лучше [чѣмъ то слово] перевелъ словомъ: *совѣщался* [сносился]. Но по правдѣ сказать, греческое слово *ἀνεθέμενον* значить нѣчто иное, чѣмъ понимается это у насъ,—именно: оно обозначаетъ то, что мы совѣщаемся съ другомъ о томъ, что знаемъ, и какъ бы влагаемъ въ его сердце (*sinum*) и совѣсть то, что знаемъ, чтобы совмѣстнымъ обсужденіемъ одобрить или не одобрить. Итакъ, спустя четырнадцать лѣтъ онъ отправился въ Іерусалимъ, и тотъ, который прежде пошелъ только, чтобы повидаться съ Петромъ, говорить, что теперь потому ходилъ, что имѣлъ въ виду посовѣтоваться съ Апостолами о благовѣствованіи, взявъ съ собою обрѣзаннаго Варнаву и изъ язычниковъ Тита, имѣвшаго крайнюю плоть не обрѣзанною, чтобы такимъ образомъ устами двухъ или трехъ свидѣтелей утвердилось (*staret*) всякое слово (*Втор. XIX, 15*). Но иное дѣло посовѣтоваться съ кѣмъ-либо, а иное дѣло научиться [отъ кого либо]. Между совѣщающимися есть равенство; а между учащимъ и учащимся то различіе, что учащійся менѣе того, кто учитъ. Въ началѣ, по обращеніи къ вѣрѣ, онъ видѣлъ Апостоловъ только [такъ сказать] мимоходомъ. А спустя, —какъ самъ онъ говорить,—семнадцать лѣтъ, онъ бесѣдуетъ съ ними обстоятельно (*plane*) и смиренно старается узнать: не понапрасну ли онъ трудился, можетъ быть, или трудится. Онъ прибѣгнулъ къ Апостоламъ—предшественникамъ по двоякой причинѣ: съ одной стороны, чтобы показать смиреніе Павла, хотя онъ уже былъ во всемъ мірѣ учителемъ язычниковъ, а съ другой стороны, чтобы и Галаты узнали, что тѣ, которые предостоятельствова- вали въ Церквахъ Іудей, не отвергли его благовѣствованія.

А вмѣстѣ съ этимъ онъ показываетъ и то, что ради вѣры во Христа и свободы Евангелія онъ осмѣлился привести человѣка необрѣзаннаго Тита къ тѣмъ самымъ, которые знали о немъ многое: что онъ нарушалъ Законъ, возставалъ противъ Моисея и почти совершенно отвергалъ обрѣзаніе. И ни самъ онъ среди столь большого числа Іудеевъ и враговъ своихъ, которые въ пылу видимой ревности къ закону желали пролить его кровь, ни Титъ, не были вынуждены никакимъ страхомъ уступить необходимости, которая могла быть оправдана или въ виду мѣстныхъ условій, или въ силу значенія старѣйшихъ, или въ виду многочисленности Церквей, которыя изъ числа Іудеевъ вѣровали во Христа, или въ виду временныхъ обстоятельствъ,—именно, чтобы не подвергаться такой ненависти. Нѣкоторые утверждаютъ, что онъ спустя четырнадцать лѣтъ ходилъ въ Іерусалимъ, т. е. именно тогда, когда,—по свидѣтельству книги Дѣяній Апостольскихъ—среди вѣрующихъ Антиохіи возникло разсужденіе по вопросу о соблюденіи или несоблюденіи Закона, и благоугодно было пойти въ Іерусалимъ и обождать рѣшенія старѣйшихъ, съ каковою цѣлюю (quando) именно и были посланы самъ Павелъ и Варнава, и что объ этомъ именно и говорится въ латинскихъ собраніяхъ (codicibus) книгъ Св. Писанія: *И мы на время даже согласились подчиниться имъ*¹⁾, *чтобы истина Евангелія пребывала твердою у васъ* (Галат. II, 5), т. е. именно въ томъ смыслѣ, что Павелъ и Варнава согласились на посланіе по дѣлу хотя вполнѣ очевидному, но какъ будто еще сомнительному, съ тою цѣлюю, чтобы благодать Евангелія была утверждена для вѣрующихъ

¹⁾ Греческій, латинскій (Вульгата), славянскій и русскій тексты передаютъ это мѣсто въ отрицательной формѣ: *Мы даже на время не согласились подчиниться имъ* (т. е. вкравшимся лжебратіямъ); а чтеніе, данное въ приводимыхъ бл. Іеронимомъ кодексахъ, предполагаетъ временное желаніе св. Апостола подчиниться рѣшенію Апостоловъ.

также и судомъ старѣйшихъ [Апостоловъ] и чтобы больше ни у кого не оставалось уже сомнѣнія относительно отмѣны обрѣзанія, такъ какъ Апостоламъ было повелѣно снять иго Закона съ увѣровавшихъ во Христа язычниковъ. А слова его: *Совѣщался съ ними о Евангеліи, которое проповѣдую между язычниками, а отдѣльно [совѣщался] съ тѣми, которые казались [выдающимися], чтобы случайно не подвизаться мнѣ или не подвизался я напрасно,*—эти слова могутъ быть поняты и такъ, что онъ тайно обсуждалъ съ Апостолами благодать Евангельской свободы и отжившую старину уничтоженнаго Закона въ виду множества изъ Іудеевъ вѣрующихъ, но еще не могшихъ слышать, что Христосъ есть исполненіе и конецъ Закона; это тѣ, которые въ отсутствіе Апостола Павла распускали молву, будто бы напрасно трудится или трудился тотъ, который полагалъ, что не должно слѣдовать ветхозавѣтному Закону. И это Павелъ [дѣлалъ] не потому, что боялся, будто онъ въ теченіе семнадцати лѣтъ проповѣдалъ ложное благовѣствованіе, но потому, что хотѣлъ показать своимъ предшественникамъ, что онъ,—какъ это полагали не знающіе,—не понапрасну трудился или трудится.

Стихи 3—5: *Однако, и Титъ, бывший со мною даже не былъ вынужденъ обрѣзаться. Но и ради вкравшихся ложныхъ братій, которые вкрались для того, чтобы взывать о помощи противъ свободы нашей, которую мы имѣемъ о Христѣ Иисусѣ, и чтобы возвратить насъ въ рабство, мы не подчинились имъ ни на часъ, чтобы истина Евангелія твердо пребывала у васъ.*—Если Титъ, который былъ изъ язычниковъ, никакими страхами не былъ вынужденъ подвергнуться обрѣзанію въ Іерусалимѣ, т. е. въ главномъ городѣ Іудеевъ, въ которомъ Павелъ за порицаніе Моисея подвергся такой ненависти, что послѣ едва не былъ убитъ Іудеями,—это тогда, когда онъ былъ освобожденъ трибуномъ, и въ узахъ былъ отправленъ въ Римъ, къ Кесарю,—то какимъ образомъ

нѣкоторые думаютъ, что должно читать: *И имъ (quibus) мы на время подчинились, чтобы истина Евангелія пребывала твердо у васъ*, и что Титъ, прежде не могшій быть принужденнымъ къ обрѣзанію, наконецъ былъ вынужденъ и обрѣзанъ? Или что это за истина Евангельская въ томъ, чтобы дѣлать уступку лицемѣрію Іудеевъ, и соблюдать то, что прежде ты считалъ, какъ отбросы (σκύβαλον) и презиралъ, какъ нѣчто достойное осужденія, и видѣть *ничто* въ томъ, что въ дѣйствительности *ничто*. Наконецъ (sed) и самому смыслу этого посланія очень ясно противорѣчить то, что Апостоль какъ будто призываетъ Галатовъ къ обрѣзанію. Всѣмъ построениемъ своей рѣчи онъ хочетъ показать, что онъ,—Еврей изъ Евреевъ, нѣкогда соблюдавшій дѣла Закона, обрѣзанный въ восьмой день по закону фарисеевъ,—однако по благодати Христовой презираетъ все. Дѣйствительно, когда онъ пошелъ въ Іерусалимъ и когда ложные братья,—вѣрующіе [во Христа] изъ числа обрѣзанныхъ,—хотѣли, чтобы онъ обрѣзалъ Тита, то ни онъ, ни Титъ не уступили насилію, чтобы сохранить истину Евангелія. Поэтому, если онъ говорить, будто былъ вынужденъ необходимостію обрѣзать Тита, то какимъ образомъ онъ отклоняетъ Галатовъ отъ того обрѣзанія, отъ котораго въ Іерусалимѣ онъ не могъ избавить Тита, хотя этотъ послѣдній былъ изъ язычниковъ. Итакъ,—или нужно слѣдовать чтенію Греческихъ собраній св. Книгъ: *Имъ мы не подчинились даже и на время*, при чемъ (ut) послѣдовательно можетъ быть понято изреченіе: *Чтобы истина Евангелія пребывала неизмѣнною среди васъ*; или же,—если угодно довѣриться какому-нибудь латинскому списку (exemplaris),—мы должны слѣдовать вышеуказанному значенію,—именно, что уступка на время состояла не въ томъ, чтобы обрѣзать Тита, а въ томъ, чтобы пойти въ Іерусалимъ. Такимъ образомъ Павелъ и Варнава подчинились желанію пойти въ Іерусалимъ, когда возникло въ Антиохіи раздѣленіе по вопросу о Законѣ, чтобы чрезъ посланіе отъ Апостоловъ

подтвердилось ихъ [Павла и Варнавы] сужденіе, и пребыла твердою у Галатовъ истина благовѣствованія, которая заключается не въ буквѣ. а въ духѣ, не въ плотскомъ смыслѣ, а въ духовномъ разумѣніи, и не въ очевидномъ Іудействѣ, а въ скрытомъ (*occulto*). Но должно знать, что излишенъ употребленный въ этомъ мѣстѣ союзъ *но* (*autem*) въ словахъ: *Но и ради вкравшихся ложныхъ братій*, и если онъ и читается, то не имѣетъ соотвѣтствующаго себѣ слова, которое его дополняетъ. Порядокъ расположенія и смыслъ мѣста такой: „Но даже и Титъ, хотя онъ былъ [по происхожденію] изъ язычниковъ, не былъ вынужденъ обрѣзаться“. И непосредственно затѣмъ онъ присоединяетъ причину, по которой (*ut*) онъ могъ быть противъ воли принуждаемъ къ обрѣзанію: *Ради вкравшихся*, говоритъ, *ложныхъ братьевъ, которые вкрались взывать о помощи противъ свободы нашей, которую мы имѣемъ во Христвъ Іисусъ, чтобы подчинить насъ рабству*. Такъ какъ они устрашали кознями и хотѣли численностію [своею] отъ свободы Христовой привести въ рабство Закона, то мы даже на время не уступили имъ, чтобы обрѣзать Тита, особенно, когда нѣкоторая нужда ради церковнаго мира могла извинить насъ; а сдѣлали все это мы, чтобы у васъ не было никакого повода отступить отъ благодати Евангелія. Итакъ, если мы въ Іерусалимѣ.— когда между Іудеями было такъ много угрожающихъ братій ложныхъ, и когда тѣ, которые были старшими, противились имъ только отчасти,—[мы] не могли поддаться никакому насилію и убѣжденіямъ, чтобы соблюдать обрѣзаніе, которое, какъ мы знали, окончилось: то почему вы изъ язычниковъ, вы [живущіе] въ Галатіи, вы, противъ которыхъ не можетъ бы употреблена никакая сила, добровольно отступая отъ благодати, переходите къ уничтоженной уже древности Закона.

Стихъ 6: *У меня же нѣтъ никакого различія съ тѣми, которые выказываются чѣмъ-либо, каковыми бы они ни были когда-либо: Богъ не взираетъ на лицо человека.—*

Онъ говоритъ: Хотя Господь имѣлъ съ Собою Петра и Иоанна, и хотя они видѣли Его преобразившимся на горѣ (Мѹ. XII; Марк. IX), и хотя на нихъ положено основаніе Церкви; однако для меня въ этомъ нѣтъ ничего [важнаго], потому что я веду рѣчь не противъ тѣхъ, которые въ то время слѣдовали Господу, а противъ тѣхъ, которые нынѣ предпочитаютъ Законъ благодати Я не злословлю противъ предшественниковъ и ни въ какомъ отношеніи не обвиняю старѣйшихъ, а говорю только то, что Господь не смотритъ на лице чловѣка. Въ самомъ дѣлѣ, Онъ не смотрѣлъ на Моисея, не смотрѣлъ на Давида, не смотрѣлъ и на другихъ; итакъ Онъ посмотритъ и на тѣхъ, которые повидимому на время уступили бы кому-либо, хотя они сами согласны со мною, ибо Петръ также говоритъ: *По истинѣ я познаю, что Богъ не есть смотрящій (асцептор) на лица; но во всякомъ мѣстѣ боящійся Его и дѣлающій правду пріятель Ему* (Дьян. X, 34. 35). Итакъ, тѣмъ самымъ доказательствомъ, которымъ святой Апостоль Петръ послѣ крещенія Корнилія изъ язычниковъ, необрѣзаннаго, пользуется противъ тѣхъ, которые соблазнялись, и успокоиваетъ ихъ тѣмъ, что онъ не могъ отказать въ водѣ [крещенія] получившимъ Духа Святаго; [тѣмъ самымъ доказательствомъ] нынѣ святой Апостоль Павель возражаетъ противъ самого Петра,—именно, что Богъ нелицепріятенъ, но судитъ каждаго по истинѣ Такимъ образомъ онъ осторожно и по немногу занимаетъ средину между восхваленіемъ Петра и упрекомъ [ему], такъ что воздаетъ по заслугамъ предшественнику—Апостолу, и тѣмъ не менѣе дерзновенно противостаетъ ему въ лице, побуждаемый истиною.

Ибо мнѣ кажущіеся [выдающимися] ничего не посоветовали —Выше [онъ сказалъ] самъ совѣтовался съ ними и многое сообщилъ имъ о томъ, чего достигъ у язычниковъ; а они ему ничего не присоединили; только одобряя то, что сказано имъ, они подали ему [правую] руку въ знакъ обще-

нія и утвердили, что ихъ благовѣствованіе и благовѣствованіе Павла одно [и то же]. Снова необходимо замѣтить, что слово *посоветовали* (contulerunt) есть то же, о которомъ мы прежде говорили, на Греческомъ (προσαυθέντο).

Стихи 7, 8: *Но, наоборотъ, когда они увидѣли, что мнѣ вътрено благовѣствованіе необрѣзаннымъ (praeputii), какъ Петру для обрѣзанныхъ,—ибо Содѣйствовавшій Петру въ посланничество (apostolatium) для обрѣзанныхъ содѣйствовалъ и мнѣ среди язычниковъ.—и когда они узнали о благодати, данной мнѣ; то Петръ и Іаковъ, и Іоаннъ, считавшіеся столпами, подали мнѣ и Варнавъ руку общенія, чтобы намъ [идти] къ язычникамъ, а имъ—къ обрѣзаннымъ.*—Здѣсь обратная разстановка словъ (ὑπέρβατον est), и съ пропускомъ многого сказаннаго въ срединѣ это мѣсто вкратцѣ можно прочитать такъ: „Мнѣ выдающіеся (qui videbantur) ничего не сообщили, а, наоборотъ, подали мнѣ и Варнавъ руку общенія“. Впрочемъ, можетъ быть, онъ, Павелъ, не восхваляя себя, скрыто даетъ такой смыслъ: „Мнѣ казавшіеся чѣмъ то выдающимся ничего не присоединили; а, наоборотъ, мною имъ было сообщено, хотя они были болѣе твердыми въ благодати Евангелія“. А все вмѣстѣ, сказанное имъ, значитъ слѣдующее: „Одинъ и Тотъ же вѣрилъ и мнѣ благовѣствованіе для необрѣзанныхъ, и Петру—для обрѣзанныхъ. Меня Онъ послалъ къ язычникамъ, а Петра поставилъ въ Іудеѣ. И ни язычники въ зрѣломъ уже возрастѣ не должны были испытывать страданій отъ бесполезнаго обрѣзанія, и воздерживаться отъ яствъ, къ которымъ всегда привыкали, и которыя Богъ создалъ для пользованія; ни тѣ, которые увѣровали изъ Іудеевъ и были обрѣзаны, и по привычкѣ, какъ бы второй природѣ, не должны были считать себя имѣющими нѣчто большее сравнительно съ остальными народами, но и не начали легкомысленно презирать того, чѣмъ нѣкогда они были славны. Итакъ Промыслъ Божій даровалъ обрѣзаннымъ одного Апостола, который, повидимому,

полагался на Законъ, а для находившихся въ необрѣзанномъ состояніи—другого Апостола, который благодать Евангелія считалъ не рабствомъ, а свободою вѣрою. Это такъ, чтобы ни по какому поводу не возникало препятствія для вѣры, и ни обрѣзанные, ни необрѣзанные не удерживались отъ вѣры во Христа. Мы говоримъ не то, что Петръ какъ будто забылъ о первыхъ [наставленіяхъ] и считалъ необходимымъ соблюдать помимо благодати Евангелія еще предписанія Закона, ибо Петръ въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ самъ засвидѣтельствовалъ, что никакой человѣкъ не есть нечистый, и училъ, что въ томъ сосудѣ, который онъ видѣлъ спускающимся съ неба, и который поддерживался за четыре угла, не было различія между людьми, были ли то Іудеи, или язычники (*Дѣян.* X. 11—15; XI, 5—9); а [хотимъ сказать] то, что даже онъ, показывающій въ себѣ соблюдающаго Законъ, только понемногу отклонялъ Іудеевъ отъ прежняго образа жизни, потому что они не могли совсѣмъ неожиданно смотрѣть съ презрѣніемъ, какъ на ни къ чему непригодные отбросы на свои столькія усилія въ соблюденіи Закона и тщательное поведеніе [по предписаніямъ] въ прошедшей жизни. Изъ этого мы точно познаемъ, почему Петромъ, Іаковомъ и Іанномъ дана рука общенія Павлу и Варнавѣ,—именно чтобы благовѣствованіе Христово не считалось различнымъ вслѣдствіе различнаго соблюденія [Закона], и чтобы общество обрѣзанныхъ и имѣющихъ крайнюю плоть считалось однимъ и тѣмъ же. Онъ искусно (*pulchre*) построилъ рѣчь, говоря: *Содѣйствовавшій Петру въ посланничество къ обрѣзаннымъ;* это съ тою цѣлю, чтобы кто-нибудь не подумалъ, что онъ злословитъ Петра; но предпославши похвалы Петру, онъ хотеть дать понять, что Петръ для того отчасти допускалъ обрѣзаніе, чтобы пріобрѣсти тѣхъ, которые изъ Іудеевъ [особенно] довѣрялись ему и соблюсти ихъ въ вѣрѣ во Христа и Евангеліи. Но при этомъ онъ подразумеваетъ, что если тотъ [Петръ] невиновенъ въ соблюденіи на время того, чего

можно и не соблюдать, и дѣлаетъ это для того, чтобы не потерять довѣряющихся ему; то онъ [Павель] ради истины Евангелія долженъ сдѣлать еще больше, потому что ввѣренное ему состоитъ изъ необрѣзанныхъ: нужно, чтобы язычники, уstraшенные тяжестію и трудностями Закона не отступили отъ вѣры во Христа, такъ легко принятой ими (а *Christi fide et credulitate*). Здѣсь является скрытый вопросъ: Итакъ что же? Если бы Петръ нашелъ [кого-нибудь] изъ язычниковъ, развѣ онъ не привелъ бы ихъ къ вѣрѣ? Или: если бы Павель открылъ нѣкоторыхъ изъ обрѣзанныхъ, то неужели онъ не призвалъ бы ихъ къ крещенію Христову? Эти вопросы разрѣшаются такъ, что мы должны признавать одну главную заповѣдь, данную относительно Іудеевъ и язычниковъ, чтобы защищающіе Законъ имѣли того, за которымъ могли бы слѣдовать, и чтобы предпочитающіе Закону благодать не имѣли недостатка въ учителѣ и предводителѣ. А вообще они имѣли назначеніе собрать Церковь для Христа изъ всѣхъ народовъ. И дѣйствительно, мы читаемъ, что въ святымъ Петромъ былъ крещенъ Корнилій язычникъ, и Павель проповѣдалъ въ собраніяхъ (*synagogis*) Іудеевъ весьма часто о Христѣ. *Петръ и Іаковъ, и Іоаннъ, которые считались столпами* (Дьян Х, XIII, XVП?). Выше мы три раза читаемъ сказанное отъ Апостола: *И отдѣльно съ тѣми, которые казались [выдающимися], и: И отъ тѣхъ, которые казались чѣмъ то, и: Ибо мнѣ ничего не сообщали тѣ, которые казались чѣмъ то.* Посему я тщательно изслѣдовалъ, что значать слова его *казались* (*videbantur*); но теперь онъ освободилъ меня отъ всякаго затрудненія, присоединяя слова: *которые казались* (считались) *столпами*. Итакъ Апостолы суть столпы Церкви и особенно Петръ, Іаковъ и Іоаннъ, изъ которыхъ два удостоились восходить на гору съ Господомъ; а изъ сихъ послѣднихъ одинъ въ Апокалипсисѣ говорить отъ лица Спасителя: *Того, кто побѣдитъ сдѣлаю столпомъ въ храмъ Бога Моего* (Апокал.

Ш, 12), уча такимъ образомъ, что тотъ, кто побѣдитъ врага, можетъ сдѣлаться столпомъ Церкви. А въ посланіи къ Тимоѳею Павелъ пишетъ: *Чтобы ты зналъ, какъ должно жить въ домѣ Божіемъ, который есть Церковь Бога живаго, и притомъ (autem) столпъ и утверждение истины* (1 Тимоѳ. II, 15). Этими и прочими словами мы научаемся тому, что какъ апостолы, такъ и всѣ вѣрующіе такъ же, какъ и сама Церковь, называются въ Писаніяхъ столпомъ, и что нѣтъ никакого различія въ словахъ о тѣлѣ или о членахъ, такъ какъ и тѣло дѣлится на члены, и члены принадлежатъ тѣлу. Итакъ Петръ и Іаковъ, и Іоаннь, почитавшіеся столпами, подали Павлу и Варнавѣ руку общенія; но Титу, который былъ съ ними не подали, потому что онъ еще не достигъ такой степени, чтобы можно было ему вѣрить важное дѣло (meritonia) Христова наравнѣ со старѣйшими, и чтобы онъ занималъ такое же мѣсто дѣятельности, какое занимали Варнава и Павелъ.

Стихъ 10: *Только, чтобы мы помнили о бѣдныхъ, что именно я и позаботился дѣлать.*—Неимущіе святые, забота о которыхъ требуется отъ Павла и Варнавы, это суть изъ вѣрующихъ Іудеевъ, которые цѣну, вырученную отъ продажи имущества своего, положили къ ногамъ Апостоловъ для раздаянія бѣднымъ, или тѣ, которыхъ ихъ единоплеменники, родственники и родители считали отверженными, которыхъ бы необходимо подвергнуть очищенію, какъ отступниковъ отъ Закона и вѣрующихъ въ Распятаго. Сколько понесъ труда въ служеніи имъ святой Апостоль Павелъ, свидѣтелями этого являются его посланія, ибо онъ пишетъ и Коринѳянамъ, и Ѳессалоникійцамъ, и всѣмъ Церквамъ изъ язычниковъ, чтобы онѣ приготовили даръ сей для отправления въ Іерусалимъ, или чрезъ него самого, или чрезъ тѣхъ, которые имъ будутъ удобны. Поэтому теперь онъ смѣло (confidenter) говоритъ, *что я уже дѣлалъ именно это.* Впрочемъ подъ бѣдными можно разумѣть и другого рода людей,—именно тѣхъ, о

которыхъ говорится въ Евангеліи: *Блаженны нищіе духомъ, ибо ихъ есть царство небесное* (Мѡ. V, 3), потому что такіе также заслуживаютъ быть въ памяти Апостоловъ. Также и тѣ бѣдные, о которыхъ пишется у Соломона: *Искушеніе для души чловѣка—его собственное богатство. Бѣдный же и угрозы не слышитъ* (Притч. XIII, 8) Въ самомъ дѣлѣ, онъ не можетъ услышать о будущемъ ужасѣ наказаній, онъ, бѣдный въ вѣрѣ, бѣдный въ благодати, не имѣющій ни богатства духовнаго, ни познанія въ священномъ Писаніи, которое сравнивается съ золотомъ, серебромъ и драгоценными камнями. Слѣдовательно, если не здоровые нуждаются во врачѣ, а больные, то и Апостоламъ, подавшимъ руку общенія, было благоприлично не презирать [таковыхъ] бѣдныхъ, не пренебрегать грѣшниками, но всегда помнить о нихъ, какъ Павелъ вспомнилъ и о томъ Коринѣянинѣ, котораго хотя и наказалъ на время,—въ первомъ посланіи,—чтобы чрезъ тѣло, трудившееся въ дѣлѣ покаянія, онъ спасся духомъ (1 Корнѡ. V, 5), а во второмъ посланіи снова призываетъ въ Церковь, чтобы онъ не былъ пораженъ бѣднѣею, чѣмъ должно скорбію; и просить онъ всѣхъ, чтобы они утвердили любовь къ нему и оказали милость брату, какъ и онъ самъ [Павелъ] оказалъ каждому изъ нихъ предъ лицомъ Христовымъ во исполненіе возложеннаго на него въ Іерусалимѣ условія, чтобы онъ всегда воспоминалъ о бѣдныхъ.

Стихи 11—13: *А когда Петръ прибылъ въ Антіохію, то я противосталъ ему въ лице, ибо онъ подвергался упрекамъ. Дѣйствительно, прежде чѣмъ явились нѣкоторые отъ Іакова, онъ вкушалъ пищу съ язычниками, а когда тѣ явились, то онъ сталъ уклоняться и отдѣлился изъ боязни предъ тѣми, которые были изъ числа обрѣзаныхъ, и его притворству сочувствовали и прочіе Іудеи, такъ что даже и Варнава былъ увлеченъ ими въ ихъ притворство.*—Изъ того, что Петръ до прихода нѣкоторыхъ изъ Іерусалима вкушалъ пищу съ язычниками обнаруживается,

что онъ не забылъ о первомъ наставленіи: чтобы никакого человѣка никто не называлъ обыкновеннымъ (сommunem), или нечистымъ; но такъ какъ ради тѣхъ, которые думали, что Законъ еще должно соблюдать, онъ понемногу отклонился отъ сожителства съ язычниками (такъ что даже и прочіе изъ Іудеевъ, какъ и Варнава, проповѣдавшій съ Павломъ Евангеліе между язычниками, были вынуждены сдѣлать то же самое); но тѣ, которые въ Антиохіи увѣровали во Христа изъ язычниковъ и не были обрѣзаны, были побуждаемы перейти къ тяжкому игу Закона: они не понимали снисходительности Петра, посредствомъ которой онъ хотѣлъ спасти Іудеевъ, а думали, что такъ дѣло обстоитъ на основаніи Евангелія. Итакъ, когда Апостоль Павелъ увидѣлъ, что благодать Христова подвергается опасности, и что древній врагъ (bellator) пользуется новымъ способомъ къ борьбѣ; то для исправленія снисхожденія Петра [Іудеямъ] новымъ снисхожденіемъ противоположнаго качества онъ противопоставилъ ему открыто, но не съ тѣмъ, чтобы обличить его намѣреніе, а съ тѣмъ, чтобы чрезъ его открытое (in publico) порицаніе спаслись тѣ, которые увѣровали во Христа изъ язычниковъ, такъ какъ Павелъ возсталъ обличителемъ его [Петра]. Поэтому, если кто-либо подумаетъ, что Петръ дѣйствительно встрѣтилъ противодѣйствіе со стороны Павла, который ради истины Евангелія нанесъ безтрепетно оскорбленіе предшественнику [—Апостолу]; то такому не будетъ понятно (non ei stabit) то, что самъ Павелъ для Іудеевъ былъ Іудеемъ, чтобы пріобрѣсти Іудеевъ, и что онъ самъ является отвѣтственнымъ въ томъ же притворствѣ, когда онъ въ Кенхреяхъ остригъ голову совершенно (facto calvitio), понесъ приношеніе въ Іерусалимъ, обрѣзалъ Тимоѳея и ходилъ босымъ, — что несомнѣнно было изъ числа обрядовыхъ дѣйствиій (saecrononiis) Іудеевъ (*Дьян* XVІІІ, 18; XVІ, 3). Итакъ, если тотъ же самый, который былъ посланъ на проповѣдь къ язычникамъ, не считалъ бесполезнымъ говорить: *Не будьте соблазномъ*

для *Иудеевъ* и для *церкви Божіей*, какъ и я самъ *встѣмъ* уюждаю во всемъ, не ища того, что полезно только мнѣ, а многимъ, чтобы они спаслись (1 Коринѳ. 8 31), и однако дѣлалъ нѣчто бывшее противнымъ (contraria) Евангелію, чтобы не вводить *Иудеевъ* въ соблазнъ: то на какомъ основаніи, съ какимъ лицомъ осмѣливается дѣлать Петру, — бывшему Апостоломъ обрѣзанныхъ, — упреки тотъ, который самъ былъ Апостоломъ язычниковъ, и заслуживаетъ упрекъ въ томъ, что допускалъ самъ? Но, какъ мы прежде сказали, онъ всенародно (secundum faciem publicam) притворнымъ возраженіемъ противится Петру и прочимъ [братіямъ или лжебратіямъ] съ тою цѣлю, чтобы изобличить притворство ихъ въ соблюденіи Закона, вредившее увѣровавшимъ изъ язычниковъ, и чтобы тѣ и другіе (uterque populus) спаслись, одни, восхваляя обрѣзаніе и слѣдуя Петру, а другіе, не желавшіе подвергаться обрѣзанію, — чрезъ открытое одобреніе свободы дѣйствій Павла. А слова: *подвергался упрекамъ*, съ прибавленіемъ: потому что онъ воздерживался отъ совмѣстнаго вкушенія пищи, сказаны для того, чтобы мы понимали, что Петръ не столько со стороны Павла заслуживалъ упрека, сколько со стороны тѣхъ братьевъ, съ которыми онъ прежде вкушалъ пищу, и отъ которыхъ послѣ того отдѣлился. А что притворство на время можетъ быть полезно и допустимо, это намъ показываетъ примѣръ царя Израильскаго *Іегу* (Іиуй); который могъ умертвить жрецовъ Ваала, только притворившись, что онъ хочетъ почитать поклоненіемъ идола; онъ говоритъ: *Соберите мнѣ встѣхъ жрецовъ Ваала; ибо если Ахавъ служилъ Ваалу въ немногѣмъ, то я буду служить во многомъ* (4 Цар. X, 19). Тоже и *Давидъ*, когда измѣнилъ лице свое предъ *Авимелехомъ*, и отпустилъ его, и ушелъ (1 Цар. XXI, 12—13)¹⁾.

¹⁾ Текстъ LXX называетъ этого царя 'Αἰχούδς (Анхусъ), а Вульгата: Achis

Примѣчаніе переводчика.

Не удивительно, если люди праведные нѣсколько притворствуютъ на время ради спасенія себя и другихъ, когда и Самъ Господь нашъ, не имѣя грѣха и плоти грѣховной, принявъ подобіе плоти грѣховной, чтобы, осудивши грѣхъ во плоти, сдѣлать насъ въ Себѣ правдою Божіею. Несомнѣнно, что Павелъ читалъ въ Евангеліи Господа, Который заповѣдуетъ: *Если согрѣшишь противъ тебя братъ твой, то иди и исправь его [наединѣ] между собою и тѣмъ однимъ. Если онъ тебя послушаетъ, то ты приобрѣлъ брата своего* (Лук. XVII, 3)¹⁾. Какимъ же образомъ,—если относительно малѣйшихъ братьевъ заповѣдано такъ поступать,—онъ осмѣлился бы всенародно обличать величайшаго Апостола столь неудержимо и настойчиво, если бы и самому Петру не угоденъ былъ такой способъ обличенія, и Павелъ не хотѣлъ обидѣть того, о которомъ прежде сказалъ: *Я пришелъ въ Иерусалимъ, чтобы видѣть Петра, и пробылъ у него пятнадцать дней; а другого изъ апостоловъ не видѣлъ никого; и затѣмъ: Содѣйствовавшій Петру въ посланничествѣ къ обрѣзаннымъ; и наконецъ (infra): Петръ, и Іаковъ, и Іоаннъ, которые считались столпами, и прочее, и онъ говорить въ похвалу его. Нѣсколько разъ я, еще будучи юношею, участвовалъ въ Римѣ въ спорахъ и упражнялся въ составленіи возраженій предъ воображаемыми противниками, для чего я ходилъ предъ судилище, гдѣ и видѣлъ самыхъ выдающихся ораторовъ, спорившихъ между собою съ такимъ жаромъ, что часто, оставивъ свои дѣла, они обращались къ личнымъ порицаніямъ и взаимно терзали себя ядовитыми насмѣшками. Если они такъ дѣлаютъ, чтобы у защищаемыхъ не возбудить подозрѣнія въ измѣнѣ дѣлу, и обманываютъ окружающій народъ, то что мы подумаемъ о такихъ столпахъ Церкви,—Петрѣ и Павлѣ,—что должны были дѣлать*

¹⁾ Болѣе близко этотъ текстъ подходитъ къ Мѣ. XVIII, 15.

такіе сосуды премудрости между разногласившими между собою Іудеями и язычниками, какъ не вступить въ видимый споръ, чтобы наступилъ миръ между вѣрующими, и священное несогласіе между ними привело къ единству вѣры въ Церкви. Есть такіе, которые подъ Кифою¹⁾, которому Павелъ противопоставилъ, какъ пишетъ, въ лице, видятъ не Апостола Петра, а другого, — изъ семидесяти учениковъ, — называвшагося этимъ именемъ. Они говорятъ, что Петръ никакимъ образомъ не могъ уклоняться отъ образа жизни совместно съ язычниками, такъ какъ онъ крестилъ и сотника Корнилія; а когда пришелъ въ Іерусалимъ, то, — во время выступленія противъ него обрѣзанныхъ, которые говорили: *Почему ты вошелъ къ людямъ, имѣющимъ крайнюю плоть и вкушалъ пищу съ ними?* — онъ, рассказавъ о бывшемъ видѣніи, заключилъ свой отвѣтъ такъ: *Слѣдовательно, если имъ Богъ далъ таковую же благодать, какъ и намъ, уверовавшимъ въ Господа Іисуса Христа; то кто былъ я, чтобы я могъ препятствовать Богу. Когда же они услышали это, то умолкли и прославили Бога говоря: И такъ и язычникамъ Богъ далъ покаяніе къ жизни.* [Таковыя возражатели настаиваютъ на этомъ мнѣніи] потому особенно, что Лука, писатель о прошедшей жизни (*scriptor historiae*), не упоминаетъ объ этомъ недоразумѣніи ни однимъ словомъ и даже не говоритъ, чтобы Павелъ когда-либо былъ въ Антиохіи вмѣстѣ съ Петромъ; а съ другой стороны такимъ образомъ открывается возможность для злословія отъ Порфирія, если бы мы стали вѣрить, будто Петръ впалъ въ заблужденіе, или Павелъ дерзостно обличилъ первоверховнаго Апостола (*principem apostolorum*). Таковымъ толкователямъ прежде всего должно отвѣтить то, что я не знаю, чтобы намъ было из-

¹⁾ Въ Вулгатѣ во всѣхъ мѣстахъ, кромѣ вставочнаго 8-го стиха 2-й главы, вмѣсто: Петръ, Петру, переведено: *Кифа* (*Serphas*) *Кифъ* (*Serphae*).

вѣстно имя какого-либо другого Кифы, кромѣ того, который и въ Евангеліяхъ, и въ другихъ посланіяхъ Павла, а также и въ этомъ самомъ называется (*scribitur*) то *Кифою*, то *Петромъ*. И это не потому, что имя *Кифа* значить одно, а *Петръ*—другое, а потому, что называемое у Грековъ и Латинянъ словомъ *petra* Евреи и Сирійцы по родству языка своего называютъ *Кифою*. Наконецъ, и все теченіе доказательства, скрыто направляемое въ отношеніи къ Петру, Іакову и Іоанну, опровергаетъ вышеизложенное пониманіе этого мѣста. А то, что Лука умалчиваетъ объ этомъ обстоятельстве нисколько не удивительно, потому что онъ, пользуясь свободою описателя прошедшихъ событій, умолчалъ и о многомъ другомъ, о чемъ передаетъ Павелъ, какъ о пережитомъ; а если одинъ почелъ достойнымъ что либо сообщить по известной причинѣ, а другой между прочимъ пропустилъ, то это еще не является сейчасъ же признакомъ противорѣчія между ними. Наконецъ, вѣдь мы принимаемъ [преданіе], что Петръ былъ первымъ епископомъ въ Антиохіи и оттуда переправился въ Римъ, о чемъ Лука совершенно умолчалъ. В крайнемъ случаѣ, если въ виду злословій Порфирія на ъ нужно измыслить другого Кифу, чтобы не подумать, что Петръ впалъ въ заблужденіе, то въ Св. Писаніи и многое другое должно быть исключено, потому что онъ подвергается нападеніямъ, такъ какъ не понимаетъ этого. Но если Христосъ повелитъ намъ, то противъ Порфирія мы выступимъ въ другомъ трудѣ; а теперь будемъ слѣдовать далѣе.

Стихъ 14: *Но когда я увидѣлъ, что они не прямою стопою идутъ къ истиннъ Евангелія, я сказалъ Петру въ присутствіи всѣхъ* — Какъ тѣ, которые, имѣя правильную поступь, хотя притворяются хромающими, но не имѣютъ недостатка въ ногахъ, а бываетъ нѣкоторая причина, по которой они хромаютъ; такъ и Петръ, зная, что ни обрѣзаніе, ни необрѣзаніе не значить ничего, а [важно] только исполненіе заповѣдей Божіихъ, первоначально вкушалъ пищу

вмѣстѣ съ язычниками, но на время сталъ уклоняться отъ нихъ, чтобы не потерять для вѣры Христовой Іудеевъ. Поэтому и Павелъ, такимъ же, какъ и тотъ, виѣшнимъ способомъ показываетъ видъ, противостоитъ ему въ лице и говоритъ въ присутствіи всѣхъ,—не столько для того, чтобы обличить Петра, сколько для того, чтобы исправились тѣ, ради которыхъ Петръ высказывалъ притворство, или для того, чтобы устранить превозношеніе Іудеевъ и безнадежное положеніе язычниковъ. Поэтому, если кому-нибудь не нравится то толкованіе, что ни Петръ не погрѣшилъ, ни Павелъ не выступилъ съ дерзкимъ обличеніемъ противъ старѣйшаго только для вида (*ostenditur*), тотъ долженъ объяснить: на какомъ основаніи Павелъ нападаетъ въ дѣйствіяхъ другого на то, что допускалъ самъ въ себѣ?

Если ты, хотя ты и Іудей, живешь по-язычески, а не по-іудейски, то какимъ образомъ ты принуждаешь язычниковъ іудействовать?—Онъ нападаетъ на Петра съ неопровержимымъ доказательствомъ, а въ дѣйствительности черезъ Петра на тѣхъ, которые вынуждали его совершать то, что взаимно противорѣчитъ себѣ. Онъ говоритъ: „Если ты, Петръ, по природѣ Іудей, обрѣзанный съ малаго возраста, и соблюдающій совершенно всѣ (*universi*) предписанія Закона, нынѣ по благодати Христовой знаешь, что онѣ сами по себѣ не имѣютъ пользы,—но служатъ только примѣрами, и образами будущаго,—и если ты вкушаешь пищу съ тѣми, которые изъ язычниковъ, живя не по прежнему въ суевѣріяхъ, но свободно и безъ стѣсненія (*indifferenter*); то какимъ образомъ ты теперь принуждаешь іудействовать тѣхъ, которые приняли вѣру изъ язычниковъ, нынѣ отдаляясь отъ нихъ и раздѣляясь и разлучаясь съ ними, какъ будто съ оскверненными. Ибо если тѣ, отъ которыхъ ты отдаляешься, нечисты, и если ты отдаляешься отъ нихъ потому, что они не имѣютъ обрѣзанія, то ты насильственно понуждаешь ихъ къ тому, чтобы они приняли обрѣзаніе и сдѣлались Іудеями;

хотя самъ ты, будучи Іудеемъ, живешь по-язычески. И въ скрытомъ видѣ онъ указалъ причину, по которой возставалъ противъ него,—именно потому, что своимъ притворнымъ поведениемъ онъ понуждалъ ихъ іудействовать, такъ какъ они желаютъ ему подражать.

Стихъ 15: *Мы по природѣ Іудей, а не грѣшники изъ язычниковъ.*—Къ этому мѣсту придираются еретики, которые, измышляя нѣчто смѣшное и непригодное, говорятъ, что ни духовная природа не можетъ согрѣшать, ни земная не можетъ совершать что-либо праведное. Таковыхъ мы спросимъ: почему отъ доброй маслины отломилась вѣтвь, и почему отъ дикой маслины привились къ корню доброй маслины, если ни отъ доброй не можетъ ничего отпасть, ни отъ дурной ничего не можетъ возтаты? Или: какимъ образомъ онъ самъ (vel) прежде преслѣдовалъ Церковь, если онъ былъ по природѣ духовнымъ; или почему послѣ онъ сдѣлался Апостоломъ, если [предположить, что] онъ рожденъ отъ земно природы? Поэтому, если они будутъ настоятельно утверждать, что онъ былъ по природѣ земнымъ, мы представимъ [имъ] его собственныя слова: *Мы по природѣ чада гнѣва, какъ и прочіе (Ефес. II, 3).* Тотъ есть Іудей по природѣ, кто происходитъ изъ рода Авраама, и обрѣзанъ родителями въ день восьмой. Но я изложу все доказательство въ краткихъ словахъ,—[именно] смыслъ здѣсь получается такой: „Мы, т. е. я и ты, Петръ, (онъ присоединяетъ свою личность, чтобы не показаться наносящимъ оскорбленіе), хотя по природѣ и Іудей, такъ какъ дѣлаемъ то, что предписано Закономъ, а не грѣшники изъ язычниковъ,—которые суть грѣшники или вообще потому, что они служатъ идоламъ, или потому, что мы теперь считаемъ ихъ нечистыми,—такъ какъ знаемъ, что не можемъ спастись исполненіемъ Закона, но только вѣрою во Христа, то и увѣровали во Христа, чтобы вѣра во Христа, которую мы имѣли, [или: имѣемъ] подала намъ то, чего не далъ намъ Законъ. Поэтому если, отсту-

пивши отъ Закона, которымъ мы не можемъ спастись, мы переходимъ къ вѣрѣ, которая требуетъ не обрѣзанія плоти, а благоговѣйнаго чистаго сердца, и [если] еще теперь мы, отступая отъ язычниковъ, внушаемъ [agimus] то, что не получившій обрѣзанія является нечистымъ: то, слѣдовательно, вѣра во Христа, которою мы считаемъ возможнымъ спастись, является скорѣе служительницею грѣха, чѣмъ оправданія, — [вѣра], которая устраняетъ обрѣзаніе и безъ которой каждый бываетъ нечистымъ. Но сохрани [меня] Богъ, чтобы я, разъ устранивши что-либо и признавъ безполезность его для себя, снова сталъ защищать это. Разъ отступивъ отъ Закона, я умеръ для Закона, чтобы жить во Христѣ, и пригвоздившись ко кресту Его, и возродившись въ новаго человѣка, жить больше по вѣрѣ, чѣмъ по плоти, и со Христомъ выйти изъ міра. Я держусь того, къ чему однажды привязался. Христосъ не напрасно умеръ за меня; напрасною была бы моя вѣра въ Него, если бы я могъ безъ вѣры Его спастись древнимъ Закономъ.

Стихъ 16: *Но зная, что человекъ не оправдывается дѣлами Закона, а только чрезъ вѣру въ Иисуса Христа, чтобы оправдаться вѣрою, а не чрезъ дѣла Закона.* — Нѣкоторые говорятъ: „Если вѣрно то, что утверждаетъ Павелъ, т. е. что никто не оправдывается чрезъ дѣла Закона, но только чрезъ вѣру въ Иисуса Христа; то [нужно думать, что] патріархи и пророки, и святые, бывшіе до пришествія Христова, были несовершенны“. Таковыхъ мы можемъ убѣдить тѣмъ, что здѣсь говорится такъ: „Не получили оправданія тѣ, которые вѣровали, что оправданіе можно получить только чрезъ дѣла Закона. А святые, которые были отъ лѣтъ древнихъ, оправдались отъ вѣры во Христа. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь Авраамъ видѣлъ день Христовъ и возрадовался (Іоан. VIII, 56); и Моисей почиталъ поношеніе за Христа бѣльшимъ богатствомъ, чѣмъ сокровища Египта, ибо онъ взиралъ на награду (Евр. XI, 26); и Исаія видѣлъ славу Христову

(Исаи VI), какъ говорить Евангелистъ Іоаннъ, и какъ вообще о всѣхъ Апостоляхъ Іуда говорить: *Я хочу напомнить вамъ, уже знающимъ вс: что Іисусъ*¹⁾, *спасшій народъ изъ Египта, потомъ погубилъ невѣровавшихъ* (Іуд. ст. 5). Слѣдовательно, осуждаются не столько дѣла Закона, сколько тѣ, которые увѣрены, что они могутъ оправдаться только чрезъ эти дѣла, потому что то же самое и Спаситель говорить ученикамъ: *Если праведность ваша не превзойдетъ праведности книжниковъ и фарисеевъ, то вы не войдете въ царство небесное* (Мѡ V, 20) Въ этомъ мѣстѣ нужно собрать въ одно [или: разсмотрѣть], сколько есть въ Законѣ такихъ заповѣдей, которыхъ никто не можетъ исполнить. Наоборотъ, должно сказать и о тѣхъ заповѣдяхъ Закона, которыя могутъ быть исполнены тѣми, которые не знаютъ его. Но дѣлатели [исполнители] Закона не оправдываются потому, что не имѣютъ вѣры во Христа,—напримѣръ: не вступать съ мужемъ въ протівоестественный порокъ (*ne dormire cum viro dormitatione mulieri*), не прелюбодѣйствовать, не грабить, но почитать болѣе отца и мать и дѣлать прочее, что заповѣдано [въ Законѣ]. Поэтому, если о святыхъ мужахъ намъ представлять примѣры того, что они, ходя въ Законѣ, исполнили все, что было по Закону, то мы скажемъ: *Что Законъ положенъ не для праведника, но для неправедныхъ, непокорныхъ, нечестивыхъ и грѣшниковъ оскверненныхъ и нечистыхъ* (1 Тимѡ. I, 9). А наученный отъ Бога не имѣетъ нужды получать наставленія даже въ любви, какъ говорить Павелъ: *О любви же я не считаю необходимымъ писать вамъ, ибо вы сами научены отъ Бога, чтобы любить другъ друга* (1 Тесс IV, 9).

Стихи 17, 18 [конецъ 16-го, 17 и 18]: *Потому что дѣлами Закона не оправдывается никакая* (omnis) *плоть*.

¹⁾ Въмѣсто *Іисусъ*. Вульгаты, въ греческомъ, славянскомъ и русскомъ стоить: *Κυριος, Господь*

Примѣчаніе переводчика.

Поэтому, если, ища оправданія во Христа, мы и сами оказались грѣшниками, неужели Христосъ—служитель грѣха. Боже сохрани (*Absit!* Ибо если то, что я разрушилъ, снова возстановляю, то я дѣлаю себя измѣнникомъ.—Отъ дѣлъ Закона не оправдается [или: не оправдывается] та плоть, о которой пишется: *Всякая плоть—стно; и всякая слава ея подобна цвѣтку полевому* (*Исаи*, XL, 6). А вѣрою во Христа оправдывается та плоть, о которой въ таинствѣ воскресенія говорится: *Всякая плоть узритъ спасеніе Божіе* (*Лук.* III, 6). Но и соотвѣтственно низшему (*humiliorem*) пониманію чрезъ исполненіе Закона оправдывалась нѣбогда не всякая плоть, а только тѣ люди, которые были въ Палестинѣ. А нынѣ отъ вѣры въ Иисуса Христа оправдывается всякая плоть, потому что Церковь Его основывается во всемъ мірѣ.

Стихъ 19: *А я чрезъ Законъ умеръ для Закона, чтобы жить для Бога.*—Иное дѣло умереть чрезъ Законъ [или съ прибавкою: для Закона], а иное дѣло умереть для Закона. Умирающій для Закона жилъ для него прежде смерти, соблюдая субботы и новомѣсячія, праздничные дни, имѣя образное представленіе о жертвахъ, Іудейскія баснословія и преданія о происхожденіи родовъ (*genealogias*). Но послѣ пришествія Христова, когда Законъ, о которомъ написано: *Мы знаемъ, что Законъ духовенъ* (*Римл.* VII, 14), отошелъ (*mortuus est*) чрезъ Евангельскій законъ для Закона прежняго, душа,—о которой соотвѣтственно словамъ посланія къ Римлянамъ написано: *Если вступишь въ бракъ при жизни мужа, прелюбодѣйствуетъ*,—по смерти мужа своего, т. е. Вѣтхаго Закона, вступила въ брачный союзъ съ Закономъ духовнымъ, чтобы приносить плоды Богу. Поэтому и у пророка Осія говорится ей: *Отъ Меня нашелся плодъ твой* (*Ос.* XIV, 9). Бъ ней же относится и извѣстное таинственное изреченіе: *Кто мудръ и пойметъ это, и разуменъ и познаетъ его.* Итакъ тотъ, кто чрезъ духовный Законъ умираетъ для За-

кона буквы, тотъ живеть для Бога, такъ какъ не бываетъ безъ Закона Божія, но онъ живеть въ Законѣ Христовомъ. А тотъ, кто изъ-за грѣховъ умираеть для Закона, уже мертвъ въ дѣйствительности; но о немъ уже не можетъ быть сказано: *Чтобы жить для Бога*. А что кромѣ Закона буквы есть еще Законъ духовный, объ этомъ Апостоль учить и въ другомъ мѣстѣ, говоря: *Итакъ, дѣйствительно, законъ святъ, и заповѣдь свята и праведна и блага* (Римл. VII, 12); и Іезекіиль говоритъ отъ лица Божія: *Я вывелъ ихъ, т. е. народъ Іудейскій, изъ земли Египетской и привелъ ихъ въ пустыню, и далъ имъ заповѣди Мои, и оправданія Мои показалъ имъ; ихъ пусть исполняетъ человекъ, и будетъ жить* (Іезек. XX, 10). Но о томъ Законѣ, который производитъ гнѣвъ, для котораго умеръ и Апостоль онъ въ послѣдствіи говоритъ: *И я далъ (dedi) имъ заповѣди не благія и оправданія, въ которыхъ они не будутъ жить въ нихъ* (ст. 25). То же самое обозначается и въ Псалтири: *Такъ какъ я не постигъ знанія, то вступлю въ силу Божію* (Псал. LXX, 15).

Я привожденъ къ кресту съ Христомъ.—Такъ какъ онъ сказалъ, что чрезъ Законъ онъ умеръ для Закона, то показываетъ, какимъ образомъ онъ умеръ: *Я вмѣстѣ со Христомъ привожденъ ко кресту*, т. е. взявъ крестъ и слѣдуя за Христомъ и принося себя въ жертву въ самомъ страданіи: *Помяни меня, когда придеши въ царство Твое* (Лук. XXIII, 42, 43), и непосредственно затѣмъ слыша слова: *Нынѣ ты будешь со Мною въ раю*. Если кто, умертвивъ члены на землѣ и умерши для міра, сообразенъ будетъ смерти Христовой, тотъ пригвождается вмѣстѣ съ Іисусомъ и знаменіе (trapeum) смерти своей пригвождаетъ на дрѣвѣ страданій Господа

Стихъ 20: *Но живу уже не я, а живеть во мнѣ Христосъ.*—Тотъ не живеть, кто когда-то жилъ въ Законѣ, потому что онъ преслѣдовалъ Церковь; но живеть въ немъ

Христось: премудрость, сила, слово, миръ, радость и прочія добродѣтели, которыхъ если кто-либо не имѣеть, то не можетъ сказать: *А живетъ во мнѣ Христось*. И все это [Апостоль Павель] въ своемъ лицѣ говоритъ противъ Петра о Петрѣ.

А то, что я теперь живу плотію.—Иное дѣло быть во плоти, и [иное] жить во плоти. Дѣйствительно, *тѣ, которые существуютъ во плоти не могутъ угодить Богу* (Римл. VIII, 8, 9). Поэтому къ хорошо живущимъ говорится: *Но вы не существуете во плоти*.

Въ вѣрѣ живу въ Сына Божія, Который возлюбилъ меня и предалъ Себя за меня.—Къ Римлянамъ говорится о Богѣ, что Онъ Сына Своего не пощадилъ, но за насъ предалъ Его. А теперь о Христѣ говорится, что Онъ Самъ Себя предалъ: *Который возлюбилъ меня*,—говоритъ Онъ,— *и предалъ Себя за меня*. А въ Евангеліи, гдѣ перечисляются Апостолы прибавляется: *И Иуда Искариотъ* [илв: *Скариотъ*], *который и предалъ Его* (Лук. VI, 16), и снова о немъ же: *Вотъ приблизился тотъ, который предастъ Меня* (Мѡ XXVI, 46). Относительно же главныхъ священниковъ и старѣйшинъ народа Писаніе упоминаетъ, что осудили Иисуса на смерть и, связавъ Его, повели и предали Пилату правителю (praesidi) (Мѡ. XXVII, и Марк. XV). А о Пилатѣ снова говорится: *Отпустилъ имъ Варавву, а Иисуса подвергнутого бичеванію, предалъ имъ, чтобы они распяли Его* (Іоанн. XIX). Итакъ: и Отецъ предалъ Сына, и Сынъ предалъ Самъ Себя, и Иуда и священники предали Его главнымъ [священникамъ], и наконецъ самъ Пилатъ предалъ Его, *преданнаго* въ его руки. Но: Отецъ предалъ Его, чтобы снасти погибшій міръ; Иисусъ Самъ Себя предалъ, чтобы исполнить волю Отца и Свою, а Иуда, священники и старцы народа, и Пилатъ по невѣдѣнію предали Жизнь смерти. Но хотя Она Сама предала Себя ради нашего спасенія, однако блаженъ и весьма счастливъ тотъ, который,—когда въ

немъ живеть Христось,—въ каждомъ помышленіи своемъ и дѣйствиі можетъ сказать: *Я живу въ вѣрѣ въ Сына Божія, который возлюбилъ меня и предалъ Себя за меня*

Стихъ 21: *Я не отвергаю благодати Божіей Въ самомъ дѣлѣ, если оправданіе чрезъ Законъ, то Христось умеръ напрасно.*—Отвергаетъ благодать, какъ тотъ, который послѣ Евангелія живеть въ Законѣ, такъ и тотъ, кто оскверняется грѣхами послѣ крещенія. Но тотъ, кто по Апостолу можетъ сказать: *Благодать его во мнѣ не была тщетна* (1 Корнѣ XV, 40), [тотъ] съ увѣренностію можетъ сказать: *Я не отвергаю благодати Божіей* А слѣдующее затѣмъ весьма необходимо сказать противъ тѣхъ, которые послѣ вѣры во Христа считаютъ необходимымъ соблюдать заповѣди Закона, ибо именно имъ должно быть сказано: *Если оправданіе чрезъ Законъ, то слѣдовательно Христось умеръ* [или: *умеръ бы*] *напрасно.* Или можетъ быть они покажутъ намъ, какимъ образомъ Христось умеръ не напрасно, если дѣла оправдываютъ. Но если и найдутся такіе тупоумные, однако они не посмѣютъ сказать, что Христось умеръ безъ причины. Итакъ къ той части умозаключенія, которая предлагается здѣсь, т. е. къ словамъ: *Ибо если оправданіе чрезъ Законъ, то слѣдуетъ, что Христось умеръ напрасно,* мы должны присоединить то, что слѣдовательно можетъ быть прибавлено и не можетъ быть отвергнуто слѣдующее: „Но Христось умеръ не напрасно“ и потомъ можно сдѣлать такое заключеніе: „Слѣдовательно и оправданіе не чрезъ Законъ“.—До этого мѣста [рѣчь была] противъ Петра; а теперь онъ обращается къ Галатамъ.

Глава III.—Стихъ 1: *О, безмысленные Галаты, кто васъ оболѣстилъ* (*fascinavit*, обворожилъ).—Это мѣсто можетъ быть понято двояко. Галаты названы несмысленными или потому, что, переходя отъ высшаго къ низшему, они начали духомъ и окончили плотію, или потому, что каждая страна имѣла свои особенности. Апостоль подтверждаетъ, что Кри-

тяне всегда лживы, злые звѣри, лѣнныя чревоугодники (*rigros ventres*), какъ объ этомъ сказала поэтъ Епименидъ. По свидѣтельству латинскаго историка, Мавры тщеславны, Далматы жестоки. Всѣ поэты говорятъ о томъ, что Фригійцы робки. Философы хвалятся тѣмъ, что въ Аѳинахъ рождаются болѣе способные отъ природы люди. А что Греки легкомысленны, мысль объ этомъ внушаетъ Туллій у К. Цезаря въ такихъ словахъ: „Или легкомысленныхъ Грековъ, или свирѣпыхъ варваровъ“; а въ [своемъ разсужденіи] предъ Флаккомъ онъ говорить. „Врожденное легкомысліе и ученая пустота“. Даже Израильскій народъ все Св. Писаніе обвиняетъ въ грубости сердца и тупоуміи (*dura servica*). По моему мнѣнію, и Апостоль выше приведенными словами упрекаетъ Галатовъ въ мѣстной [природной] особенности. Хотя нѣкоторые, входя въ обсужденіе глубокихъ вопросовъ, какъ будто съ цѣлю избѣжать еретическаго ученія, которое говоритъ о различіи природы, утверждаютъ, что Тиряне и Сидоняне, Моавиты и Аммониты, Идумеяне, Вавилоняне и Египтяне и всѣ народы, называемые въ Писаніяхъ, имѣли [дѣйствительно] нѣкоторыя особенности, но это вслѣдствіе предшествующихъ причинъ и по качествамъ прежнихъ дѣяній, такъ что справедливость Божія не подвергается сомнѣнію, такъ какъ каждый народъ признается или добрымъ или злымъ,—т. е. съ качествами, которыхъ другой народъ не имѣетъ. А мы, отбояняя эти глубокомысленныя разсужденія, послѣдуемъ тому, что сказано выше, и будемъ утверждать, что Апостоль или упрекаетъ Галатовъ въ неразуміи, вслѣдствіе котораго они не могли различать между духомъ Закона и буквою, или же возстаетъ противъ ихъ природнаго (*gentis*—народнаго) порока, такъ какъ они непослушны и тупы, и нелегко усвоятъ мудрыя наставленія. А дальнѣйшія слова: *Кто оболѣстилъ васъ* (1 *Корнѣ* XI?) мы должны объяснить достойнымъ Павла образомъ (хотя Павелъ былъ и неискусенъ въ словѣ, но не въ мудрости), т. е. не въ томъ смыслѣ, что онъ признавалъ

ворожбу, которая по представленію простого народа приноситъ зло; но въ томъ смыслѣ, что онъ употребилъ простонародное выраженіе и какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ воспользовался обыденнымъ говоромъ. Мы читаемъ въ Притчахъ: *Подарокъ мучитъ глаза завистника*. То, что у насъ читается *завистникъ* (*invidus*), на греческомъ языкѣ выражается болѣе знаменательно словомъ *обольстителъ* (*fascinator*—чародѣя, ворожея, который можетъ сглазить). И въ книгѣ Премудрости, приписываемой Соломону, пишется: *Обольщеніе злобы помрачаетъ добро* (*Премудр. IV, 12*). Изъ этихъ примѣровъ мы научаемся, что или завистникъ терзается при видѣ чужого благополучія (*felicitate*), или тотъ, у котораго есть какое либо благо, подвергается нѣкоторому вреду, когда другой обворожаетъ (*fascinante*) его или завидуетъ (*invidente*) ему. Говорятъ, что ворожей прежде всего вредитъ дѣтямъ и дѣтскому возрасту и тѣмъ, которые еще не твердою стопою ходятъ по пути. Поэтому и нѣкто изъ язычниковъ говорить: „Я не знаю, какой глазъ обворожилъ моихъ нѣжныхъ агнцевъ“ (*Виргил. Эклог. 3*). Богъ видитъ, правильно ли это или нѣтъ, потому что можетъ быть, что и демоны служатъ этому грѣху, и отвращаютъ отъ добрыхъ дѣлъ тѣхъ людей, которыхъ видятъ или начинающими въ дѣлѣ Божіемъ, или совершенствующимися. У насъ теперь вопросъ идетъ о томъ, что,—по нашему мнѣнію,—Апостолъ взялъ примѣръ изъ общенароднаго мнѣнія. Такимъ образомъ подобно тому, какъ дѣтскій (*tenera*) возрастъ представляютъ подверженнымъ вреду отъ ворожбы, и Галаты, новорожденные (*pueris patii*) въ вѣрѣ во Христа, и питаемые еще молокомъ, а не твердою пищею (*1 Коринѳ. III*), подверглись порчѣ, какъ будто кто-то обворожилъ ихъ, и они ослабѣли чревомъ вѣры (*stomacho fidei nauseante*). Они извергли изъ себя яства Святаго Духа. Поэтому, если кто хочетъ возражать намъ, то пусть объяснитъ, какимъ образомъ изъ обычнаго

словоупотребленія заимствованы: долина великановъ¹⁾ въ книгѣ Царствъ (4 Цар. XXIII, 10?), сирены²⁾ и оноцентавры³⁾ у Исаи (Ис. XXXIV, 13, 14), Арктуръ, Оріонъ и Плеяды⁴⁾ въ книгѣ Іова (Іов. IX, 9) и проч. тому подобныя выраженія, имѣющія свой источникъ и начало въ баснословныхъ преданіяхъ язычниковъ. Такимъ образомъ спросимъ Маркіона относительно этого мѣста, такъ какъ онъ отрицаетъ пророковъ: какимъ образомъ будетъ истолковано то, что далѣе слѣдуетъ?

Предъ глазами которыхъ преднаписанъ Іисусъ Христосъ распятый въ васъ.—Дѣйствительно, намъ по правдѣ былъ преднаписанъ Тотъ, о древѣ крестномъ, страданіи, заушеніяхъ и бичеваніяхъ Котораго предсказываетъ весь ликъ пророковъ; такъ что о крестныхъ страданіяхъ Его мы познали не изъ Евангелія только, въ которомъ Онъ изображенъ распятымъ, но задолго прежде, чѣмъ Онъ соблаговолилъ низойти на землю. И не малая похвала для Галатовъ въ томъ, что они такъ именно увѣровали въ Распятаго, какъ Онъ былъ преднаписанъ имъ, т. е. (scilicet) усердно читая пророковъ и познавая всѣ тайства Вѣтхаго Завета, они жизнью и повиновеніемъ заповѣдямъ Божиимъ пришли къ вѣрѣ. Въ нѣкоторыхъ собраніяхъ Священныхъ Книгъ (codicibus) читается: *Кто обольстилъ васъ не въроватъ истинѣ?* Но такъ какъ этого нѣтъ въ спискахъ Оригена (Adamantii), то мы опустили это.

¹⁾ Греческій, Вулгата, славянскій и русскій имѣютъ: ἐν φαράγγι υἱῶν Εὐυόμ, — in convalle filii Енно, — въ дебри сыновъ Енносовыхъ, — въ долину сыновей Еннома.

²⁾ Греческое σειρήνων, слав. сириномъ, въ латинскомъ переведено: draconum, въ русск. шакаловъ.

³⁾ Въ русскомъ на этомъ мѣстѣ употреблено: *звери съ дикими кошками.*

⁴⁾ Русский текстъ имѣетъ *Асъ, Кесиль и Хима* (Еврейскія слова).

Стихъ 3: *Только слѣдующее я хочу узнать отъ васъ: дѣлами ли Закона мы приняли Духа, или чрезъ слухъ вѣры.*—Есть дѣйствительно, говорить онъ, многое такое, что можетъ убѣдить васъ въ необходимости оказывать предпочтеніе Евангелію предъ Закономъ; но такъ какъ вы несмысленны и рѣшительно не можете слушать этого, то я обращаюсь къ вамъ съ простою рѣчью и хочу узнать о томъ, что навязывается на вопросъ само собою: принятаго вами Духа Святаго дали ли вамъ дѣла Закона, соблюденіе субботы, обрѣзанія и новомѣсячій, преданныхъ вамъ, или напротивъ наставленіе въ вѣрѣ, чрезъ которое вы изъ язычниковъ стали вѣрующими? Но если нельзя отвергнуть того, что Духъ Святой и силы, которыя въ началѣ вѣры слѣдуютъ за воспріятіемъ Духа, даны намъ не чрезъ дѣла Закона, а чрезъ вѣру во Христа; то очевидно, что, начавши лучшимъ, вы повергаетесь въ худшее. Но тщательно размыслимъ о томъ, что онъ не сказалъ: *Хочу отъ васъ узнать, получили ли вы Духа чрезъ дѣла*, а съ прибавкою: *чрезъ дѣла Закона*, ибо онъ зналъ, что и Корнилій сотникъ получилъ Духа чрезъ дѣла (*Дѣян. X*), но не чрезъ дѣла Закона, котораго онъ не зналъ. Если же наоборотъ скажутъ: „Итакъ Духъ можетъ быть полученъ и безъ слушанія наставленій въ вѣрѣ“; то мы скажемъ, что Корнилій дѣйствительно принялъ Духа, но отъ слуха вѣры и по естественному Закону, который говоритъ въ сердцахъ нашихъ, что благое мы должны совершать, а чего злаго—избѣгать; чрезъ него вѣкогда были оправданы, какъ мы знаемъ, Авраамъ, Моисей и прочіе святые; его же можетъ усилить и совершеніе дѣлъ, и оправданіе чрезъ законъ, но не чрезъ Законъ плоти, который прошелъ. Но давая предпочтеніе вѣрѣ, мы не уничтожаемъ дѣлъ Закона (*Римл. III, 31*) и не говоримъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми: *Будемъ дѣлать зло, пока придетъ добро* (осужденіе таковыхъ справедливо), но мы предпочитаемъ благодать рабству; мы и говоримъ: „Чтобъ Іудеи совершаютъ изъ страха,

то мы дѣлаемъ по любви“. Они рабы, а мы—сыны; они принуждаются дѣлать добро, а мы предпринимаемъ его совершеніе добровольно. Итакъ вѣра во Христа не служить основаніемъ для позволительности преступленій противъ Закона; но изъ любви отъ вѣры умножается желаніе дѣлать добрыя дѣла, не потому, что мы страшимся Судіи, а потому, что знаемъ, какъ благоугодны они Тому, въ Котораго мы вѣруемъ. Можетъ быть, что кто-нибудь спроситъ: „Если вѣра происходитъ только отъ слышанія наставленій въ вѣрѣ, то какимъ образомъ могутъ сдѣлаться христіанами глухіе отъ рожденія?“ Дѣйствительно, Бога Отца каждый можетъ уразумѣть по величію и красотѣ тварей, и Создатель, слѣдовательно, познается чрезъ изученіе созданнаго. Но рожденіе Христа, его крестныя страданія, смерть, могутъ быть познаны только чрезъ устное проповѣданіе (ex auditu) Итакъ: или глухіе не—Христіане, или, если они Христіане, то ложно слово Апостола въ другомъ мѣстѣ: *Итакъ вѣра отъ слышанія, а слышаніе отъ слова Божія*“ Тотъ, кто довольствуется простымъ отвѣтомъ, говоритъ на это слѣдующее: „Апостоль не сказалъ вообще, что *вѣра всѣхъ* происходитъ отъ слуха, а только: *вѣра отъ слуха*, что можетъ быть понято и вообще, и въ частности въ томъ смыслѣ, что отъ слуха происходитъ вѣра, вѣра тѣхъ, которые слышать, которые вѣруютъ“. А тотъ, кто будетъ стараться удовлетворительно разрѣшить этотъ мелочный вопросъ, тотъ прежде всего пусть постарается указать на то, что глухіе могутъ научиться Евангелію чрезъ движенія рукъ, чрезъ наблюденіе за ежедневною жизнію, и такъ сказать, чрезъ подобныя слову тѣлесныя движенія. Поэтому то слово Божіе, для котораго вообще ничто не глухо, говоритъ преимущественно къ тѣмъ ушамъ, о которыхъ оно само говоритъ въ Евангеліи: *Кто имѣетъ уши, чтобы слышать, пусть слышитъ*, (Лук. VIII, 8), и въ Апокалипсисѣ: *Кто имѣетъ уши, пусть слушаетъ, что Духъ говоритъ Церквамъ* (Апокал.

II. 11). И пророкъ Исаія говоритъ: *Господь далъ мнѣ ухо* (Ис. VI, 33, 35) Это и есть тотъ другой человекъ, которому Богъ говоритъ въ тайнѣ, Который восклицаетъ въ сердцѣ вѣрующаго: *Авва, Отче* (Римл. VIII, 15); съ другой стороны (объ этомъ мы неоднократно говорили) какъ тѣло имѣеть всѣ члены и чувства, такъ и душа имѣеть также совершенно всѣ чувства и члены, и между ними уши, и если кто имѣеть таковыя, то не очень нуждается въ этихъ тѣлесныхъ чувствахъ для познанія Евангелія. Вмѣстѣ съ тѣмъ обратите вниманіе и на то, что здѣсь названный *Духъ* разумѣется безъ всякаго прибавленія: *Святый*, это тотъ Духъ, Котораго мы получаемъ по дару—отъ Бога, а не отъ людей, и о Которомъ въ другомъ мѣстѣ пишется: *Неразвращенный Духъ во всѣхъ* (Прем. XII, 1), и: *Самъ Духъ даетъ свидѣтельство [или: дастъ] духу нашему* (Римл. VIII, 16), и въ другомъ мѣстѣ: *Никто не знаетъ того, что есть въ человекѣ, кромѣ духа человеческого, живущаго въ немъ* (1 Корнѣ. II, 11), и у пророка Даніяла: *Благословите, духи и души праведныхъ, Господа* (Дан. III, 86).

Стихъ 3: *Вы такъ неразумны, что хотя начали Духомъ, нынѣ оканчиваете плотію.*—Если они приняли Духа святаго, то какимъ образомъ они неразумны? Это тотчасъ и разрѣшается въ томъ смыслѣ, что хотя они дѣйствительно приняли Духа Святаго, но Духъ былъ отнятъ у нихъ, когда они оканчивали плотію. Поэтому они безъ причины потеряли то, что потеряли А для того, чтобы послѣ преступленія (reccatum) Духъ не оставилъ Давида, онъ молится въ словахъ: *Духа Твоего Святаго не отними отъ меня* (Псал. L, 13). Обратите вниманіе на то, что человекъ, слѣдующій буквѣ Писаній, называется окончившимъ плотію. Посему обращенное къ Коринтянамъ слово: *Живя въ плоти, не будемъ воинствовать по плоти* (2 Корнѣ. X, 3) лучше понимать такъ, что воинствующими въ плоти называются тѣ, которые съ благоговѣніемъ относятся къ Вѣтхому Завету.

А тѣ, которые слѣдуютъ духовному пониманію, хотя и находятся въ плоти, потому что имѣютъ ту же самую букву, какъ и Іудеи, но воинствуютъ не по плоти, такъ какъ возвышаются отъ плоти къ духу. Поэтому когда вы будете видѣть, что увѣровавшій сначала [въ Евангеліе] изъ язычниковъ, и возложившій руку на рало Христова [плугъ, соха] подъ руководствомъ какого-либо разумнаго учителя, продолжаетъ путемъ Закона такъ идти къ Евангелію, что все написанное тамъ о субботахъ, опрѣснокахъ, обрѣзаніи, закланіи жертвъ понимаетъ достойнымъ Бога образомъ; а потомъ послѣ чтенія Евангелія поды влияніемъ убѣжденій какого-либо Іудея или единомысленника Іудеевъ, оставивъ тѣнь и туманныя иносказанія, начинаетъ понимать Писанія такъ, какъ они написаны; тогда объ этомъ человѣкѣ вы можете сказать: „Ты такъ неразумень, что хотя когда-то началъ духомъ, но теперь оканчиваешь плотію“.

Стихъ 4: *Столь многое претерпѣли вы безъ причины, если только безъ причины* ¹⁾ — Если мы посмотримъ на несчастныхъ Іудеевъ, въ какомъ суевѣрїи и съ какою трудною для соблюденія осторожностію живутъ они среди прочихъ народовъ, говоря: „Не касайся, не вкушай, не притрогивайся“; то мы признаемъ истинность сказаннаго: *Столько претерпѣли вы безъ причины*. Но при этомъ Апостоль не смягчаетъ своего приговора непосредственно, а только придаетъ ему видъ сомнѣнія: *если только безъ причины*, потому что здѣсь говорится о тѣхъ, которые послѣ Закона могутъ обратиться къ Евангелію. Лучше же это мѣсто понимать такъ, что Галаты, сперва увѣровавшіе въ Распятаго, перенесли много укоризнъ и со стороны Іудеевъ, и со стороны язычниковъ, и претерпѣли весьма великія преслѣдованія

¹⁾ Греческій: εἰζῆ. Вульгата: sine causa, Славянскіи: туне Русскіи: напрасно.

(non minimas persecutiones). Теперь они слышатъ обличеніе въ томъ, что они претерпѣли ихъ напрасно, если они только отвратятся отъ благодати Христовой. вмѣстѣ съ тѣмъ остается и та надежда, что пострадавшій за вѣру во Христа, а потомъ впавшій въ грѣхъ, пока согрѣшаетъ, какъ будто страдалъ безъ причины; эта надежда не дѣлаетъ безплодными прежнія страданія, если онъ снова обратится къ прежней вѣрѣ,—возвратится къ прежнему поведенію. Другой смыслъ (aliter): Если, говоритъ онъ, вы думаете, что обрѣзаніе должно быть послѣ благодати, то, живя до настоящаго времени безъ обрѣзанія, вы сдѣлали безплоднымъ все то, что претерпѣли. Впрочемъ, мнѣ кажется, что вы претерпѣли это не напрасно, такъ какъ я знаю, что Законъ послѣ Евангелія не имѣетъ силы. А можетъ быть и такъ: Не малый былъ вредъ отъ того, что вы, слѣдуя Закону объ обрѣзаніи, погубили столь великій прежній трудъ по вѣрѣ, а теперь къ этому ущербу присоединяется еще отвѣтственность за непостоянство, такъ что и въ прошломъ вы пострадали безъ причины, и въ будущемъ будете терпѣть мученія. Нѣкоторые же для объясненія этого мѣста допускаютъ такую натяжку: „Подумайте о прежней свободѣ благодати и о тяжести тепершняго соблюденія Закона. и вы увидите, какъ много сдѣлали вы понапрасну, хотя несомнѣнно плодъ этого заблужденія не должно считать погибшимъ, ибо вы были приведены къ нему ревностію по Богъ. Дѣйствительно. не знающимъ можетъ быть оказано снисхожденіе, если вы, обратившись къ лучшему, покажете, что въ васъ колебалось ваше знаніе, а не рѣшимость къ подвигамъ.

Стихъ 5: *Итакъ, подающій вамъ Духа и производящій въ васъ силы* [дѣйствуетъ ли] *отъ слуха вѣры, или отъ дѣлъ Закона.*—*Подающій* (qui tribuit), т. е. совершающій (administrat) должно быть понимаемо въ значеніи настоящаго [а не: *подавшій*], чтобы показать, что въ каждый отдѣльный часъ или мгновеніе достойнымъ всегда подаетъ

ся Духъ Святой; и чѣмъ больше кто-либо усовершенствуется въ дѣлѣ Божіемъ и любви, тѣмъ больше онъ имѣеть въ себѣ силы Духа Святаго, которыя совершаютъ не дѣла Закона, а слушаніе вѣры. Это не значитъ то, что дѣла Закона должны быть презираемы, и что безъ нихъ должно стремиться къ простой вѣрѣ, а то, что самыя дѣла должны быть украшаемы вѣрою во Христа. Вѣдь извѣстно знаменитое (IIIa) изреченіе мудраго мужа: «Не вѣрующей живетъ праведностію, но праведный живетъ вѣрою». Вмѣстѣ съ тѣмъ показывается, что Галаты, принявъ послѣ вѣры Духа Святаго, имѣли дарованія силъ, т. е. пророчество, роды языковъ, исцѣленіе отъ болѣзней и прочее, что исчисляется въ посланіи къ Коринѳянамъ между духовными дарами (1 Коринѳ. XII, 7—11); и тѣмъ не менѣе,—послѣ принятія столь многихъ даровъ (можетъ быть потому, что они не имѣли благодатнаго дара различать духовъ),—они были онутаны сѣтями лжеучителей. Также необходимо обратить вниманіе и на то, что говорится о дѣйствіи силъ въ тѣхъ, которые не держатъ истины Евангелія, подобно тому, какъ и въ тѣхъ, которые, не слѣдуя Господу, совершали во имя Его чудеса, какъ объ этомъ особенно вопрошаетъ Господа Іоаннъ: *Учитель, мы видѣли нѣкогого, который именемъ Твоимъ изгоняетъ бесовъ, и запретили ему, потому что онъ не слѣдуетъ за нами* (Марк. IX, 37). Это говорится противъ еретиковъ, которые видятъ оправданіе своей вѣры въ томъ, что они могутъ совершить какое-либо знаменіе. Хотя они будутъ и ѣсть, и пить во имя Господа,—потому что и они имѣютъ святотатственный жертвенникъ,—и будутъ хвалиться тѣмъ, что, призывая Спасителя, совершаютъ многія знаменія, однако въ день суда они по заслугамъ своимъ услышатъ: *Я не знаю васъ, отойдите отъ Меня дѣлающіе неправду* (Матѳ. VII, 23).

Стихъ 6: *Такъ Авраамъ вѣровалъ Богу, и [это] вмѣнилось ему въ праведность.*—Отъ этого мѣста до словъ: *Тѣ, которые отъ вѣры, благословятся съ вѣрными Авра-*

амомъ, Маркіонъ исключаетъ изъ своего „Апостола“. Но къ чему послужило то, что онъ это исключилъ, когда остальное, удержанное имъ, противорѣчитъ его безсмыслию? А Авраамъ вѣровалъ Богу, уходя изъ отечества своего въ землю, которой не зналъ (*Быт. XII и дал.*), твердо вѣруя въ то, что безплодная пятидесятилѣтняя Сара родитъ дитя; и принося въ жертву того самаго Исаака, хотя слышалъ обѣтованіе Божіе о томъ, что въ Исаакѣ назначается (*vocaretur*) потомство (*semen*) ему, но нисколько не сомнѣвался въ исполненіи его. По справедливости вѣра вмѣняется въ праведность такому, который превзошелъ дѣла, предписанныя Закономъ и приобрѣлъ себѣ Бога [*или: приобрѣтеть себѣ Бога*] не страхомъ предъ Нимъ, но любовію къ Нему.

Стихъ 7: *Итакъ узнайте, что тѣ, которые отъ вѣры, суть дѣти Авраама.*—Болѣе полно онъ разсуждаетъ объ этомъ въ посланіи къ Римлянамъ, именно о томъ, что вѣра была вмѣнена Аврааму въ праведность не въ обрѣзаніи, а въ необрѣзаніи (*Римл. IV, 10*). И тщательно сохраняя эту мысль, онъ учитъ, что тѣ суть дѣти Авраама, которые вѣруютъ съ такими же мыслями, какъ необрѣзанный еще Авраамъ; ибо онъ радъ былъ видѣть и возрадовался, когда увидѣлъ день Господень (*Іоан. VIII*). Поэтому и къ невѣрующимъ Іудеямъ говорится: *Если бы вы были чадами Авраама, то дѣлали бы дѣла Авраама (тамъ же, ст. 39)*. Но какія иныя (въ то время, когда это говорилось) дѣла требовалъ отъ нихъ Богъ, кромѣ вѣры въ Сына Божія, Котораго послалъ Отецъ съ словомъ: *Кто вѣруетъ въ Меня, не въ Меня вѣруетъ, а въ Того, который послалъ Меня (Іоан. XII, 44)*. Поэтому и въ другомъ мѣстѣ людямъ, гордившимся древностію и знатностію рода, дается такой отвѣтъ: *И не говорите, что мы имѣемъ отца Авраама. Ибо Господь можетъ сотворить дѣтей (suscitere filios) Аврааму и изъ камней сижъ (Мѡ. III, 9)*. Никто не сомнѣвается, что тамъ подъ камнями разумѣются грубыя сердца язычниковъ, которыя послѣ того

размягчались и приняли знамя вѣры. Добрыя дѣла Авраама, которыми онъ былъ угоденъ Богу еще до обрѣзанія, ты, прилежный читатель, исчисли, и если кого найдешь съ подобными дѣянiями, то скажи имъ, что они дѣти Авраама, оправданные въ необрѣзаніи, потому что онъ принялъ знакъ обрѣзанія не по заслугамъ дѣлъ своихъ, но въ знакъ своей предшествующей вѣры. Но такъ какъ отъ сѣмени его долженъ былъ родиться Христосъ, въ Которомъ было обѣтовано благословеніе всѣхъ язычниковъ, и такъ какъ отъ времени Авраама до Христа имѣло пройти много вѣковъ; то Богъ, предохраняя отъ того, чтобы потомки возлюбленнаго Авраама не смѣшались съ прочими народами, и семейство его мало-помалу не обратилось въ неизвѣстное, нѣкогда отмѣтилъ стадо Израильское печатію обрѣзанія, чтобы оно, живя между Египтянами, Ассирійцами, Вавилонянами и Халдеями, отличалось отъ нихъ этимъ знакомъ. Затѣмъ въ теченіе сорока лѣтъ жизни въ пустынѣ никто не былъ обрѣзанъ, потому что они только одни жили въ пустынѣ безъ другой примѣси; но непосредственно послѣ перехода чрезъ Іорданъ народа и послѣ вторженія Іудейской толпы въ землю Палестины, обрѣзаніе сдѣлалось необходимымъ для предупрежденія будущаго сліянiя съ язычниками. А то, что у вождя Іисуса [Навина] народъ снова пишется, какъ обрѣзанный (*Навин. V, 2—4*), имѣетъ то значеніе, что и въ пустынѣ прекратилось обрѣзаніе, которое благоразумно примѣнялось въ Египтѣ, и что отъ Господа Іисуса Христа вѣрующіе должны быть обрѣзаны духовнымъ обрѣзаніемъ.

Стихи 8, 9: *А Писаніе, провидя, что Богъ оправдаетъ язычниковъ отъ вѣры, предвозвѣстило Аврааму, что „въ тебѣ благословятся всѣ народы“. Итакъ тѣ, которые отъ вѣры, благословятся съ вѣрнымъ Авраамомъ* — Это значить не то, что само Писаніе, т. е. чернила и листы кожи, которые сами по себѣ не имѣютъ смысла, могутъ предузнавать будущее, но то, что Духъ Святыи и тотъ смыслъ, ко-

торый скрывается подъ буквою, провозвѣстили имѣющее совершиться, спустя много вѣковъ. Затѣмъ: примѣръ, заимствованный изъ книги Бытія, такъ читается въ свиткѣ, содержащемъ эту книгу (proptio volumine): *И благословятся о сѣмени твоємъ всѣ народы земли* (Быт. XXVI, 4). То, что Апостоль изъяснилъ о Христѣ, говоря: *Не написано: „о сѣменахъ“, какъ бы о многихъ, но какъ бы объ одномъ, и сѣмени твоємъ, которое есть Христосъ,*—то же мы должны замѣтить и о всѣхъ почти свидѣтельствахъ, которыя взяты изъ Ветхозавѣтныхъ книгъ въ Новомъ Завѣтѣ,—именно, что апостолы и евангелисты предали ихъ памяти изъясняя только смыслъ, и часто измѣнивъ порядокъ расположенія [словъ], иногда пропустивъ [часть] ихъ, а иногда присоединивъ [другія]. Ни для кого нѣтъ сомнѣнія, что всѣ совершенно народы не были благословлены ни въ Исаакѣ, ни въ Іаковѣ, ни въ двѣнадцати патріархахъ и прочихъ, происшедшихъ отъ корня Авраамова; но въ Іисусѣ Христѣ, чрезъ Котораго всѣ народы восхваляютъ Бога, и благословляется на землѣ новое имя. Впрочемъ, можно также понять, что Апостоль заимствовалъ примѣръ сѣмени и изъ другого мѣста книги Бытія, гдѣ пишется: *Вывелъ же вонъ (несомнѣнно, что Авраама) Богъ и сказалъ ему: Посмотри на небо и пересчитай звѣзды, если только можешь перечислить ихъ. И сказалъ ему: Такъ будетъ и сѣмя твое, и вѣровалъ Авраамъ Богу и вѣрилось [это] ему въ праведность* (Быт. XV, 5, 6). Итакъ тѣ, которые вѣруютъ, благословятся съ вѣрнымъ Авраамомъ, о которомъ говорится, по превосходной его вѣрѣ въ Бога, что онъ увѣровалъ въ Бога какъ бы первымъ. Такъ и Эносъ за преимущественную надежду на Бога и возвышенную по сравненію съ другими, изображается, какъ надѣявшійся призывать Господа Бога (Быт. IV, 26). Это не потому, что и Авель, о которомъ Господь говоритъ: *Голосъ крови брата твоего вопіетъ ко мнѣ* (Быт. IV, 10), и затѣмъ остальные не надѣялись при-

зывать Бога, а потому, что каждый называется по той сторонѣ своей, которая въ немъ преимущественно обнаруживается.

КНИГА ВТОРАЯ.

Въ настоящее время во второй книгѣ толкованій на посланіе къ Галатамъ мнѣ кажется необходимымъ возвратиться къ тому, что я оставилъ незатронутымъ въ первой книгѣ, когда говорилъ объ особенностяхъ язычниковъ, а именно: кто такіе Галаты, или отъ кого и откуда они произошли; родились ли они на той землѣ, которую теперь населяютъ, или же она приняла ихъ какъ пришельцевъ; потеряли ли они свой языкъ вслѣдствіе союзовъ [съ другимъ народомъ], или же они и своего не потеряли, и научились новому Маркъ Варронъ, прилежнѣйшій изслѣдователь всѣхъ древностей, и прочіе, подражавшіе ему, сообщили многое, достойное памяти относительно этого народа. Но такъ какъ мы рѣшились не вводить необрѣзанныхъ въ храмъ Божій, да и, сознаваясь откровенно, мы уже много лѣтъ перестали читать это, то мы представимъ слова нашего Лактакція, который онъ даетъ объ этомъ народѣ въ третьемъ свитѣ сочиненія къ Пробу. Онъ говоритъ: „Галлы въ древности назывались Галаты за бѣлизну тѣла, и Сибилла такъ ихъ называетъ. Это же хотѣлъ показать и поэтъ когда говоритъ: *Тогда они повязали золотомъ бѣлыя, какъ молоко, шеи* (Виргил. Энеид. кн. VШ), когда могъ сказать: *бѣлыя*. Отсюда, конечно, и названіе области *Галатія*, ибо Галлы, нѣкогда являясь въ нее, смѣшивались съ Греками; поэтому страна первоначально называлась *Галлогреція*, а потомъ *Галатія*“. Неудивительно, если онъ это говорилъ о Галатахъ,—и упомянулъ, что они,—западный народъ,—пропустивъ столь большое пространство въ срединѣ земель,—сѣли на равнинахъ Востока; такъ какъ извѣстно и обратное, т. е. что выселившіеся изъ Греціи и съ Востока дошли до край-

нихъ предѣловъ Запада. Массилію [Марсель] основали Фокейцы, о которыхъ Варронъ говоритъ, что они знаютъ три языка, что они говорятъ по-гречески, по-латыни и по-гальски. Городъ Роду населили переселенцы изъ Родосцевъ, отчего получила свое имя рѣка Роданусъ [Рона]. Я пропускаю Тиранъ, основателей Кареагена, и городъ Агенора; я обхожу Фивы Либера, которыя онъ основалъ въ Африкѣ, это городъ, называемый нынѣ Фивеста (Thebestia); я оставляю ту часть Ливіи, которая наполнена Греческими городами. Перехожу въ Испанію: не переселенцы ли съ острова Закиноа основали Сагунтъ, и не рассказываютъ ли, что городъ Тартессонъ населили Іонійскіе Греки, нынѣ онъ называется Картея? А Испанскія горы: Кальпе, Идрунтъ, Пириней, а также острова: Афродисіады и Гимнезіи, называющіяся Балеарскими, развѣ не обнаруживаютъ слѣдовъ греческаго языка? Сама Италія, нѣкогда наполненная Греческимъ народомъ, называлась Великою Греціею. Конечно, никто не можетъ отрицать, что Римляне произошли отъ потомства Агійца Энея. Отсюда понятно, почему и на Западѣ находятся часто природныя качества живого Греческаго духа, и на Востокѣ проявляется варварская грубость. Мы не то хотимъ сказать, что въ [извѣстной] странѣ и въ томъ или другомъ мѣстѣ не рождаются различные [по качествамъ] люди, а то, что по качествамъ большинства получаетъ названіе и то, что на него и не походить. Итакъ неудивительно, что Галаты называются и несмысленными и [сравнительно съ другими] болѣе медлительными въ пониманіи, хотя Иларій, — Рона [рѣка] латинскаго краснорѣчія, — по происхожденію Галлъ и Пиктавіецъ, въ стихотвореніи изъ Гимновъ (in Carmine Нуппогум) называетъ Галловъ невѣжественными. А то, что встрѣчаются плодовиые изъ нихъ въ краснорѣчіи, относится скорѣе къ плодамъ ихъ учителей краснорѣчія, чѣмъ къ качествамъ ихъ страны, тѣмъ болѣе, что Аквитанія хвалится своимъ греческимъ происхожденіемъ,

а Галаты происходятъ не изъ этой части страны, а изъ числа болѣе звѣроподобныхъ Галловъ. Павла и Евстохія, хотите ли вы знать, какимъ образомъ Апостоль Павелъ каждую область обозначилъ соотвѣтственно ея особенностямъ? И до настоящаго времени остаются слѣды тѣхъ же самыхъ или добродѣтелей, или заблужденій [жителей этихъ странъ]. У Римскаго народа похваляется вѣра (Римл. I, 8). Въ какомъ другомъ мѣстѣ съ такимъ стараніемъ и постоянствомъ собираются люди въ храмы и къ гробницамъ мучениковъ? гдѣ возглашается „Аминь“ подобно грому небесному, и гдѣ разваливаются опустѣвшіе храмы идольскіе? Но это не значить того, что Римляне имѣютъ другую вѣру, чѣмъ какую имѣютъ остальные Церкви Христовы; а доказываетъ только то, что у нихъ ббольшее благочестіе и простота въ вѣрѣ. Съ другой стороны они обличаются въ легкомысліи и гордости. Въ легкомысліи тамъ, гдѣ говорится: *Прошу васъ, братіе, чтобы вы остерегались отъ тѣхъ, которые производятъ раздоры и соблазны вопреки ученію, которому вы научились, и чтобы вы уклонялись отъ нихъ, ибо люди этого рода служатъ не Христу, Господу [или съ прибавл.: нашему], а своему чреву, и льстивыми рѣчами и краснорѣчіемъ (benedictionibus) увлекаютъ сердца невинныхъ. Ваше же повиновеніе вѣсѣмъ извѣстно во всякомъ мѣстѣ. Итакъ, я радуюсь о васъ, и желаю, чтобы вы были мудры для добра и просты для зла (Римл. XVI, 17—19); а въ гордости обвиняетъ тамъ, гдѣ говорится: *Не гордись, но бойся.. Не хочу, чтобы вы не знали, братіе, тайны сей, чтобы вы не были мудрыми въ своихъ собственныхъ глазахъ (ipsi vobis, Римл. XI, 20 и 25); и въ слѣдующихъ словахъ: Ибо я говорю по благодати, данной мнѣ, вѣсѣмъ, находящимся среди васъ, не мудрствовать болѣе, чѣмъ должно мудрствовать, но мудрствовать трезвенно (Римл. XII, 3). Наконецъ, еще болѣе ясно: *Радуются съ радующимися и плакать съ плачущими. про-***

являя взаимное согласіе (idipsum invicem sentientes), не высокоумствуя, но соглашаясь со смиренными, не будьте мудрыми въ своихъ собственныхъ глазахъ (apud vosmetipsos, Римл. XII, 15, 16). Также и особенности Коринтянь Апостоль обозначаетъ тѣмъ, что женщины ихъ не покрываютъ головы, а мужчины умащаютъ волосы (1 Корнѣ XI, 4—15), что они безразлично [всякую пищу] вкушаютъ въ храмахъ [или: въ извѣстное время] (2 Корнѣ. XI, 20). и надмившись свѣтскою мудростію, отрицають воскресеніе плоти. Отчасти эти качества остаются у нихъ и до настоящаго времени, какъ въ этомъ съ несомнѣнностію можетъ убѣдиться тотъ, кто увидить Ахаію (1 Корнѣ. IV). Македоняне похваляются за свою любовь и заботливость въ отношеніи къ братіи. Поэтому имъ пишетъ: *О вашей же любви къ братіи мы не имѣемъ нужды писать вамъ, ибо вы сами отъ Бога научились тому, чтобы любить себя взаимно; и, дѣйствительно вы дѣлаете это относительно всѣхъ братьевъ по всей Македоніи* (1 Тессал. IV, 9). Но вмѣстѣ съ тѣмъ они получаютъ упреки въ томъ, что праздно ходятъ изъ дома въ домъ, и въ ожиданіи чужихъ яствъ, пока не понравятся каждому, ходятъ то туда, то сюда, и сообщаютъ, что дѣлается у каждаго [въ домѣ] Дѣйствительно, вслѣдъ затѣмъ онъ говоритъ: *Просимъ же васъ, братіе, чтобы были вы въ большемъ изобиліи и усердствовали о томъ, чтобы быть спокойными, дѣлать свое дѣло и работать своими руками, какъ мы заповѣдали вамъ, и честно ходили предъ внѣшними, и не желали ничего иного* (1 Тессал. IV, 10—12). А чтобы кто-либо не подумалъ, что это увѣщаніе есть только слѣдствіе обязанности его, какъ учителя, а не вызвано дѣйствительнымъ недостаткомъ народа, онъ во второмъ [посланіи] къ нимъ снова повторяетъ настойчиво: *Ибо даже когда мы были у васъ, мы говорили вамъ объ этомъ; если кто не хочетъ трудиться, пусть и не ѣстъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь мы слышали, что между вами нѣкоторые*

живутъ неспокойно, ничею не дѣлая, но поступаая, какъ любопытные. Тѣмъ, которые такovy, мы возвъцаемъ и заклінаемъ ихъ во имя Господа Іисуса Христа, чтобы, трудясь въ безмолвіи, они ѣли свой хлѣбъ (2 Фессал. III, 10—12). Было бы очень долго, если бы я захотѣлъ обозрѣть по словамъ Апостола и всѣхъ Писаній, какъ добродѣтели отдѣльныхъ народовъ, такъ и ихъ пороки; ибо изъ того, что мы сказали, мы пришли къ тому, почему Галаты названы несмысленными и нечувствительными. Кто знаетъ Анкиру, главный городъ Галатіи, тотъ подобно миѣ (шесит) знаетъ. Сколь многіе расколы раздрааютъ ее до настоящаго времени и сколь великииъ различіемъ въ ученіи она обезчещена. Я не стану говорить о Катаөригійцахъ, Офитахъ, Барбаритахъ и Манихеяхъ; ибо эти имена челоѣческаго несчастія уже извѣсты. Но кто когда-либо въ какой-либо части Римскаго міра слышалъ названія Пассалоринкитовъ, Аскодробовъ [Аскодроговъ] и Артотиритовъ и другія еще болѣе удивительныя [раздѣленія], чѣмъ даже ихъ имена. И до настоящаго времени остаются слѣды ихъ безсмыслія. Одно изъ нихъ то, о которомъ мы сообщаемъ и такимъ образомъ исполняемъ давнее во вступленіи обѣщаніе,—именно то, что Галаты кромѣ Греческаго языка, на которомъ говорить весь Востокъ, имѣли свой собственный языкъ, почти такой же, какъ Тревиры [племя Галловъ]; впрочемъ не особенно важно то, что въчто кой-гдѣ они испортили, такъ какъ и жители Африки въ нѣкоторомъ отношеніи измѣнили Финикійскій языкъ, да и самый латинскій языкъ ежедневно измѣняется въ разныхъ странахъ съ теченіемъ времени. Но возвратимся къ взятому для рѣшенія вопросу.

Стихъ 10: *Въ самомъ дѣлѣ, всѣ, живущіе дѣлами Закона, находятся подѣ проклятіемъ, ибо написано: Проклятъ всякій, кто не пребудетъ постояннымъ во всемъ, что написано въ книгѣ Закона, чтобы исполнить это.*—Я имѣю такое обыкновеніе, что,—кабъ только что-либо заимствуется

Апостолами изъ Ветхаго Завѣта,—я обращаюсь къ самымъ книгамъ (*originales libros*) и тщательно разсматриваю, какъ это заимствованіе записано въ своемъ мѣстѣ. Такимъ образомъ я нашелъ во Второзаконіи это самое мѣсто переведеннымъ Семьюдесятью толковниками такъ: *Проклятъ всякій человекъ, который не пребудетъ постояннымъ во всѣхъ словахъ Закона сего, чтобы соблюдать (faciat) ихъ; и скажетъ [или: говоритъ] весь народъ: „Да будетъ“.* (Втор. XXVII, 26). А у Акилы такъ: *Проклятъ тотъ, который не утвердитъ словъ Закона сего, чтобы исполнять ихъ. И скажетъ весь народъ: „Истинно“.* Симмахъ: *Проклятъ тотъ, который не утвердитъ словъ [или съ прибавл.: сихъ] Закона сего, чтобы исполнять ихъ. И скажетъ весь народъ: „Аминь“* Затѣмъ Θεодотіонъ перевелъ такъ: *Проклятъ тотъ, который не поставитъ [предъ собою] словъ Закона сего, чтобы исполнять ихъ; и скажетъ весь народъ: Аминь“.* Изъ этого [сравненія] мы поймемъ, что Апостоль, какъ и въ другихъ мѣстахъ, привелъ скорѣе смыслъ словъ, чѣмъ самыя слова; и кромѣ того неизвѣстно: прибавили ли Семьдесятъ слова: *всякій человекъ* и: *во всемъ*, или же такъ было въ древнееврейскомъ текстѣ, а потомъ было выброшено Іудеями. Къ этому предположенію побуждаетъ меня то обстоятельство, что слова: *всякій* и *во всемъ* по смыслу своему какъ будто необходимы для утвержденія того, что всѣ живущіе дѣлами Закона, находятся подъ проклятіемъ, и Апостоль,—мужъ Еврейскаго образованія ученѣйшій въ Законѣ,—никогда не употребилъ бы ихъ, если бы ихъ не было въ Еврейскихъ свиткахъ. Поэтому перечитывая Еврейскія книги Самаританъ, я тамъ нашелъ слово *chol*, что значитъ *всякій* или *всѣмъ*, что согласно и съ переводомъ Семидесяти толковниковъ. Итакъ напрасно Іудеи выбросили эти слова, чтобы не показаться, что они находятся подъ проклятіемъ, если не могутъ исполнить того, что написано [въ Законѣ], потому что древнѣйшіе списки другого народа свидѣтельствуютъ, что эти слова были

въ книгахъ. Но такъ какъ никто не можетъ исполнить Закона и совершить все то, что повелѣно, то и въ другомъ мѣстѣ Апостоль свидѣтельствуется говоря: *такъ какъ это было невозможно для Закона, предъ которымъ вслѣдствіе плоти [человѣкъ] былъ немощенъ, то Богъ, посылая Сына Своего въ подобіи плоти грѣха изъ-за грѣха, осудилъ грѣхъ въ плоти (Римл. VIII, 3)*. Если же это вѣрно, то намъ могутъ возразить: „Слѣдовательно и Моисей, и Исаія, и прочіе пророки, которые жили подъ дѣлами Закона, находятся подъ проклятіемъ?“ Тотъ, кто слышитъ слова Апостола. *Ибо Христосъ искупилъ насъ отъ проклятія Закона, сдѣлавшись проклятіемъ за насъ*, пусть не боится отвѣчать на это утвердительно и утверждать что каждый изъ святыхъ въ свое время былъ проклятіемъ за народъ. Но усвоивъ это преимущество и праведникамъ, мы не должны казаться умаляющими Спасителя, какъ будто Онъ ничего не имѣетъ особеннаго и превосходнаго, сдѣлавшись проклятіемъ ради насъ, когда и прочіе ради другихъ подверглись проклятію. Въ самомъ дѣлѣ, никто изъ нихъ, хотя самъ и сдѣлался проклятіемъ, не освободилъ никого отъ проклятія, кромѣ одного только Господа Иисуса Христа, Который безцѣнною кровію Своею искупилъ отъ законнаго проклятія и насъ всѣхъ, и тѣхъ,—я говорю о Моисеѣ и Ааронѣ, и о всѣхъ пророкахъ и патріархахъ. А чтобы вы не подумали, что это сказано мною какъ мое собственное мнѣніе (*ex meo sensu*), объ этомъ свидѣтельствуется Писаніе: *ибо Христосъ благодатію Божіею, или—какъ читается въ нѣкоторыхъ спискахъ (exemplaribus): безъ Бога,—умеръ за всѣхъ (2 Корин. V, 14, 15)*¹⁾. Если же за всѣхъ то и за Моисея, и за всѣхъ пророковъ,

¹⁾ 2 Корин. V. 14 въ греческомъ читается такъ. Ἦ γὰρ ἀγάπη τοῦ Χριστοῦ συνέχευ ἡμᾶς; Славянской: *Ибо любви Божии обдержитъ насъ Слово Христосъ за всѣхъ умре* (начало 15-го стиха) въ греческомъ иѣтъ (Сношур. Тх βιβλία . 'Εν Μασσα 1821).

изъ которыхъ ни одинъ не могъ разодрать ветхаго рукописанія, которое было написано противъ насъ, и пригвоздить его ко кресту (*Колос. VI, 14*): *Всѣ согрѣшили и имѣютъ нужду въ славу* (gloria, или: *въ благодати—gratia*) *Божіей* (*Римл. III, 23*) Еккліастъ также утверждаетъ эту мысль: *Человѣкъ не бываетъ праведенъ на землѣ, который дѣлалъ бы добро и не согрѣшалъ* (*Еккл. VII, 21*). Наконецъ, ясно учить объ этомъ и дальнѣйшее слово Апостола, что ни Моисей, ни другой какой-либо славный мужъ изъ древнихъ не могъ чрезъ законъ оправдаться предъ Богомъ. Ибо далѣе слѣдуетъ:

Стихи 11, 12: *Но такъ какъ предъ Богомъ никто не оправдывается въ Законъ, то очевидно, что праведникъ живетъ върою. А Законъ не отъ вѣры; но кто будетъ исполнять написанное въ немъ (qui fecerit ea), тотъ будетъ живъ этимъ* — Доказательство (exemplum) того, что праведникъ живетъ отъ вѣры, а не отъ дѣлъ, Апостолъ представилъ изъ книги пророка Аввакума, такъ какъ Семьдесятъ толковниковъ перевели такъ: *Праведникъ же живетъ върою Моєю* (*Авв II, 4*), Акила и Θεодотіонъ: *Праведникъ же живетъ върою Его*, т. е. *Божією*. Итакъ необходимо имѣть въ виду, что онъ не сказалъ, что *человѣкъ* или *мужъ* живетъ върою, чтобы не дать повода къ презрѣнію добрыхъ дѣлъ, но сказалъ: *Праведныи живетъ върою*; это для того, чтобы тотъ, кто вѣренъ и имѣетъ жить върою, не иначе могъ пристуцать къ вѣрѣ, или жить въ ней, какъ только сдѣлавшись сначала праведникомъ, и чистотою жизни, восходя къ вѣрѣ какъ бы по нѣкоторымъ степенямъ. Итакъ, можетъ быть, что кто-нибудь будетъ праведнымъ, и однако не будетъ жить безъ вѣры Христовой? Если у читающаго возникнетъ сомнѣніе, то пусть онъ приметъ слова Павла, который говоритъ о себѣ: *По праведности, которая соотвѣтствуетъ Закону, безъ упрека* Итакъ, Павелъ былъ тогда праведенъ въ соотвѣтствіи съ Закономъ, но онъ еще не могъ жить, потому

что не имѣлъ въ себѣ Христа, Который говоритъ: *Я есмь жизнь* (Іоан. XI, 25), и вѣруя въ Котораго онъ потомъ началъ жить. Сдѣлаемъ и мы нѣчто подобное тому, что говорится: *Праведный живетъ вѣрою* и скажемъ: „Непорочный живетъ вѣрою, мудрый живетъ вѣрою, сильный живетъ вѣрою“ и произнесемъ соответствующее сужденіе и о прочихъ составныхъ частяхъ добродѣтелей въ опроверженіе тѣхъ, которые, не вѣруя во Христа, думаютъ, что они крѣпки и мудры, воздержны или справедливы: пусть таковыя знаютъ, что никто не живетъ безъ Христа, безъ Котораго всякая добродѣтель является недостаточною (*in vitio est*) Настоящее слово Апостола можетъ быть прочитано и такъ: *что праведникъ вѣрою* и уже потомъ прибавить: *живетъ* [или: *будетъ жить*]. А въ словахъ Апостола: *Законъ не отъ вѣры; но тотъ, кто соблюдаетъ предписанія его, тотъ будетъ жить этимъ*, очевиднѣйшимъ образомъ показывается, что онъ говоритъ не о простой жизни, а о жизни, которая имѣетъ отношеніе къ чему-нибудь *Праведникъ подлинно живетъ отъ вѣры* и не прибавлено: „въ этомъ“ или: „въ томъ“. Но живущій въ Законѣ, исполняя предписанія его, живетъ въ этомъ, т. е. въ томъ, что сдѣлалъ, что считалъ добромъ; наградою за его подвиги для него бываютъ только сдѣланныя имъ дѣла, или долголѣтіе (по мнѣнію Іудеевъ) жизни, или избѣжаніе наказанія, которому подвергается преступникъ противъ Закона. Мы думаемъ, что слова: *Но живетъ этимъ* принадлежатъ не Апостолу, а пророку Іезекилю, который говоритъ: *И вывелъ ихъ въ пустыню и далъ имъ заповѣди Мои, и оправданія Мои показалъ имъ, чтобы человекъ исполнялъ ихъ и былъ живъ ими* (Іезек. XX, 10, 11) Но хотя онъ и говоритъ, что будутъ жить тѣ, которые ходятъ въ заповѣдяхъ и оправданіяхъ, однако прибавляетъ слѣдующее: *И далъ имъ заповѣди не благія и оправданія, въ которыхъ они не будутъ жить въ нихъ* (ст. 25) Какая осторожность въ выраженіяхъ! Когда онъ сказалъ: *Далъ*

имъ заповѣди и оправданія, въ которыхъ они будутъ жить въ нихъ, то не присоединилъ: *благія*; а когда сказалъ: въ которыхъ они не будутъ жить въ нихъ, то прибавилъ: *Я далъ имъ заповѣди не благія* и проч. Но объ этомъ болѣе подробно въ толкованіяхъ на Іезекіиля; а теперь возвратимся къ порядку рѣчи посланія [къ Галатамъ].

Стихъ 13: *Христосъ искупилъ насъ отъ проклятія Закона, сдѣлавшись за насъ проклятіемъ.*—На основаніи этого мѣста Маркіонъ снѣшить къ хуленіямъ могущества Творца. Онъ представляетъ Его кровожаднымъ, жестостимъ и мстительнымъ [или: судіею, т. е. вмѣсто: vindicem,—judicem], и утверждая, что мы искуплены чрезъ Христа, Который есть Сынъ иного благого Бога. Если бы онъ [Маркіонъ] понималъ, какое различіе въ понятіяхъ *купить* и *искупить* (emere et redimere), то никогда простыхъ словъ Писанія онъ не сталъ бы извращать съ цѣлію богохульствъ своего ученія, потому-что тотъ, кто покупаетъ, пріобрѣтаетъ чужое, а кто искупаетъ, тотъ пріобрѣтаетъ въ собственномъ смыслѣ свое, но переставшее быть его принадлежностію. Итакъ Христосъ искупилъ насъ отъ проклятія на основаніи Закона [отъ влѣтвы законныя], которое опредѣлено согрѣшающимъ, которыхъ Онъ самъ порицаетъ чрезъ пророка въ слѣдующихъ словахъ: *Вотъ вы проданы за грѣхи ваши, и за беззаконія ваши Я отпустилъ мать вашу* (Исаи, L, 1). То же самое повторяетъ и Апостоль, говоря: *А я—плотскій, проданный подъ грѣхъ* (Римл. VII, 14). Съ другой стороны проклятія, записанныя въ книгѣ Левитъ и Второзаконія, исполняются не Самимъ Богомъ, а провозглашается духомъ пророческимъ только то, что имѣетъ быть съ людьми, которые будутъ грѣшить. Поэтому, если онъ захочетъ побѣдить насъ [coarctare] словомъ Апостола: *Тѣ, которые живутъ дѣлами Закона, находятся подъ проклятіемъ, ибо написано: Проклятъ всякій, кто не пребудетъ постояннымъ во всемъ, что написано въ книгѣ Закона, чтобы исполнять*

это (Второз. XXVII. 26), и утверждать, что всѣ подзаконные были прокляты то мы спросимъ его: „Прокляты ли, или нѣтъ, тѣ, которые живутъ подѣ благодатию Евангелія Христова, если они не исполняютъ заповѣдей Его? Если онъ отвѣтитъ, что прокляты, то онъ въ Евангеліи будетъ имѣть то, что мы въ Законѣ. Если же онъ скажетъ, что не прокляты; тогда будетъ слѣдовать тотъ выводъ, что заповѣди Евангелія даны напрасно, и тѣ, которые ихъ будутъ исполнять, останутся безъ награды. Итакъ то и другое разрѣшается слѣдующимъ образомъ: какъ Христосъ освободилъ насъ отъ проклятія на основаніи Закона, сдѣлавшись проклягіемъ ради насъ; такъ избавилъ (eguit) Онъ насъ и отъ проклятія на основаніи Евангелія, проклятія положеннаго на тѣхъ, которые не исполняютъ заповѣдей Его, сдѣлавшись ради насъ проклягіемъ, зная такъ же, что не отпустится намъ и малѣйшая часть даннаго таланта, и взыщется съ насъ самый послѣдній квадратъ (Мѹ V, 26, и Мрк. XII, 2?).

Стихъ 14 [конецъ 13 и 14]: *Ибо написано: Проклятѣ всякій, висящій на древѣ, чтобы благословеніе Авраама во Иисусѣ Христѣ было и для язычниковъ для того, чтобы чрезъ вѣру мы получили обѣтованіе Духа.*—Прежде чѣмъ разсуждать о значеніи въ слововыраженіяхъ Апостола, намъ кажется справедливымъ въ немногихъ словахъ разъяснить свидѣтельство Второзаконія, изъ котораго Апостоль взялъ эти слова, сопоставляя это мѣсто съ текстомъ другихъ изданій. Итакъ Семьдесятъ толковниковъ перевели это мѣсто такъ: *Но если въ комъ-либо будетъ грѣхъ, подлежащій по суду (et iudicium) смертной казни и онъ будетъ умерщвленъ, и вы повѣсите его на древѣ: то тѣло его пусть не уснетъ* [non dormiet, греч. οὐκ ἐπικοιμηθήσεται = не будетъ почивать, славян.: не пренощуетъ, русск. не должно ночевать] на деревѣ, *но погребите (sepelientes sepelietis) его въ день тотъ; потому что проклятѣ отъ Бога всякій, который будетъ висѣть на древѣ, и не оскверняй земли*

своей, которую Господь Богъ твой далъ тебѣ въ наслѣдіе. Авила: И когда на мужъ будетъ грѣхъ, подлежащій смертному приговору [плч: и смертный приговоръ], и онъ будетъ умерщвленъ, и ты повѣсишь его на дерево, то трупъ его не долженъ оставаться на деревѣ долго, но погреби его въ день тотъ, потому что проклятіе Божіе на томъ, кто повѣшенъ; и не оскверняй земли твоей, которую Господь Богъ твой далъ тебѣ въ наслѣдіе Симмахъ: Если же грѣхъ челоуька будетъ достоинъ смерти, и онъ будетъ умерщвленъ, и ты повѣсишь его на дерево, то трупъ его пусть не останется на-ночь на деревѣ, но погреби его въ самый тотъ день, потому что онъ повѣшенъ за хулу противъ Бога, и ты не оскверняй земли твоей, которую Господь Богъ твой далъ тебѣ въ наслѣдіе. Θεοδοτιώνъ: И когда на челоуькъ будетъ грѣхъ, заслуживающій смертнаго приговора, и онъ умретъ и ты повѣсишь его на деревѣ, то да не уснетъ (поп dormiet) трупъ его на деревѣ, почему ты долженъ похоронить его въ тотъ самый день, потому что повѣшенный есть проклятіе Божіе, и ты не осквернишь земли (адата) своей, которую Господь Богъ твой далъ тебѣ въ наслѣдіе. Затѣмъ адата (אדמה) на еврейскомъ языкѣ значить: земля, или почва. А въ томъ мѣстѣ, гдѣ Авила и Θεοδοτιώνъ перевели одинаково словами: ибо повѣшенный есть проклятіе Божіе, на еврейскомъ языкѣ стоитъ такъ: chi calaluth eloim thalui. Эти слова Евіонъ, извѣстный полухристіанинъ и полуіудей, перевелъ такъ: ὅτι ὕβρις Θεοῦ ἐς χρεμάμενος, т. е.: потому что повѣшенный есть посрамленіе для Бога. Я помню, что въ въ препирательствѣ Ясона и Паписка, которое изложено на греческомъ языкѣ, я нашелъ такой переводъ λοιδορία Θεοῦ ἐς χρεμάμενος, т. е. повѣшенный [есть] поруганіе для Бога. Еврей, нѣсколько научившій меня Писанію, сказалъ мнѣ, что это мѣсто можно прочесть и въ такомъ смыслѣ: По-

тому что Богъ повѣшенъ съ безчестіемъ. Мы потому собрали все это, что въ этомъ заключается весьма важный вопросъ, обыкновенно выставляемый Іудеями противъ насъ, какъ безчестіе,—вопросъ о томъ, что Спаситель нашъ и Господь сдѣлался проклятіемъ въ очахъ Божіихъ. Итакъ прежде всего должно обратить вниманіе на то, что не каждый висящій на древѣ сдѣлался проклятіемъ предъ Богомъ, а только тотъ, который согрѣшилъ и за преступленіе, достойное смерти, былъ осужденъ и вознесенъ на крестъ; онъ проклятъ не потому, что распятъ, а потому, что подналъ такой отвѣтственности, что заслужилъ смерть чрезъ распятіе. Потомъ должно возразить также и то, что причина крестной смерти болѣе полно объясняется ниже, такъ какъ Писаніе говорить, что таковой преступникъ былъ распятъ за проклятіе и хулу противъ Бога, что болѣе ясно перевелъ Симмахъ словами: *Потому что повѣшенъ за хулу противъ Бога*. Наконецъ, спросимъ ихъ: „Если Ананія, Азарія и Мисаилъ, не хотѣвшіе поклониться идолу Навуходносора, были повѣшены на древѣ (*Дан. Ш, ?*), а также девяностилѣтній Елеазаръ при царѣ Сирійскомъ Антиохъ и знаменитая мать съ семью сыновьями своими (2 *Маккав. VП, ?*); то должны ли они почитаться проклятыми, или же достойными всяческаго благословенія. Конечно, если бы Аманъ по своей заслугѣ не взошелъ на крестъ, который онъ приготовилъ для Мардохея, то, по моему мнѣнію, Мардохей восшелъ бы на него не такъ, какъ проклятый, а какъ мужъ святой. Этими и другими подобными соображеніями доказывается, что проклятъ тотъ, кто совершалъ преступленіе, достойное висѣлицы, а не тотъ который былъ распятъ вслѣдствіе несправедливости судей, вслѣдствіе насилія враговъ, или вслѣдствіе криковъ чернаго народа, или изъ зависти къ его добродѣтелямъ, или вслѣдствіе царскаго гнѣва. Нѣкогда и Навуей (*Naboth или: Nabutham*) былъ осужденъ всѣмъ городомъ Іезавели на смерть, по письму Іезавели (3 *Цар. XXI, 8—11*);

однако кровь его въ прообразъ Христа спустя много вѣковъ была отмщена, ибо Господь говоритъ Осіи: *Назови имя его Израиль, ибо еще немного* (adhuc modicum), *и я възвишу кровь Іезраеля съ дома Іуя* (Ос. 1, 4). Это противъ Іудеевъ. Впрочемъ возвращаясь къ своему недоразумѣнію (ut ad nos redeat disputatio), я не могу сказать (scire), почему Апостоль въ словахъ Писанія: *Проклятъ отъ Бога всякій, который виситъ на древь* (Второз. XXI, 2) или пропустилъ нѣчто, или присоединилъ. Дѣйствительно, разъ уже онъ слѣдовалъ мнѣнію Семидесяти, то ему должно было,—какъ это и нами сдѣлано,—присоединить и имя Божіе. А если онъ какъ Еврей изъ Евреевъ считалъ самымъ вѣрнымъ то, чтó и читалъ на собственномъ языкѣ, то онъ не долженъ былъ присоединять словъ: *всякій и: на древь*, которыхъ нѣтъ въ Еврейскомъ [спискѣ] Поэтому мнѣ кажется, что или Еврейскія книги нѣкогда имѣли нѣчто иное, чѣмъ теперь [имѣютъ], или Апостоль,—какъ я уже прежде сказалъ,—излагалъ только смыслъ Писаній, а не слова ихъ; или же,—чтó болѣе имѣетъ правдоподобія,—и въ Еврейскихъ, и въ нашихъ собраніяхъ священныхъ книгъ къмъ-то прибавлено имя Божіе, чтобы покрыть насъ безславіемъ за то, что мы вѣруемъ во Христа, якобы проклятаго Богомъ. Итакъ я смѣло выступаю на это состязаніе и ссылаясь на книги утверждаю, что никто не былъ проклятъ отъ Бога, и что тамъ, гдѣ полагается проклятіе, тамъ никогда не присоединяется имени Божія. Змѣю говорится: *Проклятъ ты отъ всѣхъ зѣрей земныхъ* (Быт. III, 14); и Адаму говорится: *Проклята земля въ дѣлахъ твоихъ* (ст. 17); а Каину: *Проклятъ ты на землю* (Быт. IV, 11); и въ другомъ мѣстѣ: *Проклятъ отрокъ Ханаанъ, рабомъ будетъ братьямъ своимъ* (Быт. IX, 25); и еще въ другомъ мѣстѣ: *Проклятъ инѣвъ ихъ, ибо онъ жестокъ, и ярость ихъ, ибо она свирѣпа* (Быт. XLIX, 7). Было бы очень долго, если бы я сталъ перечислять всѣ проклятія. которыя

описываются въ книгахъ Левитъ, Второзаконія и Іисуса Навина; и однако ни въ одномъ изъ нихъ не прибавлено имени Божія, такъ что даже самъ Сатана, когда дастъ поручительство за Іова, что тотъ подъ гнетомъ величайшихъ страданій будетъ богохульствовать, высшую степень этого выразилъ словами: *Если онъ не благословитъ Тебя въ лице* (Іов. I, 41). И въ книгѣ Царствъ Навуеѣй изображается побитымъ камнями потому, что онъ *благословилъ Бога и царя* (3 Цар. XXI, 10, въ Русск.: *хулилъ*). Впрочемъ никого не должно смущать, что Христось ради насъ сдѣлался проклятіемъ, потому что и Богъ представляется сдѣлавшимъ Его проклятіемъ; Онъ Самъ сдѣлалъ Его грѣхомъ за насъ (ибо Христось не зналъ грѣха); и Христось по происхожденію отъ полноты существа Отца уничтожилъ Себя, принимая внѣшній видъ раба (Филип. II, 7): Онъ по жизни былъ мертвъ, и премудрость Божія названа была безуміемъ, такъ что неразумное Божіе было мудрѣе людей (1 Корнѣ. I, 25) и въ шестьдесятъ восьмомъ псалмѣ Онъ говоритъ о Себѣ: *Боже, Ты знаешь мое неразуміе, и грѣхи мои не скрыты отъ Тебя* (ст. 6). Итакъ поношеніе Господа есть наша слава. Онъ умерщвленъ, чтобы мы жили; Онъ сошелъ въ адъ, чтобы мы взошли на небо; Онъ сдѣлался безуміемъ, чтобы мы стали мудростію; Онъ снялъ съ себя образъ и полноту Божества, чтобы въ насъ обитала полнота Божества, и мы изъ рабовъ сдѣлались господами. Онъ висѣлъ на деревѣ, чтобы пригвожденный къ нему могъ древомъ уничтожить грѣхъ, который мы совершили чрезъ древо познанія добра и зла. Крестъ Его превратилъ горькія воды въ сладость, и поднялъ на верхъ сѣкиру, потерянную и потонувшую въ волнахъ Іордана (4 Цар. VI, 5—7). Наконецъ Онъ сдѣлался проклятіемъ, я говорю: *сдѣлался*, а не: *родился*, чтобы благословенія, обѣтованныя Аврааму, были переданы народамъ Самимъ Создателемъ (auctore) и Вождемъ, и обѣтованіе Духа исполнилось въ насъ черезъ вѣру въ Него, которую мы можемъ

понимать двойко или въ смыслѣ духовныхъ дарованія добродѣтелей, или въ смыслѣ духовнаго пониманія Писанія (1 Корнѳ. IX)

Стихи 15—18: *Братіе, я говорю по человѣческому разсужденію: однако никто не презираетъ утвержденного человѣческаго завѣщанія и не опредѣляетъ большаго [въ немъ]. Аврааму даны обѣтованія и сѣмени его. Онъ не сказалъ: „сѣменомъ“ [потомкѣмъ], какъ бы о многихъ, а „сѣмени“, какъ бы объ одномъ, и сѣмени твоёмъ, которое есть Христосъ. А это я и называю завѣтомъ, утвержденнымъ отъ Бога; т. е. закона, явившагося спустя четыреста тридцать лѣтъ, Онъ не дѣлаетъ напраснымъ, чтобы обѣтованіе сдѣлалось безсильнымъ; ибо если наслѣдіе по Закону, то уже не по обѣтованію; но Аврааму по обѣтованію даровалъ его Богъ.*—Апостоль сдѣлавшійся всѣмъ для всѣхъ, считавшій себя обязаннымъ (debitor) служить грекамъ и варварамъ, мудрымъ и неразумнымъ, даже для Галатовъ, которыхъ прежде того называлъ носмысленными сдѣлался несмысленнымъ. Ибо въ отношеніи къ нимъ онъ не употребляетъ доказательствъ, которыя употреблялъ предъ Римлянами, а употребляетъ болѣе простыя, которыя могли быть поняты и неразумными, даже [взятыми] съ улицы людьми. А чтобы не показалось, что онъ дѣлаетъ это по неопытности и недостатку искусства, онъ сначала успокоиваетъ читателя и умѣряетъ то, что имѣлъ сказать, предпославъ предисловіе: *Братіе, я говорю по человѣку* Дѣйствительно, то, что я имѣю сказать, я говорю по человѣку, а не по Богу, не говорю по соотвѣтствію съ откровенной премудростію, и съ силами тѣхъ, которые могутъ питаться твердою пищею, а съ силами тѣхъ, которые по нѣжности своего чрева питаются влагою молока и совершенно не въ силахъ усвоить того, что велико (1 Корнѳ. VП, 2). Поэтому и въ обращеніи къ Коринѳянамъ, о которыхъ стало извѣстно, что у нихъ открылось прелюбодѣяніе, да такое, которое не встрѣчается даже среди язычниковъ, онъ сказалъ: *Я говорю, а не*

Господь (1 Корнѣ VІІ, 12); и во второмъ посланіи къ нимъ же: *То, что я говорю, говорю не по Господу, а какъ бы въ неразуміи* (2 Корнѣ. XI, 17) Нѣкоторые думаютъ что Апостоль сказалъ: *Братіе я говорю по человѣку*, имѣя въ виду завѣщанія человѣческія, смерть завѣщателя и прочіе примѣры, взятые изъ жизни человѣческой; а мнѣ кажется, что эти слова предпосланы, какъ по тому побужденію, которое они указываютъ, такъ и по тому особенно, что слѣдуетъ далѣе, именно: *И не сказалъ: „сѣменамъ“* [потомкамъ], *какъ бы относительно многихъ, а какъ бы объ одномъ и сѣмени моемъ, которое есть Христосъ*. Перенесшись умомъ и памятію ко всѣмъ Писаніямъ, я нигдѣ не нашель, чтобы было написано: „сѣмена“, т. е. во множественномъ числѣ, но всегда въ единственномъ, или въ значеніи хорошемъ. или же въ дурномъ. Также и о томъ, что онъ говоритъ: *А это я называю завѣтомъ, утвержденнымъ отъ Бога*, всякій, тщательно сравнивши Еврейскіе свитки и прочіе изданія съ переводомъ Семидесяти толковниковъ, найдетъ, что тамъ, гдѣ написано: *Завѣтъ*, имѣется слово, значущее не: *Завѣтъ*, или завѣщаніе, а *договоръ*, что на Еврейскомъ языкѣ выражено словомъ *Be'ith* (בְּרִית) Отсюда очевидно, что Апостоль сдѣлалъ то, что общалъ, употребляя не скрытый для Галатовъ смыслъ, а обыденный и простой, который,—если бы Апостоль не предупредилъ, что онъ говоритъ *по человѣку*,—могъ не понравиться людямъ разумнымъ. Въ этомъ мѣстѣ должно разумѣть тѣ годы, которые протекли со времени, когда Господь сказалъ Аврааму: *И въ сѣмени моемъ благословятся все народы* (Быт. XXII, 18) до того времени, когда явился законодатель Моисей. Протекло ли дѣйствительно четыреста лѣтъ, или какимъ образомъ въ книгѣ Бытія Господь общаетъ самому Аврааму, что по прошествіи четырехъ сотъ лѣтъ потомки его имѣютъ выдти изъ Египта? Дѣйствительно, это вопросъ не маловажный, изслѣдованный многими, но, не знаю, рѣшен-

ный ли вполне кѣмъ-либо. Съ этимъ мѣстомъ согласно и то, что говорится въ той же книгѣ о Тамари и ея двухъ малюткахъ (*Быт. XXXVIII*), то именно, что первый, по имени Зара показавъ руку свою [изъ чрева матери], и повивальная бабка навязала красную нить. а потомъ когда эта рука подалась назадъ, выставилъ руку [свою] второй, по имени Фаресъ; это значить, что Израиль показавъ руку свою въ исполненіи дѣлъ Закона, а потомъ, запятнавъ ее кровію пророковъ и Самого Спасителя, отстранилъ ее; а потомъ уже выдвинулся народъ языческій, о которомъ въ Писаніи весьма часто говорится, что чрезъ него была разрушена и ниспровергнута преграда, отдѣлявшая Іудеевъ и язычниковъ, чтобы было одно стадо и одинъ пастырь, и чтобы была слава и честь, и миръ всякому человѣку, дѣлающему доброе прежде Іудею, и [потомъ] Греку. Простой же смыслъ этого мѣста тотъ, что,—какъ учить Апостоль,— не можетъ быть разрушено Закономъ, даннымъ послѣ, обѣтованіе. прежде Закона данное Аврааму, и [не должно] предпочитать позднѣйшее предъидущему: ибо за четырехъ тридцать лѣтъ Аврааму дано обѣтованіе, что въ немъ благословятся всѣ народы. А соблюденіе Закона,—который если кто-либо исполняетъ, то живетъ въ немъ,—было предписано спустя тридцать лѣтъ на горѣ Синай Моисеемъ. Здѣсь можно сказать и наоборотъ: Къ чему же нужно было давать Законъ послѣ столькихъ лѣтъ отъ времени обѣтованія, если послѣ провозглашенія Закона могло возникнуть подозрѣніе, что обѣтованіе [договоръ] устраниено. и наоборотъ, съ удержаніемъ значенія обѣтованія—мысль о томъ, что Законъ не имѣетъ никакой важности? Предвидя это возраженіе Апостоль, въ дальнѣйшей рѣчи самъ возражаетъ себѣ въ этомъ смыслѣ и даетъ отвѣтъ.

Стихи 19, 20: *Итакъ что же? Законъ данъ по причинѣ преступленій, доколь не придетъ сѣмя, для котораго дано обѣтованіе. онъ установленъ чрезъ Ангеловъ въ*

рукъ посредника; но посредникъ для одного не бываетъ. А Богъ одинъ.—Такъ какъ при остающемся въ силѣ обѣтованіи, Законъ, въ послѣдствіи данный чрезъ Моисея, кажется даннымъ напрасно, то Апостоль объясняетъ, почему онъ данъ: *ради преступленій*, говоритъ онъ. Дѣйствительно, послѣ возстанія народа въ пустынь, послѣ поклоненія тельцу и ропота противъ Господа законъ вступилъ въ силу, чтобы противодѣйствовать преступленіямъ, потому что *Праведнику законъ не назначенъ, а неправедникамъ, непокорнымъ, нечестивымъ и грѣшникамъ* (1 Тим. II, 9), и возвращаясь къ вышему [я говорю, что] послѣ идолопоклонства,—которому они предались въ Египтѣ, такъ что забыли Бога отца своихъ и даже стали говорить: *Израиль вотъ боги твои, изведшіе тебя изъ Египта*,—порядокъ (чинъ—ritus) богопоклоненія и наказанія преступниковъ противъ Закона былъ установленъ рукою Посредника, [т. е.] Иисуса Христа, ибо все чрезъ Него и безъ Него не было ничего: не только небо земля, море и все, что мы видимъ, но даже и то, что чрезъ Моисея было наложено какъ бы ярмо Закона на жестокосердечный народъ (Иоан. I, 1—14). И Тимоѳею Апостоль пишетъ: *Ибо одинъ Богъ и одинъ посредникъ между Богомъ и людьми, человекъ Иисусъ Христосъ* (1 Тим. II, 5). Послѣ того, какъ ради нашего спасенія отъ чрева дѣвы благоволилъ родиться Посредникъ между Богомъ и людьми, человекъ Иисусъ Христосъ, Онъ названъ Посредникомъ. Но прежде чѣмъ Онъ принялъ тѣло человека, еще въ началѣ у Отца былъ Богъ Слово: Онъ называется только *посредникомъ* безъ прибавленія: *человѣкъ*, котораго Онъ еще не воспринималъ,—[посредникомъ] по отношенію ко всемъ святымъ, которымъ было Слово Божіе, именно: Эноху, Ною, Аврааму, Исааку и Іакову, а послѣ того Моисею и всемъ пророкамъ, о которыхъ упоминаетъ Писаніе. А слова его: *Законъ установленъ чрезъ Ангеловъ*, внушаютъ ту мысль, что во всемъ Ветхомъ Завѣтѣ, гдѣ сперва изображается го-

ворящимъ Ангелъ, послѣ того представляется, какъ будто это говорить Богъ. Дѣйствительно, изъ весьма многихъ служебныхъ духовъ одинъ какой нибудь Ангелъ былъ видимъ. но чрезъ него говорилъ Посредникъ, который говорить: *Я есмь Богъ Авраама, Богъ Исаака и Богъ Иакова (Исх. III, 6)*. Неудивительно, если Богъ говорить въ Ангелахъ, если даже чрезъ Ангеловъ, находящихся въ людяхъ, Богъ,—по слову пророка Захаріи, —говорить въ пророкахъ: *И сказалъ Ангелъ, который говорилъ во мнѣ (Захар II, 3)*; а въ началѣ онъ сдѣлалъ замѣчаніе: *Сіе говоритъ Господь всемогущій*. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, и Ангелъ, который по слову Писанія говорилъ въ пророкѣ, не отъ своего лица осмѣливался говорить: *Сіе говоритъ Господь всемогущій*. Подъ рукою Посредника мы должны понимать могущество и силу Его. Онъ хотя по Божеству (*secundum Deum*) и самъ есть едино съ Отцемъ Своимъ, но по служенію Посредника понимается какъ отдѣльный отъ Него. Но такъ какъ порядокъ словъ здѣсь запутанъ и смыслъ затрудняется перестановкою словъ, то намъ кажется, что онъ долженъ быть возстановленъ такимъ образомъ: Законъ данъ чрезъ Ангеловъ рукою Посредника, по причинѣ преступленій установленъ чрезъ Ангеловъ, пока не придетъ сѣмя, которому дано обѣтованіе. Но несомнѣнно, что сѣмя обозначаетъ Христа, Который и по словамъ, находящимся въ началѣ Евангелія отъ Матѳея, представляется сыномъ Авраама,—ибо Писаніе говорить: *Книга родства Іисуса Христа, сына Давидова, сына Авраамова (Мѳ. I, 1)*.

Стихи 21—23: *Но, такимъ образомъ, Законъ противенъ ли обѣтованіямъ Божіимъ? Боже сохрани! Ибо если бы данъ былъ Законъ, который могъ бы животворить, то, дѣйствительно, праведность была бы отъ Закона. Но Писаніе все заключило подъ грѣхомъ, чтобы върующимъ было дано обѣтованіе по вѣрѣ въ Іисуса Христа. А прежде чѣмъ пришла вѣра, мы были заключены подъ*

стражу Закона для той вѣры, которая должна были открыться — Какъ посредникъ между Богомъ и людьми является среднимъ между дающимъ и принимающимъ Законъ, такъ и самый Законъ, данный послѣ обѣтованія, занялъ среднее мѣсто между обѣтованіемъ и исполненіемъ его. Онъ поэтому не долженъ разсматриваться, какъ исключаящій обѣтованіе, такъ какъ послѣдовавши за обѣтованіемъ, онъ, повидимому, уничтожаетъ его. Но изъ того, что онъ не могъ оживотворять и подавать того, что обѣщано было въ первоначальномъ обѣтованіи, очевидно, что онъ былъ данъ не для ниспроверженія обѣтованія, а для охраненія его. Ибо если бы былъ данъ Законъ, который могъ бы подавать жизнь, и осуществлять то, что [какъ бы] по договору давало обѣтованіе, то, дѣйствительно, Законъ могъ бы почестъся исключаящимъ обѣтованіе. А въ дѣйствительности (nunc) онъ данъ, какъ мы выше сказали, изъ-за преступленій, и скорѣе обличаетъ грѣшниковъ, которымъ онъ данъ послѣ обѣтованія какъ бы въ качествѣ стража (in custodiam) и, такъ сказать, темницы, чтобы не желавшіе въ невинности по свободѣ воли ожидать исполненія обѣтованнаго, встрѣчая препятствіе въ устахъ Закона и приведенные на служеніе Заповѣдямъ, сохраняемы были для наступленія будущей во Христѣ вѣры, которая представляла исполненіе (finem—конецъ) обѣтованія. Но Писаніе не должно почитаться виновникомъ грѣха въ силу того, что оно представляется заключившимъ все подъ грѣхъ, такъ какъ Заповѣдь, исходящая изъ [законнаго] права, скорѣе обнаруживаетъ и обличаетъ грѣхъ, чѣмъ служить его причиною. И это такъ же, какъ и судья не является создателемъ преступленія, налагая цѣпи на преступныхъ людей, ибо заключаетъ ихъ въ тюрьму и объявляетъ виновность своимъ властнымъ приговоромъ, чтобы потомъ, если онъ пожелаетъ, высшимъ снисхожденіемъ освободить ихъ, повинныхъ понести наказаніе.

Стихи 24—26: *Итакъ Законъ былъ нашимъ воспитателемъ во Христъ, чтобы мы были оправданы чрезъ вѣру; а когда пришла вѣра, то мы уже не подѣ руководствомъ воспитателя. Ибо вы всѣ чада Божию чрезъ вѣру, которая во Христъ Исусъ* — Воспитатель назначается дѣтямъ, чтобы обуздывать живость ихъ ребяческаго возраста и сдерживать склонность ихъ сердца къ порокамъ, пока образуется воспріимчивое къ занятіямъ дѣтство и чрезъ дѣйствіе страхомъ наказанія будетъ подготовлено къ высшей человѣческой мудрости и управленію государствомъ. Тѣмъ не менѣе воспитатель не есть учитель и отецъ, и воспитываемый не ожидаетъ отъ него ни наслѣдія, ни познаній: воспитатель охраняетъ чужаго сына, имѣя оставить его послѣ наступленія законнаго времени для принятія наслѣдства. Да и самое имя воспитателя имѣемъ такое именно значеніе и [въ греческой формѣ: *педагогъ*] составлено изъ словъ: *водити* и *дѣтеи*, потому что онъ руководствуетъ ихъ. Такимъ же образомъ и Законъ Моисеевъ былъ данъ народу, находящемуся въ дѣтскомъ состояніи, въ качествѣ строгаго воспитателя, чтобы охранять его и приготавливать къ будущей вѣрѣ, послѣ наступленія которой и послѣ нашего вѣрованія во Христа мы уже находимся не подѣ руководствомъ воспитателя: защитникъ и попечитель отступили отъ насъ, и мы, вступая въ законный возрастъ уже именуемся истинными чадами Бога, Которому родилъ насъ не уничтоженный Законъ, а Мать Вѣра, которая во Христъ Исусъ. Посему если кто захочетъ жить подѣ руководствомъ воспитателя, когда онъ уже называется и наслѣдникомъ, и свободнымъ, и сыномъ, то пусть онъ знаетъ, что онъ уже не можетъ жить по законамъ дѣтскаго возраста. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ можетъ быть исполнено то предписаніе, которое гласитъ: *Трижды въ году пусть явится всякій человѣкъ мужскаго пола твоего предѣ лицемъ Господа Бога твоего* (Исх. XXIII, 17), послѣ того, какъ Іерусалимъ разрушенъ и даже пепель

храма разсѣянь? Гдѣ приносятся жертвы спасенія и жертвы за грѣхъ? Гдѣ по подобію небесныхъ звѣздъ горитъ огонь всесожженія, когда жертвенникъ совершенно разрушенъ? Какое наказаніе можетъ быть опредѣлено теперь преступникамъ соотвѣтственно слову Писанія: *Удалите злаго изъ вашей среды* (Втор. XIII, 5), когда Іудеи находятся въ рабскомъ состояніи, а Римляне господствуютъ? При этомъ будетъ такъ, что они будутъ жить и не подь властію отца и не подь руководствомъ воспитателя, такъ какъ и Законъ не можетъ быть исполняемъ послѣ наступленія вѣры, и Вѣра не сохраняется, когда ищутъ руководителя въ Законѣ.

Стихи 27, 28: *Ибо тѣ, которые крестились во Христа, облеклись во Христа. Нѣтъ [теперь] Іудея, нѣтъ и Грека; нѣтъ раба, нѣтъ и свободнаго, нѣтъ мужчины, нѣтъ и женщины. Ибо всѣ вы одно во Христа Іисуса.* — Какимъ образомъ мы чрезъ вѣру, которая во Христа Іисуса, обращаемся въ чадъ Божіихъ (*nascamur filii Dei*), это онъ показываетъ словами: Тѣ, которые крестились во Христа, облеклись во Христа. А что Христось есть одѣяніе, это доказывается не только изъ этого мѣста, но и изъ другого, что говоритъ тотъ же Апостоль: *Облекитесь въ Господа Іисуса Христа* (Римл. XIII, 14). Итакъ, если тѣ, которые крестились во Христа, облеклись во Христа, то очевидно, что тѣ, которые не облечены во Христа, не были и крещены во Христа, ибо къ тѣмъ, которые вѣрны и считаются послѣдовавшими крещенію Христову, сказано: *Облекитесь въ Господа Іисуса Христа* Если кто принимаетъ только это тѣлесное и видимое плотскими очами омовеніе водою, тотъ не есть облеченный въ Господа Іисуса Христа. Дѣйствительно, вѣдь и извѣстный Симонъ Дѣяній Святыхъ Апостоловъ принялъ омовеніе водою, но такъ какъ онъ не имѣлъ Святаго Духа, то и не былъ облеченъ во Христа (Дѣян. VIII ?) Также и еретики и лицемѣры, и тѣ, кото-

рые ведутъ нечистый образъ жизни, хотя, повидимому, и получили крещеніе, однако я не знаю, имѣють ли они одѣяніе Христово. Итакъ будемъ обращать тщательное вниманіе на то, чтобы и среди насъ кто-либо не былъ изблѣченъ въ томъ, что онъ не получилъ крещенія, но такъ какъ тотъ, кто однажды получить одѣяніе во Христа и положенный въ пламя [для испытанія], засіяетъ пламеннымъ свѣтомъ Святаго Духа, то онъ и не возбудитъ сомнѣнія въ томъ, есть ли онъ золото, или серебро. Пока жаръ такимъ образомъ охватываетъ все вещество (*massam*), бываетъ замѣтенъ одинъ огненный блескъ, и всякое различіе рода и тѣлесныхъ особенностей скрывается этого рода одѣяніемъ. Ибо нѣтъ ни Іудея, ни Грека. Подъ именемъ Грека мы должны разумѣть язычника, потому что слово "Ελληνъ въ одно и то же время обозначаетъ и Грека, и язычника. И Іудей не бываетъ лучше потому, что онъ обрѣзанъ, ни язычникъ не бываетъ хуже вслѣдствіе того, что у него есть крайняя плоть; но какъ Іудей, такъ и Грекъ бываетъ лучше или хуже по качеству своей вѣры. Рабъ и свободный отличаются также не условіями жизни, а своею вѣрою, потому что и рабъ можетъ быть лучше свободнаго, и свободный — стоять выше раба, [и все это] по качеству вѣры. Подобнымъ же образомъ мужескій полъ и женскій отличаются по сравнительной слабости и крѣпости тѣлесной. Но (*caeterum*) вѣра опредѣляется силою духовнаго благорасположенія, и часто бываетъ, что и женщина служитъ причиною спасенія для мужчины, и мужчина въ дѣлѣ вѣры предшествуетъ женщинѣ. А когда дѣло обстоитъ такъ, т. е. когда всякое различіе происхожденія общественныхъ условій и тѣлеснаго несходства уничтожается крещеніемъ во Христа и облеченіемъ въ Него, тогда всѣ мы бываемъ едино во Христа Іисуса, такъ что какъ Отецъ и Сынъ суть едино въ Себѣ, такъ и мы есмы едино въ Нихъ.

Стихъ 29: *Если же вы Христовы, то вы—сымя Авраама, наследники по обѣтованію*—Такъ какъ обѣтованія были даны Аврааму и сѣмени его. Которое есть Христось, то отсюда слѣдуетъ, что чада Христовы, т. е. сымя Его, называются также и сѣменемъ Авраама, будучи сѣменемъ сѣмени его. Вѣрно то, что когда только Господь нашъ и называется сѣменемъ Авраама, это должно быть понимаемо въ тѣлесномъ смыслѣ, т. е. въ томъ, что Онъ родился отъ корня его. А когда мы, послѣ воспріятія ученія Спасителя, вѣруемъ въ Него и получаемъ благородство рода Авраама, которому дано обѣтованіе; тогда мы должны понимать названіе въ духовномъ смыслѣ, въ смыслѣ сѣмени вѣры и проповѣданія. Наконецъ, нужно также обратить вниманіе и на то, что когда говорится о Господѣ: *Аврааму даны обѣтованія и сѣмени его*, т. е. Иисусу Христу, то овъ употребляетъ слово *обѣтованія* во множественномъ числѣ. Когда же говорится о тѣхъ, которые суть сѣмя Авраама чрезъ Христа, *обѣтованіе* ставитъ въ единственномъ числѣ, какъ въ настоящемъ мѣстѣ: *Итакъ вы—сымя Авраама, наследники по обѣтованію*, потому что пристойно было, чтобы то, чтó о единомъ Христѣ говорится множественно, въ отношеніи ко многимъ людямъ было обозначено единственнымъ числомъ. Затѣмъ слѣдуетъ:

Глава IV.—Стихи 1, 2: *Я же говорю: Наслѣдникъ во все время, пока онъ наследникъ, ничѣмъ не отличается отъ раба, хотя онъ и господинъ всего; но онъ находится подъ руководствомъ попечителей и распорядителей до времени предопредѣленнаго отъ отца.*—Этотъ наследникъ, ничѣмъ не отличающійся отъ раба, хотя онъ—Господинъ всего, но находится подъ руководствомъ распорядителей и попечителей,—это есть весь родъ человѣческой до пришествія Христова и.—даже больше (*ut amplius dicam*),—до скончанія міра. Ибо, какъ всѣ въ первозданномъ Адамѣ умираютъ еще не родившись, такъ и всѣ тѣ, которые родились еще до

пришествія Христова, оживотворяются во второмъ Адамѣ. При этомъ дѣло обстоитъ такъ, что и мы въ лицѣ отцовъ нашихъ были въ рабствѣ Закона, и они по благодати будутъ спасены въ лицѣ дѣтей. Такое разумѣніе согласно съ Каѳолическою Церковію, которая утверждаетъ, что промышленіе Вѣтхаго и Новаго завѣтовъ, было одно и то же, и не различаетъ по періодамъ времени тѣхъ, которыхъ поставило въ одни и тѣ же условія. Всѣ мы воздвигнуты на основаніи апостоловъ и пророковъ, утверждаясь на одномъ и томъ же краеугольномъ камнѣ Іисусѣ Христѣ, Господѣ нашемъ, Который и тѣхъ, и другихъ объединилъ и, разрушивъ среднюю преграду, въ Своей плоти уничтожилъ вражду того и другого народа, и трудность исполненія древняго Закона замѣнилъ непорочною Евангельскихъ ученій (*dogmatum*, *Ефес.* II, 20). Поистинѣ всѣ мы во Христѣ одинъ хлѣбъ, и на землѣ два соединились вмѣстѣ. И подобно тому, какъ мы утверждены на основаніи апостоловъ и пророковъ, и патріархи утверждались на основаніи апостоловъ. А подъ руководителями и правителями могутъ быть понимаемы и пророки, словами которыхъ мы ежедневно поучались о пришествіи Спасителя, подобно тому, какъ и Законъ Моисеевъ выше былъ разсмотрѣнъ, какъ воспитатель, а также и ангелы дѣтей, ежедневно созерцающе лице Отца и ходатайствующіе за нихъ; объ этихъ ангелахъ сказано: *Пошлетъ ангеловъ Господа вокругъ боящихся Его, и избавитъ ихъ* (*Псал.* XXXIII, 8). Подъ ними можно понимать священниковъ и князей, которые тогда господствовали надъ народами, а теперь даютъ правила, которымъ должно повиноваться. И по справедливости тѣ считаются подъ руководствомъ защитниковъ и правителей, которые, имѣя духъ страха, еще не удостоились принять духа свободы и усыновленія. Въ самомъ дѣлѣ, дѣтскій возрастъ боится совершая грѣхъ, страшится воспитателя и не вѣритъ въ то, что онъ свободенъ, хотя по природѣ онъ и господствуетъ [надъ всѣмъ]. Но соотвѣтственно двоякому пониманію, по которому воспита-

тели и распорядители, — какъ мы сказали, — суть или пророки, или ангелы, сіе дитя находится подъ руководствомъ защитниковъ и распорядителей до тѣхъ поръ, пока не исполнится законный возрастъ мужа совершеннаго. А законный возрастъ соотвѣтственно Римскимъ законамъ опредѣляется временемъ въ двадцать пять лѣтъ; такимъ образомъ опредѣляется время пришествія Христова для совершенствованія рода человѣческаго. И непосредственно послѣ его пришествія и послѣ того, какъ мы сдѣлались мужами совершенными, отъ насъ отошли руководитель и защитникъ. Тогда мы и воспользовались властію господина и имуществомъ наслѣдника, для котораго прежде мы считались чуждыми, хотя и родились въ этомъ достоинствѣ.

Стихъ 3: *Такъ и мы, пока были въ дѣтскомъ возрастѣ, были рабами въ подчиненіи составнымъ частямъ міра.* — Составными частями міра онъ называетъ тѣхъ же, о которыхъ прежде сказалъ, какъ о защитникахъ и распорядителяхъ, потому что поставленные сперва подъ руководство этихъ предстоятелей и, не понимая еще пришествія къ намъ Сына Божія, мы подготовлялись чрезъ такое посредство. Нѣкоторые же думаютъ, что ангелы это суть тѣ, которые господствуютъ надъ четырьмя составными частями міра (elements), т. е. надъ землею, водою, огнемъ и воздухомъ, и необходимо, чтобы тотъ, кто увѣруетъ во Христа, первоначально находился подъ ихъ управленіемъ. Весьма многіе полагаютъ, что подъ составными частями міра нужно понимать небо и землю и то, что находится между ними, потому что и Греческіе мудрецы, и варварскіе народы, и Римляне съ мерзостію всяческихъ суевѣрій поклонялись солнцу, лунѣ, морямъ, богамъ горъ и лѣсовъ; отъ нихъ мы освободились, когда пришелъ Христосъ, ибо мы понимали, что это суть твари, а не божества. Другіе подъ составными частями міра понимаютъ Законъ Моисеевъ и изреченія пророковъ, потому что чрезъ нихъ мы воспринимаемъ какъ бы начатки и предвари-

тельные познанія въ Писаніяхъ, [т. е.] страхъ Божій, который есть начало премудрости. Наконецъ, къ тѣмъ, которые уже должны быть совершенными, но, пренебрегши истинною, еще только прилѣпляются къ начаткамъ христіанскаго ученія, Апостолъ въ посланіи къ Евреямъ пишетъ: *Хотя вы по времени должны бы быть учителями, [но] вы снова имѣете нужду въ томъ, чтобы учиться тому, каковы суть начатки слова Божія (Евр. V, 12)*. Наоборотъ, намъ могутъ возразить, что въ посланіи къ Колоссянамъ Апостолъ нѣчто другое называетъ составными частями міра, говоря такъ: *Смотрите, чтобы кто-либо не обольстилъ васъ философією и пустымъ обманомъ, по преданію человѣческому, по составнымъ частямъ міра, а не по Христу (Колос. II, 8)*. Но изъ того, что онъ прибавилъ: *по преданію человѣческому и: пустымъ обманомъ* онъ показываетъ, что въ посланіи къ Колоссянамъ и Галатамъ онъ называетъ не одно и то же составными частями міра. Дѣйствительно, когда пришла полнота времени, мы искушены отъ этихъ составныхъ частей міра и, восходя къ высшему, приняли всыновленіе чадъ Божіихъ. Однако же о тѣхъ ничего не говорится, подобнаго тому, что далѣе слѣдуетъ; а просто составными частями міра называются Писанія. Итакъ, какъ мы сказали, Законъ Моисея и пророки могутъ быть понимаемы въ смыслъ начатковъ письменности [или: Писанія], потому что чрезъ нихъ соединяются слоги и имена, и изучаются они не въ виду пользы отъ нихъ самихъ, а ради другой цѣли,—именно: чтобы мы могли прочесть составленную молитву, въ которой обращается вниманіе больше на смыслъ и расположеніе словъ, чѣмъ на первоначальные законы письма. Что же касается того, что Законъ и пророковъ мы истолковали въ смыслъ начатковъ міра, то [нужно имѣть въ виду, что] *міръ* обыкновенно употребляется въ значеніи тѣхъ, которые живутъ въ мірѣ, какъ говоритъ тотъ же Павелъ: *Богъ былъ во Христѣ, примиряя міръ съ Собою (2 Корин. V, 9)*; и въ Евангеліи:

И міръ былъ чрезъ Него, и міръ Его не позналъ (Іоан I. 10). Нѣкоторые даже еще свободнѣе выступаютъ при толкованіи этого мѣста,—именно: такъ какъ Законъ имѣеть тѣнь будущихъ благъ, то они спрашиваютъ, будемъ ли мы сперва дѣтьми въ томъ другомъ мірѣ, о которомъ говорить Спаситель: *Я не отъ міра сего* (Іоан. VIII, 23), и поставленные подъ начатки и основныя части затѣмъ понемногу дойдемъ ли до совершенства и снова займемъ ли мѣсто по усыновленію, которое нѣкогда утратили.

Стихъ 4: *А когда наступила полнота временъ, то Богъ послалъ Сына Своего, родившагося отъ жены и бывшаго въ подчиненіи Закону, чтобы искупилъ Онъ тѣхъ, которые были подъ властію Закона, для того, чтобы мы получили усыновленіе.*—Прилежно подумайте о томъ, что онъ не сказалъ: *родившагося чрезъ жену*, что Маркіонъ и другія еретическія ученія хотятъ [представить], говоря, что Христосъ принялъ призрачную плоть; а сказалъ: *отъ жены*, чтобы вѣровали, что онъ рожденъ отъ Нее, а не чрезъ Нее. А то, что онъ святую и блаженную Марію назвалъ женою, а не Дѣвою, это также мы встрѣчаемъ и въ Евангеліи отъ Матѳея (I, 19, 20, 24), [и тогда], когда она называется женою Іосифа (Лук. II, 5), и когда она отъ самого Господа встрѣчаетъ упрекъ какъ жена (Іоан II, 4). Это потому, что не было нужды всегда съ осторожностію и предусмотрительнымъ опасеніемъ называть Марію Дѣвою, такъ какъ слово *жена* (*mulier*) скорѣе обозначаетъ отличіе пола, чѣмъ супружество съ мужчиною, и по смыслу греческаго языка слово *γυνή* можетъ быть понимаемо и въ смыслѣ жена (*ихог, соіjunx*), и въ смыслѣ женщина вообще. Но необходимо пересмотрѣть все (*ut supra praeterea*): какъ Онъ былъ и подъ Закономъ, чтобы искупить тѣхъ, которые находились подъ властію Закона, такъ и отъ жены восхотѣлъ Онъ родиться ради тѣхъ, которые родились отъ жены. Ибо

и крещеніе въ водахъ Іордана Онъ принялъ, какъ бы кающійся, хотя былъ свободенъ отъ грѣха, съ тѣмъ, чтобы научить, что и прочіе должны быть очищены чрезъ крещеніе и возродиться въ чадъ (Божіихъ) чрезъ новое усыновленіе отъ Духа. Совершенно не понимая этого, Іоаннъ Креститель взбранилъ Ему приступить къ крещенію, говоря: *Мнѣ должно отъ Тебя получить крещеніе* (Мѡ. Ш, 14), но тотъ же часъ онъ получаетъ священнотаинственное наставленіе (*sacramentum docetur*): *Теперь оставь* (*sine modo*), *ибо такъ надлежитъ намъ исполнить всякую правду*; это для того, чтобы пришедшій для спасенія людей, не опустилъ ничего изъ того, что относится къ поведенію людей. Но кто-нибудь, можетъ быть, спроситъ и скажетъ: „Если онъ потому былъ въ подчиненіи Закону, чтобы искупить тѣхъ, которые были подъ властію Закона, то—такъ какъ было именно невозможно искупить тѣхъ, которые были въ подчиненіи Закону, если бы Онъ самъ не былъ подъ Закономъ,—слѣдуетъ, что или Онъ былъ внѣ Закона (*sine Lege*), чтобы искупить тѣхъ, которые не были подъ Закономъ, или если Онъ самъ не былъ внѣ Закона, то Онъ не искупаетъ и тѣхъ, которые не были въ подчиненіи Закону. Поэтому, если возможно было искупить стоявшихъ внѣ Закона, такъ что Онъ самъ не былъ внѣ Закона: то слѣдуетъ (*ergo*), что Онъ напрасно и излишне былъ въ подчиненіи Закону, чтобы искупить подзаконныхъ? Этотъ вопросъ кратко можетъ разрѣшить тотъ, кто воспользуется извѣстнымъ мѣстомъ: *И Онъ былъ сопричтенъ къ тѣмъ, которые были безъ Закона*. Ибо, хотя въ латинскихъ собраніяхъ св. Книгъ и неправильно издано это мѣсто, по простотѣ толкователей,—именно: *Онъ сопричтенъ къ беззаконнымъ* (*cum iniquis*, Лук. XXIII, 37); однако необходимо знать, что у Грековъ слово *ἄνομος*, которое употреблено здѣсь, имѣетъ одно значеніе, а слово *ἀδίκος*, которое имѣется въ латинскихъ собраніяхъ Священныхъ Книгъ,—другое; ибо словомъ *ἄνομος* обозначается тотъ, который живетъ безъ

закона и не связанъ никакимъ правомъ, а словомъ *ἄδικος*—человѣкъ несправедливый, или неправедный. Поэтому и самъ Апостолъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ: *Хотя я не былъ безъ закона Божія; но былъ въ законъ Христовомъ* (1 Корнѣ. IX, 21); и несомнѣнно, что въ этомъ свидѣтельствѣ на греческомъ языкѣ написано: *ἄνομος*; и тотъ, который здѣсь правильно перевелъ, могъ то же самое слово и тамъ перевести подобнымъ же образомъ, если бы только не обманула его двусмысленность выраженія. А другой [переводчикъ] болѣе тщательно разсматриваетъ слово *искупилъ* (*redimeret*) и говоритъ, что искупленные обозначаютъ тѣхъ людей, которые сначала были изъ числа людей, стоящихъ на сторонѣ Божіей, а потомъ перестали быть таковыми; но тѣ, которые не были подъ Закономъ не столько *искуплены*, сколько *куплены*. Поэтому въ посланіи къ Коринѣянамъ, среди которыхъ распространилась вѣсть о прелюбодѣянніи и притомъ о такомъ прелюбодѣянніи, о которомъ не было слышно даже среди язычниковъ (1 Корнѣ. V, 1), Апостолъ пишетъ: *Вы куплены*, а не *искуплены*, именно потому, что они не были подъ Закономъ. Итакъ мы приняли всыновленіе чадъ Божіихъ и искуплены Христомъ, и перестали быть подъ рабствомъ основныхъ составныхъ частей міра и подъ властію попечителей. Но мы уже показали, какое различіе между *искупить* и *купить*. Подобнымъ же образомъ размыслимъ и о томъ, каково различіе между: *получить* и: *возвратить* всыновленіе чадъ [Божіихъ].

Стихъ 6: *А такъ какъ вы—сыны Божіи, то послалъ Богъ Духа Сына Своего, въ сердца наши, взывающаго: Авва Отче.*—Апостолъ очевидно называетъ Трехъ Духовъ: Духа Сына Божія, какъ въ настоящемъ мѣстѣ: *Послалъ Богъ Духа Сына въ сердца наши* (Римл. VIII, 16), и Духа Божія, какъ въ извѣстномъ мѣстѣ: *Которые только водятся Духомъ Божіимъ, тѣ суть сыны Божіи* (Римл. VIII, 14) и, наконецъ, Духа Святаго, какъ въ слѣдующемъ мѣстѣ: *Тѣла*

ваши суть храмъ Святаго Духа, который въ васъ (1 Корнѣ. VI, 19) Но что святой Духъ есть нѣкоторый иной въ отличіе отъ Духа Сына, объ этомъ есть ясное свидѣтельство въ Евангеліи: *Кто скажетъ слово противъ Сына человеческого, тому отпустится, а кто скажетъ противъ Духа Святаго, тому не отпустится ни здѣсь, ни въ будущемъ [вѣвѣ]* (Лук. XII, 10). Это [я говорю] потому, что многіе по невѣдѣнію Писанія,—что дѣлаеть и Фирмианъ въ восьмой книгѣ посланій къ Димитріану,—утверждаютъ, что Духъ Святой часто называется то Отцемъ, то Сыномъ. И хотя мы весьма опредѣленно вѣруемъ въ [св.] Троицу, однако они, уничтожая Третье Лице, представляютъ, что это не [отдѣльное] Существо (substantia), а только [отдѣльное] наименованіе. Чтобы не заходить далеко,—потому что я составляю не собесѣдованіе (dialogus), а только толкованіе,—я кратко покажу, что и въ пятидесятомъ псалмѣ наименованы три Духа; ибо пророкъ такъ говоритъ: *Боже, сотвори во мнѣ сердце чистое и обнови Духи правдою въ утробѣ моей; не отвергни меня отъ Своего лица, и не отними у меня Духа Святаго. Дай мнѣ радость спасенія Своего и утверди меня Духомъ первоначальнымъ* (principalis). Духомъ первоначальнымъ онъ называетъ Отца, потому что Сынъ отъ Отца, а не Отецъ отъ Сына. А именемъ Духа правдою, Духа истины и правды онъ называетъ Христа Господа: Ибо Отецъ всякій судъ далъ Сыну (Іоан. V, 22), какъ говоритъ Давидъ: *Боже, дай судъ Твой царю и мощество Твое—Сыну Царя* (Псал. LXXI, 1). Наконецъ яснымъ именемъ онъ вызываетъ Духа Святаго. Правда, Они по лицамъ и именамъ отличны, но по существу и природѣ соединены: и потому тотъ же самый Духъ по единству природы называется то Духомъ Отца, то Духомъ Сына.—Такимъ окончаніемъ Апостолъ заключилъ доказательство, на которомъ онъ пытается утверждаться,—именно, что мы уже не подъ Закономъ, а подъ благодатію Господа Иисуса. Выше онъ сказалъ: *Чтобы мы получили в ѡновленіе чадѣ Божіихъ;*

теперь говорить, что мы—сыны Божіи, что доказывается Духомъ, Котораго мы имѣемъ въ себѣ, ибо никогда, говорить онъ, мы не осмѣлились бы сказать: *Отче нашъ, сущій на небесахъ; да святится имя Твое* иначе, какъ только по сознанию живущаго въ насъ Духа и громкимъ голосомъ чувствъ и ученія взывающего: *Авва, Отче* (Римл. VIII, 15). *Авва*—слово Еврейское, значающее то же самое, что и слово: *Отецъ*. И во многихъ мѣстахъ Писаній сохраняется то обыкновеніе, что еврейское слово ставится совмѣстно съ переводомъ его. Такъ Вартимей [переведено]—*сынъ Тимея*, Асеръ—*богатства*, Тавиѳа—*серна* (Дьян. IX, 36), и въ книгѣ Бытія Mesech—*доморощеннѣй* (рабъ—не купленный, а родившійся отъ раба, принадлежащаго дому), и прочее, тому подобное. А такъ какъ *Авва* на Еврейскомъ и Сирскомъ языкѣ значить *Отецъ* и, съ другой стороны, такъ какъ Господь нашъ заповѣдуетъ въ Евангеліи, что никого кромѣ Бога не должно называть Отцемъ (Мѳ. V ?), то я не знаю, по какому праву (qua licentia) въ монастыряхъ мы и другихъ называемъ этимъ именемъ, и приучаемъ, чтобы насъ такъ называли. Если мы не клянемся, то и отцемъ другого кого-либо не должны называть; а если въ отношеніи къ понятію: отецъ вводимъ новое пониманіе, то вынуждаемся сдѣлать то же самое и въ отношеніи клятвы. При этомъ также необходимо замѣтить, что подъ воплемъ въ св. Писаніи разумѣется не изданіе голосомъ громкаго звука, а величіе познанія и ученія. Въ самомъ дѣлѣ, и въ книгѣ Исходъ Господь говоритъ Моисею: *Что ты вопіешь ко мнѣ?* (Исх. XIV, 15), хотя при этомъ никакія слова раньше со стороны Моисея не были произнесены. Писаніе называетъ воплемъ поистинѣ сокрушенное сердце и рыдавшее за народъ со слезами. Итакъ подобно тому, какъ имѣющій Духа Сына Божія есть Сынъ Божій, наоборотъ, не имѣющій Духа Сына Божія не можетъ назваться сыномъ Божіимъ.

Стихъ 7: *Итакъ онъ уже не рабъ, но сынъ; посему если онъ сынъ, то и наследникъ чрезъ Христа.*—Имѣя,

говорить онъ, въ себѣ Духа Сына Божія, восклицающаго: *Авва Отче*, вы начали быть уже не рабами, но сынами; ибо прежде вы ничѣмъ не отличались отъ рабовъ, хотя по природѣ вы дѣйствительно были Божіи; но вы должны были жить подъ наблюденіемъ попечителей и руководителей, какъ бы не достигшіе зрѣлаго возраста; поэтому если вы теперь сыны, то вамъ должно принадлежать наслѣдство, такъ что, какъ вы сдѣлались сынами Божіими, принявъ Духа Божія, подобно этому, (ita) обратившись изъ рабовъ въ свободныхъ, вы сдѣлались наслѣдниками. совмѣстно съ наслѣдникомъ Отца Іисусомъ Христомъ, Который говоритъ въ псалмѣ отъ лица принятаго Имъ челоуѣчества: *Господь сказалъ ко мнѣ: Ты—Сынъ Мой, Я нынѣ родилъ Тебя. Проси у Меня, и Я дамъ Тебѣ народы въ наслѣдіе Твое, и во владычество Твое концы земли* (Псал. II, 7, 8). А что мы говоримъ въ этомъ мѣстѣ, должны также имѣть въ виду и въ отношеніи къ прочимъ мѣстамъ, [т. е.] что относительно всего рода челоуѣческаго говорится въ единственномъ числѣ; потому что все мы вѣрующіе составляемъ едино во Христѣ Іисусѣ и все—члены Его Тѣла, и возведенные на степень мужа совершеннаго имѣемъ Его своимъ главою, потому что глава мужа Христосъ есть (1 Корнѣ. XI, 2).

Стихи 8. 9: *Но тогда, не зная Бога, вы служили, какъ рабы, тѣмъ, которые по природѣ не были богами, а теперь, познавая Бога, или вѣрнѣе приведенные Имъ къ познанію [Его], какимъ образомъ вы снова возвращаетесь къ бессильнымъ и ничтожнымъ началамъ (elementa), которымъ хотите снова рабски служить?*—Онъ обличаетъ Галатовъ, которыхъ апостолы отвратили отъ почитанія идоловъ къ вѣрѣ въ Бога. [обличаетъ] въ томъ, что они,—оставивъ идоловъ, которые по природѣ не были богами, и зная Бога, а скорѣе, будучи приведены Имъ къ познанію и принявши даже Духа всыновленія,—снова подобно малымъ дѣтямъ и тѣмъ.

которые желаютъ быть подъ опекою руководителей и воспитателя, возвращаются къ безсильнымъ и немощнымъ началамъ міра, которыя потому даны для пониманія немощному и слабому уму народу, что онъ не можетъ воспринимать и содержать большее. И тѣ же начала, которыя теперь онъ называетъ безсильными и ничтожными, выше онъ называлъ только началами *міра*; а тамъ, гдѣ сказано о началахъ *міра*, не присоединено: *безсильныя* и *ничтожныя*. Здѣсь снова, гдѣ начала названы безсильными, тамъ не употреблено имени *міра*, какъ мы сказали и выше. Итакъ я думаю, что коль скоро кто-либо находится въ дѣтскомъ возрастѣ и коль скоро еще не исполнилось время, опредѣленное Отцемъ, чтобы ему можно было называться наслѣдникомъ и сыномъ, онъ находится подъ властію началъ міра, именно подъ руководствомъ Моисеева Закона. А когда, послѣ возвращенія сыну принадлежащей ему свободы, онъ снова возвратится къ Закону, желая обрѣзываться и слѣдовать буквально всѣмъ Іудейскимъ суевѣріямъ, тогда то, что прежде для него было только *началами міра*, [теперь] называется уже безсильнымъ и ничтожнымъ началомъ. Дѣйствительно, они настолько ни въ чемъ не полезны для почитателей своихъ, что не могутъ дать даже того, что подавали прежде, такъ какъ теперь Іерусалимъ, храмъ и жертвенникъ разрушены. Но кто-нибудь, можетъ быть, возразитъ такъ: „Если Законъ, и заповѣди, написанныя въ Законѣ, являются безсильными и ничтожными началами, и если тѣ, которые познали Бога или, вѣрнѣе, отъ Него научились познанію, не должны соблюдать заповѣдей Закона (чтобы начать не столько чтить Бога, отъ Котораго научились познанію, сколько обращаться къ тѣмъ, которые по природѣ своей не суть боги); то [слѣдуетъ, что] или Моисей и пророки соблюдали Заповѣди и не знали Бога, и не научились отъ Него познанію, или если и познали Бога, то весьма мало соблюдали Его заповѣди. Но и то и другое утверждать опасно: или они не исполняли Закона и такимъ

образомъ познали Бога, или же не познали Бога, такъ какъ соблюдали безсильныя и ничтожныя начала Закона“. Этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ такъ съ нашей стороны (ut dicamus illos): какъ Павелъ для Іудеевъ былъ Іудеемъ, чтобы пріобрѣсти Іудеевъ (1 *Коринѳ.* IX,) и въ Кенкреяхъ по обычу обрѣзалъ волосы, а въ храмѣ Іерусалимскомъ ходилъ босымъ и съ обритою головою, чтобы успокоить ненависть тѣхъ, которые распустили о немъ слухъ (catechizati de eo), будто онъ поступаетъ противъ Закона Моисеева и Бога пророковъ: такъ и святые мужи, дѣйствительно, исполняли то, что было предписано Закономъ (quae Legis erant), но исполняли это, слѣдуя больше смыслу Закона, чѣмъ буквѣ его. Они не менѣе Авраама, снявъ покровъ съ лица, желали видѣть день Христовъ, и увидѣли, и возрадовались, сдѣлавшись немощными для немощнаго народа, чтобы пріобрѣсти немощныхъ (1 *Коринѳ.* IX, 22) и для бывшихъ подъ Закономъ такими, какъ будто они сами были подъ Закономъ, чтобы отдѣлить ихъ отъ идоловъ, служить которымъ они привыкли въ Египтѣ. Было бы неразумно думать, что Моисей и прочіе собесѣдники Божіи были въ такихъ условіяхъ, что мы не вѣримъ имъ, и что наступило время, предопредѣленное отъ Отца, и что они искуплены отъ подзаконнаго рабства и получили усыновленіе, какъ сыны, и со Христомъ приняли наслѣдіе. Дѣйствительно, каждая въ отдѣльности (quae singulae) премудрость Божія подается всему роду человѣческому, какъ бы [Его] едиnorodному Сыну; она же подана всегда каждому изъ святыхъ по Его опредѣленію и соизволенію. А такъ какъ мы называемъ Законъ Моисея безсильными и ничтожными началами, то еретики находятъ [въ этомъ] поводъ къ тому, чтобы порицать Творца за то, что Онъ создалъ міръ и даровалъ Законъ (sanxerit). Имъ мы отмѣтимъ,—то же, что сказали выше,—эти начатки безсильны и ничтожны для тѣхъ, которые обращаются къ нимъ послѣ благодати Евангелія. Но прежде наступленія предопредѣленнаго отъ Отца времени они

названы не столько безсильными и ничтожными началами, сколько началами міра. Кромѣ того заповѣди Закона имѣли свое сіяніе прежде, чѣмъ Евангеліе Христово заблестало во всемъ мірѣ; а послѣ того, какъ возсіялъ болѣе сильный свѣтъ благодати Евангелія, и всему міру явилось Солнце правды, сіяніе звѣздъ скрылось, и лучи ихъ омрачились подобно тому, какъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ Апостолъ: *Ибо не было прославлено то, что было прославлено съ этой стороны вслѣдствіе превосходной славы* (2 Корнѳ. III, 10). То, что теперь говорится, пусть онъ выразить другими словами: Законъ Моисеевъ, прежде Евангелія бывшій богатымъ, изобильнымъ и яснымъ, по пришествіи Христа сдѣлался какъ бы безсильнымъ и ничтожнымъ по сравненію съ Нимъ, и уменьшеннымъ и устранившимся со стороны Того, Который былъ больше Соломона и храма, и пророка Іоны. Я думаю, что извѣстное слово: *Ему должно возражать, а мнѣ уменьшаться* (Іоан. III, 30) сказано не столько отъ лица Іоанна, сколько отъ лица Закона, потому что меньшее всегда уступаетъ мѣсто большому, и совершенное предпочитается начаткамъ. Съ другой стороны подъ безсильными и ничтожными началами мы съ убѣжденіемъ признаемъ (confitebimus) Іудейскія преданія и буквальное, не имѣющее никакой цѣны, пониманіе, потому что они суть заповѣди неблагія, и оправданія не добрыя. Имѣеть силу и богато [по содержанію] духовное толкованіе Закона (*Иезек. XX?*), такъ что оно или почти не можетъ быть названо начаткомъ, или же пожалуй (*quidem*) и начаткомъ по сравненію съ будущимъ вѣкомъ и съ жизнію во Христѣ Іисусѣ, которою нынѣ живутъ Ангелы и высшія силы. Но въ сравненіи съ Іудейскимъ пониманіемъ это должно быть названо не столько начаткомъ, т. е. начинаніемъ, сколько совершенствомъ. А то, что онъ говоритъ: *Нынѣ же познавая Бога или вѣрнѣе* (*magis, получивши отъ Него познаніе*, показываетъ, что послѣ поклоненія идоламъ Галаты уразумѣли Бога, или лучше сами были при-

знаны достойными познанія Его. Эти слова имѣють не то значеніе, что Богъ, Творецъ всего, не знаетъ чего-либо, а то значеніе, что Онъ изображается знающимъ только тѣхъ, которые свое заблужденіе замѣнили благочестіемъ: *Знаетъ Господь тѣхъ, которые суть Его* (2 Тим. II, 19). И Спаситель въ Евангеліи говоритъ: *Я есмь Пастырь Добрый, и знаю Моихъ* [овець], *и Мои знаютъ Меня* (Іоан. X, 14). И, наоборотъ, къ нечестивымъ говорится: *Я не знаю васъ, отступите отъ Меня вы, ошлатели неправды* (Лук. XIII, 27); а къ неразумнымъ дѣвамъ: *Я не знаю васъ, кто вы* (Мѡ. XXV, 12).

Стихи 10, 11: *Вы соблюдаете дни, мѣсяцы и годы, я опасуюсь [за] васъ, не трудился ли я, можетъ быть, у васъ напрасно.*—Кто не почитаетъ Отца въ духѣ и истинѣ, тотъ не знаетъ субботняго покоя, предназначеннаго святымъ, о которыхъ говоритъ Богъ: *Если увидутъ въ покой Мой* (Псал. XCIV, 11); и не о тѣхъ дняхъ воспоминаетъ Онъ, о которыхъ говорится: *Помните дни вѣка* (Исаіи XLVI, 9); и въ другомъ мѣстѣ: *Я вспомнилъ о дняхъ древнихъ и держалъ въ умѣ годы вѣчные* (Псал. LXXVI, 6). Таковой соблюдаетъ дни Іудейскіе и мѣсяцы, и времена, и годы. Дни.—каковы на примѣръ: субботы, новомѣсячія и время отъ десятаго до четырнадцатаго дня перваго мѣсяца, когда приготовлялся тѣлесный агнецъ для жертвы, и отъ четырнадцатаго до двадцать перваго того же мѣсяца, когда были вкушаемы опрѣсноки не чистоты и истины, но въ закваскѣ древней злобы и фарисейскаго беззаконія; [соблюдаетъ] также семь седмицъ, тотъ, кто по Іудейскому обряду опрѣсноровъ отсчитываетъ и чтитъ день Пятидесятницы; а также трубные звуки въ седьмой мѣсяцъ въ первый его день. Также и въ десятый день того же мѣсяца тѣ соблюдаютъ очищеніе и постъ, и купци, которые хранятъ Іудейскіе дни. А мѣсяцы соблюдаютъ первый и седьмой, не разумѣя таинства истины. Также и дни чтутъ тѣ, которые ежегодно, три раза (ter per annos singulos) являясь въ Іеру-

салимъ, воображаютъ, что они исполняютъ заповѣдь Господа, Который говоритъ: Въ три времени года совершайте праздничный день для меня: праздникъ опрѣсноковъ, праздникъ первой жатвы и праздникъ конца въ исходѣ года (Исх. XXIII, 14 и дал) И въ другомъ мѣстѣ: *Въ три времени года будетъ являться твой мужескій полъ предъ лице Господа Бога твоего (Исх. XVII, ?)*. А слова его: *и годы по моему мнѣнію относятся къ седьмому году отпуска [рабовъ] и къ пятидесятому году, который они называютъ юбилей.* Болѣе полво это мѣсто Апостоль разъясняетъ въ посланіи къ Колоссянамъ, говоря: *Итакъ пусть никто не осуждаетъ васъ за яства, или питія, или въ отношеніи къ части праздничнаго дня, новолѣтій и субботъ, которыя являются тѣнью будущаго (Колосс. II, 16).* Часть праздничнаго дня онъ употребилъ здѣсь для различенія отъ непрерывнаго празднованія, чтобы, такъ сказать, мы не одну только какую-нибудь частицу всего тѣла, а все теченіе нашей жизни проводили въ непрерывновъ торжествованіи о Христѣ. А для связи предыдущаго съ послѣдующимъ скажу, что непосредственно вслѣдъ затѣмъ онъ присоединяетъ въ томъ же посланіи то, что думаетъ о Законѣ Моисеевомъ и объ излишней внимательности при выборѣ яствъ, говоря такъ: Ибо если вы умерли со Христомъ для началъ міра сего, то почему же какъ бы живущіе еще въ этомъ мірѣ вы соблюдаете предписанія: Не касайтесь [того или другого], не отвѣдывайте, не дотрогивайтесь; это гибельно въ самомъ пользованіи отъ него, и [это дѣлается] по заповѣдямъ и ученіямъ только человѣческимъ. Но кто-нибудь скажетъ: „Если непозволительно соблюдать дни и мѣсяцы, и времена, и годы, то мы допускаемъ также нѣчто преступное, соблюдая [постъ въ] среду (quarta sabbati) и пятницу, празднуя день Господень и постясь въ четырехдесятницу, торжествуя Пасху и радуясь въ день Пятидесятницы, и, наконецъ, почитая соотвѣтственно различнымъ

странамъ установленныя въ нихъ различныя въ честь мучениковъ времена“. Кто на это будетъ отвѣчать просто, тотъ скажетъ: „Дни Іудейскаго празднованія не такіе же, какъ у насъ. Ибо мы торжествуемъ Пасху не опрѣсноковъ, а Пасху крестной смерти и воскресенія, и не по обычаю Евреевъ въ Пятидесятницѣ мы видимъ конецъ семи недѣль, но чтимъ сошествіе Духа Святаго. И нѣкоторые дни установлены для того, чтобы необычное собраніе народа не уменьшало вѣры во Христа, для чего мы всѣ одинаково собираемся вмѣстѣ. Это не потому, что день, въ который мы собираемся, болѣе славенъ, а потому, что въ день, предназначенный для собранія, отъ взаимнаго созерцанія другъ друга возникаетъ большая радость.“ А кто будетъ стараться на представленное возраженіе отвѣчать болѣе остроумно, тотъ пусть твердо стоитъ на томъ, что всѣ дни равны, и не потому, что въ пятницу былъ распятъ Христосъ, и не потому, что въ день Господень Онъ возсталъ изъ мертвыхъ; но каждый день (*semper*) есть день воскресенія, и въ каждый день пусть человекъ вкушаетъ плоть Господню. Но посты и собранія установлены мужами мудрыми для тѣхъ людей, которые свободны болѣе для служенія міру, чѣмъ Богу, и не могутъ, или, по крайней мѣрѣ, не хотятъ во всякое время своей жизни собираться въ Церковь и до начала человѣческихъ дѣлъ, приносить Богу жертву своихъ молитвъ. Въ самомъ дѣлѣ сколь велико число тѣхъ, которые всегда соблюдаютъ, по крайней мѣрѣ, эти немногія, установленныя для поста или молитвы времена? Итакъ, въ то время, какъ намъ позволительно какъ поститься, такъ и молится всегда, и въ радости непрестанно торжествовать день Господень причащеніемъ тѣла Господня; Іудеямъ не позволено во всякое время закалатъ агнца, проводить Пятидесятницу, устраивать кущи и поститься ежедневно. Имѣя достоинство Апостола, онъ [Павель] въ дѣйствительности осторожно и съ кротостію святаго мужа умѣрилъ свои слова, говоря такъ: *Я боюсь васъ, чтобы случайно не потрудиться мнѣ у васъ*

напрасно. Въ самомъ дѣлѣ, если бы онъ захотѣлъ произнести рѣшительное сужденіе, то, конечно, сказалъ бы: *Я боюсь васъ; ибо напрасно трудился у васъ.* А теперь, видя, что они имѣютъ усердіе къ Богу, но не по разуму, не вселяетъ сомнѣнія о спасеніи въ тѣхъ, которые были увлечены благочестивымъ обманомъ, но и не оставляетъ ихъ безъ упрековъ, чтобы не подать повода и имъ къ упорству въ ихъ заблужденіи, и остальнымъ къ заблужденію подобнаго рода. Но онъ употребляетъ выраженіе: *Боюсь васъ* вмѣсто того, чтобы сказать: *Боюсь за васъ* Напрасно (*sine causa*) трудится учитель тогда, когда онъ призываетъ учениковъ къ высшему, а они чрезъ паденіе низвергаются назадъ къ меньшему и низшему

Стихъ 12: *Итакъ будьте, какъ я, потому что и я, какъ вы.*—Его слова имѣютъ такой смыслъ какъ я для васъ нетвердыхъ сдѣлался нетвердымъ и не могъ говорить, какъ духовнымъ, а говорилъ какъ-бы плотскимъ и дѣтямъ во Христѣ, и такъ какъ вы еще не могли питаться твердою пищею, то я напоилъ васъ только Евангельскимъ молокомъ, но не желая, чтобы вы всегда оставались въ дѣтскомъ возрастѣ, а желая по немногу довести васъ до зрѣлости юношескаго возраста, чтобы вы могли принимать твердую пищу: такъ и вы должны быть, какъ и я, т. е. знать болѣе совершенное и, оставивъ молоко, перейти къ болѣе грубому питанію, къ пищѣ въ ббольшемъ размѣрѣ (*ad ravela majora*). Но онъ говоритъ это какъ бы въ подражаніе Спасителю, Который не считалъ хищеніемъ быть равнымъ Богу, но умалилъ Себя, принимая внѣшній видъ раба и сдѣлался подобнымъ чело-вѣку, чтобы мы изъ людей сдѣлались богами, и больше уже не умирали, но возставши вмѣстѣ со Христомъ именовались друзьями Его и братьями, и чтобы ученикъ былъ, какъ Учитель, а рабъ, какъ—господинъ. Но это можетъ быть понято и такъ: „Братья, говоритъ онъ, заклинаю васъ, чтобы, презрѣвъ Іудейское соблюденіе дней, мѣсяцевъ, время и

годовъ, которые являются тѣнію будущаго, вы подражали мнѣ, который безъ сопротивленія ходилъ въ Законѣ, но теперь все сталъ считать, какъ отбросы и ни къ чему непригодное. Дѣйствительно, я былъ таковымъ, каковы теперь вы, когда строго держался въ соблюденіи того же самаго и, какъ гонитель опустошалъ Церковь Христову, которая этого не дѣлала.

Стихъ 13 [окончаніе 12-го и 13-й]: *Братіе, клянусь вамъ, что вы ничѣмъ не оскорбили меня; но вы знаете, что я въ немощи плоти благовѣствовалъ вамъ въ первый разъ.*—Къ прежде высказанной мысли присоедили слѣдующую; а чтобы это было болѣе очевидно, пусть будетъ тотъ порядокъ словъ, который мы вводимъ. Заклинаю васъ, братіе, будьте, какъ и я, потому что и я таковъ, какъ вы. Съ этимъ сходно извѣстное слово: *Мы просимъ во имя Христова, примиритесь съ Богомъ* (2 Корн. V, 40). Также и въ другомъ мѣстѣ: *Заклинаю прежде всего, чтобы были молитвы, моленія, прошенія, благодаренія* (1 Тим. II, 1). А также и слова Апостола Петра: *Старцевъ между вами умоляю я, какъ состарецъ самъ, свидѣтель страданій Христовыхъ* (1 Петр. V, 1). Эти слова призываютъ и насъ къ смиренію и поражаютъ гордость тѣхъ епископовъ, которые, будучи поставлены какъ бы на нѣкоторомъ возвышенномъ наблюдательномъ мѣстѣ, едва-едва удостоиваютъ обращать вниманіе на смертныхъ и привѣтствовать ихъ, какъ сослужителей своихъ (*conservos suos*). Пусть они научатся у Апостола заблуждающихся и неразумныхъ Галатовъ именовать братьями. Пусть они научатся послѣ запрещенія ласковымъ словамъ того, который говоритъ: *Заклинаю васъ* (1 Корн. XI, ?). А заклинаніе его значить то, что они должны подражать ему, какъ онъ подражаетъ Христу; по крайней мѣрѣ на основаніи этого мѣста (*ut praesentem locum sequar*), не велико то, чего онъ требуетъ,—именно: чтобы, какъ онъ ради нихъ изъ большаго сдѣлался меньшимъ, такъ и они отъ меньшаго перешли къ большому. *Ничѣмъ*, говоритъ онъ, *вы не оскорбили*

меня. Ученикъ оскорбляетъ учителя, если своею небрежно-стію обращаетъ въ ничто (disperdat) его наставленія и его трудъ. Галаты не оскорбили Апостола, такъ какъ даже до настоящаго времени соблюдали его повелѣнія и слѣдовали его благовѣствованію. Или же конечно [можно понять] такъ: Когда я первоначально возвѣстилъ вамъ Евангеліе и, вслѣдствіе немощи вашей плоти, проповѣдалъ вамъ, какъ младенцамъ,— ибо вы не могли усвоить высшихъ святынь (sacramenta),— и самого себя показывалъ какъ бы немощнаго, чтобы при-обрѣсти васъ немощныхъ: то вы развѣ не приняли меня, какъ будто ангела, какъ будто Иисуса Христа? И такъ какъ (cum igitur) вы никогда не оскорбляли меня и разсматривали меня въ вашемъ дѣлѣ отверженнымъ и униженнымъ подобно Сыну Божію; то какимъ образомъ я встрѣчаю съ вашей стороны оскорбленія, когда призываю васъ къ высшему, такъ что про-падаетъ мой трудъ, а ту уступчивость, въ которой я вы-ставлялъ себя какъ бы маловозрастнаго, вы оплакиваете какъ бесполезное дѣло? Но тѣмъ не менѣе вслѣдствіе немощи плоти не своей, а своихъ слушателей, Павелъ проповѣдуетъ Гала-тамъ, которые не могли подчинить тѣло слову Божію, и, какъ плотскіе, были неспособны къ духовному пониманію. А для того, чтобы это было очевидно, мы представимъ примѣръ. Въ виду немощи плоти учить тотъ, который говоритъ: *Если не удержатся, то пусть выходятъ замужъ, и: женщины, если умретъ ея мужъ, свободна выйти замужъ за кого угодно, но только о Господь* (1 Корнѣ. VП, 9, 39). Но ни въ какомъ случаѣ не учить въ виду немощи плоти тотъ, который напоминаетъ о слѣдующемъ: *Отдѣлившись отъ жены, не ищи жены и: Время теперь* (tempus est), *чтобы имѣющіе женъ были, какъ не имѣющіе* (1 Корнѣ. VП, 27, 29). Дѣйствительно, духовнымъ даются однѣ заповѣди, а плотскимъ другія. И иное есть то, что заповѣдуются по повѣленію, а иное то, что дозволено по снисхожденію.

Стихъ 14: *И испытанія вашего, которое было въ моей плоти, вы не презрѣли и не отвергли; но приняли меня какъ вѣстника Божія, какъ Иисуса Христа.*—Это темное мѣсто, и должно быть съ болѣе чѣмъ обыкновеннымъ вниманіемъ изслѣдуемо. Дѣйствительно, говоритъ онъ, я въ виду немощи вашей плоти уже и прежде благовѣствовалъ вамъ, какъ будто младенцамъ и питающимся молокомъ, начиная съ меньшаго и,—такъ сказать,—почти дѣтскимъ лепетомъ. Такое снисхожденіе и подражаніе немощному проповѣданію было, дѣйствительно, съ моей стороны, преднамѣреннымъ (mea gubernatio); но для васъ это было испытаніемъ: будетъ ли угодно вамъ и покажется-ли великимъ то, что условно было менѣе себя самого и выставлялось съ моей стороны, какъ низменное. И, дѣйствительно, вы, принимая это, не какъ малозначительное, но какъ великое, были настолько удивлены, что меня, провозглашавшаго это, приняли какъ бы вѣстника (angelum) [Божія] или,—даже болѣе,—какъ бы Сына Божія. Такимъ образомъ это ваше испытаніе, которому я подвергалъ васъ доступнымъ плотскому разумѣнію униженіемъ своей рѣчи не было въ презрѣніи у васъ, не было и малоцѣннымъ въ вашихъ глазахъ, наоборотъ, оно было принято съ большимъ почтеніемъ, чѣмъ я думалъ. Это мѣсто можетъ быть разъяснено также и такъ: Когда я пришелъ къ вамъ, то пришелъ не съ премудрою рѣчью, а какъ человѣкъ низкій и презрѣнный, ничего великаго не сообщая, какъ [только] о Распятіи. Итакъ, когда вы увидѣли меня одѣтаго тѣломъ, подверженнымъ немощамъ, то вы не поругались надъ человекомъ, обѣщающимъ небесное царство и не почли его достойнымъ презрѣнія; потому что вы понимали униженіе моей плоти и то, что малоцѣнность ся вѣшней оболочки была предназначена для вашего испытанія: именно презирали ли вы того, который со стороны невѣрующихъ считался достойнымъ презрѣнія? Нѣтъ, напротивъ: вы его презрѣннаго, униженнаго и малозначущаго приняли, какъ вѣстника Божія

и даже болѣе, чѣмъ какъ вѣстника (angelum). Конечно мы также можемъ думать, что Апостоль въ то время, когда явился въ первый разъ къ Галатамъ, былъ боленъ и одержимъ нѣкоторою тѣлесною немощію; однако онъ не прекратилъ [проповѣданія], и не удержалъ въ молчаніи своего голоса, чтобы проповѣдать начатое благовѣствованіе. Ибо разсказываютъ, что его часто мучила сильнѣйшая боль головы; и это былъ именно тотъ ангель сатаны, который былъ приставленъ къ нему, чтобы дѣлать ему непріятности, чтобы онъ не превозносился. Эта немощь и это утомленіе тѣла для тѣхъ людей, которымъ провозвѣщалось Евангеліе, была испытаніемъ: примутъ ли они его, когда онъ будетъ провозглашать болѣе возвышенное, — онъ, подверженный немощамъ тѣлеснымъ. Также можно сказать [въ объясненіе этого текста] и слѣдующее. Въ первое время по приходѣ своемъ къ Галатамъ онъ терпѣлъ ругательства, гоненія и тѣлесные удары со стороны тѣхъ, которые шли противъ проповѣди Евангелія, и для Галатовъ это было испытаніе даже весьма большимъ, когда они видѣли, что Апостоль Христовъ подвергается ударамъ. А слова его о томъ, что они приняли его, какъ вѣстника Божія (angelum), какъ Иисуса Христа, показываютъ, во-первыхъ, то, что Христосъ болѣе ангела [или: ангеловъ]; хотя Псалмопѣвецъ провозглашаетъ Его меньшимъ ангеловъ, говоря: *Умалилъ Его сравнительно съ ангелами немногимъ* (Псалм. VIII, 6); а во вторыхъ, показываетъ въ началѣ такое значеніе своихъ словъ, что ангелы признаются и помазанными (et Christi).

Стихи 15, 16: *Итакъ, гдѣ же ваше блаженство? Ибо я свидѣтельствую предъ вами, что, если бы это было возможно, то вы вырвали бы свои очи и дали бы мнѣ. Итакъ, говоря истину вамъ, сдѣлался ли я вашимъ врагомъ.* — Блаженъ тотъ, кто ходитъ по пути добродѣтелей, но только если дошелъ до добродѣтелей. Ни къ чему не служить оставленіе порока, если ты не постигнешъ высшихъ (добрыхъ дѣлъ),

потому что въ добрыхъ дѣяніяхъ достойно похвалы не столько начало, сколько конецъ. Ибо, какъ много степеней есть въ виноградникѣ до времени выжиманія вина изъ кисти въ точилѣ: сперва необходимо, чтобы лоза дала почки на вѣтвяхъ, [потомъ], чтобы она возбудила надежду [на урожай] цвѣтеніемъ, послѣ же того, чтобы, по опаденіи цвѣта, образовались ви́шнія особенности кистей и чтобы мало-по-малу впухающій ростокъ произвелъ ягоды, которыя могли бы быть выжаты въ точилѣ и дали сладкій сокъ: такъ и въ ученіи есть отдѣльныя степени приближенія къ блаженству [или: совершенствованія въ блаженствѣ], такъ что необходимо, чтобы люди слушали слово Божіе, чтобы воспринимали его, чтобы оно достигло степени зрѣлости въ глубинѣ (utero) ихъ души и достигло до рожденія; необходимо, чтобы они, когда родятъ его, воспитали его молокомъ и довели его до мужа совершеннаго чрезъ младенчество, дѣтство, отрочество и юность. И такъ, когда каждая отдѣльно степень, какъ мы сказали, соотвѣтственно своему возвышенію имѣетъ [извѣстную долю] блаженства, то,—если не будетъ должнаго конца и, такъ сказать, послѣдняго удара руки въ дѣлѣ, — весь трудъ будетъ напраснымъ, и будетъ сказано: *Гдѣ ваше блаженство?* Хотя, говорить онъ, вы въ то время, когда принимали Евангеліе по плоти, были названы блаженными отъ меня, потому что вы пламенно отнеслись къ начинаніямъ; однако теперь, когда я не вижу еще, чтобы было окончено завершеніе зданія, и почти не заложено еще основаніе зданія, то я вынужденъ сказать: *Итакъ, гдѣ же ваше блаженство*, за которое я прежде похвалялъ васъ, считая васъ блаженными. Ибо по истинѣ я и самъ сознаю, что вы въ началѣ такъ полюбили меня, проповѣдовавшаго вамъ въ низменныхъ образахъ (humilia), или подвергавшагося гоненіямъ, что если бы было возможно (то, что говорится здѣсь, должно принимать въ преувеличенномъ смыслѣ), то вырвали бы свои глаза и отдали бы мнѣ, чтобы я лучше видѣлъ всѣми вашими глазами. Дѣй-

ствительно, вы желали бы по неизреченной ко мнѣ любви быть слѣпыми; чтобы въ сердцѣ моемъ возсіялъ (oriatur) свѣтъ Евангелія, вы мой уснѣхъ хотѣли увеличить своимъ убыткомъ; и это въ то самое время, когда я возвѣщалъ вамъ незначительное и простое, какъ бы младенцамъ и питающимся молокомъ въ виду немощи плоти вашей, или когда я вслѣдствіе страданій своей плоти былъ въ вашихъ глазахъ недостойнымъ довѣрія. А теперь, когда я сталъ призывать васъ отъ начатковъ и слоговъ и дѣтскаго чтенія,—сталъ призывать васъ къ высшимъ занятіямъ, чтобы вы держали книги въ рукахъ и изучали слова, полныя учености и [глубокаго] смысла, вы отталкиваете (recalcitratis—брыкаетесь), гнѣваетесь; усовершенствованіе ученія кажется вамъ очень тяжкимъ; и вы настолько измѣнились въ своихъ чувствованіяхъ (in alios mutati estis affectus), что меня принимали какъ будто вѣстника Божія (angelum), какъ Христа; тотъ, которому вы хотѣли вручить свои очи, теперь для васъ, какъ будто врагъ, ибо я возвѣщаю вамъ полную истину. Но онъ искусно окончилъ свою мысль, говоря: *Итакъ сдѣлался ли я вамъ врагомъ, говоря вамъ истину?* чтобы показать, что начатки проповѣди были не столько истиною, сколько тѣнью и образомъ истины. Съ этимъ сходна извѣстная мысль знаменитаго у Римлянъ поэта (Теренцій, in And. I, 1.): „Угодливость порождаетъ друзей, истина возбуждаетъ ненависть“. Но обрати вниманіе на то, сколь первая [мысль Апостола] лучше послѣдней. Въ самомъ дѣлѣ, Апостоль умѣрилъ свою мысль и далъ ей особое значеніе, обращаясь именно къ тѣмъ, которыхъ онъ [прежде] называлъ несмысленными и разсматривалъ, какъ младенцевъ, т. е. собственно только лично къ Галатамъ; а названный поэтъ очень заблуждался, когда объявилъ это свое сужденіе всеобще пригоднымъ, имѣющимъ значеніе въ отношеніи ко всѣмъ. Въ самомъ дѣлѣ, угодливость, которая по его мнѣнію дѣлаетъ друзей, когда она лишена истины, является не угодливостію, а скорѣе

льстивостію и потворствомъ, что́, — очевидно, — должно назвать скорѣе скрытою враждою, чѣмъ дружбою. Но вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо обратить вниманіе и на то, что и нынѣ также, пока еще у младенцевъ и питающихся молокомъ, и у тѣхъ, у которыхъ въ сердцахъ не возросъ еще Христосъ и не успѣлъ въ возрастѣ и премудрости, и благодати предъ Богомъ и людьми, мы изьясняемъ имъ Писаніе буквально, и за это встрѣчаемъ похвалы, почетъ и удивленіе. А когда мало-помалу начнемъ призывать ихъ, чтобы они переходили къ высшему, то они изъ восхвалителей нашихъ обращаются во враговъ и предпочитаютъ слѣдовать скорѣе Іудеямъ, чѣмъ Апостоламъ, хотя они, отступая отъ ученія и преданій фарисейскихъ, приступили ко Христу и совершенству Закона; они не удостоиваются принимать слова Божія, которое повелѣваетъ учителямъ Церкви восходить къ высшимъ ученіямъ (dogmata) и всѣми силами возвышать голосъ и не бояться возгласовъ бѣгающихъ вокругъ дѣтей, говоря: *Сіонъ благовѣствующій! взойди на гору возвышенную; Іерусалимъ, проповѣдующій! съ силою возвысь свой голосъ, возвысь, не бойся (Исаи XL, 9).*

Стихи 17, 18: *Они выказываютъ къ вамъ не добрую ревность, но хотятъ васъ отлучить, чтобы вы соревновали имъ. — Вы всегда имѣете добрую ревность въ добромъ, а не только тогда, когда я бываю у васъ. — Имѣютъ добрую ревность тѣ, которые, видя въ комъ-нибудь благорасположеніе, дарованія и добродѣтели, желаютъ и сами быть таковыми же и стремятся подражать вѣрѣ жизни и трудамъ таковыхъ людей, которыми эти послѣдніе пріобрѣли себѣ извѣстность, чтобы снискать и себѣ тѣ дарованія, которыя достойны добраго подражанія. Относительно ихъ говоритъ св. Апостолъ: *Ревностно стремитесь къ духовному, а больше всего, чтобы пророчествовать*; а прежде этого: *Такъ и вы; такъ какъ вы ревнителі о духовномъ, то для созиданія Церкви стремитесь къ тому, чтобы изобиловать*; и снова: *Итакъ, братіе, ревностно стремитесь пророчествовать и не за-**

прещайте говорить языками. Ревность не добрую обнаруживаютъ тѣ, которые не столько сами желаютъ быть лучшими, чтобы подражать тѣмъ, которые достойны соревнованія, сколько, наоборотъ, хотятъ сдѣлать худшими ихъ и возвращенною ревностью увлечь ихъ назадъ. Для примѣра можно сказать вотъ что: Кто-нибудь христіанинъ, читаетъ Моисея и пророковъ, знаетъ, что все, бывшее прежде только какъ бы въ тѣни и въ видѣ [неясныхъ] образовъ, представлялось тому народу, а написано это ради насъ, для которыхъ и исполнилось въ концѣ вѣковъ. Подъ обрѣзаніемъ онъ разумѣетъ не столько обрѣзаніе крайней плоти, сколько обрѣзаніе слуха (аугіум) и сердца. Онъ воскресъ вмѣстѣ со Христомъ и стремится къ высокому. Онъ освобожденъ отъ тяжести и рабства Закону, который повелѣваетъ: „не прикасайся“, „не вкушай“, „не оскверняй [себя]“. Если такового кто-либо захочетъ убѣждать отъ Писаній такъ, чтобы онъ принималъ написанное не въ образномъ (переносномъ) значеніи, а соотвѣтственно убивающей буквѣ, съ цѣлію сдѣлать его не тайнымъ, а открытымъ Іудеемъ, то таковой обнаруживаетъ къ нему не добрую ревность; наоборотъ, онъ сиѣшнѣе увлечь назадъ того, кто быстрымъ движеніемъ стремится къ высшему, чтобы этотъ послѣдній, возвращаясь назадъ, болѣе подражалъ первому. Итакъ рѣчь обращается къ тѣмъ Галатамъ, которые были увлечены почитателями Закона, чтобы они подражали этимъ послѣднимъ, хотя скорѣе послѣдніе должны были бы подражать имъ. Въ самомъ дѣлѣ, естественно, чтобы высшее слѣдовало за низшимъ, а не меньшее за бѣльшимъ; поэтому (et) онъ и говорить: *Имѣйте добрую ревность о добромъ всегда*, т. е. не желайте подражать строгимъ послѣдователямъ Іудейскихъ предписаній, но подражайте тому, что хорошо Дѣйствительно, какъ тотъ, который ревностно стремится къ богатству, могуществу и достоинству кого-либо другого, тотъ ревниво относится не столько къ доброму, сколько къ тому, чего должно

избѣгать; такъ и вы имѣйте добрую ревность о добрѣ, стремясь болѣе къ духовному, чѣмъ къ плотскому, чтобы не они васъ научали быть Іудеями, а вы ихъ—христіанами. И дѣлайте это всегда, чтобы непрерывнымъ движеніемъ вамъ было возможно дойти до полнаго окончанія добраго дѣла. И хотя вы были добрыми ревнителями въ добрѣ прежде, когда я былъ съ вами; однако послѣ того, какъ я ушелъ отъ васъ, вы потеряли все, что я передалъ вамъ; отъ безопасной пристани и вполне надежной стоянки вы снова были подхвачены на высоту вздувающеюся волною. Не удивительно, если по уходѣ Апостола,—избраннаго сосуда,—въ которомъ говорилъ Іисусъ Христосъ Господь, Галаты измѣнились, такъ какъ и нынѣ мы видимъ то же самое въ Церквахъ. Дѣйствительно, если когда-либо появится какой-либо учитель въ Церкви, знаменитый краснорѣчіемъ и [доброю] жизнью, и возбуждающій слушателей къ добродѣтелямъ, какъ бы нѣкоторыми поощреніями, то мы видимъ, что весь народъ съ пламенною ревностью спѣшитъ къ милостынямъ, постамамъ, непорочной жизни, къ заботамъ о бѣдныхъ и погребеніи [неимущихъ] и тому подобное. А когда онъ уйдетъ, то народъ мало по малу увядаетъ и съ уменьшеніемъ пищи блѣднѣетъ, худѣетъ и дѣлается печальнымъ, такъ что наступаетъ конецъ всему тому, что прежде было въ цвѣтущемъ состояніи. По этой причинѣ жатва обильная, а дѣлающихъ мало (*Мф.* IX, 37); будетъ же просить Господа жатвы, чтобы Онъ послалъ дѣлателей на жатву, которые, приготовляя будущую пшеницу, срѣзали бы, связали и свесили въ житницы колосья народа Христіанскаго, стоящія въ Церкви, никоимъ образомъ не допустили бы ихъ до гибели. А это говорится о томъ усердіи и той развращенной ревности, о которой и въ другомъ мѣстѣ говорится: *Не будь ревностенъ къ людямъ лукавымъ* (*Псал.* XXXVI, 1) и здѣсь: *Они обнаруживаютъ къ вамъ не добрую ревность.* Но мы находимъ и другую ревность, которую выказали сыны Іакова къ брату

своему Іосифу (*Быт.* XXXVI, и дал.), а Марія и Ааронъ къ другу Господню Моисею (*Числ.* XII,). Но въ дѣйствительности ни тѣ, ни другіе не были побуждены къ ревности тѣмъ, чтобы быть лучшими, чѣмъ Іосифъ и Моисей, а горькою скорбію о томъ, что эти лучше ихъ. Этого рода ревность граничитъ съ завистью. Было бы слишкомъ долго, если бы я захотѣлъ представить изъ сокровищницы Св. Писанія всѣ роды ревности доброй или злой. Мы читаемъ о доброй ревности Финесса, Илии, Матаѳи (*Числ.* XXV; 3 *Цар.* XIX; 1 *Мак.* II) и Апостола Іуды [не предателя], который за извѣстную добродѣтель ревности получилъ даже имя *Зилотъ* (ревнитель); а о ревности злой между Авелемъ и Каиномъ (*Быт.* IV) и прочими; то же самое и ревность того мужа, о которомъ написано: *И нашелъ на него духъ ревности* (*Числ.* V), если только это не безразличная (*medius*) ревность, которая не можетъ быть принята ни въ добрую, ни въ дурную сторону, а есть нѣчто среднее между тѣмъ и другимъ и скорѣе называется ревнивостію. [Можетъ быть и] иначе: Обрѣзанные, видя, что Галаты изъ язычниковъ имѣютъ въ изобиліи дарованныя отъ святаго Духа силы, а сами, не имѣя ни дара языковъ, ни дара исцѣленій, ни дара пророчества, движимые ревностью, хотѣли отвлечь тѣхъ въ сторону ига Закона, чтобы и они были подобны обрѣзаннымъ.

Стихъ 19: *Дѣти мои возлюбленныя, которыхъ я снова рождаю, пока не изобразится въ васъ Христосъ.*—Съ какими трудностями и съ какою болѣзнію исходитъ изъ чрева плодъ, объ этомъ говоритъ первоначальное проклятіе такими словами: *Въ болѣзняхъ ты будешь рождать дѣтей* (*Быт.* III, 16). Итакъ Апостоль, желая показать заботливость учителей объ ученикахъ [и то], какія чувства претерпѣваютъ они изъ боязни, чтобы послѣдователи ихъ не отступили отъ спасенія, говоритъ: *Дѣти мои возлюбленныя, которыхъ я снова рождаю.* Дѣйствительно тотъ, который въ другомъ мѣстѣ говорилъ какъ отецъ: *Хотя бы вы и десять тысячъ*

воспитателей имѣли во Христв, но [имѣете] не многихъ отцовъ (1 Корнѣ IV, 15), теперь обращается къ ученикамъ не какъ отецъ, а какъ мать о Христв, чтобы они признали въ немъ страданія и благорасположеніе, какъ перваго, такъ и второй. Это то же, что и Моисей говорилъ о народѣ: *Развѣ я во чревь своемъ зачалъ весь народъ сей* (Числ. XI, 12). Кто, по твоему мнѣнію, изъ насъ такъ скорбитъ о спасеніи учениковъ, чтобы не немногіе часы или не два или три дня, а въ теченіе всей своей жизни мучится, пока не изобразится въ нихъ Христосъ? Намъ необходимо тщательно держаться примѣра, принятаго Апостоломъ, т. е. примѣра плода женщины, зачинающей и образующей въ себѣ сѣмена, чтобы мы могли понять то, что говорится. За природу не должно краснѣть; наоборотъ, она должна быть предметомъ почтенія. Какъ въ нѣдра (vulvam) женщины сперва вводится безобразное сѣмя, чтобы каналами и внутренностію ея оно было прихвачено какъ бы какимъ-либо клейкимъ веществомъ, — объ этомъ и пророкъ говоритъ, вспоминая о своемъ зачатіи такъ: *Зарожденіе мое видѣли очи Твои* (Псал. CXXXVIII, 16), — а потомъ въ теченіе девяти мѣсяцевъ при дѣйствіи крови будущей человѣкъ затвердѣваетъ, получаетъ тѣло и внѣшній видъ, питается и становится замѣтнымъ, такъ что движется послѣ того во чревѣ и въ определенное время появляется на свѣтъ; при этомъ онъ рождается со столькими трудностями, съ сколькими потомъ выкармливается, чтобы въ послѣдствіи не погибнуть: такъ и сѣмя слова Христова западаетъ въ душу слушающаго, возрастаетъ по степенямъ своимъ и, — я пропущу многое, потому что мы легко можемъ тѣлесное описаніе перенести на духовное пониманіе, — такъ же долго бываетъ въ неопредѣленномъ положеніи, какъ долго рождаетъ та, которая зачала. Не тотъ часъ же оканчивается трудъ; а тогда же начинается другой трудъ, состоящій въ томъ, чтобы воспитать живущее молочною пищею дѣтство заботливо приготовленными яствами и довести

его до полнаго возраста Христова. И какъ въ брачной жизни часто бываетъ такъ, что сѣмя мужа является причиною того, что не рождаются дѣти, а иногда бесплодная женщина не удерживаетъ сѣмени, и часто ни тотъ, ни другой изъ супруговъ не бываетъ способенъ къ рожденію, и, наоборотъ, тотъ и другой бываетъ плодороденъ; такъ и въ тѣхъ, которые сѣять сѣмя слова Божія наблюдается то же самое явленіе въ четырехъ видахъ: бываетъ такъ, что, хотя учитель исполняетъ свою обязанность, но слушатель бываетъ бесплоденъ; или же слушатель бываетъ добрыхъ природныхъ дарованій, но вслѣдствіе неопытности учителя гибнетъ сѣмя слова; или же несомнѣнно бываетъ и такъ, что безразсуднымъ бываетъ и тотъ, кто учитъ, и тотъ, кто воспринимаетъ [ученіе]; и рѣдко встрѣчается то, что учитель и ученикъ бываютъ согласны между собою,—именно въ томъ отношеніи, что первый учитъ настолько, насколько послѣдній можетъ усвоить, или учащійся способенъ воспринять столько, сколько учитель сообщить. Мы не знаемъ, какой псаломъ, какая часть пророчества, какая глава Закона, и однако, обладая свободою рѣчи, смѣло истолковываемъ то, чего никоимъ образомъ не разумѣемъ. Но къ намъ относится то, что Христосъ изобразится въ народѣ, такъ что каждый, возвращаясь въ домъ свой, имѣетъ въ себѣ сѣмя слова Божія, которое, когда онъ получитъ, то можетъ сказать вмѣстѣ съ пророкомъ: *Отъ страха Твоего, Господи, мы зачали и родили; сыновъ спасенія Твоего мы создали на земль (Исаи XXVI, 17, 18 [18])*. Таковыя обращаются въ Апостоловъ и заслуживаютъ [или: заслужать] того, чтобы услышать отъ Господа: *Ито исполнитъ волю Отца Моего, тотъ есть братъ Мой и сестра, и мать (МѠ XXI, 50)*, при этомъ различіе совершенствъ показано въ различіи имень. Христосъ изображается въ сердцахъ вѣрующихъ также и тогда, когда для нихъ раскрываются всѣ священнодѣйствія (sacramenta) и становится яснымъ то, что было повидимому темнымъ.

Но нужно также обратить вниманіе и на то, что человѣкъ чрезъ грѣхъ нѣкоторымъ образомъ пересталъ существовать, а чрезъ покаяніе снова зачинается отъ учителя и снова въ немъ обѣщается изображеніе Христа. Это говорится противъ Новаціанъ, которые отказываются возстановлять [въ достоинствѣ членовъ Церкви] тѣхъ, которые однажды совершили грѣхи.

Стихъ 20: *Но я желалъ бы быть у васъ и перемѣнить голосъ свой, потому что я нахожусь въ смущеніи среди васъ.*—Божественное писаніе имѣетъ создающее дѣйствіе даже, когда и читается; но гораздо болѣе бываетъ полезно, если отъ буквъ обращаются къ слову, т. е. чтобы учившій прежде съ помощію посланія сталъ личнымъ присутствіемъ наставлятъ слушателей. Дѣйствительно, живое слово имѣетъ великую силу.—именно слово, звучащее изъ устъ своего творца, произносимое съ тѣми оттѣнками, съ которыми оно зародилось въ сердцѣ человѣка. Итакъ Апостоль, зная, что рѣчь произносимая въ присутствіи слушателей имѣетъ великую силу, желаетъ замѣнить слово посланія, —слово, записанное на бумагѣ,—словомъ, обращеннымъ къ присутствующимъ слушателямъ, и, такъ какъ это болѣе полезно для тѣхъ, которые были развращены заблужденіемъ, снова привлечь ихъ къ истинѣ живою рѣчью. А это потому, что онъ находился въ смущенія [или смущался] въ средѣ ихъ; впрочемъ, погречески это мѣсто выражено болѣе соотвѣтственнымъ словомъ; ибо ἀποροῦμαι обозначаетъ не столько *смущеніе*, —что у нихъ выражается словами αἰσχύνη или οὐνυχισις,—сколько *недостатокъ*, или *нужду*. Итакъ смыслъ получается такой: Я хотѣлъ бы теперь быть у васъ, слово, письменное выраженное, произнести лично предъ вами не потому что я имѣю недостатокъ въ васъ. Это потому, что я, не имѣю плодовъ, которые ученики обыкновенно имѣютъ отъ учителей, и что сѣмя ученія брошено напрасно (sine causa), такъ какъ совершенно терплю у васъ бѣдность; такъ что могу приложить здѣсь и слово пророка Іереміи: *Я не принесъ пользы и мнѣ*

никто не принесъ пользы (Иерем. XXIII, 23). Это мѣсто можетъ быть истолковано и иначе. Апостолъ Павелъ, сдѣлавшійся для Іудеевъ Іудеемъ, чтобы пріобрѣсти Іудеевъ (1 Корнѳ. IX), а для бывшихъ подѣ закономъ, какъ бы и самъ былъ подѣ закономъ, и для немощныхъ—немощнымъ, чтобы пріобрѣсти немощныхъ, измѣнялъ слово свое соотвѣтственно качествамъ тѣхъ, которыхъ желалъ спасти и по подобію участвующихъ въ представленіяхъ (ибо дѣйствительно онъ сдѣлался зрѣлищемъ для міра и ангеловъ и людей, (1 Корнѳ. IV), приспособляетъ свой голосъ и одежду соотвѣтственно извѣстному образу. Это не значить, чтобы было на дѣлѣ то, что онъ изображалъ; но то, что [смотрящимъ] должно было казаться то, что было полезно для другихъ. Онъ видитъ, что Галаты нуждаются въ другомъ ученіи, что они должны спастись другимъ путемъ, а не тѣмъ, которымъ они прежде были приведены къ вѣрѣ Христовой изъ язычества и теперь онъ вынужденъ сказать: *Я нынѣ хотѣлъ быть у васъ и измѣнить свое слово потому, что нахожусь въ смущеніи относительно васъ.* Я не вижу, говорить онъ, что бы помогло вамъ, если я буду говорить вамъ то, что прежде; а потому, не зная, что мнѣ дѣлать, и употребивъ различныя средства (in diversa distractus), я терзаюсь, мучусь и нахожусь въ смятеніи. И какъ врачи, видя, что сила ихъ искусства не дѣйствительна при первомъ леченіи, переходятъ къ другому и до тѣхъ поръ испытываютъ, что полезно изъ многихъ лекарствъ, пока дойдутъ до исцѣленія больного, такъ что неизлѣчимое при помощи какого-либо смягчающаго средства излѣчивается прижиганіемъ или еще болѣе сильно дѣйствующимъ средствомъ; такъ и я, находясь относительно васъ въ смущеніи и въ невѣденіи, обращаясь то въ ту, то въ другую сторону, хотѣлъ бы настоящее писанное слово произнести устами и самолично исправить васъ съ большею, чѣмъ обыкновенно, строгостью; въ самомъ дѣлѣ, слово посланія не можетъ выразить оттѣнковъ голоса гнѣвающагося; оно не въ силахъ отразить

крикъ гнѣвающагося и скорбь сердца представить соотвѣтственными оттѣнками Я воспользовался въ отношеніи васъ ласкательнымъ словомъ: *Братіе! заклинаю васъ, и: Сыны мои возлюбленные, которыхъ я снова рождаю, пока Христосъ не изобразится въ васъ*; но я, ласковый и кроткій, говорившій вамъ подобно отцу, вслѣдствіе любви, которая не позволяетъ мнѣ переносить вашей гибели и вѣчныхъ заблужденій, теперь хотѣлъ бы самолично быть у васъ, если бы меня не стѣсняли узы исповѣдничества, и свое ласковое слово измѣнить на слово гнѣвающагося. Дѣло не легкое для меня сегодня быть ласковымъ, а завтра гнѣваться: къ этому, т. е. обращаться къ вамъ съ выраженіемъ различныхъ чувствъ, побуждаетъ меня любовь, побуждаетъ меня скорбь. Дѣйствительно, я сперва не знаю самъ, какими словами я неожиданно заговорю (ргогштра), и какимъ лекарствомъ я долженъ лѣчить васъ, потому что я нахожусь въ смущеніи относительно васъ.

Стихъ 21: *Желающіе быть подъ игомъ закона, скажите мнѣ, развѣ вы не подчиняетесь Закону?*—Необходимо замѣтить, что подъ названнымъ здѣсь Закономъ разумѣются повѣствованія Книги Бытія, и не то,—какъ полагаютъ обыкновенно,—что нужно дѣлать, или чего должно избѣгать; а названо Закономъ все то, что говорится объ Авраамѣ и его женахъ и дѣтяхъ (Іоан. XV). И въ другомъ мѣстѣ мы читаемъ, что Закономъ также называются и пророки. Итакъ слушаетъ Законъ тотъ, кто, по слову Апостола, взираетъ не на поверхность его, а на его внутреннѣйшее содержаніе (*medullam*); а не слушаетъ Закона тотъ, кто,—подобно Галатамъ,—слѣдуетъ только его поверхностному значенію (*exteriorem corticem*).

Стихи 22, 23: *Ибо написано, что Авраамъ имѣлъ двухъ сыновей, одного отъ рабыни, а другого отъ свободной. Но тотъ, который отъ служанки, былъ рожденъ по плоти, а тотъ, который отъ свободной—по обѣтованію—Объ-*

ясненіе [этого мѣста] представляетъ большія трудности. Только Исаавъ, рожденный отъ Сары, былъ рожденъ по обѣтованію, но это не Исмаилъ, рожденный отъ Египтянки Агари. Дѣйствительно, Писаніе сообщаетъ, что когда изъ-за преслѣдованій Сары Агарь бѣжала беременною, и явился ей Ангелъ въ пустынь, и повелѣлъ ей подчиниться госпожѣ своей, то тотъ же самый Ангелъ при этомъ сказалъ слѣдующее: *Я весьма умножу стѣмя твое, и оно вслѣдствіе множества будетъ безчисленно* (Быт. XVI, 10). А послѣ того обѣ Исмаилъ (конечно никто не станетъ сомнѣваться въ томъ, что это слова обѣтованія) говорится: *Онъ будетъ дикимъ чело-вѣкомъ, и руки его на всѣхъ, и руки всѣхъ на него, и будетъ онъ жить противъ лица всѣхъ братій своихъ*. Но [на это] можно отвѣтить, что обѣтованіе ангела имѣетъ меньшее значеніе, чѣмъ обѣтованіе божіе, ибо, какъ звѣзда по восходѣ солнца не даетъ лучей, такъ и слова ангела темнѣютъ при сравненіи съ обѣтованіемъ Божиимъ, и исчезаютъ и считаются за ничто. Впрочемъ, такой отвѣтъ только повидимому имѣетъ нѣкоторое значеніе, потому что уничтожается вслѣдъ затѣмъ обязательными для насъ словами Писанія; ибо написано: *Авраамъ же сказалъ Богу: Сей Исмаилъ да будетъ живъ предъ лицомъ Твоимъ* (Быт. XVII, 18—20); и Богъ отвѣчалъ Ему такъ: *Вотъ Сара, жена твоя родитъ тебѣ сына, и дашь ему имя Исаакъ, и установлю заветъ Мой съ нимъ, и заветъ вѣчный, и съ стѣменемъ его послѣ него. Обѣ Исмаилъ же: вотъ я услышалъ тебя, и вотъ благословилъ его и умножу его, и увеличу много. Двѣнадцать народовъ произведетъ онъ и сдѣлаю его родомъ великимъ; а заветъ Мой установлю съ Исаакомъ, котораго родитъ тебѣ Сара въ это время въ будущемъ году* Изъ этихъ словъ очевидно, что словомъ самого Бога [подтверждается, что] Исмаилъ рожденъ по обѣтованію; но и это разрѣшается такъ, что обѣтованіе дается собственно въ исполненія Завета и одно значитъ благосло-

вить, умножить, сильно увеличить, что написано касательно Измаила, а другое—сдѣлать наследникомъ по завѣщанію, что говорится объ Исаакѣ: *Установлю Заветъ Мой съ нимъ, и Заветъ вѣчный и съ стѣнемъ его послѣ него*, а также и въ дальнѣйшихъ словахъ: *Заветъ же Мой установлю съ Исаакомъ, которая родитъ тебѣ Сары (Быт. XVII, 19)*. И подобно тому, какъ дары—одно, а имѣніе—другое, или закономъ опредѣленное—одно, и по наследству полученное другое (вѣдь мы читаемъ, что сыновьямъ наложницъ Авраама даны дары, а сыну Сары оставлено наследство надъ всемъ имуществомъ); итакъ,—какъ мы сказали,—благословеніе, хотя бы и законное—одно, а Заветъ—другое. Но относительно Измаила можетъ быть сказано и то, что послѣ зачатія его было слово или Ангела, или Божіе. А относительно Исаака, Богъ далъ обѣтованіе, прежде чѣмъ онъ былъ зачатъ во чревѣ Сары. Между прочимъ это сказано нами въ такой мѣрѣ, въ какой можетъ посредственность нашего природнаго ума постигнуть. Впрочемъ, если кто-нибудь можетъ придумать (*invenire*) что-либо большее для объясненія того, какимъ образомъ родившійся отъ служанки Измаиль не есть сынъ обѣтованія,—но таковъ именно Исаакъ, родившійся отъ свободной: то лучше выслушать его. *И хотя*, говоритъ Апостоль, *вы имѣете иныя чувствованія, однако и это открылъ вамъ Богъ*. Нынѣ въ краткихъ словахъ нужно простерѣться къ высшему, чтобы сказать, что каждый изъ насъ сначала рождается не по обѣтованію, пока бываетъ наставляемъ простыми словами Писаній и еще услаждается Іудейскими толкованіями; но когда онъ перейдетъ въ болѣе возвышенному и постигнетъ Законъ духовный, тогда онъ рождается отъ обѣтованія, и,—болѣе ясно выражаясь,—постоянно всѣ дѣлающіе дѣла Авраама, рождаются отъ Авраама; а тѣ, которые имѣютъ еще духа рабства паки въ боязнь, рождены отъ Египетской служанки; рождены отъ свободной Сары тѣ,

которые получили духа всыновленія: этою свободою мы одарены отъ Христа. Іудеямъ, еще и донынѣ желающимъ быть сынами служанки, Господь говоритъ: *Если пребудете въ Слово Моемъ, то по истинѣ будете учениками Моими и познаете истину, и истина сдѣлаетъ васъ свободными* (Іоан. VІІІ, 31, 32). Поэтому они, не зная, что сказанное должно понимать таинственно, говорятъ: *Мы—сымя Авраама и никому никогда не служили, какъ же ты говоришь: „Свободны будете“.* Отвѣчалъ имъ Іисусъ: *„Истинно, истинно говорю вамъ, что всякій, творящій грѣхъ, есть рабъ грѣха. А рабъ не бываетъ въ домъ вѣчно, сынъ же остается навсегда“.* Если мы рабы грѣха, то насъ родила Египтянка Агарь, но если грѣхъ не царствуетъ въ нашемъ мертвенномъ тѣлѣ, то мы по истинѣ сыны Божіи.

Стихъ 24 [начало]: *Въ этихъ словахъ заключается иносказаніе [это сказано въ переносномъ смыслѣ (per allegoriam dicta)].*—Въ собственномъ смыслѣ аллегорія есть одинъ изъ оборотовъ грамматики; а въ чемъ онъ отличается отъ метафоры и прочихъ оборотовъ образной рѣчи (caeteris tropis), объ этомъ мы еще дѣтскими узнаемъ въ школахъ. Она одно говоритъ въ словахъ, а другое—въ значеніи, соединяемомъ съ ними. Иносказаніями наполнены книги представителей краснорѣчія и поэтовъ. И божественное Писаніе съ помощію ихъ составлено въ значительной своей части. Имѣя это въ виду, Апостоль Павелъ (ибо онъ отчасти касался и свѣтскихъ книгъ) воспользовался самымъ названіемъ оборота, такъ что назвалъ его иносказаніемъ, какъ это говорилось у его соотечественниковъ, чтобы показать настоящимъ смысломъ этого мѣста, какъ злоупотребляютъ греческіе писатели [этимъ оборотомъ]. А что Апостоль Павелъ, хотя и не совершенно, все-таки зналъ свѣтскія писанія, объ этомъ свидѣлствуютъ его собственные слова: *Нѣкоторый изъ нихъ сказалъ, —собственный ихъ пророкъ: „Критяне всегда живы, злыя животныя, лѣнивыя утробы“* (Тит. I, 12).

Это такъ называемый героическій стихъ писателя Эпименида, о которомъ вспоминають и Платонъ, и прочіе древніе писатели. Также и предъ Аѳинянами, когда говорилъ въ Ареопагѣ, онъ прибавилъ: *Какъ и нѣкоторые изъ вашихъ поэтовъ сказали: „Ибо и мы Его родъ“* (Дьян. XVІІ, 28). Это полустихіе находится въ [стихахъ], Арота, писавшаго о небѣ и звѣздахъ. Еще и другое мѣсто: *Нечестивѣйшія измышленія развратили добрые нравы* (1 Корнѣ. XV, 33). Это ямбическій триметръ, заимствованный изъ комедіи Менандра. Изъ этихъ и другихъ мѣсть очевидно, что Павлу не были безызвѣстны свѣтскія книги, и то, что здѣсь онъ назвалъ иносказаніемъ, въ другомъ мѣсть называлъ духовнымъ пониманіемъ, напримѣръ (ut ibi): *Мы знаемъ, что Законъ духовенъ* (Римл. VII, 14) вмѣсто того, чтобы сказать, что онъ есть иносказаніе или иносказательный оборотъ рѣчи. И въ другомъ мѣсть: *Всѣ пили одно и то же духовное яство и всѣ пили одно и то же духовное питіе. А пили отъ духовнаго слѣдующаго имъ камня, камнемъ же былъ Христосъ* (1 Корнѣ. X, 54). Нѣтъ никого, кто усумнился бы, что здѣсь манна и внезапное образованіе источника, и тотъ слѣдующій камень должны быть понимаемы въ иносказательномъ значеніи. Я знаю, что и наоборотъ можетъ быть противопоставлено слово: *Братіе! Если человекъ будетъ внезапно во власти нѣкотораго грѣха, то вы, духовные,ставляйте такового въ духъ кротости* (Галат. VI, 1). И въ другомъ мѣсть: *Духовный же судитъ о всемъ, а самъ ни отъ кого не судится*, именно потому, что слово: *духовный* имѣетъ другое сравнительно съ тѣмъ, какъ мы выше сказали, значеніе. Но мы подъ духовнымъ, который судитъ о всемъ, а самъ никѣмъ не судится, разумѣемъ такого мужа, который, зная всѣ святыни Писаній (sacramenta Scripturarum), превосходно понимаетъ ихъ, и видя въ божественныхъ книгахъ Христа, не допускаетъ въ нихъ ничего изъ Іудейскаго преданія.

Стихи 25, 26 [Конецъ 24-го, 25-й, 26-й]: *Ибо это суть два Завета, именно одинъ отъ горы Синай, рождающей въ рабство, который есть Агарь. А Синай, это гора въ Аравіи; она соотвѣтствуетъ тому, что нынѣ есть Іерусалимъ, и находится въ рабствѣ съ сынами своими. А тотъ Іерусалимъ, высшій, свободенъ; онъ есть мать всѣмъ намъ.*—Разъясненіе почти всѣхъ относительно этого мѣста состоитъ въ томъ, что подъ Агарью служанкой они понимаютъ Законъ и народъ Іудейскій, а подъ свободною Сарою—Церковь, которая собрана изъ язычниковъ, и которая по слову Апостола есть мать святыхъ: *Онъ есть мать всѣхъ насъ.* Она долго не производила чадъ и была бесплодна, прежде чѣмъ Христосъ родился отъ Дѣвы, и еще посмѣшище міра Исаакъ не возгласилъ устами возвышеннаго ученія,—Исаакъ, сынъ избраннаго отца, ибо слово *Авраамъ* на нашемъ языкѣ значить: *отецъ избранный съ смѣхомъ.* А *Агарь*, что значить *пароміа*, т. е. *обитаніе*, или: *странствованіе*, или: *замедленіе*, рождаетъ Исмаила, который только *слушаетъ заповѣди Бога*, но не исполняетъ ихъ,—человѣка дикаго, проважднаго и бѣгающаго по пустынѣ; онъ врагъ всѣмъ братьямъ своимъ, рожденнымъ отъ свободной и сопротивляющейся имъ съ враждебнымъ лицомъ. И не удивительно, что Вѣтхій Заветъ, который отъ горы Синай, — находящейся въ Аравіи и сосѣдней тому, что теперь есть Іерусалимъ,—установленъ и написанъ, [но] онъ не вѣченъ, такъ какъ и поселеніе отличается отъ вѣчнаго владѣнія, и имя горы *Синай* значить *испытаніе* (опытъ), а слово *Аравія* имѣетъ значеніе: *Западъ* (паденіе); но, наоборотъ, высшій Іерусалимъ,—который свободенъ и есть мать святыхъ,—показываетъ, что этотъ Іерусалимъ настоящаго времени находится внизу и погруженъ въ низменное и самое глубокое мѣсто. Есть такіе, которые два Завета понимаютъ и иначе, именно (ut): божественное Писаніе, какъ

древнее, такъ и новое, соотвѣтственно различію смысла и сужденія тѣхъ, которые читаютъ его, эти толкователи понимаютъ то какъ рабыню, то какъ свободную, и тѣхъ, которые еще до сего времени служатъ буквѣ и имѣютъ духа страха въ рабство, они считаютъ рожденными отъ Агари египтянки, а тѣхъ, которые восходятъ къ высшему и желаютъ понимать написанное въ иносказательномъ смыслѣ—сынами Сары, что на нашемъ языкѣ значить: *первенствующая* (ἄρχουσα), т. е. господствующая (princeps въ женскомъ родѣ). И по ихъ утвержденію они дѣлаютъ это вслѣдствіе такого рода необходимости: было бы несправедливостію утверждать, что Моисей и всѣ пророки произошли отъ служанки, а какіе-либо изъ язычниковъ—отъ свободной. Но по этой причинѣ будетъ лучше, по различію (какъ мы выше сказали) степени пониманія, однихъ считать рабами, а другихъ—свободными не только изъ тѣхъ, которые принадлежатъ къ Церкви, но даже и объ одномъ и томъ же человѣкѣ думать, что онъ—сынъ рабыни, коль-скоро онъ слѣдуетъ буквальному смыслу; а когда при разъясненіи Писанія Иисусомъ возгорится его сердце, и когда во время преломленія хлѣба онъ узритъ Того, Котораго прежде не видалъ (*Лук.* XXIV, 31), тогда и его называть сыномъ Сары. Маркіонъ и Манихей не хотѣли выбросить изъ своего сборника св. книгъ того мѣста, въ которомъ Апостоль говоритъ: *Хотя это и иносказательно* и проч., думая, что эти слова направлены (relinqui) противъ насъ,—именно въ томъ смыслѣ, что Законъ должно понимать иначе, чѣмъ въ немъ написано. Но, конечно, хотя онъ и долженъ быть понимаемъ иносказательно (что мы также признаемъ, чему учить и Апостоль), но понимать не по желанію читателя, а такъ дѣло обстоитъ вслѣдствіе безусловно-обязательнаго значенія Писавшаго; но тѣмъ самымъ они [Маркіонъ и Манихей] и побѣждаются,—именно тѣмъ, чѣмъ имѣли въ виду воспользоваться противъ

насъ; ибо рабъ Божій Моисей писалъ духовное; но въ то же время также учить и Апостоль, котораго и сами они считаютъ провозвѣстникомъ иного Христа и лучшаго Бога.

Стихъ 27: *Ибо написано: радуйся неплодная, не рождающая; воскликни громко (egrepe et clama) не мучившаяся родами; ибо многія дѣти неплодной многочисленныя, чѣмъ той, которая имѣетъ мужа (Ис. LIV, 1).*— Собраніе (synagoga) іудейское имѣетъ въ Законѣ [своего] мужа, и по пророчеству Анны дѣйствительно было обильно потомками (1 Цар. I, 5); а неплодящая Церковь безъ Мужа — Христа и безъ всякаго собесѣдованія съ Женихомъ долгое время была въ пустынь. Но послѣ того, какъ первая получила въ свои руки разводную запись, и всѣ полученныя отъ Мужа драгоценности обратила на украшеніе идола. Супругъ [ея], вслѣдствіе оскверненія ею перваго препоясанія, соткалъ для Своихъ чреслъ другую перевязь, иное препоясаніе изъ язычниковъ: эта [супруга] какъ только сочеталась [съ мужемъ] зачала и родила. И въ Исаакъ [въ книгѣ Исаіи?] восклицаетъ чрезъ пророка: *Если есть народъ, родившійся вмѣстѣ (Ис. XLIX, 54?)*, когда въ одинъ день, — по книгѣ Дѣяній Апостоловъ, — увѣровало три тысячи и пять тысячъ человѣкъ (Дѣян. III, и дал.). Я не вижу необходимости говорить о множествѣ христіанъ и о малочисленности іудеевъ, когда по всему міру развѣваются знамена креста, и въ городахъ рѣдко показывается знатный Іудей.

Стихъ 28: *Мы же, братіе, есмы чада обѣтованія по Исааку.*— Никакого труда нѣтъ въ томъ, чтобы понять, что Апостоль и подобные ему суть сыны обѣтованія по Исааку. Но такъ какъ Оригенъ, объясняя это мѣсто, такъ изложилъ слова (exemplum) Апостола: *Вы же, братіе, есте чада обѣтованія по Исааку*; то спрашивается: какимъ образомъ Галатовъ, которыхъ онъ назвалъ несмысленными и о которыхъ говорилъ, что они начали духомъ, а окончили плотію, те-

перь называется чадами обѣтованія по Исааку? Итакъ мы говоримъ, что Апостоль называетъ ихъ чадами обѣтованія по Исааку потому, что еще не вполнѣ отчаявался въ ихъ спасеніи и полагалъ, что они снова обратятся къ духу, которымъ начали, и будутъ сынами свободной. Но если бы (qui si) они были поглощены плотію, то были бы сынами рабыни.

Стихи: 29—31 *Но какъ тогда рожденный по плоти преслѣдовалъ рожденного по духу, такъ и нынѣ. А что говоритъ Писаніе. „Прогони служанку и сына ея, ибо не будетъ сынъ рабыни наследникомъ съ сыномъ моимъ Исаакомъ“.* Итакъ, братіе, мы чада не рабыни, но свободной. [Глава V.—Стихъ 1, начало:] *Такою свободою, которою освободилъ насъ Христосъ.* Не думаю, чтобы возможно было [въ Писаніи] найти, что когда-то Исаакъ подвергался преслѣдованію со стороны Исмаила, а только [мы находимъ то], что когда сынъ Египтянки, бывший старшимъ, игралъ съ Исаакомъ, то Сара негодовала и сказала Аврааму: *Прогони служанку и сына ея: Ибо не будетъ наследникомъ сынъ служанки вмѣстѣ съ сыномъ моимъ Исаакомъ (Быт. XXI, 10).* И конечно простая обида между дѣтьми не могла быть причиною (indignus est) изгнанія и отказа. Но Апостоль, какъ Еврей изъ Евреевъ и, какъ воспитанный у ногъ учителя Гамалиила,—который нѣкогда обуздывалъ своимъ совѣтомъ фарисеевъ, свирѣпствовавшихъ противъ Господа [или: него],— [Апостоль] изъ словъ Сары: *Ибо не будетъ сынъ служанки наследникомъ вмѣстѣ съ сыномъ моимъ Исаакомъ* понималъ, что это было не простое оскорбленіе. Но такъ какъ Исаакъ, можетъ быть, какъ старшій и какъ обрѣзанный въ такое время, когда могъ понимать и чувствовать, что онъ перетерпѣлъ, оспаривалъ себѣ первородство, то Писаніе дѣтскую ссору назвало оскорбленіемъ. Поэтому [можетъ быть] и Сара, не терпя такихъ словъ и не мирясь съ привычною сына служанки, добивающагося первородства для себя, съ

горячностью потребовала (*egripit in vocem*): *Прогонѣ* служанку съ ея сыномъ и проч. А такъ какъ это показалось Аврааму слишкомъ строгимъ (*dignum*),—ибо перво^{роднымъ} всегда должна была принадлежать бóльшая часть имущества,—то Богъ, благоволившій, чтобы свободная осталась въ домъ, а служанка была изгнана, подтвердилъ слова Сары и сказалъ Аврааму: *Пусть въ глазахъ твоихъ не кажется суровостію относительно служанки и мальчика. Все, что сказала тебѣ Сара, исполни по ея слову, ибо въ Исаакъ будетъ наречено тебѣ сѣмя.* И такъ, какъ тогда старшій братъ Исмаиль преслѣдовалъ еще питающагося молокомъ мальчика, добываясь себѣ преимуществъ обрѣзанія и первородства, такъ и теперь Израиль по плоти [*или: Исмаиль*] поднимаетъ голову, возбуждается и выражаетъ вѣдменность противъ младшаго брата, т. е. народа Христова изъ язычниковъ. Обратимъ вниманіе на безуміе Іудеевъ, которые и Господа умертвили, и пророковъ съ Апостолами преслѣдовали, и противятся волѣ Божіей, и мы увидимъ, что Іудеями противъ христіанъ возбуждены были гораздо большія преслѣдованія, чѣмъ даже тѣ, которыя были со стороны язычниковъ. Удивляемся ли мы относительно Іудеевъ? Нынѣ даже и тѣ, которые о Христѣ младенцы и живутъ по плоти преслѣдуютъ тѣхъ, которые рождены водою и духомъ, и, воскресая со Христомъ, ищутъ горняго, а не дольняго. Они живутъ своевольно (*faciunt, quod volunt*): въ союзѣ съ Исмаиломъ они преслѣдуютъ Исаака; ихъ гонятъ войъ съ матерію, Египетскою служанкою; таковыя не принимаютъ наслѣдія, которое получаетъ только тотъ, кто рожденъ по обѣтованію. Вполнѣ пригодно и то пониманіе, что рожденный отъ плоти преслѣдуетъ рожденнаго отъ духа (*spirituales*). Дѣйстви-тельно, духовный никогда не преслѣдуетъ плотскаго, но прощаетъ ему, какъ брату простецу: онъ знаетъ, что тотъ со временемъ можетъ усовершенствоваться. А если когда-либо увидить гнѣвъ сына Египтянки, то вспоминаетъ объ одномъ

и томъ же Родителѣ, Который создалъ свѣтъ, вола и комара, и о томъ, что въ великомъ домѣ есть сосуды не только золотые, но и серебряные, и деревянные, и глиняные; посему скажемъ вмѣстѣ съ Апостоломъ Павломъ: *Мы дѣти не рабыни, но свободной* (2 Тим. II, 20), и обновленные во Христвъ услышимъ слова Господа, говорящаго Іудеямъ: *Если пребудете въ словѣ Моёмъ, то познаете истину, и истина сдѣлаетъ васъ свободными* (Іоан. VIII, 31, 32). Освобожденный этого рода свободою Апостолъ говорилъ: *Такъ какъ я свободенъ отъ всѣхъ. Кто дѣлаетъ грѣхъ тотъ рабъ грѣха* (1 Корнѣ. IX, 19). Такъ какъ онъ сознавалъ свою свободу отъ всѣхъ пороковъ и зналъ, что онъ чуждъ отъ всякой похоти и заблужденія, то по справедливости радовался за свободу о Христвъ, говоря: *Мы не дѣти рабыни, но свободной, каковою свободою освободилъ насъ Христосъ* (Іоан. VIII, 34).

Глава V.—Стихъ 1 [окончаніе]. *Стойте и не желайте снова находиться подъ ярмомъ рабства.*—Этимъ показывается, что тотъ, кто находится подъ ярмомъ рабства, не стоитъ, и что тотъ, кто одаренъ отъ Христа свободою, до тѣхъ поръ будетъ подъ ярмомъ, пока будетъ имѣть въ страхѣ духа рабства и слѣдовать начаткамъ Закона. А его слово: *Стойте* побуждаетъ насъ къ твердой и постоянной вѣрѣ во Христвъ, чтобы Церкви Галатіи твердою стопою держались во Спасителѣ. Объ этомъ праведникъ говоритъ и въ другомъ мѣстѣ: *Поставилъ на камень ноги мои* (Псал. XXXIX, 3) вмѣсто того, чтобы сказать: *на Христвъ*, чтобы они именно не увлекались вѣтромъ ученія и не уносились въ разныя стороны (Еф IV, 14). Поэтому и къ стоящимъ говорится: *А кто стоитъ, пусть смотритъ, чтобы не упасть* (1 Корнѣ. X, 12); и въ другомъ мѣстѣ: *Стойте, будьте какъ мужи, укрѣпитесь* (1 Корнѣ. XVI, 13), чтобы они стояли съ Тѣмъ, Котораго видѣлъ Стефанъ стоящимъ одесную Отца, когда онъ твердо переносилъ страданія (Дѣян. VII, 55)

и Который говорилъ Моисею: *Ты же стань со Мною* (Исх. XXXIV, 2). А ярмомъ рабства онъ называетъ Законъ строгій, трудный для исполненія, который послѣдователей своихъ пожираетъ тяжелымъ трудомъ день и ночь. Также и Петръ говоритъ въ книгѣ Дѣяній: *Къ чему вы пытаетесь наложить тяжкое ярмо на шею братьевъ, котораго не могли понести ни мы, ни отцы наши* (Дѣян. XV, 10). А его прибавленіе: *Не желайте снова значить* не то, что Галаты прежде будто бы соблюдали Законъ, а то, что и ярмо идолослуженія также тяжело, такъ что обремененный имъ народъ Египетскій подобно свинцу потонулъ въ Красномъ (Черномъ) морѣ (Исх. XV, 4, 5). Соотвѣтственно этому значенію и выше онъ сказалъ: *Какимъ образомъ вы снова обратились къ слабымъ и ничтожнымъ началамъ міра, которымъ снова хотите служить, соблюдая дни и мѣсяцы, и времена и годы?* Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь Галаты вслѣдствіе проповѣди Апостола Павла, оставивъ идоловъ, непосредственно перешли къ благодати Евангелія, и возвращались уже не подъ ярмо Іудейскаго Закона, котораго никогда прежде не знали: но, желая соблюдать времена, обрѣзывать плотию и приносить тѣлесныя жертвы, возвращались нѣкоторымъ образомъ къ тѣмъ служеніямъ, которыя раньше совершали, какъ идолослужители; ибо говорятъ, что и жрецы Египта и Исмаелиты (Исмаильтяне), и Мадіаниты имѣють обрѣзаніе. А что народы [языческіе] соблюдаютъ дни, мѣсяцы и годы, пусть мы этого [лучше] не знаемъ, чтобы у васъ не было никогда общаго съ ними празднованія.

Стихъ 2: *Вотъ я, Павелъ, говорю вамъ, что если вы подвергаетесь обрѣзанію, то Христосъ нисколько вамъ неполезенъ.*—Въ Евангеліи Спаситель говоритъ ученикамъ: *Кто васъ слушаетъ, Меня слушаетъ; кто васъ принимаетъ Меня принимаетъ* (Лук. X, 16); и Апостоль свидѣтельствуесть, говоря: *А живу уже не я, но живетъ во мнѣ Христосъ* (Галат. II, 20), и въ другомъ мѣстѣ: *Или вы хотите испытать Того, Ко-*

торый говоритъ во мнѣ [т. е.] Христа? (2 Корнѣ. XIII, 3). Этимъ вполне ясно показывается то, что онъ говоритъ нынѣ: *Вотъ я, Павелъ, говорю вамъ*, т. е., что слова его должно принимать не какъ слова Павла, а какъ Господни. Ибо такъ какъ онъ и въ первомъ посланіи къ Коринѳянамъ предуказалъ: *А тѣмъ, которыя вышли замужъ, возвѣщаю не я, но Господь* (1 Корнѣ. VІІ, 10), и непосредственно вслѣдъ затѣмъ прибавилъ: *Прочимъ же заповѣдаю я* (ст. 12), чтобы не показалась незначительною обязательность его слова, онъ говоритъ: *Думаю, что и я имѣю Духа Божія*, такъ что когда въ немъ говоритъ и Духъ, и Христосъ, то не подвергнется презрѣнію тотъ, который по примѣру пророковъ говоритъ: *Сіе говоритъ Господь всемогущій*. Но еще большимъ будетъ казаться то, что сказано: *Вотъ я, Павелъ, говорю вамъ: такъ какъ вы принимаете обрѣзаніе, то Христосъ нисколько вамъ не полезенъ*; если это слово будетъ связано съ началомъ, въ которомъ онъ говоритъ: *Павелъ, Апостолъ не отъ человековъ, ни чрезъ человека, но чрезъ Іисуса Христа* и т. д., чтобы слушающіе были побуждаемы не столько великимъ значеніемъ посланнаго сколько [властію] Пославшаго. Но кто-нибудь можетъ свазать: „Этому мѣсту противорѣчить то, что пишется къ Римлянамъ: *Обрѣзаніе дѣйствительно полезно, если ты соблюдаешь Законъ* (Римл. II, 25) и ниже: *Итакъ что есть большее въ распоряженіи Іудея, и какая польза обрѣзанія? Во всякомъ случаѣ многая. Во-первыхъ, именно въ томъ, что имъ были вѣрены словеса Божіи* (Римл. II, 1, 2) Въ самомъ дѣлѣ, если тѣмъ, которые были обрѣзаны, Христосъ нисколько не полезенъ, то какимъ образомъ людямъ, соблюдающимъ Законъ, обрѣзаніе приноситъ пользу? Это [недоумѣніе] разрѣшается слѣдующимъ отвѣтомъ. Достаточно (цѣ) сказать, что посланіе, обращенное къ Римлянамъ, было предназначено для тѣхъ, которые увѣровали [во Христа] изъ Іудеевъ и язычниковъ, и это вынуждало Апостола Павла

не оскорблять ни того, ни другого народа,—именно: такъ какъ и тотъ, и другой народъ имѣетъ свое преимущество, чтобы ни язычниковъ не подвергать обрѣзанію, ни Іудеевъ не склонять къ [удержанію] крайней плоти; а обращаясь съ посланіемъ къ Галатамъ, Апостоль употребляетъ другое доказательство, ибо они не были изъ числа обрѣзанныхъ, но изъ увѣровавшихъ язычниковъ, и обрѣзаніе для нихъ не могло быть полезно, когда они (qui) послѣ благодати Евангелія снова возвращались къ начаткамъ Закона. И въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ передается повѣствованіе о томъ, что когда нѣкоторые изъ обрѣзанныхъ возстали съ утверженіемъ, будто увѣровавшіе изъ язычниковъ должны подвергнуться обрѣзанію и соблюдать Законъ Моисеевъ, то старцы, бывшіе въ Іерусалимѣ, а равнымъ образомъ и Апостолы, собравшись вмѣстѣ, опредѣлили письменно, чтобы они не были обременены игомъ Закона, и чтобы не соблюдали больше ничего, а воздерживались отъ идоложертвенной пищи, и отъ крови, и отъ блуда, или,—какъ это написано въ нѣкоторыхъ спискахъ: *и отъ давленины*. А чтобы не оставалось никакого сомнѣнія въ томъ, что обрѣзаніе не приноситъ никакой пользы, а что только ради увѣровавшихъ изъ Іудеевъ онъ въ посланіи къ Римлянамъ смягчилъ свое сужденіе объ обрѣзаніи понемногу приближаясь къ концу того же посланія, онъ показалъ, что ни обрѣзаніе, ни необрѣзаніе не имѣютъ никакой силы; онъ говоритъ: *Итакъ обрѣзаніе—ничто, и крайняя плоть—ничто, но соблюденіе заповѣдей Божіихъ* (1 Корнѣ. VІІ, 19). Обрѣзаніе столь ничтожно, что даже и дому Израилеву, хвалившемуся обрѣзаніемъ несколько не помогаетъ; это показываетъ и пророкъ: *Всѣ народы необрѣзаны по плоти, а домъ Израилевъ необрѣзанъ сердцемъ* (Іезек. XLIV, 9), также и необрѣзанный Мелхиседекъ благословилъ онаго брѣзанАвраама. Ибо слова: *Если вы обрѣзываетесь* (Быт XLIV) таковы по своему значенію, что онъ какъ будто хотѣлъ сказать: „Если вы обрѣзываетесь

по плоти“. Въ другомъ мѣстѣ это у него называется не обрѣзаниемъ (circumcisio), а отрѣзываніемъ (concisio), говоря: *Посмотрите на отрѣзываніе (concisio), ибо мы, служащіе Богу духомъ, представляемъ обрѣзаніе (sumus circumcisio) и прославляемъ о Христвѣ, а не полагаемъ на плоть (Филипп. III, 2, 3).* Не полагается на плоть тотъ, кто всякой пользы себѣ ожидаетъ отъ Христа и сѣетъ въ плоти, чтобы отъ плоти познать тлѣніе, но сѣетъ въ духѣ, отъ котораго происходитъ жизнь вѣчная; въ слова Апостола: *Если вы обрѣзываетесь, то Христосъ вамъ нисколько не полезенъ*, нужно всматриваться болѣе утонченно. [Они обозначаютъ] не только то, что если они обрѣзываются, то не полезно имъ самое обрѣзаніе; но даже хотя бы помимо обрѣзанія они, повидимому, имѣли и прочія добродѣтели, однако погибнуть вообще, когда будутъ обрѣзаны послѣ вѣры во Христа. Итакъ что же? Развѣ обрѣзаніе не помогло Тимошею? Много во всякомъ случаѣ! Ибо онъ обрѣзанъ былъ не столько для того, чтобы отъ самаго обрѣзанія получить какое-нибудь преимущество, сколько для того, чтобы пріобрѣсти прочихъ (1 Коринт. IX, 19, 23): онъ для Іудеевъ сталъ Іудеемъ, чтобы своимъ обрѣзаніемъ привести Іудеевъ къ вѣрѣ во Христа. А на самомъ дѣлѣ оно нисколько не помогаетъ тогда, когда думаютъ, что оно приноситъ какую-нибудь пользу само по себѣ.

Стихъ 3: *Но я рѣшительно свидѣтельствую, что каждый обрѣзывающій себя человекъ долженъ исполнить совершенно весь Законъ.*—Богъ, давшій заповѣдь объ обрѣзаніи сначала Аврааму, а потомъ въ Законѣ чрезъ Моисея, повелѣлъ соблюдать не только обрѣзаніе, но и многое другое: посѣщать въ праздничные дни Іерусалимъ, [совершать] жертвы всесоженія, всегда утромъ и вечеромъ, только въ одно опредѣленное время года закалать агнца, въ седьмое лѣто совершать праздники земли, отпускъ [рабовъ] въ пятидесятый годъ и прочее, что каждый читатель легко можетъ

узнать изъ Писаній. Итакъ мы имѣемъ возможность нападать на Эвіона и его послѣдователей, которые думаютъ, что вѣрующіе во Христа должны обрѣзываться послѣ Евангелія, такъ что или они должны принять обрѣзаніе и соблюсти все предписанное въ Законѣ, или же, если невозможно, чтобы было соблюдено все безъ исключенія (сuncta), то должно прекратиться и самое обрѣзаніе, которое должно быть оставлено вмѣстѣ съ другимъ, какъ бесполезное. Посему, если они отвѣтятъ, что исполнять должно только то, что возможно исполнить,—такъ какъ Богъ не требуетъ отъ насъ того, чего мы не можемъ исполнить, а только того, что можемъ,—то мы скажемъ имъ, что одному и тому же Богу несвойственно желать соблюденія Закона, и покидать тѣхъ, которые соблюдаютъ Законъ. Или какимъ образомъ вслѣдствіе упраздненія Закона считать отвѣтственными тѣхъ, которые не могутъ исполнить совершенно всего, хотя и хотѣли бы этого? А мы слѣдуемъ закону духовному, который говорить: *Не надѣвай узды на уста вола молотящаю* (Второз. XXV, 4), и понимаемъ подобно Апостолу: *Развѣ о волахъ печется Богъ* (1 Корнѣ. IX, 9): а онъ говоритъ несомнѣнно ради насъ и повелѣваетъ исполнять торжественно субботы (Ис. LVIII, 13), чтобы не волъ и осель нашъ, и мелкій скотъ веселились въ субботы, а тѣ люди и скоты, о которыхъ написано: *Людей и скотовъ ты спасеши, Господи* (Псал. XXXV, 7). Люди—это нѣкоторые разумные и духовные мужи, а скоты—это тѣ, которые болѣе медлительны по природнымъ качествамъ и которые со стороны духовныхъ получаютъ наставленіе о соблюденіи субботъ Господнихъ. Этому нашему рязсужденію не противорѣчитъ и то, что сказано выше: *Если вы обрѣзываетесь, то Христосъ вамъ нисколько не полезенъ*, и слѣдующее за тѣмъ: *Свидѣтельствую, что всякій человекъ обрѣзывающійся долженъ быть исполнителемъ совершенно всего Закона*. Ибо не слушатели только Закона праведны предъ Богомъ, но оправданы будутъ

исполнители Закона, такъ какъ только тотъ является исполнителемъ Закона, кто можетъ сказать: *Мы—не обрѣзаніе, и: Въ тайнѣ Иудей, и: Мы знаемъ, что Законъ духовенъ.* А кто слѣдуетъ отрѣзыванію (conciōionem) и убивающей буквѣ, тотъ не есть исполнитель Закона, но по истинѣ врагъ Закона, особенно послѣ пришествія Спасителя, Который у приходящихъ къ Нему снимаетъ покровъ съ сердца, чтобы всѣ, созерцая Бога съ открытымъ лицомъ, преобразились изъ ветхости буквы въ новизну духа.

Стихъ 4: *Оправдывающіеся Закономъ! вы освободились отъ Христа и отпали отъ благодати.*—Какъ никто не можетъ служить двумъ господамъ, такъ трудно и исполнить тѣнь и истину Закона. Въ древнемъ Законѣ есть тѣнь, пока не восзіяетъ день и не устранился тьма; а истина находится въ Евангеліи Христовомъ, *ибо благодать и истина были чрезъ Иисуса Христа (Іоан. I, 17)* Итакъ тотъ теряетъ благодать Христову и оставляетъ благовѣстіе, которое держалъ, кто думаетъ, что можетъ оправдаться какимъ-либо исполненіемъ Закона; и такъ какъ онъ потерялъ благодать, то устранился отъ вѣры Христовой и успокоивается отъ дѣлъ Его, потому что *κατηρήθητε ἀπὸ τοῦ Χριστοῦ* скорѣе значить: *перестали дѣлать дѣла Христовы*, чѣмъ какъ это плохо передано на латинскомъ языкѣ: *освободились отъ Христа*, такъ что то, что прежде онъ заповѣдалъ исключительно въ примѣненіи къ обрѣзанію, теперь понимаетъ въ отношеніи ко всему совершенно Закону въ томъ смыслѣ, что тѣ нисколько не успѣваютъ въ дѣлѣ Христовомъ, которые полагаютъ, что они должны быть оправданы за соблюденіе нѣкоторыхъ (in quacumque observacione Legis) предписаній Закона.

Стихъ 5: *Ибо мы духомъ ожидаемъ съ надеждою оправданія* отъ вѣры.—„Духъ“ онъ полагаетъ для различенія отъ „буквы“. А надежду на оправданіе должно разумѣть въ лицѣ Христа, ибо Онъ есть истина, терпѣніе, надежда, оправ-

даніе и всѣ добродѣтели,—[Онъ] второго пришествія Кого-раго мы ожидаемъ, потому что Онъ имѣеть судить все, уже являясь не съ долготерпѣніемъ, а съ праведностію Судіи, чтобы воздать каждому по дѣламъ его. Ожидая пришествія сего Бога [или: дня, т. е. diei вмѣсто: Dei] Апостоль и ему подобные говорятъ: *Да придетъ царство Твое (Мѡ VI, 10)*, чтобы, когда Сынъ передастъ царство Богу и Отцу и въ покоренныхъ Ему и Самъ покорится: тогда Глава покорится въ тѣлѣ, и будетъ Богъ для всѣхъ всѣмъ (1 Корнѡ. XV, 28), потому что Тотъ, Который нынѣ только отчасти для каждого въ отдѣльности, тогда будетъ всѣмъ для всѣхъ.

Стихъ 6: *Ибо во Христѣ Іисусѣ ни обрѣзаніе не можетъ ничего, ни необрѣзаніе, но въра, дѣйствующая чрезъ любовь*—Для тѣхъ, которые желаютъ жить во Христѣ Іисусѣ, должно искать съ усиліемъ добродѣтелей, и избѣгать пороковъ; а безразличнаго (media), стоящаго между добродѣтелями и пороками не нужно ни сильно желать, ни избѣгать,—какъ, напр., обрѣзанія или необрѣзанія и прочаго этому подобнаго. Дѣйствительно, обрѣзаніе только въ томъ случаѣ приноситъ пользу, если исполняешь Законъ. И потому оно понятно тѣмъ, которые жили по Закону, и не потому, что они были обрѣзаны, но потому, что имъ ввѣрены были слова Божіи, которыя, обращаясь у нихъ въ дѣйствія, не удаляли ихъ отъ спасенія. Пусть насъ не смущаетъ то, что Сепфора взяла острый камень и обрѣзала сына своего и отстранила отъ мужа своего Ангела, который хотѣлъ его удушить (*Исх. IV, 24—27*) или такъ,—какъ иначе пишется у Евреевъ. Апостоль, вѣдь, свидѣтельствуетъ, что обрѣзаніе нисколько не полезно не столько само по себѣ, сколько не имѣеть силы оно во Христѣ Іисусѣ, а именно: съ того времени, когда Евангеліе подобно солнцу заблистало по всему міру, стало излишнимъ страданіе отъ обрѣзанія; хотя оно (quae) и имѣло силу, какъ и прочія предписанія Закона тогда, когда соблюдающимъ Законъ подавались плотскія благо-

словенія. Посему именно тѣ, которые исполняли его, были благословенными въ городѣ, благословенны на полѣ, имѣли полныя житницы и многое другое, что содержится въ обѣтованіяхъ (*Второз. XXVIII, 1—14*). Мы же хотимъ имѣть силу и укрѣпляться о Христѣ Іисусѣ, т. е. въ истинномъ обрѣзаніи, а не въ отрѣзаніи (conciōne) Іудейскомъ. *Ибо не тотъ, кто открыто есть Іудей, и не очевидное для всѣхъ плотское обрѣзаніе, но Іудей внутренній (in abscondito) и обрѣзаніе сердца въ духъ, и не въ буквѣ (Римл. II, 28, 29)*. Итакъ во Христѣ нисколько не помогаетъ обрѣзаніе плоти, но обрѣзаніе ушей и сердца, на которое показываетъ извѣстный упрекъ противъ Іудеевъ: *Вотъ уши ваши необрѣзаны, и вы не можете слышать (Исх. VI, 12)*. Полезно обрѣзаніе большихъ усть, котораго Моисей,—по смиренію своему,—считаетъ себя еще не имѣющимъ, какъ это написано въ Еврейскомъ спискѣ: *Я на устахъ своихъ имѣю крайнюю плоть*. Много пользы приноситъ обрѣзаніе въ дѣлахъ плоти, такъ какъ чрезъ воздержаніе (per castitatem) пресѣкается безстыдство. Итакъ во Христѣ Іисусѣ не имѣть силы ни обрѣзаніе, ни необрѣзаніе тѣлесное, потому что они стоятъ въ безразличномъ положеніи, т. е. стоятъ въ срединѣ между добродѣтелями и пороками; но имѣть силу вѣра, обнаруживающая свое дѣйствіе въ дѣлахъ, такъ что такимъ образомъ и одобряется вѣра, которая вмѣнена Аврааму въ праведность, и всякое дѣйствіе вѣры полагается въ любви, такъ какъ весь Законъ и пророки держатся на [этой заповѣди о] любви (ex charitate pendētibus). Дѣйствительно, въ сихъ двухъ заповѣдяхъ: *Возлюби Бога твоего и: Люби ближняго*, но непреложному слову Спасителя, состоятъ Законъ и Пророки. И Апостолъ Павелъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *Ибо заповѣди: „Не прелюбодѣйствуй“, „Не крадь“, „Не пожелай“, или кака-либо иная заповѣдь сводятся къ одному изреченію: Возлюби ближняго своего, какъ самого себя (Римл. VIII, 9)*. Итакъ, если каждая Заповѣдь сводится

къ тому, что сказано: *Возлюби ближняго своего, какъ самого себя*, а вѣра, осуществляемая чрезъ любовь, имѣетъ самую бѣльшую силу, то очевидно, что осуществленіе вѣры чрезъ любовь содержать въ себѣ полноту всѣхъ заповѣдей. Но какимъ образомъ,—согласно словамъ Апостола Іакова—вѣра безъ дѣлъ мертва, если дѣла, хотя и добрыя, безъ вѣры разсматриваются, какъ мертвыя (*Іаков. II, 14, 18*). Слѣдовательно, невѣрующіе во Христа, но имѣющіе добрыя нравы, что имѣютъ бѣльшее, если не дѣла добродѣтелей? Примѣръ вѣры, осуществляемой въ любви, даетъ та Евангельская блудница, которая,—когда Господь возлежалъ въ домѣ фарисея,—омыла Ему слезами ноги, осушила волосами и помазала масломъ; и когда фарисей сталъ выражать негодованіе, то Господь предложилъ притчу о пятидесяти и пятистахъ денаріяхъ должника и присоединилъ въ концѣ: *Посему говорю тебѣ: Отпускаются грѣхи ея многіе, ибо она возлюбила много* (*Лук. VII, 47 и 50*); а обратившись къ самой женщинѣ сказалъ: *Вѣра твоя спасла тебя: иди въ миръ*. Дѣйствительно, въ этомъ мѣстѣ открыто показано, что эта женщина имѣла вѣру, осуществленную чрезъ любовь, которая имѣла великое значеніе о Христѣ. Но можетъ быть кто—нибудь усумнился относительно *необрѣзанія*, такъ что скажетъ: *Не [имѣетъ ли такого же значенія] и необрѣзаніе?* Однако если мы обратимъ вниманіе на то, что весьма многіе изъ Христіанъ, т. е. изъ нашихъ, которые отъ дикой маслины были привиты къ маслинѣ доброй (*Римл. XI, 17—24*) выступаютъ противъ отвалившихся вѣтвей народа Іудейскаго и говорятъ, что необрѣзаніе имѣетъ бѣльшую силу, чѣмъ обрѣзаніе, потому что первымъ Авраамъ угодилъ Богу, и вѣра его была вмѣнена ему въ оправданіе; а второе было дано только, какъ знакъ вѣры и не помогло оно имѣющему его Израилю: то мы увидимъ, что даже и это притязаніе нѣкоторыхъ теперь весьма осторожно устранено [св. Апостоломъ].

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Павла и Евстохія, это вотъ уже третій свитокъ толкованій мы составили для изясненія посланія къ Галатамъ, зная свою немощь и чувствуя, что слабый потокъ природнаго [нашего] дарованія едва, едва издаетъ тихое журчаніе. Дѣло въ томъ, что теперь и въ Церкви уже ищутъ того, чтобы, оставивъ простоту и чистоту словъ Апостольскихъ, какъ будто въ Атенеѣ или предъ большимъ числомъ слушателей, вызвать громкія рукоплесканія слушающихъ, такъ что рѣчь, подкрашенная ложью искусства краснорѣчія, выступаетъ предъ обществомъ, какъ будто безстыдная женщина, имѣя въ виду не столько наставлять народъ, сколько пріобрѣсти благорасположеніе народа и подобно струнной псалтири и сладкогласной свирѣли ласкать чувства слушающихъ; такимъ образомъ по справедливости къ нашему времени можетъ быть примѣнено извѣстное слово изъ книги пророка Іезекііля, обращенное Господомъ къ нему: *И ты сдѣлался для нихъ какъ звуки пріятно звенящей и искусно устроенной кивары, [струннаго инструмента], и они слушаютъ слова твои, но не исполняютъ ихъ (Іезек. XXXIII, 32)*. Итакъ, что же мнѣ дѣлать? Молчать ли? Но вѣдь написано: *Не являйся предъ лицемъ Господа твоего пустымъ*; и пророкъ Исаія (какъ это находится однако только въ Еврейскихъ свиткахъ) со вздохомъ восклицаетъ: *Горе мнѣ! ибо я умолкъ*. Говорить ли мнѣ? Но все изящество латинской рѣчи и красоту ея сложенія испортила трескучесть Еврейскаго чтенія. Вѣдь вы и сами знаете, что прошло уже болѣе пятнадцати лѣтъ, какъ въ мои руки совсѣмъ не попадалъ (*nunquam ascendit*) ни Туллій [Цицеронъ], ни Маронъ [Виргилій], ни какой-либо другой творецъ языческой письменности; если же кое-что иногда мы и приводимъ изъ нихъ, то это бываетъ случайно, -- мы вспоминаемъ это, какъ будто въ давно бывшемъ снѣ сквозь облако тумана. А насколько я преуснѣлъ

въ томъ [Еврейскомъ] языкѣ неустаннымъ трудомъ, объ этомъ я предоставляю судить другимъ; сколько же я потерялъ въ знаніи своего языка, это я [самъ] знаю. Къ этому присоединилось еще то, что вслѣдствіе слабости глазъ и всего моего тѣла я не пишу теперь собственноручно, и медлительность своей рѣчи не могу вознаграждать ни трудомъ, ни прилежаніемъ. Это рассказываютъ также и о Виргиліѣ, — именно, что онъ свои книги приводилъ въ должный видъ, такъ сказать, подобно медвѣдямъ, облизывая ихъ, какъ [медвѣдь] дѣтей. А я приглашаю писца, и говорю ему то, что непосредственно попало на языкъ; а если я хочу немного подумать, чтобы что-нибудь изложить лучше, то онъ обнаруживаетъ молчаливый упрекъ, въ нетерпѣніи ломаетъ руки, потираетъ лобъ и всякимъ движеніемъ своего тѣла показываетъ, что здѣсь онъ сидитъ по-пусту. Но рѣчь, хотя бы она была усовершенствована природнымъ высокимъ дарованіемъ и отличалась находчивостью, и была украшена цвѣтистыми словами, однако не очищенная, не отдѣланная собственноручно составителемъ, не бываетъ гладкою и не имѣетъ должной красоты, соединенной съ важностію ея, и, какъ это бываетъ съ разбогатѣвшими деревенскими людьми, ея богатство служитъ скорѣе причиною для упрековъ, чѣмъ украшеніемъ для нея. Но къ чему все это [я говорю]? Это именно къ тому, чтобы дать объясненіе и вамъ, и другимъ (которые, можетъ быть, захотятъ прочесть), что я составляю не хвалебную рѣчь или пишу не возраженія по спорному вопросу, но составляю толкованіе, т. е. имѣю въ виду именно то, чтобы не мои слова сдѣлались предметомъ похвалы, но чтобы то, что сказано было другимъ, было понято такъ, какъ было сказано имъ. Мое дѣло состоитъ въ томъ, чтобы разъяснить темное, вкратцѣ изложить ясное и подольше остановиться надъ мѣстами сомнительными. Поэтому дѣло толкованія весьма многими называется объясненіемъ. Если же кто ищетъ у меня краснорѣчія, то пусть услаждается

чтеніемъ изящныхъ рѣчей другихъ писателей; для этого онъ имѣеть на томъ и другомъ языкѣ (греческомъ и латинскомъ) Демосѳена и Туллія, Полемона и Квинтиллиана. А Церковь Христова собрана не изъ учениковъ Академіи, или Лицея, но изъ простого народа. Поэтому и Апостоль говоритъ: *Видите, братіе, призваніе ваше: немногіе изъ васъ мудры по плоти, немногіе сильны, немногіе знатны; но Богъ избралъ неразумное міра сего, чтобы привести въ смущеніе мудрыхъ, и немощное міра избралъ Богъ, чтобы посрамить крѣпкое, и незнатное міра сего, и презираемое избралъ Богъ, и [какъ бы] несуществующее, чтобы посрамить существующее* (Корнѳ. I, 26—28). Дѣйствительно, такъ какъ міръ премудростію не позналъ Бога чрезъ разсматриваніе порядка, разнообразія и постоянства тварей, то Богу было угодно спасти вѣрующихъ чрезъ немудрую проповѣдь (*per stultitiam praedicationis*). Ибо гдѣ мудрецъ, гдѣ книжникъ, гдѣ ислѣдователь естественныхъ причинъ? Не въ убѣдительныхъ словахъ мудрости, но въ обнаруженіи добродѣтели [*virtus—сила*] и духа, такъ что вѣра вѣрующихъ не въ добродѣтели людей, но въ силѣ Божіей. Поэтому и Апостоль къ тѣмъ же Коринѳянамъ говоритъ: *Посему, братіе, и я къ вамъ пришелъ не съ возвышенною рѣчью и мудростію, чтобы вознущать вамъ свидѣтельство Божіе, ибо я разсудилъ, что ничего не знаю [находясь] между вами, кромѣ Іисуса Христа, [но] и Его распятаго* (Корнѳ. II, 1, 2). Но чтобы не подумали, что говорящій такъ есть проповѣдникъ неразумія, онъ предусмотрительно (*mente praesaga*) опровергаетъ то, что можетъ послужить возраженіемъ ему. Онъ говоритъ: *Но проповѣдуется премудрость Божія въ тайнѣ, которая скрыта, которой никто не позналъ изъ князей вѣка сего. Кто бы теперь читалъ Аристотеля? Какъ много теперь людей, которые знаютъ или имя, или книги Платона? Только праздные старики, можетъ быть, по закоулкамъ перечитываютъ ихъ. А о на-*

шихъ простецахъ и рыбажахъ говорить весь міръ и кричить вселенная. Такимъ образомъ ихъ простыя слова должны быть изъясняемы простою рѣчью. Я говорю: *слова*, а не смыслъ. Впрочемъ, если съ помощію молитвъ вашихъ, и при изложеніи смысла ихъ посланій буду имѣть возможность обнаружить тотъ духъ, который они имѣли при составленіи ихъ; то вы увидите, что въ нихъ было такое величіе и широта истинной мудрости, достигнуть которой для писателей свѣтскихъ было бы пустымъ притязаніемъ (*arrogantia et vanitas*). Я вкратцѣ сознаюсь вамъ въ тайнѣ моего ума: Я не хочу, чтобы намъревающійся съ моею помощію уразумѣвать Апостола, съ трудомъ понималъ мои собственныя писанія и для пониманія толкователя искалъ толкователя новаго (*aliū*). Но время уже продолжить дальнѣйшее.

Стихъ 7: *Вы или хорошо; кто воспрепятствовалъ вамъ повиноваться истинѣ?*—То, что здѣсь Латинскій переводчикъ передалъ словами: *не повиноваться истинѣ* и что на греческомъ языкѣ выражено словами: τῆ ἀληθείᾳ μὴ πείθεσθαι,—выше онъ передалъ словами: *не довѣрять истинѣ*. Въ своемъ мѣстѣ мы отмѣтили, что въ древнихъ собраніяхъ св. книгъ (*codicibus*) этого нѣтъ, хотя и греческіе списки (*exemplaria*) испорчены этою ошибкою. А смыслъ мѣста такой: Вы поклонялись Отцу въ духѣ и истинѣ и, принимая отъ полноты Христовой, узнали, что Законъ только данъ народу чрезъ Моисея, но не составленъ [имъ]; а благодать и истина не только дана чрезъ Іисуса Христа, но была отъ Него по происхожденію. Итакъ, когда вы столь хорошо ходили, служа болѣе истинѣ, чѣмъ образамъ, то какой развращенный учитель воспрепятствовалъ вамъ, [и] вы слѣдуете тѣни Закона, и оставляете благодать Евангелія? Далѣе слѣдуетъ:

Вы ни съ кѣмъ не согласились.—Но такъ какъ этого мы не находимъ записаннымъ ни въ греческихъ книгахъ, ни

у тѣхъ, которые изъясняли писанія Апостола, то, кажется, это должно быть опущено.

Стихъ 8: *Ваше убѣжденіе [исходитъ] не отъ Того, Который призвалъ васъ.*—Въ латинскихъ собраніяхъ св. книгъ мы находимъ написаннымъ такъ: *Ваше убѣжденіе отъ Бога, Который призвалъ васъ.* Но я думаю, что здѣсь было: *отъ Того* (ex eo) и не было понято, а по сходству мало-по-малу вкралось: *отъ Бога* (ex Deo) вмѣсто бывшаго прежде: *отъ Того* (ex eo). Но и такой смыслъ не можетъ быть принятъ за несомнѣнное (nec potest stare), потому что теперь о тѣхъ,—которыхъ Апостолъ только что обвинялъ въ томъ, что они не повиновались истинѣ, показывая, что отъ ихъ свободы зависить повиноваться ли или не повиноваться,—онъ, наоборотъ, утверждаетъ, что убѣжденіе и повиновеніе ихъ зависить не столько отъ тѣхъ, которые призываются, сколько отъ Того, Который ихъ призвалъ. Такимъ образомъ лучше и вѣрнѣе читать такъ: *Ваше убѣжденіе не отъ Того, Который призвалъ васъ* Дѣйствиительно одно—дѣло Божіе, а другое—дѣло людей. Дѣло Божіе есть призваніе [человѣка]; дѣло уже человѣческое вѣровать, или не вѣровать. Если же гдѣ-либо въ св. Писаніи утверждается свобода воли въ человѣкѣ, какъ, на примѣръ, въ слѣдующемъ мѣстѣ: *Если захотите и будете слушать Меня (Исх. XIX, 5)* и слова: *И вотъ, Израиль, чего хочетъ отъ тебя Господь Богъ твой (Втор. X, 12)*, то самымъ рѣшительнымъ образомъ подтверждается такая мысль изъ этого мѣста. Но болѣе простоватые люди, думая предоставить себя Богу, такъ что даже и убѣжденіе наше находится въ Его власти, уничтожили часть рѣчи: *не*, и усвоили Апостолу другой смыслъ. И такъ въ добрую ли, или въ дурную сторону ни Богъ, ни дьяволъ не является причиною того, что убѣжденіе наше исходитъ не отъ Того, Который призвалъ насъ, потому что мы (qui) или соглашаемся или не соглашаемся съ Призывающимъ. Другими словами: Убѣжденіе это, которому вы

нынѣ слѣдуете, исходить не отъ Бога, Который первоначально призвалъ васъ, а отъ тѣхъ, которые послѣ привели васъ въ смущеніе.

Стихъ 9: *Незначительная закваска всквашиваетъ все тѣсто.*—Въ нашихъ собраніяхъ св. книгъ имѣется дурной переводъ (male): *Незначительная закваска заражаетъ* (соггипит) *весь кусокъ* (massam). такъ что переводчикъ скорѣе передалъ свой смыслъ, нежели слова Апостола. Эту же самую мысль Апостоль выражаетъ и въ посланіи къ Коринѳянамъ, когда приказываетъ изгнать изъ ихъ среды того, который имѣетъ жену своего отца, для изможденія и усмиренія его плоти чрезъ постъ и страдавія, чтобы духъ его былъ спасенъ въ день Господа [другіе прибавляютъ: *нашего*] *Иисуса Христа*. Дѣйствительно Апостоль говоритъ: *Недобрая слава о васъ: вы не знаете, что незначительная закваска заражаетъ* (испорчиваетъ — соггипит) *весь кусокъ* [смѣси] (1 Корнѳ. V, 5, 6), или.—какъ мы уже передали,— *Незначительная закваска всквашиваетъ все тѣсто*, и непосредственно послѣ того онъ присоединилъ: *Очистите старую закваску, чтобы вамъ быть новымъ смѣшеніемъ, какъ будто вы опръсноки, ибо нашею Пасхою былъ закланъ Христосъ. Поэтому будемъ пириествовать не въ ветхой закваскѣ, не въ закваскѣ злобы и неправды, а въ опръснокахъ чистосердечія и истины* (Стихи: 7, 8). А теперь тѣмъ же самымъ наставленіемъ онъ поучаетъ, что духовный хлѣбъ Церкви, Сходящій съ неба, не долженъ подвергаться насплю Іудейскаго толкованія; то же самое заповѣдалъ Господь и ученикамъ Своимъ,—именно: чтобы они воздержались отъ закваски фарисеевъ (Іоан. VI, ?). Это евангелистъ дѣлаетъ болѣе яснымъ, прибавляя: *А говорилъ Онъ имъ объ ученіи фарисеевъ* (Мѳ. XVI, 12), Затѣмъ, какое другое ученіе фарисеевъ разумѣется, какъ не соблюденіе Закона по плоти. Итакъ, смыслъ таковъ: Не думайте, что должно относиться съ презрѣніемъ къ кознямъ тѣхъ немногихъ людей,

которые, являясь изъ Іудей, учать иначе. Искра есть нѣчто малое, и даже не видно, пока она показывается, но если огонь, хотя бы и малый, попадетъ на очагъ и найдетъ себѣ пищу, то истребляетъ стѣны, городá и обширнѣйшіе лѣса и [опустошаетъ] страны. Также и закваска, въ другомъ значеніи представленная въ притчѣ (Лук. XIII), кажется вещью незначительною и даже ничтожною; но когда она въ соединеніи съ мукюю кислотою своею закваситъ весь кусокъ, то ея силѣ поддается все смѣшеніе; подобно этому и превратное ученіе, начиная однимъ человѣкомъ въ первое время находить едва только одного или двухъ слушателей; но мало-по-малу оно расплзается, какъ ракъ въ тѣлѣ, и,— по народной поговоркѣ,—паршивая скотина заражаетъ все стадо. Итакъ, и искру необходимо потушить непосредственно послѣ ея появленія, и закваску удалить отъ тѣста и отрѣзать зараженный кусокъ отъ мяса, и изгнать паршивое животное изъ стада овецъ, чтобы не сгорѣлъ весь домъ, не прокисло тѣсто, не загнило тѣло, и не погибло стадо. Аріи въ Александріи былъ одною искрою; но такъ какъ онъ не былъ тотчасъ же погашень, то пламя отъ него охватило всю вселенную,

Стихъ 9: *Я полагаюсь на васъ въ Господь, потому что вы не будете разумѣть ничего другого.*—Не по догадкѣ, какъ нѣкоторые хотятъ [доказать], но пророческимъ духомъ Апостоль Павелъ предвозвѣщаетъ, что Галаты возвратятся на путь истины, который они оставили (1 Коринт. XII). Дѣйствительно тотъ, кто убѣждалъ, чтобы они ревностно стремились къ дарамъ духовнымъ, а преимущественно, чтобы пророчествовать, самъ исполненный тою же благодатію, говорить: *Отчасти мы познаемъ, и отчасти пророчествуемъ* (1 Коринт. XIII, 9). Итакъ, провидя духомъ, что они не будутъ вѣровать иному, а только тому, чему научились изъ посланія, овъ говорить. *Я полагаюсь на васъ въ Господь, потому что вы ничего другого не будете раз-*

умѣть, ибо и прибавленіе имени Господня обозначаетъ то же самое; въ самомъ дѣлѣ, если бы онъ думалъ такъ по догадкѣ, то онъ могъ бы просто сказать: *Я полагаюсь на васъ*, а теперь присоединяя: *въ Господь*, онъ, довѣряя нѣкоему божественному Духу, пророчествовалъ о томъ, объ исполненіи чего зналъ.

Стихъ 10: *А тотъ, кто смущаетъ васъ, понесетъ осужденіе, кто бы онъ ни былъ.*—Говорятъ, что этими словами онъ возстаетъ противъ Петра (lacerat Petrum—терзаетъ Петра), которому, какъ пишетъ самъ, онъ открыто въ лице противостоялъ, потому что тотъ неправую стопою ходилъ въ истинѣ Евангелія. Но ни Павелъ не выражался съ такимъ дерзкимъ злорѣчіемъ противъ первенствующаго (princeps) въ Церкви (Галат. II), ни Петръ не заслуживалъ быть отвѣтчикомъ за возмущеніе Церкви. Изъ этого слѣдуетъ думать, что онъ говоритъ о комъ-то другомъ, кто или былъ вмѣстѣ съ Апостолами, или пришелъ изъ Іудей, или увѣровалъ изъ среды фарисеевъ, или почитался, можетъ быть, великимъ среди Галатовъ настолько, чтобы понести осужденіе за возмущеніе Церкви, кто бы онъ ни былъ. А понести осужденіе, это значитъ то же, что иначе выражено въ слѣдующихъ словахъ: *Каждый понесетъ собственное бремя*, и я думаю, что слово *бремя* въ Писаніи можетъ быть понимаемо и въ хорошую, и дурную сторону, т. е. и въ отношеніи къ тѣмъ, которые подавляются тяжкими грѣхами, и въ отношеніи тѣхъ, которые несутъ легкое бремя добродѣтелей. О согрѣшившихъ кающійся говоритъ въ Псалмѣ: *Неправды мои возвысились надъ головою моею; какъ бремя тяжкое они отяготили надо мною* (Псал. XXXVII, 5). О добродѣтеляхъ и объ ученіи о добродѣтели Спаситель говоритъ: *Ибо иго Мое пріятно и бремя Мое легко* (Мѡ. XI, 30). А что и ученіе иногда понимается въ значеніи бремени, это ясно изъ Евангелія. Въ самомъ дѣлѣ фарисеи связываютъ бремена тяжелыя и такія, которыхъ не могутъ понести, и

возлагають ихъ на плечи людей, а сами не хотятъ коснуться къ нимъ и однимъ пальцемъ (Мѡ. XXIII, 4). А сколь тяжело преступленіе возмутитъ спокойствіе и возбудитъ какъ бы нѣкоторыми бурными волнами ясныя сердца людей, объ этомъ свидѣлствуютъ слова Спасителя къ Апостоламъ, когда Онъ говоритъ: *Пусть не смущается сердце ваше, не бойтесь* (Іоан. XIV, 1), потому что лучше будетъ для того, кто возмущаетъ и соблазняетъ кого либо въ Церкви, чтобы мельничный камень былъ повѣшенъ на шею его, и онъ вмѣстѣ съ нимъ былъ брошенъ въ море, чѣмъ соблазнить ему одного изъ сихъ меньшихъ, которые наставлены Спасителемъ. Итакъ, Галаты были въ смущеніи относительно духа и буквы, обрѣзанія и отрѣзыванія, іудейства тайнаго и явнаго, и не знали, что дѣлать. А короче это можно понять и такъ. Кто бы ни былъ тотъ, который увлекаетъ васъ въ сторону ученія фарисеевъ, и желаетъ плотскаго обрѣзанія, хотя бы онъ былъ краснорѣчивъ и хвалился знаніемъ Закона, я ничего больше не говорю какъ только то, — чего и вы не можете отвергнуть, — именно, что онъ понесетъ осужденіе за это дѣяніе, и за свой трудъ получить надлежащее воздаяніе.

Стихъ 11: *А я, братіе, если я проповѣдую обрѣзаніе, то почему еще и до настоящаго времени терплю преслѣдованіе? Итакъ, устранился (или, какъ лучше стоитъ въ греческомъ: прекратился) соблазнъ креста.* — Въ Дѣяніяхъ Апостоловъ мы читаемъ, а также и Апостоль Павель часто упоминаетъ въ своихъ посланіяхъ о томъ, что онъ выносилъ отъ Іудеевъ весьма частыя преслѣдованія, потому что училъ, что не должно обрѣзываться тѣмъ, которые изъ язычниковъ увѣровали во Христа. А тѣ, о которыхъ онъ выше сказалъ: *Тотъ, который возмущаетъ васъ, понесетъ осужденіе, кто бы онъ ни былъ*, чтобы обмануть Галатовъ говорили: „Не только Петръ и Іаковъ, и Іоаннъ, но и прочіе Апостолы въ Іудеѣ соблюдаютъ обрѣзаніе и другія предпи-

санія Закона, да и самъ Павелъ который васъ, училъ иначе, чѣмъ этого требуетъ истина, обрѣзалъ Тимофея и вынуждаемый истинною часто былъ для Іудеевъ Іудеемъ“. Желая устранить такое мнѣніе изъ мыслей Галатовъ, Павелъ нынѣ говоритъ: *А я, братіе, если я проповѣдую обрѣзаніе, то почему еще и донынѣ подвергаюсь гоненіямъ.* Онъ говоритъ: „Вся ненависть Іудеевъ ко мнѣ и неистовство, которымъ они пылають (furiant) противъ меня, [происходятъ] не отъ другой какой причины (ob nihil aliud), а только потому, что я учу язычниковъ, что не должно обрѣзываться и соблюдать чрезмѣрное и уже отмѣненное иго Закона. А такъ какъ я претерпѣваю гоненія, то очевидно, что я не проповѣдую обрѣзанія, которое разрушаю, ибо я претерпѣваю гоненія отъ Іудеевъ не столько потому, что проповѣдую Распятаго и говорю, что Іисусъ есть Христосъ [т. е. Помазанникъ—Мессія], Котораго и пророки предвозвѣстили, сколько потому, что по моей проповѣди Законъ уже исполненъ. А что крестъ для Іудеевъ является соблазномъ, а для язычниковъ—безуміемъ, это показалъ самъ Господь нашъ, называемый камнемъ преткновенія и камнемъ соблазна (petra scandali, *Мѡ. XXI, 44; Лук. XX, 18*); я думаю, что это не по другой какой причинѣ, какъ только потому, что проповѣдь [Евангелія, такъ сказать] налетѣла на слушающихъ на полныхъ нарусахъ, такъ что тотчасъ же натолкнулась на крестъ и никакъ не можетъ свободно двигаться далѣе. Но этотъ крестъ, являющійся для Іудеевъ соблазномъ, а для язычниковъ—безуміемъ, для насъ вѣрующихъ есть сила и премудрость. *Ибо Христосъ есть Божія сила и Божія премудрость (1 Коринт. I, 24)*, такъ что потому, что Онъ называется безуміемъ, безумное Божіе было мудрѣе для человѣковъ, и потому, что Онъ былъ соблазномъ и немощію, немощное Божіе было сильнѣе для людей. Но такъ какъ, говоритъ онъ, соблазнъ креста Христова еще остается, и я еще терплю преслѣдованія, которыхъ не долженъ былъ бы терпѣть, если бы не было со-

блзавна, то напрасно нѣкоторые распускають слухи, что и проповѣдую обрѣзаніе, за возстаніе противъ котораго переносу гоненіе“.

Стихъ 12: *О если бы возмущающіе васъ были отступлены* [отъ общенія]! — Спрашивается: какимъ образомъ Павелъ является ученикомъ Того, Который говорилъ: *Благословляйте проклинающихъ васъ* (Мѡ. V, 44—45), когда и самъ онъ говоритъ: *Благословляйте, а не проклинаяте* (Римл. XII, 14) и въ другомъ мѣстѣ: *И злословящіе не получаютъ царства Божія въ наследіе* (1 Корнѡ. XV, ?); а въ настоящемъ случаѣ онъ и злословитъ тѣхъ, которые возмущаютъ [или: возмущали] церкви Галатійскія, и злословитъ съ словомъ пожеланія: *О если бы возмущающіе васъ были отступлены* [отъ общенія]¹⁾. Страданіе отъ оскотленія столь отвратительно, что и тѣ, которые причиняють его нежелающимъ, наказываются по государственнымъ законамъ, и тотъ, который оскотилъ самъ себя, подвергается поруганію, такъ что, говорятъ, если истинно то, что *живетъ во мнѣ Христосъ* (1 Корнѡ. XIII, 3) и еще: *Или вы ищете испытанія Того, Который говоритъ во мнѣ* [т. е.] *Христа*, то конечно, слово Того, Который говоритъ: *Научитесь отъ Меня, какъ Я кротокъ и смиренъ сердцемъ* (Мѡ. XI, 29) не можетъ быть понимаемо, какъ проклятіе, и потому предпочитаютъ думать (magis putabunt), что Апостоль скорѣе не могъ воздержаться отъ Іудейской ярости и нѣкотораго неудержимаго гнѣва, чѣмъ подражалъ Тому, Который, какъ агнецъ предъ стригущимъ его, не открывалъ устъ своихъ и злословящихъ не злословилъ взаимно (Ис. LIII, 7), но осужденный предаль Себя на смерть. Кто на это возраженіе противъ Павла будетъ отвѣчать, тотъ пусть скажетъ слѣдующее: „Слова, ска-

¹⁾ Соответственно слѣдующимъ словамъ бл. Іеронима нужно было бы перевести эти мѣста такъ: *О еслибы возмущающіе васъ были обезглавлены, или: оскотлены*. Но глаголь *abscindere* у самого бл. Іеронима ниже не употребляется съ такимъ значеніемъ, а замѣненъ словомъ *castigare*, хотя производное отъ него *abscisio* имѣетъ значеніе: *оскотленіе*.

занная имъ не столько суть слова раздраженія противъ враговъ, сколько слова, вызваннаго любовію къ Церкви Божіей. Въ самомъ дѣлѣ, онъ видѣлъ, что вся область, которую онъ самъ своею кровію съ опасностями обратилъ къ вѣрѣ во Христа отъ идолослуженія, возмущена неожиданною проповѣдію, и въ своей Апостольской скорби, въ скорби отца не могъ удержаться: онъ измѣнилъ выраженіе своей рѣчи и съ гнѣвомъ говорить къ тѣмъ, къ которымъ прежде обращался ласково, съ тѣмъ, чтобы по крайней мѣрѣ ругательствами удержать тѣхъ, которыхъ не могъ удержать кротостію“ И неудивительно, если Апостоль, какъ человекъ, еще заключенный въ немощную храмину [тѣла] и усматривающій въ своемъ тѣлѣ другой плѣняющій его Законъ и отвлекающій его къ Закону грѣха, однажды сталъ говорить въ такомъ родѣ, въ какомъ мы часто видимъ говорящими святыхъ мужей. Но съ другой стороны, можетъ быть, и то сказано,—хотя нѣкоторымъ это кажется и излишнимъ,—что Павелъ не столько проклиналъ ихъ, сколько молился за нихъ, чтобы они лишились тѣхъ частей тѣла, чрезъ которыя могутъ погрѣшати. И подобно тому, какъ сказано въ Евангеліи, что лучше будетъ, если кто-либо безъ глаза, безъ руки, или ноги, или какой-либо другой части тѣла войдетъ въ царство небесное, нежели, имѣя все тѣло въ цѣлости, пойдетъ въ геенну (*Мф.* XVIII), и теперь Апостоль желаетъ имъ, чтобы они лучше потеряли одну часть тѣла, чѣмъ были осуждены на вѣчный огонь вслѣдствіе сохраненія тѣла въ цѣлости. Если это мѣсто когда-либо встрѣтитъ возраженіе со стороны язычниковъ, то мы выше дали указаніе, какъ должно отвѣчать имъ. Теперь мы представимъ возраженія противъ еретиковъ, именно противъ Маркіона и Валентина и всѣхъ тѣхъ, которые встаютъ противъ Вѣтхаго Завѣта,—именно: на какомъ основаніи они, обвиняя Бога Творца, какъ кровожаднаго воителя и [видя въ Немъ] только судію, осмѣливаются оправдывать эти качества у Апостола благаго Бога. И по моему мнѣнію несомнѣнно,

что въ Ветхомъ Законѣ ни въ какомъ другомъ мѣстѣ не было произнесено столь страшнаго и кроваваго приговора, какъ приговоръ: *О если бы возмущающіе васъ были отъсечены* [отъ общенія] [или: обезглавлены, или: оскорены] И не могутъ они сказать, что Апостоль молился о врагахъ Христовыхъ, которые возмущали Его Церкви. А что этотъ приговоръ, дышашій негодованіемъ и гнѣвомъ, произнесенъ не изъ любви, это показывается самымъ значеніемъ (*ponderere*—вѣсомъ, тяжестью) словъ. Итакъ все, что они ни произнесутъ для оправданія Апостола, все это мы не откажемся признать годнымъ на защиту Ветхозавѣтнаго Закона.

Стихъ 13: *Ибо вы, братіе, призваны къ свободѣ; но только свободу свою не въ поводъ* [оправданія] *плоти* (подразумѣвается: *давайте*,—послѣднее слово, котораго мы не находимъ на греческомъ языкѣ, прибавилъ латинскій переводчикъ).—Это мѣсто очень темное; поэтому мы рѣшили буквально перевести толкованіе на него изъ десятой книги Стромать [Оригена]; не потому, что отдѣльныя выраженія не могутъ быть объяснены въ своемъ мѣстѣ и по собственному смыслу, но потому, что, отдѣленные отъ вышеизложеннаго сами по себѣ, они представляютъ трудно усвояемое цѣлое (*difficile congruis*), и если будутъ понимаемы такъ, какъ выражены, то они вытекаютъ какъ будто съ неожиданною непослѣдовательностію и противорѣчатъ себѣ самимъ. Итакъ, вотъ слова Оригена: „Мѣсто это трудное и по нашему мнѣнію должно быть объяснено такъ: Тотъ, кто свободенъ и слѣдуетъ въ высшемъ смыслѣ духу и истинѣ, [тотъ] презираетъ бывшіе прежде образы и букву. Поэтому онъ не долженъ высоко смотрѣть на меньшихъ и не давать повода къ униженію себя тѣмъ, которые не могутъ возвышаться до высшаго смысла; ибо хотя они и немощны, и по сравненію съ духомъ называются плотію; однако они суть плоть Христова. Ибо если [таковой] понимаетъ тайну плоти, служащей болѣе немощнымъ, то онъ дѣлаетъ нѣчто ради немощныхъ, чтобы

въ то время, какъ онъ имѣеть знаніе, не погибъ братъ его, за котораго умеръ Христось. Итакъ, обрати должное вниманіе на то: можно ли изъ дальнѣйшаго вывести этотъ смыслъ. *Вы, братіе*, говоритъ онъ, *призваны къ свободѣ* и говоритъ, можетъ быть, потому, что не все могли понять призваніе къ свободѣ. Поэтому нынѣ вы слышите: *Только не давайте свободы своей въ поводъ* [для оправданія] *плоти*. Ибо должно, чтобы большіе по любви служили меньшимъ, такъ какъ желающій быть большимъ будетъ рабомъ всехъ (*Мф. XX; Мрк. X*). Итакъ, духовный пусть не терзаетъ плоти Христовой и пусть не подаетъ имъ повода, чтобы они кусали Его, призывающаго ихъ къ тому, чтобы они не истребляли себя взаимно. Итакъ, должно, чтобы ходящій въ духъ и въ духъ слѣдующій словамъ писаній не имѣлъ стремленія къ ихъ плотскому смыслу. Если же слова его: *Ходите въ духъ и не слѣдуйте пожеланіямъ плоти*, мы понимаемъ просто, то кажется (какъ думаютъ и очень многіе), что въ нихъ Павелъ неожиданно выступаетъ противъ доказательствъ и цѣли всего этого посланія, потому что непосредственно вслѣдъ за тѣмъ слѣдуетъ: *Если же вы водитесь духомъ, то вы уже находитесь не подъ Закономъ*. И въ то время какъ до этого мѣста рѣчь въ нѣкоторой мѣрѣ идетъ связно,—если опять мы послѣдуемъ простому пониманію,—наоборотъ, здѣсь внезапно онъ переноситъ насъ къ наставленіямъ, которыя трудно связать [съ предыдущимъ], именно къ разсужденіямъ о плоти и духѣ, т. е.: *Извѣстны дѣла плоти* такія и такія, и наоборотъ: *Плоды же духа: любовь* и проч. Но и въ этихъ словахъ мы не должны отчаяваться [увидѣть] послѣдовательность, потому что историческія книги Божественныхъ Писаній содержатъ указаніе на дѣла плоти; но онѣ не очень много помогаютъ тѣмъ, которые понимаютъ ихъ такъ, какъ написано. Въ самомъ дѣлѣ, кто не научится воздержанію и не станетъ считать блудодѣйство за ничто, когда прочитаетъ объ Іудѣ, входящемъ къ непотребной женщинѣ и о

патріархахъ, имѣвшихъ по нѣскольку женъ (*Быт.* XXVIII)? Какимъ образомъ не склонится къ идолослуженію тотъ, который будетъ думать, что кровь тельцовъ и прочія жертвы книги Левить имѣютъ значеніе не больше того, какъ показано буквою [Закона]? А что касается вражды, то ей научаетъ открыто выраженное слово Писанія, и она одобряется слѣдующимъ мѣстомъ: *Презрѣнная дочь Вавилона! Блаженъ тотъ, кто воздастъ за дѣяніе твое, которое ты сдѣлала намъ; блаженъ тотъ, кто возьметъ и разобьетъ дѣтей твоихъ о камень* (*Псал.* CXXXVI, 8, 9), а также и слѣдующимъ: *Утромъ я истреблю всѣхъ грѣшниковъ земли* (*Псал.* С, 8) и прочими сему подобными,—именно: говорящими о враждѣ, ревности, гнѣвѣ, спорахъ и несогласіяхъ. Если мы не будемъ имѣть болѣе возвышенныхъ чувствованій, то примѣры прошедшей жизни къ этому скорѣе побуждаютъ насъ, чѣмъ удаляютъ отъ этого. И самыя ереси имѣютъ своимъ источникомъ скорѣе плотское разумѣніе Писанія, чѣмъ дѣйствіе нашей плоти, какъ думаютъ очень многіе. Кромѣ того чрезъ букввальное пониманіе Закона мы научаемся зависти и невоздержности въ питіи. Ной послѣ потопа подвергается опьяненію такъ же, какъ и патріархи у брата Юсифа въ Египтѣ (*Быт.* IX и XLIII). А въ книгѣ Царствъ изображено излишество въ пищѣ, а также плясаніе Давида и его игра на тимпанахъ предъ ковчегомъ Завета Божія (1 *Цар.* VI) и тому подобное. Спрашивается: какимъ образомъ простое слово Писанія, называемое плотію, будетъ призывать насъ къ чародѣйству и злодѣяніямъ, если мы перейдемъ къ духу того же Писанія. Я думаю, что это и значить то, что Даниль и три отрока оказались въ десять разъ мудрѣе волхвовъ и гадателей Газаренскихъ и Халдейскихъ, а Моисей—наставленнымъ во всей мудрости и наукѣ Египетской. Посему если кто-либо пребываетъ въ плотскомъ разумѣніи Писанія, то это бываетъ причиною многихъ золъ. Дѣлающіе это не наслѣдуютъ

царства Божія. Итакъ, будемъ искать духа и плодовъ Писанія, которые не называются [у Апостола] извѣстными. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, плоды духа въ Писаніяхъ обрѣтаются съ великимъ трудомъ и усиліями и надлежащимъ изученіемъ. Посему, мнѣ кажется, Апостоль Павелъ осмотрительно и осторожно сказалъ о плотскомъ смыслѣ Писанія: *А дѣла плоти извѣстны (Галат. V, 19)*, но относительно плодовъ духовныхъ не сказалъ, какъ тамъ: *Извѣстенъ плодъ духа*, а сказалъ такъ: *Плодъ же духа есть любовь, радость, миръ* и проч. (*Гал. V, 22*). Поэтому если мы, оставивъ образы, перейдемъ къ истинѣ и духу Писанія, то тотчасъ же намъ откроется прежде всего любовь, и, переходя отъ нея къ радости, мы приходимъ къ миру, чрезъ который наслѣдуемъ терпѣніе. И кто не научится милосердію и добротѣ, когда пойметъ, что обращенныя чрезъ пророковъ къ народамъ и кажущіяся нѣкоторымъ тяжкими въ Законѣ наказанія, то есть войны, истребленіе народовъ и угрозы имъ, являются скорѣе врачевствами, чѣмъ наказаніями? Ибо Господь будетъ гнѣваться не вѣчно (*Ис. LVII*). Итакъ, когда это сдѣлается для насъ явнымъ, то мы будемъ имѣть болѣе разумную вѣру, воздержаніе будетъ сопутствовать улучшившимся нравамъ; за этимъ послѣдуетъ умѣренность и непорочность, и послѣ этого Законъ станетъ для насъ всемъ.“ До этого мѣста Оригенъ. Къ этимъ словамъ его мы можемъ прибавить свою мысль о томъ, что люди призванные отъ рабства Закона къ свободѣ Евангелія (которымъ выше сказано: *Стойте и не прикрѣпляйтесь снова къ ярму рабства*) и нынѣ убѣждаются къ тому, чтобы, принявъ иго Христова и сладостныя заповѣди Евангелія, они всемъ не думали, что имъ позволено пользоваться этою самою свободою жизни въ поводъ для [похотей] плоти, — именно: чтобы жить по плоти, чтобы обрѣзываться по плоти; но чтобы они предпочитали твердо стоять въ духѣ, духовно отсѣбать крайнюю плотъ и, простираясь въ высшія

области духа, оставлять неизменную сторону буквы. Но это можетъ быть понято и иначе. Можетъ быть, кто-нибудь скажетъ: „Павель! я пересталъ быть подъ Закономъ и отъ рабства призванъ къ свободѣ; поэтому я долженъ жить такъ, какъ это прилично свободѣ и не держаться какихъ бы то ни было заповѣдей, но дѣлать, исполнять и слѣдовать тому, что только мнѣ понравится и что подскажетъ воля“. На это Апостолъ отвѣчаетъ: „Правда, мы призваны къ духу свободы, но такъ, что самая свобода не должна быть въ рабствѣ у плоти. И не будемъ думать, что намъ всё позволительно, все возможно. Посему лучше, чтобы мы, переставъ быть рабами Закона, предпочитали взаимное служеніе себѣ чрезъ любовь такъ, чтобы заповѣди отрывочно по частямъ выраженного Закона заключались въ одной главѣ о любви.

Стихъ 14: *Но любовью служите другъ другу, ибо весь Законъ исполняется въ одномъ словѣ: Возлюби ближняго твоего, какъ самого себя.*—Такъ какъ онъ сдѣлался свободенъ отъ всего, то вслѣдствіе любви сдѣлался рабомъ всѣхъ, чтобы пріобрѣсти многихъ (1 Коринт. XIII, 11); поэтому онъ прямо убѣждаетъ и остальныхъ, чтобы и они служили другъ другу (sibi) любовью, которая не ищетъ своего и того, что принадлежитъ ближнему. Въ самомъ дѣлѣ, кто хочетъ быть первымъ, тотъ будетъ всемъ рабъ (Марк. X, 44), подобно тому, какъ и Спаситель бывший въ образѣ Бога не почиталъ хищеніемъ быть равнымъ Богу, но умиралъ Себя, принявъ образъ раба и будучи по виду подобенъ людямъ, смирилъ Себя Самою, сдѣлавшись послушнымъ даже до смерти, смерти же крестной (Филипп. II, 6—8). Такъ и мы прежде, подъ Закономъ, въ силу необходимости, повидимому, дѣлали нѣчто, а теперь знаемъ,—когда мы свободны,—что это же должно дѣлать преимущественно въ силу любви. Любовь же настолько прекрасна, что стоитъ во главѣ всего Закона. Апостолъ и въ другомъ

мѣсть исчисляетъ блага любви, говоря: *Не ревнуетъ, не дѣлаетъ неправильно* (1 Корнѳ. XIII, 7, 8). И указавъ на многое [другое] въ срединѣ, оканчиваетъ такъ: *На все надѣется, все переноситъ, любовь никогда не прекращается*. И Спаситель въ Евангеліи говоритъ, что признакъ Его ученика обнаруживается въ томъ, что [имъ: если] онъ любить ближняго своего. И по моему мнѣнію это пригодно не только для людей, но даже и для ангеловъ. То же самое говорится и въ другихъ словахъ: *Если вы не хотите, чтобы что-нибудь было сдѣлано вамъ, то не дѣлайте этого и другимъ, и если хотите, чтобы люди вамъ дѣлали что-нибудь, то подобнымъ же образомъ и вы дѣлайте имъ* (Тамъ же VП, 12). Я не хочу, чтобы жена моя была склонена къ прелюбодѣянію, не хочу, чтобы пмущество мое было расхищено, не хочу, чтобы лжесвидѣтельство тяготѣло надо мною и, — обнимая все однимъ краткимъ изреченіемъ, — я незаслуженно несу что-либо сдѣланное мнѣ несправедливо. Если же въ силу дѣйствующей во мнѣ любви я или не желаю того же, или не дѣлаю этого другому, то исполненъ весь Законъ. И не трудно уразумѣть, какимъ образомъ всѣ заповѣди: не убивай, не прелюбодѣйствуй, не врадъ, не лжесвидѣтельствуй, и прочее сему подобное содержатся въ исполненіи заповѣди о любви. Трудно показать, какимъ образомъ также и жертвы, предписанныя въ книгѣ Левитъ, и воздержаніе отъ [извѣстной] пищи, а съ другой стороны разрѣшеніе на нее, — т. е. когда одно считается нечистымъ, а другое чистымъ, — и непрерывный годичный кругъ празднествъ могутъ быть сведены къ одной заповѣди о любви, если только можетъ быть кто-нибудь не перейдетъ къ тому, чтобы утверждать, что Законъ духовенъ и что мы служили образамъ и примѣрамъ небеснаго, пока не явится истинный Первосвященникъ, Который, принесши Себя Самого въ жертву одинъ разъ, искупилъ насъ Своею кровію, и такимъ образомъ вся истина и трудность прежняго Закона

была исполнена въ Его любви къ людямъ; въ самомъ дѣлѣ, Отець такъ возлюбилъ міръ, что Возлюбленнаго Единороднаго Сына Своего предалъ за насъ. А тому, кто уже живетъ въ духѣ и умертвилъ дѣла плоти и возлюбленный Спасителемъ называется уже не рабомъ, а другомъ, Законъ больше не дѣйствителенъ,—[Законъ] который предназначенъ для грѣшниковъ, нечестивыхъ, непокоряющихся и непотребныхъ. Нынѣ же, когда все, что было болѣе труднымъ, мы по крайней мѣрѣ въ нѣкоторой части исполнили, мы не исполняемъ только одного того, что въ самомъ дѣлѣ легко, и безъ чего все, исполненное нами, тщетно. Тѣло претерпѣваетъ непріятности поста, бдѣнія измучиваютъ плоть, мыслыни выпрашиваются съ насиліемъ (*cum labore*); и хотя была бы и пламенная вѣра, въ мученичествѣ кровь проливается со страхомъ и страданіями. Есть такіе, которые все это переживаютъ (*faciant*); только одна любовь обнаруживается безъ страданія. И такъ какъ только она одна дѣлаетъ сердце чистымъ, то со стороны діавола изгоняется изъ насъ, чтобы мы не созерцали Бога чистымъ сердцемъ. Ибо когда я, сидя, наговариваю противъ брата своего и для сына матери моей поставляю соблазнъ (*Псал. XLIX, 20*), когда я терзаюсь чужимъ счастіемъ, и благо другого считаю для себя зломъ, то развѣ не исполняется на мнѣ то, что сказано въ слѣдующихъ словахъ: *Если вы будете себя взаимно убивать и поодать, то смотрите, чтобы не истребить себя взаимно.* Любовь является рѣдкою принадлежностію. Кто захочетъ самъ быть отлученнымъ отъ Христа за братій своихъ, подражая Апостолу? Кто, радуясь съ радующимися и плача съ плачущими, бываетъ пораженъ чуждою раною? Кто бываетъ пораженъ смертію своего брата? Всѣ мы любимъ болѣе себя самихъ, чѣмъ Бога. Посмотри какія блага проистекаютъ отъ любви. Если мы претерпѣваемъ мученичество такъ, что хотимъ только почитанія отъ другихъ нашихъ останковъ; если мы, слѣдуя

мнѣнію толпы безтрепетно пролили кровь и роздали свое имущество до того, что сдѣлались бѣдными, то за такое дѣло слѣдуетъ не столько награда, сколько наказаніе, и скорѣе мученіе за вѣроломство, чѣмъ вѣнецъ за побѣду.

Стихъ 15: *Посему, если вы взаимно будете убивать и поодать себя, то смотрите, чтобы вы взаимно не истребили себя.*—Это можетъ быть понято и просто: чтобы мы не поносили ругательствами другъ друга, не думали отмщать проклинающему насъ, не желали опечаливать другихъ, находясь въ огорченіи и подобно дикимъ звѣрямъ кусать и подвергаться укушеніямъ, такъ что послѣ укушенія слѣдуетъ смерть и пстреленіе. Но гораздо лучше, если мы будемъ понимать такъ, чтобы все сказанное относить къ обрѣзанію и соблюденію Закона, для того, чтобы вопреки смыслу и послѣдовательнымъ разсужденіямъ всего посланія не представить [Апостола] Павла обратившимся внезапно къ чрезвычайнымъ наставленіямъ. Если,—онъ говоритъ,—васъ возмущаютъ другіе, то и вы будете возмущены; если вы, читая все ветхозавѣтное Писаніе, будете понимать такъ, какъ и написано: *Око за око, зубъ за зубъ* (Втор. XIX, 21), [т. е.] что гнѣвъ желаетъ мщенія, а мщеніе причиняетъ страданіе, потому что Законъ не только не возбраняетъ, но даже предписываетъ воздаяніе, равномѣрное обидѣ; то слѣдуетъ, что и лишенный одежды можетъ ее снимать [съ другого] и получившій рану—наносить ее и пожираемый—пожирать; и такимъ образомъ то, что повидимому является справедливостію, есть истребленіе, такъ какъ не оплачивается только одному, а [напротивъ] пожираетъ оно обоихъ.

Стихъ 16: *Я же говорю: ходите въ духъ и не удовлетворяйте похотей плоти.*—И эти слова въ соотвѣтствіе съ вышесказаннымъ должно понимать въ двоякомъ смыслѣ; такъ что мы можемъ сказать, что тѣ, которые духомъ умертвили дѣла плоти и носѣяли въ духѣ, чтобы отъ духа позвать жизнь вѣчную, какъ только чувствуютъ щекотаніе

плотской похоти, не удовлетворяютъ ея пожеланію (которое, будучи исполнено на время, повидимому, ласкаетъ насъ), но обуздываютъ его духомъ и, по словамъ историка (Саллюстія) „живутъ преимущественно властію духа, а рабствомъ плоти“. Сверхъ того Законъ духовенъ (*Рим. л. VП, 14*) и не тотъ Іудей, который [таковъ] открыто, но который есть Іудей въ тайнѣ, и обрѣзаніе есть обрѣзаніе сердца въ духъ, а не по буквѣ; такъ что мы утверждаемъ, что тѣ не удовлетворяютъ плотскимъ пожеланіямъ, которые духовно вышли изъ Египта и черпали духовную пищу и питіе отъ духовнаго камня, которые не осуждаютъ за пищу или питье, или какое-нибудь участіе въ праздникѣ, или за новомѣсячія, или за субботы, но которые ходятъ во всемъ духовно, не удовлетворяя пожеланіямъ Закона плоти или буквы, а пожиная плоды духовнаго разумѣнія. Нѣкоторыми относительно этого мѣста предложено и третье толкованіе, которое однако мало отстываетъ отъ второго: они утверждаютъ, что похоть плоти есть въ тѣхъ, которые еще младенцы во Христѣ. А путь духовный обрѣтается въ мужахъ совершенныхъ, такъ что смыслъ мѣста такой: Ходите въ твердой увѣренности духа, т. е. путемъ мужа, и не удовлетворяйте дѣтскимъ пожеланіямъ.

Стихъ 17: *Ибо плоть обнаруживаетъ похоть вопреки духу, а духъ—вопреки плоти; такъ что вы не дѣлаете того, чего желаете.*—Плотъ услаждается настоящимъ и кратковременнымъ, а духъ будущимъ и вѣчнымъ. Между этою враждою посредникомъ стоитъ душа, которая дѣйствительно имѣетъ въ своей власти добро и зло, хотѣніе и нехотѣніе, но она не имѣетъ въ своей власти хотѣть или не хотѣть одного и того же, потому что можетъ быть такъ, что хотя она соглашается съ плотію и дѣлаетъ дѣла ея, но потомъ, терзаемая раскаяніемъ, снова вступаетъ въ союзъ съ духомъ и дѣлаетъ его дѣла. Вотъ это и значать его слова: *Дѣйствительно они противодѣйствуютъ взаимно*

другъ другу, т. е. духъ и плоть, такъ что вы не дѣлаете того, чего желаете, не потому, что это наша свободная воля побуждаетъ соглашаться то съ духомъ, то съ плотію, а потому, что это дѣйствіе въ собственномъ смыслѣ не наше, а именно (*ipsum*) должно считаться дѣломъ или плоти, или духа. Но дѣло великой трудности и весьма спорное дѣло, послѣ указанія дѣлъ плоти и духа, открыть нѣкоторыя посредствующія дѣла, которыя, повидимому, не относятся ни къ плоти, ни къ духу. Мы называемся плотскими, когда мы всецѣло предаемъ себя во власть удовольствій; а духовными— тогда, когда слѣдуемъ за водящимъ насъ духомъ Святымъ, т. е. когда мудствуемъ по Его наставленію и научаемся отъ Него Самого. А душевные это, по моему мнѣнію, философы, которые считаютъ мудростію собственныя измышленія, о которыхъ справедливо говорится: *Душевный же человекъ не принимаетъ того, что отъ Духа Божія, потому что это для него неразуміе*. А чтобы это было яснѣе возьмемъ нѣкоторый примѣръ: Плоть пусть называется землею, душа— золотомъ, а духъ огнемъ. Пока золото будетъ въ землѣ, оно утрачиваетъ свое имя и называется именемъ земли, съ которою смѣшано, но когда оно отдѣлено отъ земли, тогда оно получить и видъ, и наименованіе золота, и въ дѣйствительности называется золотомъ, хотя еще не испытаннымъ. Но если оно будетъ выжжено и очищено чрезъ огонь, то оно пріобрѣтаетъ блескъ золота и достойную его красоту. Подобно этому и душа, находящаяся между землею и огнемъ, т. е. стоящая между плотію и духомъ; когда она предалась плоти, то называется плотію, когда—духу, то—духомъ. Поэтому если она полагается на собственныя мысли и думаетъ, что безъ благодати Святаго Духа обрѣла истину, то будетъ называться именемъ душевнаго человѣка. Это мѣсто можетъ быть объяснено и иначе и представлять какъ бы цѣлостный рядъ или тѣло, взаимно связующее себя и не противорѣчащее самому себѣ. Братіе! вы призваны отъ раб-

ства Закона къ свободѣ Евангелія. Но заклинаю васъ, не злоупотребляйте свободою для своевольтва и не воображайте, что вамъ полезно все то, что позволительно (возможно—*licent*), и не подавайте повода плоти и ея излишествамъ. Поэтому лучше узнайте, что этого рода свобода является гораздо большимъ служеніемъ [рабствомъ], потому что прежде Законъ требовалъ [отъ васъ] послушанія противъ воли (*ab invitis*), а теперь по побужденію любви вы служите себѣ взаимно; хотя вся оная тяжесть Закона и [его] многочисленныя заповѣди не столько исключены благодатію Евангелія, сколько сокращенно представлены въ единомъ словѣ о любви: чтобы мы любили ближняго своего, какъ самихъ себя. Въ самомъ дѣлѣ, кто любитъ ближняго своего, тотъ исполняетъ Законъ (*Мѡ. XII, 37—40*), доставляя ему благо и не принося зла. Посему, если прекратится любовь (*dilectio*) и не будетъ благорасположенія (*charitas*), то между людьми будетъ происходить нѣкоторое общественное разбойничество, такъ что, взаимно свирѣпствуя другъ противъ друга и грызя самихъ себя, [люди] истребляются другъ другомъ. А вы, братіе, такъ какъ вы должны жить по духовному Закону, не удовлетворяйте пожеланіямъ, которыя исходятъ отъ плоти. Въ самомъ дѣлѣ, плоть боится холода, гнушается голода, истощается безсонницею, разгорячается отъ похотей и желаетъ чего-нибудь нѣжнаго и пріятнаго. Наоборотъ, духъ стремится къ тому, что противно плоти, и что можетъ ослабить ее. И вотъ дѣло обстоитъ такъ, что вы не должны себя считать свободными потому, что вы перестали быть подъ рабствомъ Закона; а должны знать, что вы больше удерживаетесь закономъ природы, потому что если Законъ не требуетъ, то природа не тотчасъ умолкла [съ требованіемъ того], чтобы дѣла не шли въ соотвѣтствіе именно съ вашимъ желаніемъ; наоборотъ, вы часто призываетесь къ совершенію того, чего не хотите дѣлать, такъ какъ плоть противоборствуетъ духу. Посему, братіе,

заклинаю васъ не давать свободы своей въ поводы для [похотей] плоти, а предпочитать служеніе (*magis serviatis*) духу, чтобы начать дѣлать то, чего желаете и ни въ чемъ не быть должными предъ Закономъ, т. е. не быть въ подчиненіи плоти; потому что вы тогда по истинѣ будете имѣть въ Евангеліи свободу отъ уничтоженнаго Закона, когда плоть совсѣмъ не будетъ побуждать васъ дѣлать то, чего вы не желаете, но, служа духу, вы научитесь тому, что вы не подъ Закономъ. А такъ какъ выше это мѣсто мы начали излагать соотвѣтственно двоякому значенію, то должны прибавить то, что пропустили. Плоть обнаруживаетъ похоть вопреки духу, т. е. событія прошедшей жизни и плотское разумѣніе Писанія возстаетъ противъ таинственнаго смысла и духовнаго ученія. А духъ—противъ плоти, т. е. болѣе возвышенное сопротивляется низверженному, вѣчное—кратковременному, а истина—тѣни. И плотскій смыслъ Писанія, который не можетъ быть выполненъ (потому что мы не въ силахъ исполнить все то, что написано), показываетъ намъ, что мы поставлены въ невозможность исполнить Законъ, такъ какъ даже если бы мы хотѣли слѣдовать буквѣ, насъ не допускаетъ [къ тому] невозможность.

Стихъ 18: *Посему если вы водитесь Духомъ, то вы уже не подъ властію Закона.*—Это не тотъ духъ, о которомъ Апостоль говоритъ въ другомъ мѣстѣ: *Самъ Духъ подаютъ свидѣтельство духу нашему, что мы—чада Божіи (Римл. VIII, 16)*, т. е. обозначаетъ не духъ чело-вѣка, который въ немъ, а Духа Святаго, слѣдуя Которому, мы дѣлаемся духовными и перестаемъ быть подъ властію Закона. Итакъ нужно замѣтить, что этотъ духъ называется не съ граматическимъ членомъ или съ какимъ-либо другимъ требованіемъ, какъ это мы читаемъ въ другихъ мѣстахъ, напр., о духѣ кротости, о духѣ вѣры, а просто: *Духъ*. Впрочемъ, эта подробность имѣетъ нѣкоторое значеніе

больше на греческомъ языкѣ, чѣмъ на нашемъ, который совсѣмъ не имѣеть никакого члена. По поводу этого мѣста является вопросъ: „Если тотъ, кто руководствуется Духомъ, не находится подъ властію Закона, то Моисей и [другіе] пророки дѣйствовали ли въ Духѣ и жили ли [вмѣстѣ съ тѣмъ] подъ Закономъ? Но это Апостолъ отрицаетъ. Или же они, имѣя Духа, не были подъ Закономъ? На это Апостолъ даетъ [какъ будто] утвердительный отвѣтъ. Или,—въ третьихъ,—можетъ быть они жили подъ властію Закона, но не имѣли Духа? Но думать такъ о таковыхъ мужахъ нечестиво. На это мы отвѣтимъ кратко: Не одно и то же быть подъ Закономъ и быть какъ бы подъ Закономъ, такъ же какъ не одно и то же быть въ подобіи плоти грѣховной и быть въ плоти грѣховной. И не одно и то же значить настоящій змѣй и подобіе мѣднаго змѣя, котораго Моисей повѣсилъ въ пустынь (*Числ. XXI*). Отсюда слѣдуетъ, что и святые пророки и Моисей, ходившій въ Духѣ и жившіе въ Духѣ, жили не подъ Закономъ, но только какъ бы подъ Закономъ, съ тѣмъ, чтобы, повидимому, быть подъ Закономъ для пріобрѣтенія тѣхъ, которые были подъ Закономъ, и для призванія ихъ отъ низменности буквы къ высотѣ духа. Ибо и Павелъ, бывшій для Іудеевъ Іудеемъ и для всѣхъ всѣмъ, чтобы пріобрѣсти всѣхъ (1 *Корнѳ. IX, 22*) не сказалъ: *Былъ подъ Закономъ*, но: *Былъ какъ бы подъ Закономъ*, чтобы показать, что онъ сохранялъ не истину Закона, а только подобіе его. Кажется, что мы разрѣшили предложенный вопросъ. Но какъ намъ поступить съ тѣмъ мѣстомъ въ посланіи Павла, которое говоритъ: *Когда же наступило исполненіе времени, послалъ Богъ Сына Своего, рожденнаго отъ жены бывшаго подъ Закономъ, чтобы искупить тѣхъ, которые были подъ Закономъ* (*выше IV, 4*)? Въ самомъ дѣлѣ, если Христосъ былъ подъ Закономъ, а не какъ бы подъ Закономъ то все предшествующее разсужденіе наше не имѣеть значенія. Но и это возра-

женіе разрѣшается самымъ своимъ смысломъ (de suo loco); потому что Тотъ, Который былъ подъ Закономъ, чтобы искупить бывшихъ подъ Закономъ, конечно, подчинился Закону по своей волѣ, такъ какъ былъ свободенъ отъ Закона, и [конечно] былъ гораздо свободнѣе Павла, который засвидѣтельствовалъ, что онъ былъ не подъ Закономъ, а какъ бы подъ Закономъ. И какъ Онъ ради насъ сошелъ въ пучину и бездну смерти,—насъ, вопіющихъ въ молитвѣ: *Кто освободитъ насъ отъ тѣла этой смерти* (de corpore huius mortis) (*Римл. VП, 14*),—такъ Онъ благоволилъ и родиться отъ жены и быть подъ Закономъ, чтобы спасти тѣхъ, которые были рождены отъ жены и [были] подъ Закономъ. Однако несомнѣнно, что Онъ родился не отъ жены, т. е. не отъ бывшей въ брачномъ состояніи, но отъ Дѣвы. Но Дѣва названа женою несоотвѣтственно [дѣйствительности], ради тѣхъ, которые не знали, что она — Дѣва. Такимъ образомъ, какъ ради тѣхъ, которые полагали, что святая Марія имѣла мужа, Дѣва названа женою; такъ и ради тѣхъ, которые думали, что Христосъ былъ подъ властію Закона, не зная, что Онъ былъ какъ бы подъ Закономъ, ради бывшихъ дѣйствительно подъ Закономъ, говорится, что Онъ былъ подъ Закономъ.

Стихи 19—22: *А дѣла плоти извѣстны до очевидности* (manifesta); *это: блудъ, нечистота, невоздержаніе, служеніе идоламъ, колдовство* (veneficia —отравленіе), *вражды, ссоры, ревность, гнѣвъ, распри, разногласія, раздѣленія* (ереси), *зависть, пьянство, безвременное употребленіе обильной пищи, и тому подобное, о чемъ я предупреждаю, какъ и прежде говорилъ, что дѣлающіе такъ не будутъ обладателями Царства Божія.*—Выше, когда мы дѣлали объясненіе мѣста о плоти и духѣ, мы сказали о троякомъ пониманіи, т. е. плотскіе люди суть или тѣ, которые подобны дѣтямъ и плотяны, и не могутъ воспринимать твердой пищи о Христѣ и питанія совершеннаго воз-

раста, или тѣ, которые по обычаю Іудеевъ слѣдуютъ только дѣйствительно бывшимъ примѣрамъ прошедшей жизни и буквѣ [Писанія], или, безъ сомнѣнія,—въ соотвѣтствіи съ прямымъ смысломъ,—здѣсь говорится о томъ, что въ составѣ человѣка есть плоть и духъ, и по различію сущности [ихъ] бываютъ и дѣла или плотскія, или духовныя. И вотъ теперь называемыя дѣлами плоти, а именно: блудо-дѣяніе, нечистота, невоздержаніе и прочее, указываемое затѣмъ, по моему мнѣнію, скорѣе относится къ пониманію здѣсь просто плоти и духа, чѣмъ къ плоти Закона и младенчеству людей о Христѣ, хотя въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы (выше) перевели слово въ слово разсужденія изъ десятой книги „Стромать“ Оригена, выражено, что можно думать и объ этомъ. Слова же Апостола: *А дѣла плоти извѣстны до очевидности* показываютъ, что эти дѣла пзвѣстны или всѣмъ, потому что они сами по себѣ очевидны, какъ злыя, и тавія, которыхъ должно избѣгать; и очевидны настолько, что даже дѣлающіе ихъ желаютъ скрыть то, что дѣлаютъ. Или же можетъ быть извѣстны они только тѣмъ, которые увѣровали во Христа, потому что многіе изъ язычниковъ полагаютъ славу свою въ своихъ безобразіяхъ и думаютъ, что, если они удовлетворили своимъ похотямъ, то одержали побѣду надъ безчестіемъ [избавились отъ безчестія]. Но также прекрасно и то, что онъ плоти усвояетъ дѣла, а плоды—духу; потому что пороки сами въ себѣ имѣютъ конецъ и погибаютъ, а добродѣтели разрастаются въ обильные плоды. Но не будемъ думать, что и у души нѣтъ никакого дѣла, когда пороки признаются дѣломъ плоти, а добродѣтели усвоятся духу; потому что.—какъ мы выше свазали,—душа, поставленная какъ бы въ нѣкоторомъ промежуткѣ, или присоединяется къ плоти и тогда о ней говорится: *Не будетъ пребывать Духъ Мой въ людяхъ сихъ, потому что они суть плоть* (Быт. VI, 3), или соединяется съ духомъ и тогда становится духомъ, ибо *кто прильпляетъ къ*

Господу, тотъ одинъ и тотъ же духъ есть (1 Корин. VI, 17). Итакъ, первое дѣло плоти есть блудодѣяніе. Поставлено оно, какъ очевидное, въ началѣ, чтобы мы не имѣли сомнѣнія о томъ, что находится въ срединѣ. Дѣйствительно, всё, что ни дѣлаетъ человѣкъ, онъ дѣлаетъ внѣ тѣла, а совершающій блудодѣяніе грѣшитъ противъ своего тѣла [in sinit corporis—въ свое тѣло]. А мы не принадлежимъ себѣ, ибо мы куплены дорогою цѣною и носимъ Бога въ своемъ тѣлѣ. Поэтому блудодѣй совершаетъ бѣльшее [сравнительно съ другими] преступленіе: онъ беретъ члены Христовы и дѣлаетъ ихъ членами блудницы, ибо они двое становятся однимъ тѣломъ. Тотъ, кто не вѣренъ и не вѣруеть во Христа, дѣлаетъ свои члены членами блудницы, а тотъ, кто вѣруеть во Христа, дѣлаетъ членами блудницы члены Христовы. Но я не знаю, наоборотъ, созидаетъ ли своимъ блудомъ, или растлѣваетъ храмъ идола тотъ, который невѣренъ, потому что чрезъ пороки демоны получаютъ даже весьма великое почтеніе. Я знаю одно то, что совершающій блудъ послѣ вѣры во Христа растлѣваетъ храмъ Божій. Второе дѣло плоти называется нечистотою, а ея спутникомъ является воздержаніе. Ибо какъ въ Ветхомъ Завѣтѣ о несказанныхъ преступленіяхъ, которыя совершаются въ тайнѣ, и о которыхъ весьма постыдно говорить,—чтобы не осквернить ни усть говорящаго, ни ушей слушающаго,—Писаніе вообще говоритъ: *Дѣлайте сыновъ Израиля сыновъ стыдливыми предъ всякою нечистотою* (Левит. XV, 31); такъ и въ этомъ мѣстѣ онъ назвалъ воздержностію и нечистотою прочія необыкновенныя дѣянія похоти, даже самыя брачныя отношенія, если они бывають безстыдными и безчестными какъ бы [имъ не слѣдовало быть] предъ очами Божиими для дѣторожденія. Четвертое мѣсто въ спискѣ дѣлъ плоти занимаетъ идолослуженіе. Въ самомъ дѣлѣ, кто однажды предался воздержности и похоти, тотъ не взираетъ на Творца; и иначе: во всякомъ идолослуженіи чело-

вѣкъ услаждается празднествами, удовлетвореніемъ горла, чрева и того, что ниже чрева, а чтобы какъ-нибудь (*forsitor*) не показалось, что въ Новомъ Завѣтѣ не запрещены колдовства и злодѣйскія ухищренія (*artes*), то и они также названы среди дѣлъ плоти. Потому что часто при помощи волшебныхъ средствъ несчастнымъ людямъ случается и влюблять и влюбляться. А какую степень виновности имѣетъ вражда, поставляемая послѣ чародѣйства, это показываетъ ясное представленіе объ очевидности [этого] преступленія. Насколько зависитъ отъ насъ, мы не должны быть ничьими врагами, но со всѣми имѣть миръ. Поэтому, если, говоря истину, мы наживаемъ нѣкоторыхъ враговъ, то являемся не столько ихъ врагами, сколько они являются врагами истины. Вотъ это и говорится въ книгѣ Божія Аврааму: *Буду врагомъ врагамъ твоимъ и буду противиться противящимся тебѣ*, и должно, какъ выше, быть понято въ томъ смыслѣ, что не столько Авраамъ былъ врагомъ для нихъ, сколько они врагами добродѣтелей и вѣры Авраама, по которой онъ послѣ попраиія идоловъ началъ поклоняться познанному имъ Богу. Также и то, что повелѣвается Израилю, именно: чтобы они были врагами Мадіанитянамъ съ ненавистью вѣчною, съ враждою перенесенною на потомковъ (*Числ. XXXI, 17, 18*), говорится какъ бы тѣмъ, которые были подъ руководствомъ воспитателя и заслуживали того, чтобы услышать другое слово: *Ты будешь ненавидѣть врага своего* (*Мѡ. V, 43*). Но можетъ быть здѣсь указывается не столько на вражду лицъ, сколько на несогласіе ихъ нравовъ, такъ что, подобно тому, — какъ Богъ положилъ вражду между женою и змѣемъ, чтобы дружба ихъ не повредила человѣку, — [дружба] изъ-за которой онъ былъ изгнанъ изъ рая, — и между Мадіанитами и Израильтянами скорѣе было различіе въ жизни, чѣмъ то, что одинъ изъ народовъ былъ осужденъ. Седьмое мѣсто между дѣлами плоти занимаетъ вражда: она помѣщена между

пороками на нѣкоторомъ священномъ, какъ бы возвышенномъ мѣстѣ (пшнего): *рабу же Господа не должно начинать ссоры, но быть кроткимъ со всеми, учителемъ терпеливымъ, съ кротостію наставляющимъ даже тѣхъ, которые противятся* (2 Тимов. II, 24, 25). Послѣ вражды восьмымъ порокомъ выступаетъ ревность, которая лучше обозначается и точнѣе называется греческимъ словомъ ζήλος; я не знаю, кто изъ насъ свободенъ отъ этого зла. Въ самомъ дѣлѣ, ревность высказывали и патріархи въ отношеніи къ брату своему Іосифу; и Марія, и Ааронъ,—пророчица и священникъ Божій,—были охвачены этою страстію въ отношеніи къ Моисею (*Быт. XXXVii* и *Числ. XII*), и настолько, что первая, о которой повѣствуетъ Писаніе, говоря такъ: *Марія же пророчица, брося тимпанъ* (*Исх. XV, 20*) и т. д., выброшенная потомъ за предѣлы стана, была поражена болѣзнію проказы и должна была приносить продолжительное покаяніе, въ теченіе семи дней находясь въ отлученіи (*Числ. XII*). Затѣмъ слѣдуетъ гнѣвъ, который не содѣлываетъ правды Божіей (*Іак. I*) и представляетъ видъ ярости. А между гнѣвливіостію и гнѣвомъ обнаруживается такое различіе: гнѣвливіый гнѣвается всегда, а разгнѣванный возбуждается только на время. И я не знаю, можетъ ли кто гнѣвливіый получить въ наслѣдіе царство Божіе, потому что гнѣвающійся отдѣляется отъ царства (*Мѡ. V*). Также и ссоры,—которыя Греки, называя иначе, отмѣчаютъ словомъ ἐριθείας (хотя ссора=гѣханазы вается μάχη=битва),—удаляютъ чловѣка отъ царства Божія. Но есть ссора (ἐριθεία), когда кто-либо, всегда готовый къ противорѣчію, услаждается чужимъ чревомъ (stomacho), спорить съ женскою придирчивостію и вызываетъ къ спорамъ (contendentem=противника). У Грековъ это называется другимъ словомъ φιλονεικία (любовь къ состязаніямъ). Также и несогласія суть дѣла плоти. [Это бываетъ тогда.] когда кто-либо еще несовершенный съ однимъ и тѣмъ же смысломъ и рѣшительно говорить: *Я—Павловъ,*

а я—Аполлоновъ, а я—Кифинъ, а я—Христовъ (1 Корнѣ. I, 12). Но подобнаго рода несогласіе является и въ домашней жизни, именно: раздоры мужа съ женою, отца съ сыномъ, брата съ братомъ, одного раба съ другимъ въ домѣ (conservi ad conservum), одного война съ другимъ, живущимъ съ нимъ въ одной палаткѣ, или одного художника съ другимъ собратомъ по искусству. Иногда бываетъ, что и при истолкованіи Писаній возникаетъ несогласіе, отъ чего являются раздѣленія (ереси), которыя теперь поставляются въ числѣ дѣлъ плоти. Ибо если мудрость враждебна Богу,— [Римл. VIII], —враждебны всѣ лжеученія (dogmata falsitatis) противныя Богу,—то послѣдовательно и враждебныя Богу всѣ раздѣленія [ереси] относятся къ дѣламъ плоти. А слово ересь по гречески происходитъ отъ слова *избраніе*, потому что каждый для себя избираетъ именно то ученіе, которое ему кажется лучшимъ. Такимъ образомъ каждый иначе понимаетъ Писаніе, чѣмъ этого требуетъ разумніе отъ Духа Святаго, по внушенію Котораго оно написано; хотя бы таковой и не отступилъ отъ Церкви, тѣмъ не менѣе онъ можетъ быть названъ отступникомъ (еретикомъ) и [человѣкомъ] дѣлъ плоти, такъ какъ избираетъ худшее. За раздѣленіями слѣдуетъ зависть, которую мы не должны мыслить одинаково съ ревностію, потому что ревность можетъ быть понимаема и въ добромъ смыслѣ; это тогда, когда кто-либо стремится быть ревностнымъ послѣдователемъ того, кто лучше. А зависть мучится благополучіемъ другого и распадается она на двѣ страсти,—именно: когда самъ [завистникъ] находится въ такомъ положеніи, въ которомъ другому быть не желаетъ, или когда онъ видитъ, что другой лучше, то скорбитъ, что онъ ему не подобенъ. Нѣкоторый изъ новѣйшихъ писателей, переводя греческій стихъ осмѣялъ зависть въ слѣдующихъ стихахъ элегическаго размѣра: „Нѣтъ ничего справедливѣе зависти, которая немедленно грызетъ самого виновника [ея] и терзаетъ душу [его]“. И блаженный Кипріанъ напи-

саль великолѣпную книгу о ревности и завистливой злобѣ (de Zelo et Livore); кто ни прочитаетъ эту книгу, тотъ не усомнится причислить зависть къ дѣламъ плоти. А различіе между завистникомъ (invidus) и тѣмъ, кто возбуждаетъ зависть такое: первый завидуетъ тому, кто болѣе счастливъ, а второй самъ терпитъ отъ зависти другого. Четырнадцатое мѣсто между дѣлами плоти занимаетъ пьянство; ибо пьяницы не наследуютъ Царства Божія. И Господь сказалъ ученикамъ Своимъ: *Остерегайтесь, чтобы сердца ваши какъ нибудь не отягчились излишествомъ въ вино и пищу* (Лук. XXI, 34). Виномъ у человѣка извращается смыслъ, ослабляются ноги, мысль расшатывается, возбуждается похоть. Поэтому и Апостоль восклицаетъ: *И вино, въ которомъ распутство* (luxuria *Ефес. V, 18*). Каждый имѣетъ возможность произносить свое мнѣніе (толкованіе). А я слѣдую Апостолу: въ винѣ распутство, въ винѣ пьянство. А что пьянство и распутство считаются въ ряду дѣлъ плоти, этого не можетъ отрицать даже тотъ, кто побѣжденъ этими страстями. И хотя нѣкоторые говорятъ, что я подлежу упрекамъ за ту книгу, которую я написалъ „о соблюденіи дѣвства“, потому что я говорилъ, что юношеству должно избѣгать вина, какъ яда: но я не раскаиваюсь въ этомъ рѣшеніи, потому что мы осудили скорѣе дѣйствіе вина, чѣмъ твореніе Божіе и не дозволяемъ [пить] дѣвицъ, пламенѣющей огнемъ своего возраста, чтобы подъ предлогомъ малаго питья она не выпила больше [чѣмъ можно] и не погибла. Съ другой стороны, мы знали, что вино освящается въ кровь Христову, и Тимоѣю позволено пить [немного] вина. Но опьяненіе можетъ происходить, какъ отъ вина, такъ и отъ другихъ родовъ напитковъ, которые приготовляются разными способами. Поэтому и о святомъ говорится: *Онъ не будетъ пить вина и сикера* (Лук. I, 15). А чтобы кто-либо не вкушающій вина не подумалъ, что ему можно пить что-либо иное, для этого устраняется всякій поводъ, такъ какъ вмѣстѣ съ виномъ

запрещается все то, что может вызывать опьяненіе. Пятнадцатое, оно же и послѣднее между дѣлами плоти есть безвременное употребленіе обильной пищи. *Потому что народъ пльз и пилъ и поднялись, чтобы предатъся играмъ* (Исх. XXXII, 6). Съ опьяненіемъ всегда связано распутство. Нѣкоторый не безызвѣстный ораторъ, когда описывалъ пьянаго пробужденнаго отъ сна, сказалъ: „Пьяный не можетъ ни бодрствовать, ни спать послѣ пробужденія“. Эту мыслью онъ выразилъ то, что пьяный нѣкоторымъ образомъ оказывается ни мертвымъ, ни живымъ. Было долго опредѣлять всѣ дѣла плоти и составлять списокъ всѣхъ пороковъ. Такимъ образомъ, [Апостоль] объединилъ ихъ въ одномъ словѣ всѣ, говоря: *и тому подобное*. О если бы мы столь же легко могли ихъ избѣгать, сколь легко понимаемъ ихъ. *Я предсказываю вамъ,—говорить,—какъ и прежде говорилъ, что оплающіе такія дѣла не могутъ наследовать царствія Божія*. А тамъ, гдѣ прежде онъ предсказывалъ, онъ говоритъ: *Пусть не царствуетъ грѣхъ въ вашемъ смертномъ тѣлѣ такъ, чтобы необходимо было повиноваться похотнымъ его* (Римл. VI, 12). Грѣхъ имѣетъ всѣ тѣ виды, въ указаніи различія между которыми мы теперь задержались можетъ быть долѣе, чѣмъ слѣдуетъ. Итакъ, въ той душѣ, въ которой будетъ царствовать грѣхъ не можетъ быть царства Божія: *Ибо какое общеніе между справедливостію и беззаконіемъ, или какое общеніе между свѣтомъ и тьмою, или какое согласіе между Христомъ и Велиаломъ?* (2 Корнѣ. VI, 14, 15). И мы думаемъ, что наследуемъ Царство Божіе, если будемъ чисты отъ блуда, идолослуженія и колдовства. Но вотъ вражда, споры, гнѣвъ, ссоры, несогласія, а также пьянство и прочее, что мы считаемъ незначительнымъ, удаляютъ насъ отъ Царства Божія. И не важно, исключается ли кто-либо изъ принимающихъ участіе въ блаженствѣ чѣмъ-нибудь однимъ, или многимъ, такъ какъ все одинаково исключаетъ насъ. Въ латинскихъ собраніяхъ св. книгъ въ этомъ

спискѣ пороковъ представляются записанными прелюбодѣйство, нечистота и челоуѣкоубійство. Но должно знать, что (въ греческихъ) дѣль плоти названо не болѣе пятнадцати, о которыхъ мы и разсуждали.

Стихи 22, 23: *Плодъ же духа есть любовь, радость миръ, великодушіе, благосклонность, доброта, вѣра, кротость, воздержаніе. Противъ [дѣль] такового рода нѣтъ закона.*—Что другое между плодами духа должно занимать первое мѣсто, какъ не любовь, безъ которой прочія добродѣтели не считаются добродѣтелями и изъ которой рождается все то, что добро. Дѣйствительно и въ Законѣ, и въ Евангеліи она занимаетъ первое мѣсто: *Возлюби Господа Бога твоего отъ всего сердца твоего, и отъ всей души твоей, и всюю силою твоею и возлюби ближняго твоего, какъ самого себя* (Втор. VI, 5; Мѡ. XXII, 37). Какими благами обнаруживается любовь, это мы и прежде кратко обозрѣли, да и теперь достаточно сказать объ этомъ немногое,—именно, что любовь не ищетъ своего, но чужого (1 Корин. XIII, 4—7). И хотя кто-либо по своему пороку враждебенъ любящему и старается возмутить его спобойствіе бурною ненавистью, однако этотъ послѣдній никогда не смущается, никогда не считаетъ достойнымъ ненависти твореніе Божіе, ибо любовь покрываетъ множество грѣховъ (1 Петр. IV, 18). Это то же самое, что говоритъ Спаситель: *Не можетъ дерево доброе приносить плодовъ недобрыхъ, или дерево недоброе — плодовъ добрыхъ* (Мѡ. V, 18), и что, по моему мнѣнію, произнесено не столько относительно людей, сколько относительно плодовъ духа и плоти, потому что ни духъ никогда не можетъ совершать тѣхъ порочныхъ дѣяній, которыя перечислены среди дѣль плоти, ни плоть не можетъ изобиловать тѣми плодами, которые происходятъ отъ духа. Но вслѣдствіе небрежности обладателя пребывающій въ челоуѣкѣ духъ можетъ и не имѣть свойственныхъ ему (suos) плодовъ, и наоборотъ: плоть можетъ по умерщвленіи дѣль своихъ пере-

стать грѣшить. Однако же они никогда не двинутся впередъ настолько, чтобы находящееся въ небреженіи древо духа стало приносить плоды плоти, и воздѣланное древо плоти произрастило плоды духовные. На второмъ мѣстѣ плодовъ духовныхъ поставлена радость; стоики, проводящіе болѣе тонкое различіе между понятіями, думаютъ, что радость (*gaudium*) есть нѣчто другое сранительно съ удовольствіемъ (*laetitia*) ибо радость, говорятъ они, есть возвышеніе духа надъ тѣмъ, что достойно радующагося, а удовольствіе (веселость) есть неудержимый подъемъ духа, который не знаетъ мѣры и радуется даже тому, что заключаетъ въ себѣ примѣсъ порока. Другіе же полагаютъ, что отъ радости проистекаетъ удовольствіе (*voluptas* — наслажденіе), не то, которое возбуждаетъ тѣло къ похоти, ласкаетъ чувство и ласкается пріятнымъ возбужденіемъ чувствъ, а другое подобное (*εὐφροσύνη*) тому, которое неумѣренно и неприлично прорывается въ смѣхъ. Если это вѣрно, и если такое различіе между словами правильно, и не вводитъ въ заблужденіе, то обратимъ вниманіе на то, что можетъ быть. потому и сказано: *Не должно радоваться нечестивымъ, говоритъ Господь (Ис. LVII, 21)*. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нужно замѣтить и то, что послѣ любви [на второмъ мѣстѣ] слѣдуетъ радость. Въ самомъ дѣлѣ, если кто любитъ кого-либо, то всегда радуется его радостію, и если увидитъ, что онъ охваченъ какимъ-либо заблужденіемъ и палъ на скользкомъ пути грѣха, то будетъ также скорбѣть и попытается вырвать его оттуда. Но онъ не можетъ радость замѣнить скорбію, ибо знаетъ, что ни одна изъ разумныхъ твореній Божіихъ не погибаетъ у Бога навсегда. Третій плодъ духа есть миръ, отъ [имени] котораго Соломонъ бывшій прообразомъ Христа, получилъ имя. И о Церкви Псалмопѣвецъ восклицаетъ: *Было въ мирѣ мѣсто его (Псал. LXXV, 2)*. И среди восьми благословеній [блаженствъ] Евангельскихъ пишется: *Блаженны миротворцы, потому что они назовутся сынами Божиими (Мѡ. V, 9)*. Также

и въ первомъ степенномъ Псалмѣ поется: *Съ ненавидящими миръ я былъ въ миръ* (Псал. СХІХ, 6). И не будемъ думать, что миръ должно искать только въ томъ случаѣ, когда мы не ссоримся съ другимъ человѣкомъ, но миръ Христовъ, т. е. наслѣдіе наше, бываетъ съ нами тогда, когда спокойная мысль не возмущается никакими страстями. Послѣ мира слѣдуетъ великодушіе, или терпѣніе, потому что слово μακροθυρία мы можемъ понимать и въ томъ и другомъ смыслѣ. Ему противоположно малодушіе (pusillanimitas) [или: робость], о которой пишется: *Малодушный очень неразуменъ, а тотъ, кто по истинѣ терпѣливъ и все переноситъ, есть мужъ мудрый* (Еккл. VП, ?), и называется съ усиленіемъ значенія: *много мудрый*, какъ написано это и въ Притчахъ: *Великодушный мужъ великій въ премудрости* (Притч. XIV, 29). Благосклонность же, или добросердечіе,—ибо у грековъ χρηστότης имѣетъ то и другое значеніе,—есть добродѣтель кроткая, нѣжная и удобная къ участію во всѣхъ добродѣтеляхъ, приглашающая къ родственной близости, сладостная въ собесѣдованіи и умѣренная въ поведеніи. Кромѣ того и стойки такъ опредѣляютъ ее: „Благосклонность есть добродѣтель, добровольно расположенная къ доброму дѣйствованію. Отъ благосклонности немногимъ отличается доброта, потому что и она, повидимому, расположена къ добродѣланію. Но отличаются онѣ въ томъ, что доброта можетъ быть печальнѣе, съ челомъ покрытымъ морщинами отъ строгости нравовъ, отъ стремленія дѣйствовать именно хорошо и доставлять все, чего просятъ, не обнаруживая въ то же время пріятнаго сообщества и не привлекая къ себѣ всѣхъ своимъ любезнымъ обхожденіемъ“. Послѣдователи Зенона также опредѣляютъ ее такимъ образомъ: „Доброта есть добродѣтель, которая полезна“, или: „добродѣтель, отъ которой происходитъ польза“, или: „добродѣтель сама по себѣ“, или: „душевное движеніе, которое есть источникъ пользы“. Между плодами духа седьмое и священнѣйшее мѣсто занимаетъ вѣра, которая

даже и въ другомъ мѣстѣ полагается въ числѣ трехъ: вѣра, надежда, любовь. Неудивительно, если въ этомъ спискѣ не указывается *надежда*; дѣйствительно, вѣдь въ вѣрѣ дается то, что служить содержаніемъ надежды, и Апостоль въ посланіи къ Евреямъ такъ опредѣляетъ ее: *Вѣра есть существенное содержаніе* (substantia—ὀψοστασις) *вещи, на которыя должно надѣяться, и доказательство тѣхъ, которыя еще не являются* (Евр XI, 1). Дѣйствительно, тѣмъ, на что мы надѣемся, что оно имѣетъ придти, и чего еще нѣтъ въ настоящемъ, мы владѣемъ по вѣрѣ, надѣясь, что мы уже держимъ то, во что вѣруемъ. Является также вопросъ: Какимъ образомъ вѣра заключается (posita est) въ любви? Тотъ, кто любитъ, никогда не думаетъ, что онъ понесетъ ущербъ: онъ никогда не подозрѣваетъ ничего другого, кромѣ того, что онъ любитъ и что его любятъ. А когда любовь устранится, то вмѣстѣ съ тѣмъ устранится и вѣра. Послѣ вѣры Апостоль называетъ *кротость*, которая противоположна гнѣву, раздорамъ, несогласіямъ. Она никогда не вызывается къ дѣйствіямъ, противоположнымъ ея существу, порождая истинно добрые плоды отъ добраго дерева духа. Черезъ нее рабъ Божій Моисей удостоился получить свидѣтельство Писанія, которое говоритъ: *Моисей былъ кротокъ болѣе всѣхъ людей на землѣ* (Числ. XII, 3). „На землѣ“, говоритъ оно; но онъ не могъ быть выше тѣхъ, которые созерцали Бога лицомъ къ лицу, потому что мы часто побуждаемся сдѣлать многое по немощи плоти. Также и о Давидѣ Духъ Святой въ прообразъ Имѣющаго придти [на землю] поетъ: *Помяни, Господи, Давида и всю кротость его* (Псал. CV, 1), хотя многіе думаютъ,—да и мы этого не отрицаемъ,—что онъ изрекъ это о Господѣ нашемъ пророческимъ духомъ. Его кротость въ отношеніи къ Саулу, Авесалому и Семею даже ясно оно [Писаніе] показало (1 Цар. XXIV; 2 Цар. XV); такъ какъ одинъ хотѣлъ его убить; другой, замышляя новыя дѣла, хотѣлъ обманомъ лишить его

власти, а третій, бросая въ него камни и, развѣвая надъ нимъ пыль, съ крикомъ гналъ его: *Выходи, выходи, человекъ беззаконный* (2 Цар. XV, 7). Послѣднимъ среди плодовъ духа называется воздержаніе. Подъ нимъ мы должны разумѣть не только цѣломудріе, но и воздержаніе въ пищѣ и питіи, въ гнѣвѣ и движеніяхъ ума и увлеченіяхъ плотскими пожеланіями. Между скромностію и воздержаніемъ заключается такое различіе. Скромность принадлежитъ людямъ совершеннымъ и высокой добродѣтели (*consummataeque* — законченной), о которыхъ Спаситель говоритъ: *Блаженны кроткіе, потому что они будутъ обладать землею* (Мѡ. V, 4) и о Себѣ Самомъ: *Научитесь отъ Меня, что Я—кровокъ и смиренъ сердцемъ* (Мѡ. XI, 29). А воздержаніе находится на пути къ добродѣтели, но не достигло ея вершины, потому что въ томъ, кто еще воздерживается зарождаются похоти отъ помысловъ и оскверняютъ главную часть души, хотя и не одерживаютъ побѣды и не увлекаютъ имѣющаго помыслъ къ дѣйствию. Воздержаніе же необходимо не только въ пожеланіяхъ и похоти, но и въ трехъ остальныхъ возмущеніяхъ [духа], т. е. въ скорби, радости и страхѣ. На этого рода плоды духа нѣтъ Закона, ибо *праведнику Законъ не положенъ, но неправедникамъ непокоряющимся, нечестивымъ и грѣшникамъ* (1 Тимоѡ. I, 9). Законъ говоритъ мнѣ: *Не прелюбодѣйствуй, не убивай, не произноси лжесвидѣтельства, не обмѣливай, не желай чужого, не будь клятвoprеступникомъ, не крадь* (Исх. XX, 12 и дал.). Если я не дѣлаю всего этого, такъ какъ въ душѣ моей царствуетъ плодъ духа—любовь, то для меня излишни заповѣди Закона. Наконецъ, и мудрые міра сего такъ думали о философіи, что она убѣждаетъ добровольно дѣлать то, что государственные законы побуждаютъ людей дѣлать въ силу необходимости.

Стихъ 24: *А тѣ, которые суть Христовы, распяли плоть свою съ пороками и похотями.*— Оригенъ, связывая

это мѣсто съ вышензложеннымъ, читаетъ это мѣсто такъ: *Законъ нѣтъ противъ такого рода людей, которые распяли плоть Христову съ пороками и похотями*, такъ что не такъ говоритъ онъ, какъ имѣется въ Латинскомъ переводѣ, т. е. не то, что люди Христовы распяли плоть свою съ пороками и похотями, а то, что Христова плоть распята этими [людьми] съ пороками и похотями. И [Оригенъ] спрашиваетъ: какимъ образомъ въ людяхъ, имѣющихъ плоды духа, и переставшихъ быть противниками Закона, распятіе плоти Господней поставляется въ похвалу, когда въ посланіи къ Евреямъ это поставлено людямъ въ порицаніе: *Снова распинающе въ себѣ Сына Божія и имѣюще Его въ позоръ* (Евр. VI, 6). Въмѣсто: *снова распинающе* (gursus crucifigentes) въ Греческомъ языкѣ гораздо лучше употреблено одно слово ἀνασταυροῦντες, которое мы можемъ перевести словомъ recrucifigentes (повторяющіе распятіе)¹⁾. Итакъ, прежде всего должно замѣтить, что иное дѣло есть *распять*, а иное: *повторить распятіе*; а затѣмъ то, что не одно и то же значить повторить распятіе Сына Божія и распять плоть Христову съ пороками и похотями. Въ самомъ дѣлѣ, плоть Христова не есть отъ начала и въ собственномъ смыслѣ Сынъ Божій; но Іисусъ Христосъ, такъ какъ Онъ въ началѣ былъ у Отца, Богъ Слово сталъ плотію и уничтожилъ Себя, принимая внѣшній видъ раба, чтобы распять плоть и обезсилить начальства и власти, торжествуя надъ ними на древѣ, такъ что исполнилось извѣстное слово Апостола: *Ибо то, что Онъ умеръ, умеръ для грѣха однажды* (Римл. VI, 10). Итакъ, если тѣла наши суть члены Христовы, слѣдовательно, и плоть наша есть плоть Христова, которую мы распинаемъ, умерщвляя чрезъ нее на землѣ блудъ, нечистоту, страсть, злое желаніе и ску-

1) Оттѣнокъ мысли въ этихъ словахъ трудно передать на русскомъ языкѣ.

Примѣч. переводчика.

пость; и вотъ о насъ говорится съ похвалою,—[о тѣхъ], которые распяли плоть Іисуса Христа съ пороками и похотями, и всегда умерщвленіе Іисуса носимъ вокругъ нашего тѣла, чтобы и жизнь Его ясно проявилась въ нашемъ тѣлѣ. Не малаго труда стоить жить такъ въ этомъ вѣкѣ, чтобы уже нынѣ жизнь Іисуса проявилась въ нашемъ тѣлѣ, ибо такимъ образомъ оживотворены будутъ смертныя тѣла наши чрезъ живущій въ насъ духъ Тамъ, гдѣ Латинскій переводчикъ употребилъ слово vitia, въ Греческомъ читается слово παθήματα, т. е. страсти. И такъ какъ слово *страсть* (страданіе) можетъ обозначать и скорбь, и прочія потребности нашего тѣла, то Апостоль употребилъ осторожно выраженіе *пожеланіе*, чтобы не показалось, что онъ отвергаетъ природу въ духовныхъ мужахъ, но только пороки (ея). Такимъ образомъ и то должно быть указано, что, слѣдую чтенію обычнаго перевода (Vulgatae): *А которые суть Христовы распяли плоть съ пороками и похотями.* мы говоримъ, что они распяли не плоть Христову, а свою собственную. Я почти забылъ о второмъ [т. е. иносказательномъ] толкованіи. Ибо я выше сказалъ, что все слѣдующее должно относить къ Закону и обрѣзанію. Итакъ смыслъ будетъ такой: Тѣ, въ которыхъ есть плодъ духа: любовь, радость и проч., распяли плотское разумѣніе Писанія, которое нынѣ называется плотию Христовою, съ его страстями и пожеланіями, которыя у дѣтей и питающихся молокомъ являются очагомъ грѣховъ (vitium). Тотъ распялъ плоть Христову, который воинствуетъ не по плоти буквального смысла (historiae), но слѣдуетъ преимущественному духу иносказательнаго пониманія.

Стихъ 25: *Если мы живемъ духомъ, то будемъ и ходить духомъ.*—Воспользуемся этимъ свидѣтельствомъ противъ тѣхъ, которые не хотятъ понимать Писаніе духовнымъ образомъ. Но кто же и живетъ духомъ, если не сокровенный человѣкъ нашъ, который иногда живетъ и по плоти.

Но когда онъ будетъ жить по духу, то ходить по духу. Когда онъ пожелаетъ ходить по плоти, то онъ есть живой мертвецъ. Мужъ, совершенный во Христѣ, всегда живетъ по духу: онъ повинуется духу, никогда не живетъ во плоти и наоборотъ: Кто всецѣло отдался плоти и страстямъ, тотъ никогда не живетъ духомъ. Между этими есть средніе, которыхъ мы не можемъ назвать ни духовными, ни плотскими, и которые, колеблясь между добродѣтелями и пороками, иногда (пипс) отвлекаются къ лучшему и суть духъ, а иногда (пипс) опираются на нетвердую почву плоти и суть плоть.

Стихъ 26: *Не будемъ дѣлаться жадными искателями пустой славы, взаимно вызывая раздраженіе и взаимно завидуя.*—Одно Греческое слово *κενόδοξοι*, латинскій переводчикъ выразилъ соединеніемъ трехъ словъ. А сколько значеній и опредѣленій имѣетъ слово *gloria* (слава), доказательствомъ этого служатъ безчисленныя книги мудрецовъ и два свитка Цицерона, которые онъ написалъ о славѣ. А мы, пытающіеся разсуждать не о словопроизводствѣ, а о значеніи смысла Писанія, свяжемъ это мѣсто съ вышешложенными такъ. Если мы живемъ духомъ, то будемъ и повиноваться духу, служа себѣ взаимно не чрезъ Законъ, а любовью. Мы не должны спорить о значеніи Писанія и говорить: „Обрѣзаніе лучше“,—„Нѣтъ! необрѣзаніе“. „Должно презирать буквальный смыслъ (*historia*) и слѣдовать иносказанію“.—„Наоборотъ, иносказаніе безсодержательно и темно и не прикрѣплено ни къ какому основаніямъ истины“. Отсюда и возникають взаимныя недоброежелательства. Онъ говоритъ: *Они хотятъ отдѣлать васъ [отъ насъ], чтобы вы ревностно слѣдовали за ними*, желая не столько учить истинѣ Закона, сколько побѣдить. Но чтобы совсѣмъ не оставить безъ вниманія слово: *слава*, предоставляя мудрецамъ первенство для ихъ бесполезныхъ объясненій, мы покажемъ кое-что изъ св. Писанія. Слово *слава* обозначаетъ

всенародное мнѣніе и похвалу людскую, пріобрѣтенную чрезъ благорасположеніе, какъ сказано: *Но они дѣлаютъ все, чтобы прославляться отъ людей* (Мѡ XXIII, 5) и въ другомъ мѣстѣ: *Какимъ образомъ вы можете въроватъ, добываясь славы другъ у друга* (Іоан. V, 44)? А затѣмъ указываетъ и добрую сторону этого понятія въ томъ же мѣстѣ: *А славы отъ Того, Который есть одинъ не ищите*. Отсюда мы можемъ понять, что одно и то же слово обозначаетъ то добродѣтель, то порокъ. Если я у людей добиваюсь славы, то это порокъ, если же у Бога, то добродѣтель, — ибо Онъ также и призываетъ насъ къ истинной славѣ, говоря: *А тѣхъ, которые прославляютъ Меня, Я прослаблю*. Въ божественныхъ Писаніяхъ слово *слава* имѣетъ еще и другое значеніе, именно: когда взорамъ человѣческимъ представляется нѣчто возвышеннѣйшее и божественное. Напр., слава Господня, явившаяся въ свиніи Господа и въ храмѣ, построенномъ Соломономъ (1 Цар. VIII, 10?). И еще та слава, которая сіяла на лицѣ Моисея, хотя онъ самъ и не зналъ, что его лице было такъ прославлено (Исх. XL, ?). Объ этой славѣ, я думаю, говорить и Апостоль: *Всѣ мы, созерцая лицемъ къ лицу открытую славу Господа, преобразимся въ тотъ же образъ, отъ славы въ славу какъ бы Духомъ Святымъ* (2 Корнѡ. III, 18). И самъ Спаситель названъ *сіяніемъ славы и образомъ существа Божія* (Евр. I, 3). И Стефанъ видѣлъ славу Бога и Іисуса, стоящаго одесную Его (Дѣян. VII, 56). Но да получимъ и мы свободу для изобрѣтенія новыхъ наименованій, потому что, — какъ сказалъ нѣкто, — для новыхъ предметовъ должно составить новыя наименованія, такъ какъ и здѣсь [у Апостола] сказано: *Не будемъ дѣлаться жадными искателями пустой или: безсодержательной, славы*. Мы утверждаемъ, что тѣ суть ревностные искатели полной славы, которые желаютъ славы Божіей и похвалы, достойной добродѣтели и созерцанія чего-либо болѣе божественнаго. Поэтому и въ

очень многихъ мѣстахъ наши [христіанскіе писатели] вмѣсто *слава* перевели: *величіе*. Я уже давно желаю свободнаго теченія своей рѣчи, но удерживаюсь отъ словъ страхомъ. Однако я буду говорить и не умолчу о своей страсти, страсти почти общей, не къ богатству, не къ могуществу, не къ красотѣ и прелестямъ тѣлеснымъ, потому что все это явно перечисляется среди дѣлъ плоти. Если милостыня дѣлается изъ-за похвалы, то это слава пустая; то же и продолжительная молитва и блѣдность отъ продолжительнаго поста. Это не мои слова, но слова провозглашающаго въ Евангеліи Господа (*Мѡ. VI, 1—7*). Часто даже самая чистота въ брачной жизни, во вдовствѣ и въ дѣвствѣ добывается человѣческихъ похвалъ, а также,—что давно уже я боюсь сказать,—самое мученичество является напраснымъ кровопролитіемъ, если оно совершается для того, чтобы намъ быть предметомъ удивленія и похвалы со стороны братьевъ. Но пусть говоритъ Апостоль, пусть говоритъ сосудъ избранный: *Если я предалъ тѣло свое, чтобы пріобрѣсти славу, а любви не имѣю, то это мнѣ ни къ чему бесполезно* (1 *Корнѡ. XIII, 3*), и это тому, который сказалъ: *Знаю я человѣка о Христвъ четырнадцать лѣтъ назадъ,—но въ тѣлѣ ли [этого] не знаю, или внѣ тѣла, [и этого] не знаю, Богъ знаетъ,—восхищеннаго до третьяго неба* (2 *Корнѡ. XII, 2*). И немного спустя: *Былъ восхищенъ въ рай и слышалъ тайныя (агсапа) слова, которыхъ человѣку не позволительно говорить,—тому,—говорю,—который потрудился болѣе всѣхъ, и которому, чтобы величіе откровенія не уничтожило его, данъ былъ возбудитель плоти его, ангель Сатаны, чтобы наносить ему удары, чтобы онъ не превозносился* И несомнѣнно, что онъ три раза просилъ Господа, чтобы тотъ отступилъ отъ него; но ему было сказано: *Достаточно тебѣ благодати Моей, ибо сила Моя совершится въ немощи*. Какое же дѣло есть столько дѣло Божіе, какъ чтеніе Писанія, проповѣданіе въ Церкви, стремленіе къ

священству (sacerdotium) и къ служенію предъ жертвенникомъ Божиимъ? Но и это происходитъ только отъ желанія похвалы, если только кто не сохранить сердца своего со всякою тщательностію. Вотъ посмотрите (это говоритъ и Цицеронъ): многіе писатели написали книги свои словомъ „о презрѣніи къ славъ“, и однако изъ-за славы въ оглавленіи поставили свои имена. Мы изъясняемъ Писанія, мы часто дѣйствуемъ тростью для исправленія своего письма, мы пишемъ то, что достойно чтенія; но если бы въ этомъ было не дѣло Христово, а желаніе достигнуть памяти въ потомкахъ. и всенародной молвы, то напрасенъ весь трудъ нашъ, и мы будемъ какъ звѣнящая мѣдь и бряцающій кимваль (1 Кор. XIII, 1). Ты видишь, что многіе спорятъ между собою о Писаніяхъ, и слово Божіе обращаютъ въ поприще для борцовъ; взаимно вызываютъ они другъ друга и, если бывають побѣждены, то ненавидятъ, потому что они суть жадные искатели славы.—Я знаю, что въ Латинскихъ собраніяхъ св. Книгъ, въ томъ мѣстѣ, которое мы выше представили: *Если предамъ тѣло свое, чтобы быть предметомъ славы*, имѣется: *чтобы горѣть*, вмѣсто: *быть предметомъ славы*; но это заблужденіе у нашихъ вкралось вслѣдствіе сходства словъ,—словъ: *горѣть* и: *быть прославляемымъ*, которыя у Грековъ различуются только одною буквою (*καυθήσομαι* и *καυθήσομαι*) Впрочемъ, и у самихъ Грековъ списки различны.

Глава VI.—Стихъ 1: *Братіе, а если человекъ будетъ одержимъ нѣкоторымъ грѣхомъ, то вы, духовные, наставляйте такового въ духъ кротости, наблюдая надъ самимъ собою, чтобы и ты не впалъ въ искушеніе.*—Павель, зная, что онъ есть читатель того Бога, Который не хочетъ смерти грѣшника, но чтобы онъ раскаялся (Иезек. VIII, XXXIII), и что за исключеніемъ св. Троицы всякое бытіе, хотя и не согрѣшаетъ, но можетъ согрѣшать,—убѣждаетъ даже того, кто духовенъ, чтобы онъ подавалъ руку колеблю-

щемуся, хотя бы и подъ страхомъ самому впасть въ грѣхъ. И прекрасно онъ впаваго въ прегрѣшеніе называетъ чело-
вѣкомъ, который можетъ умереть и такимъ образомъ са-
мымъ наименованіемъ показываетъ слабость природы; такъ
что достоинъ снисхожденія тотъ, который по человѣческой
немощи охваченъ заблужденіемъ и погрузился въ бездну и
самъ собою безъ помощника и помощи не можетъ встать.
А къ имени *духовный* не прибавлено *человѣкъ*, но ему
какъ будто Богу повелѣвается, чтобы онъ челоѣка, впа-
ваго въ прегрѣшеніе, наставилъ, или, какъ лучше имѣется
въ Греческомъ, усовершалъ въ духъ кротости. Но кто усо-
вершается, тому недостаетъ не всего, а только нѣкотораго.
Наконецъ, если грѣшникъ впадетъ не во многіе грѣхи, а
только въ нѣкоторое одно прегрѣшеніе, то для исправленія
согрѣшающаго должно употреблять духъ кротости и снисхо-
жденія, чтобы заблуждающагося желали исправлять не холод-
ностью, гнѣвомъ или печалью, а призывали его къ спасе-
нію добровольно съ увѣренностью, обѣщая ему прощенье;
пусть таковому приводять свидѣтельство Христово, что угне-
тенныхъ тяжестью закона и бременемъ грѣховъ Онъ призы-
ваетъ къ пріятному игу и легкому бремени, чтобы они на-
учились, что Онъ тихій, кроткій и смиренный сердцемъ
(*Мѡ. XI, 29*), и что они найдутъ покой душамъ своимъ.
Воспользуемся этимъ свидѣтельствомъ противъ еретиковъ,
которые, измышляя басни о различныхъ природахъ, гово-
рятъ, что духовная—это есть доброе дерево, которое никогда
не приноситъ плодовъ недобрыхъ. А вотъ Апостоль, сужденіе
котораго считаютъ для себя обязательнымъ и сами они, гово-
рить, что и духовные могутъ согрѣшить, если они по надменно-
сти сердца своего начинаютъ гордиться и падаютъ; это же са-
мое исповѣдуемъ и мы; но и земные (*χοικουδς*) могутъ дѣ-
латься духовными, если обращаются къ лучшему. Намъ мо-
гутъ возразить то, что пишется въ посланіи къ Коринѣя-
намъ: *Чего вы хотите? Придти ли къ вамъ съ тростью*

то наследіе, т. е. царство Божіе, находится внутри насъ, внутри насъ и обрѣтается. И дѣйствительно, какое наследіе можетъ быть больше созерцанія и мысленнаго видѣнія красоты Премудрости и Слова, и Истины, и Свѣта и размышленія о самой неизреченной и величественной природѣ Божіей и о сущности всего того, [всѣхъ тѣхъ], что [или: которые], создано [ы] по подобію Божію? Но этотъ Святой Духъ обѣтованія, задатокъ нашего наследія, дается святымъ для того чтобы они вскупились и соединились съ Богомъ въ похвалу славы Его. Это значить не то, что Богъ нуждается въ чьей либо похвалѣ, но то, что похвала Божія приноситъ пользу похваляющимъ Его, и когда по отдѣльнымъ дѣламъ они познаютъ величіе и славу Его, то неудержимо стремятся къ восхваленію Его съ чувствомъ изумленія [предъ Нимъ].

Стихъ 15: *Посему и я, слыши въру вашу, въ Господа Иисуса и во всѣхъ святыхъ, не перестую возымать благодареніе за васъ, совершая воспоминаніе о васъ въ молитвахъ своихъ, чтобы Богъ Господа нашего Иисуса Христа, Отецъ славы, далъ вамъ духа премудрости и откровенія въ познаніи Его, просвѣщенныя очи сердца вашего.*—Хотя переводъ этого мѣста слово въ слово можетъ извинять Апостола въ глазахъ внимательнаго читателя за то, что весь составъ рѣчи, кажется, страдаетъ растянутостію и имѣетъ погрѣшности прогивъ правилъ, однако необходимо сказать, что и въ Греческомъ языкѣ здѣсь есть ошибка. Поэтому мы,—славнымъ образомъ въ отвѣтъ на обвиненія Грековъ противъ насъ,— постараемся изложить послѣдовательность чтенія соответственно смыслу такъ: Слыша въру вашу въ Господа Иисуса и во всѣхъ святыхъ Его, и видя различіе вѣры вашей въ Господа и всѣхъ святыхъ Его, я не перестаю благодарить и вспоминать о васъ въ молитвахъ своихъ, чтобы Отецъ Господа нашего Иисуса Христа далъ вамъ духа премудрости и откровенія. А дальнѣйшія слова *Просвѣщенныя очи сердца вашего* могутъ быть переданы чрезъ перестановку ихъ такъ:

тыша въру вану въ Господа Іисуса Христа къ познанию, просвѣщенныя очи сердца вашего, и [любовь] ко всѣмъ штымъ, и не перестаю благодарить за васъ и дѣлать воспоминаше о васъ въ молитвахъ своихъ, чтобы Богъ Господа шего Іисуса Христа, Отець славы, далъ вамъ духа премудрости и откровенія для познания. Затѣмъ: Богъ Господа шего Іисуса Христа, а Отець славы долженъ быть пониматься такъ, что какъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ самъ ты Слово, Премудрость, Истина, Миръ, Правда, Крѣпость, иъ и Онъ есть Слава, соотвѣтственно тому, что говорится въ другомъ мѣстѣ: *Явилася слава Божия* (Левит. IX, 23) во всемъ почти Ветхомъ заветѣ писано было, что надъ шегомъ слава была видима слава Божия (Числ. IX) и шдмощицею посты: *Возстанъ слава моя, возстанъ* (Ис. III 3) Эта Слава освѣщая миръ своимъ сияніемъ, создала бы храмъ изъ дѣвическаго чрева Богомъ храма сего дѣрся Отець славы. И гдѣ Христосъ есть слава, тамъ только ь называется Отцемъ: гдѣ Іисусъ, тамъ Богъ. Это называется безъ всякаго прибавленія. Итакъ этотъ Богъ воспріятого человѣка, Отець Славы, Мудрости, Истины даетъ въ ющимъ въ Сына Своего Духа премудрости и откровенія, ибо они были премудрыми и въ открытымъ лицемъ созерцали славу Божію. Когда эта премудрость и это откровеніе шажетъ ихъ премудрыми, и сообщать имъ сокровенныя шны, то непосредственно вслѣдъ за тѣмъ слѣдуетъ то, что и получаютъ просвѣщенныя очи сердца. Настоящими словами доказывается, что соотвѣтственно членамъ внѣшняго шовѣка говорится и о членахъ внутренняго человѣка. Дѣйительно, вотъ онъ ясно называетъ очи сердца, которыхъ мы можемъ мыслить безъ ума и чувства. Съ этимъ мѣстомъ ласно в известное слово Псаломѣнца. *Присовѣтъ очи и, чтобы я когда либо не уснулъ спомъ смерти* (Псал., 4) и въ другомъ мѣстѣ. *Мудрыя очи въ готовъ шов класс. II, 14*); ибо если мы примемъ здѣсь очи тѣла, то,

конечно, какъ очи мудраго, такъ и неразумнаго находится въ головѣ его. Итакъ голова мудраго понимается, какъ смыслъ. А слова Апостола: *Въ познаніи Его*, — по-гречески ἐπιγνώσει-
 ῶτες, — нѣкоторые понимаютъ такъ, какъ будто между γινώ-
 σκω и ἐπίγνωσιν, т. е. между *notio* и *agnitio*, *познаніе* и *прізна-
 ніе*) находится такое различіе: первое относится къ тому,
 чего мы прежде не знали, а потомъ начали познавать, а
 второе — къ тому, что мы перестали знать, хотя прежде знали
 а потомъ [спова] воспоминаемъ объ этомъ, и [такимъ обра-
 зомъ] въ нашемъ воображеніи предносится нѣкоторая прежняя
 жизнь въ небесахъ, послѣ того какъ брошенные въ эти тѣла
 и забывшіе Бога мы теперь познали Его чрезъ откровеніе
 соответственио извѣстному слову [Псалмопѣвца]: *Вспомни-
 нуть и обратятся къ Господу всѣ концы земли* (Псал.
 XVI, 28), представляя и прочее сему подобное.

Стихъ 18 и далѣе: *Чтобы вы знали, какова надежда
 призванія Его, и каково богатство славы наследія Его въ
 святыхъ, и какъ велико могущество силы Его, которымъ
 Онъ дѣйствовалъ во Христѣ, воскресивъ Его изъ мертвыхъ.* —
 Тотъ человѣкъ, которому по словамъ Апостола будетъ данъ
 духъ премудрости и откровенія, чтобы онъ смотрѣлъ откры-
 тыми очами сердца, [тотъ] узнаетъ, что предназначено при-
 званнѣмъ, и что должно быть ожидаемо для снѣтыхъ Божіихъ,
 и что Онъ изобильно и щедро имѣетъ дать тѣмъ, которые
 будутъ держать наследіе Его. Для сего познанія въ тѣхъ,
 которые по подобію Павла называются вѣрующими, необхо-
 димо величіе силы Божіей, чрезъ которую Онъ дѣйствовалъ
 во Христѣ Иисусѣ, Котораго и воскресилъ изъ мертвыхъ.
 А наследіе должно быть понимемо двояко: или въ томъ смы-
 слѣ, что Первородный всей твари есть наследіе души
 Господа нашего Иисуса Христа и того человѣка, который со-
 ставленъ изъ тѣла и души, и мы имѣемъ съ наследіемъ души
 наследуемъ Бога Слово; или же въ томъ смыслѣ, что наше
 наследіе во Христѣ, — именно единое Божество Отца Сына

является вопросъ: какимъ образомъ можетъ быть понято слѣдующее *Выше всякаго начальства и власти, и силы и господства, и всякаго имени, называемаго не только въ томъ вѣкѣ, но и въ будущемъ.* И дѣйствительно, о правой и лѣвой сторонѣ и сидѣннн уже сказано. Теперь необходимо спросить: гдѣ Апостолъ нашелъ въ писаннн эти четыре наименованн, т. е. *начальство, власть, силу и господство*, и откуда онъ выдвинулъ ихъ на видъ (in medium). Вѣдь нельзя же думать, что онъ, наученный въ божественномъ Писаннн, сказалъ нечто такое, чего не обрѣтается въ священныя свиткахъ. Поэтому я полагаю, что онъ или заимствовалъ (in mediana protulisse) изъ Еврейскихъ преданн то, что было въ нихъ прикровеннымъ (secreta sunt), или же написанное въ смыслѣ буквального [какъ дѣйствительное событн] онъ, — понявъ, что законъ духовенъ, — изъяснилъ въ болѣе возвышенномъ смыслѣ, и то, что изображается въ книгахъ Чисель и Царствъ о родоначальникахъ, вождахъ начальникахъ частей и сотникахъ, признавъ образомъ другихъ властей и царствъ: именно, что и въ небесныхъ пространствахъ есть начальства, есть власти, есть господства и силы и другн наименованн служенн, которыхъ ни мы не можемъ наименовать, ни Павелъ, и думаю, не могъ исчислить, находясь въ отягчающемъ его духѣ] тѣмъ. Если же есть начальства, власти, силы и господства, то,—необходимо,—чтобы у нихъ были и подчиненные, и боящіеся ихъ, и служащіе имъ, и такіе, которые вѣрятся ихъ силою Эти раздѣленн служенн будутъ не только въ настоящее время, но и въ будущемъ вѣкѣ, такъ что по личному (singulos) преусиѣнню, по почестямъ, по восхожденн и нисхожденн каждый или возрастаетъ, или уменьшается бываетъ въ подчиненн то той, то другой власти, силѣ, чальству и господству. Мы—маленькіе люди, имѣющн жеманн въ прахъ и пепелъ,—если мы съ согласн людн возвысимся на степень царей, то у насъ бываетъ такое великое различн служащихъ, что мы легче можемъ его охва-

ить мыслью, чѣмъ пересчитать. Напримерь: Начальники гражданской части имѣтъ (подъ властію) судей, провинцій и свои степени; затѣмъ войско: на сколько главнокомандующихъ, вождей, начальниковъ частей и многообразные отряды раздѣляется оно? А мы думаемъ, что Господь господствующихъ и Царь царствующихъ довольствуется только простымъ служеніемъ!

Стѣхи 22, 23: *И все покорилъ подъ ноги Его, и поставилъ Его главою надъ всѣмъ въ Церкви, которая есть тѣло Его, полнота Его, исполняющая все во всѣхъ.*—Кажется, что этому противорѣчить написанное въ другомъ мѣстѣ: *Ибо еще не видимъ, что Ему все подчинено; а также и то, что Ему надлежитъ царствовать, пока Онъ положитъ всѣхъ враговъ подъ ноги Его (1 Корин. XV, 25).* Въ самомъ дѣлѣ, если Ему еще не все подчинено, и Ему должно царствовать, пока Ему будетъ покорено все, то какимъ образомъ Богъ покорилъ подъ ноги Его все? А особенно, когда въ другомъ мѣстѣ самъ Павелъ свидѣтельствуетъ: *Когда же Ему будетъ покорено все, тогда и самъ Сынъ покорится Тому, Который подчинилъ Ему все, такъ что Богъ будетъ все во всемъ (1 Корин. XV, 28).* Изъ сооставленія этихъ мѣстъ слѣдуетъ (ergo): или то, что по предвѣденію будущаго Апостола говорить о немъ, какъ о совершившемся, подобно выше изложенному на слова (qui ait): *Благословилъ насъ вслѣдствіемъ блаженіемъ духовнымъ ии небесахъ въ Христа;* или же, можетъ быть,—если это должно относить къ прошедшему,—мы должны понимать такъ, что даже не подчиненное Ему добровольно служить Ему въ силу своей природы, напр., демоны, Іудей, язычники. Дѣйствительно, они не служатъ Христу и не покорены подъ ноги Его, но такъ какъ они созданы съ благою цѣлію (in bonam partem), они противъ воли подчинены власти Его, хотя въ силу свободной воли противодействуютъ Ему къ такому значенію подходить и дальнѣйшее: *И поставилъ Его главою надъ тѣмъ*

во Иерусалѣмъ, которая есть только Ею; потому что, какъ глава имѣеть въ подчиненіи себѣ весьма много членовъ, изъ которыхъ многие (попуща) порочны и немощны, такъ и Господь нашъ, будучи Главою церкви имѣеть своими членами всѣхъ тѣхъ, которые объединяются въ Церковь,—какъ святыхъ, такъ и грѣшниковъ. Но святые подчинены Ему добровольно, грѣшники же въ силу необходимости; и при этомъ бываетъ такъ, что даже враги подчинены подъ ноги Его. Но этой причинѣ въ его словѣ *всѣ*, по видимому, заключается вопросъ, потому что слова *Сиди по правую Мую руку, пока Я положу враговъ Твоихъ подъ ноги Твои* (Псал. СІХ, 1) и въ другомъ мѣстѣ: *Надлежитъ ему царствовать, пока положитъ всѣхъ враговъ подъ ноги Его* (1 Корн. XV, 25) не очень нуждаются въ толкованіи, потому что враждебно Ему, когда будетъ побѣждено, покорится подъ ноги Его и перейдетъ подъ власть Побѣдителя. Итакъ можно отвѣчать, что безъ грѣха не бываетъ никто, и даже звезды не числы предъ лицомъ Божиимъ и вся тварь страшится пришествія Господа (Іов. XV): поему и утверждается, что и крестъ Спасителя очистилъ не только то, что на землѣ, но и то, что было на небѣ. А другою толкователь слово *всѣ* относитъ не къ вселенной, а только къ тому, о чемъ идетъ рѣчь, именно такимъ образомъ,—какъ и въ выраженіи „Всѣ городъ воскликнууть“ сказано е то, что будто въ городъ не было ни одного молчавшаго, то, что въ виду весьма большой части [кричавшихъ] имѣетъ указана и часть меньшинства. Да и самъ Павелъ говорить: *Всѣ ищутъ своего, и не того, что есть Божіе Дитя*. II 21) и: *Всѣ меня оставили*. Это значитъ не то, что Тимофей и прочіе ученики, бывшіе съ нимъ во время писанія посланія, оставили его, а то, что онъ былъ покинутъ большинствомъ, т. е. всѣми въ смыслѣ большей части. Подобный этому смыслъ внушаетъ и слово Псалма: *Всѣ лопи тель, [всѣ] омысль были бесполезны. Нуть дѣлаю по добро, нуть даже ни одного* (Псал. XIII, 3) Въ

самомъ дѣль, если все уклонились, то уклонился и тотъ, кто говоритъ. И въ другомъ мѣстѣ: *И сказалъ въ смущеніи свой души своей. Великій человекъ ложь* (Исаи СХУ, 2). Но, вѣдь, сказанное или или истинно, или ложно. Если лживъ великій человекъ, то лживъ и тотъ, кто говоритъ и такимъ образомъ не истинно его утверждение, что лживъ великій человекъ. Затѣмъ, если его утверждение истинно, то слово *великій* только быть понимаемо въ смыслѣ вышеуказанномъ, т. е. въ смыслѣ то, что большинство людей говоритъ неправду. И въ другомъ мѣстѣ Апостолъ Павелъ пишетъ: *что явись тогда*, и снова: *примудри явись тогда*, пишетъ такъ, не потому, что онъ учитъ всѣхъ людей (вѣдь сколько есть людей, которые еще до сего дня не слышали ни ученія Апостола, ни его писемъ), и потому что онъ учитъ и увѣщавалъ всѣхъ тѣхъ, которые находятся въ церкви и желаютъ знать, что есть Боже. Иже слѣдуетъ *Полнотѣ Того, Который исполнитъ все во всемъ*. Это также должно быть понимаемо, конечно, какъ и вышеприведенныя слова *Тогда покорился Тому, Который подчинилъ Себѣ все, лишь что Богъ будетъ все во всемъ* (I Коринт XV, 28) дѣйствительно, Богъ явись есть въ отдѣльныхъ людяхъ только отчасти: въ одномъ, какъ правда, въ другомъ—какъ непорочность, въ третьемъ, какъ поддержка; въ одномъ какъ мудрость, въ другомъ какъ крѣпость; да и трудно даже, чтобы въ святыхъ и совершенныхъ мужахъ были все добродѣтели въ одинаковой мѣрѣ. А когда, при концѣ существующаго и въ концѣ міра, Ему будетъ покорено все, исполнится все во всѣхъ, и все будутъ имѣть все то, чѣмъ въ отдѣльности прежде обладали отдѣльные люди. Кроме того и слова его: *И Его поставилъ надъ собой Главою Церкви, которая есть тѣло Его, исполнени Того, Который исполняетъ все во всемъ* могутъ быть поняты не только въ отношеніи Церкви людей, но и ангеловъ, и всѣхъ свѣвъ, и разумныхъ тварей. Также и слова *Который исполняется все въ всемъ* имѣютъ образъ

е должны пониматься такъ, какъ они звучать: Онъ не сказалъ: „Который исполняетъ все во всѣхъ“, а сказалъ: *Который исполняется всею во всѣхъ*. Вѣдь пное значить *исполнить*, а пное—*исполняться*, потому что въ одномъ случаѣ оно обозначаетъ дѣйствующаго, а во второмъ подвергающаго дѣйствию. Дѣйствительно, какъ дополняется полководецъ, и да ежедневно умножаются его войска, появляются новыя части, и возрастаетъ количество народонаселенія, такъ и Исходъ нашъ Иисусъ Христосъ самъ исполняется во всѣхъ, томъ отношеніи, что все вѣруеть въ Него, и ежедневно иходить къ вѣрѣ въ Него, однако такъ, что Онъ исполненъ всею добродѣтелей и, по слову Евангелія, даютъ Ему *стані емі*) усовершиться въ возрастѣ, премудрости и благои не только у Бога, но и у людей [Лук VII, 52].

Глава II—Стихи 1—6. *И васъ, такъ какъ вы были тѣми преступленіями и грѣхами своими, въ которыхъ никогда ходили согласно въку мира сего, по волѣ тѣи влести воздуха, духа, который нынѣ дѣйствуетъ свинель недоверія; среди нихъ и мы все орущались нѣда по желаніямъ плоти нашей, исполняя желанія тѣи и помыловъ, и были по природѣ сынами грѣха, ъ и прочи. А Богъ, Который богатъ милосердіемъ, по тѣои любви Свои, которою возлюбилъ насъ, зомъ мы и мертвы по рѣгамъ своимъ, оживотворилъ насъ со чствомъ.*—Прежде чѣмъ разсуждать о значеніи отдѣльныхъ аженіи намъ кажется необходимымъ такъ возстановить цодкъ чтенія [этого мѣста] „И васъ, когда вы были мертвы туплениями и грѣхами своими, Богъ оживилъ со Христомъ, чрый богатъ милосердіемъ по многой любви Своей, кото- возлюбилъ насъ; и когда мы были мертвы преступле- и, въ которыхъ вѣкогда ходили согласно съ временемъ сего, по волѣ князя влести воздуха, [г. е. по волѣ] , который нынѣ дѣйствуетъ въ сынахъ недоверія, между

которыми и мы нѣкогда вращались по желаніямъ плоти нашей, исполняя пожеланія плоти и помышленій, и были по природѣ сынами гнѣва, [насъ] оживилъ Оубъ съ Х, истомъ“, такъ что прощс говоря (ἀπὸ καλοῦ) подразумѣвается, какъ дважды повторенное: *и насъ оживилъ съ Христомъ*. А причинный союзъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится: *Богъ же, Который богатъ милосердіемъ*, по нашему мнѣнію, прибавленъ или не учеными перенписчиками (scrip-toribus), или даже и самимъ Павломъ, который былъ неуску-сень въ словѣ, но не въ знавіи, изобразно имъ пріобрѣтен-номъ (2 Корин. XI, 6). Но ясно говорится, что грѣхъ есть смерть души, именно въ словахъ: *И васъ, которые были мертвы преступленіями и грѣхами своими* въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, что говорится у пророка Іезекіиля: *Та душа, ко-торая согрѣшитъ, умретъ* (Іезек. LVIII, 4). А такъ какъ *преступленія*—которыя на Греческомъ языкѣ называются *παράπτωματα*—по словопроизводству того же языка есть въ собственномъ смыслѣ слово Писаній (хотя—delicta = преступ-ленія, проступки правильнѣе передается словомъ πλῆμνέλια = ошибки, погрѣш. ости); то сиранивается: какое значеніе имѣютъ [эти дѣйствія], или въ чемъ они отличаются отъ грѣховъ, т. е. какое различіе между преступленіями (про-ступками—παράπτωματα и грѣхами—ἀμαρτίας). Вѣдь [нѣко-горые] говорятъ, что проступки являются какъ бы началомъ грѣховъ, такъ какъ помысль молчкомъ (tacita) подкрады-вается къ намъ, но при нѣкоторомъ видимомъ противодѣй-ствіи съ нашей стороны еще не толкаетъ насъ въ бездну (погибелю = ad ruinam). Поэтому и въ восемнадцатомъ псалмѣ (ст. 13) пишется: *Проступки же, или παράπτωματα, кто понимаетъ?* потому что трудно понять корни, источникъ грѣ-ховъ. А грѣхъ бываетъ тогда, когда что нибудь выразилось въ дѣйствія, дошло до конца. Спросимъ также, что такое зна-чить: *въ которыхъ вы нѣкогда ходили по вѣку міра сего*; есть ли а другой вѣкъ, который не относится къ этому міру, но къ другимъ мірамъ, о которомъ и Бламентъ пишетъ въ своемъ

послании *Охънѣи и мѣры, которые нѣгодѣются за нѣмъ; плп
 естъ одинъ только этотъ мѣръ, который отъ начала времени
 созданія Адама до конца своего разбывается и проходить?
 или можетъ быть, мѣръ иначе называется князь этого воз-
 духа, который нынѣ дѣйствуетъ въ сынахъ недовѣрѣи. Пи-
 шется въ посланіи къ Галатамъ: *Чтобы Онъ вырвалъ насъ
 отъ того непотребнаго мѣра* (Галат. I, 4); также и въ
 томъ самомъ посланіи: *Давая выкупъ за время, потому
 что дни лукавы* (Ефесс. V, 16); также и дни Іакова пока-
 зываются кратковременными и весьма неблагоприятными
Быт. XLVII); это или потому, что время этой жизни, въ
 чисте которой мы удерживаемся заключенными въ этомъ
 мѣрѣ, также и наполнено трудами, или потому, что сама
 гора, къ которой мы выше сказали, называется именемъ мѣра и
 да сего. Объ этомъ тотчасъ говорится въ дальнѣйшихъ
 словахъ: *Но вода князя власти воздуха, духа, который
 нынѣ дѣйствуетъ въ сынахъ недовѣрѣи.* Дѣйствительно, вода
 хомъ власти, княземъ воздуха, находящимся въ этомъ
 мѣрѣ разумѣется дѣволъ, который нынѣ дѣйствуетъ въ
 насъ недовѣрѣи, потому что въ тѣхъ, которые вѣрують въ
 него, онъ не можетъ дѣйствовать. Объ этомъ онъ и пише
 суму *У нѣтъ ворона не противъ плоти и крови, но
 противъ плоти плоти и вѣнчан, противъ правителя мѣра
 мы, противъ духовъ любви въ неспасенъ ангеловъ.* Это
 то значить, что дѣволъ и спутники его, носясь въ этомъ
 мѣрѣ, внушаютъ людямъ грѣхи могутъ вращаться въ небо,
 которое было извергнуто по заслугамъ своимъ; но то,
 подъ небомъ разумѣется этотъ находящийся надъ нами
 мѣръ, соответственно извѣстному слову Спасителя: *Посмо-
 ти на птицъ небесныхъ* (Мт. VI, 26) и проч. Вѣдь, оче-
 видно, что птицы летаютъ не по небу, а по воздуху. Далѣе
 убого слова: *Среди которыхъ и мы всѣ нѣкогда брѣща-
 емъ пожеланіяхъ плоти нашей, исполняя желанія
 и и помысловъ.* Слова его: *среди которыхъ должно**

относить къ проступкамъ, потому что выше онъ одинаково сопоставлялъ два понятія *И вы, когда были мертвыми во преступленіяхъ и грѣхахъ своихъ*, и къ грѣхамъ отнесъ слова *Въ которыхъ вы никогда ходили*, а къ преступленіямъ шло, по видимому, такого не приложено, что могло бы означить смыслъ, а теперь говорить: *Въ какихъ преступленіяхъ и мы вы вращались*, и при томъ прибавлялъ *мы вы*, чтобы не показалось что онъ по самомнѣнію исключаетъ себя. Но кто говоритъ о себѣ, что онъ вращался, тотъ сознается въ проступкахъ прошлаго, а не въ настоящихъ. Онъ говоритъ: *Вращались мы никогда*, но не въ одномъ преступленіи, а „въ преступленіихъ плоти нашей“; ибо *плоть выражаетъ желанія вопреки духу, и духъ — вопреки плоти* (Галат. V, 17). Исполняли не одну волю плоти, а многи пожеланія, а не только пожеланія плоти, но и мысли (mentis) вместо чего въ латинскихъ спискахъ имѣется слово помышлений (cogitationum). А между грѣхомъ плоти и грѣхомъ мысли, по моему мнѣнію, есть такое различіе: грѣхъ плоти есть безстыдство и невоздержность, и то, что служеніе ей выполняется въ страстныхъ движеніяхъ. А преступленія мысли относятся къ ученіямъ противнымъ истинѣ и къ еретическому развращенію, такъ что мы можемъ сказать, что весьма многіе изъ еретиковъ (хотя это и рѣдко) исполняютъ пожеланія мысли, а не похоти плоти, а многіе въ противоположность принадлежащій къ Церкви исполняютъ похоти плоти, а не ума; а есть очень многіе, которые исполняютъ похоти и плоти, и помышлений. Но мы сказали это не въ томъ смыслѣ, будто еретики не исполняютъ и похотей плоти (потому что у нихъ плотскіе пороки встрѣчаются больше, чѣмъ у нашихъ), но для того, чтобы, чрезъ представленный примѣръ, легче было понять то, что мы хотѣли показать. *И вы*, говоритъ онъ, *по природѣ чадами гнѣва, какъ и прочіе*. Пусть еретики, утверждающіе, что есть различныя природы, отвѣтятъ: какимъ образомъ Павелъ, бывший безъ со-

ишныи духовнымъ по природѣ, былъ сыномъ гнѣва подобно прочимъ, которые еще до сего времени были въ заблужденіи? А мы утверждаемъ, что первоначально по природѣ все люди были сынами гнѣва, или вслѣдствіе низменнаго и смертнаго тѣла и привязанности ума человѣческаго къ злу (*Быт. VIII*), почему и Соломонъ говоритъ, что нѣтъ праведника на землѣ: *которые будутъ дѣлать добро и не согрѣшатъ (Еккл. VII. 20)*; или вслѣдствіе того, что со времени возможности имѣть познаніе о Богѣ и достиженія зрѣлости, мы согрѣшаемъ или дѣломъ, или словомъ, или мыслію. Икакъ мы были сынами гнѣва, какъ и прочіе, въ все святые, которые искуплены отъ гнѣва кровію Христовою. Дѣйствительно, если Иавель, безусловно жившій согласно требованіямъ закона (*quia iustitiam quae in lege sit*) говоритъ, что онъ по природѣ былъ чадомъ гнѣва, то почему мы опасаемся свидѣтельствовать, что сдѣлавшеся впоследствии святыми тоже были чадами гнѣва. Относительно всѣхъ ихъ по истинѣ можно сказать: *Когда же пришла заповѣдь, то грѣхъ оживился, а сами они мертвы*. А „сыновъ гнѣва“ нужно понимать такъ, какъ „сына погибели“, „сына беззаконія“, „сына смерти“; это не въ томъ смыслѣ, что въ природѣ ихъ есть какой то гнѣвъ, погибель или беззаконіе, у которыхъ есть дѣти, а въ томъ смыслѣ, что они называются дѣтьми того качества (*rei*), которое дѣйствуетъ въ отдѣльныхъ людяхъ, такимъ образомъ „сынами тесны“ называются тѣ, которые должны быть сожжены огнемъ тесны. Другой [толкователь] думаетъ, что мы названы сынами гнѣва такъ же, какъ и сынами дьявола, по тому что дьяволъ есть и погибель, и гнѣвъ, и смерть. *Пожирала могущественная смерть (Ис. LII, по LXX)*; и: *Последній [или: послѣ всего] уразднится врагъ—смерть (I Коринт. XV, 26)*; и въ отношеніи къ самому дьяволу: *Создалась погибель (Иезек. XLVIII по LXX)*, создалась по собственной волѣ, а не создана была отъ начала. Такимъ образомъ, какъ смертію называется онъ, потому что по его зависти смерть

гошла въ миръ земной, и чрезъ него сдѣлались мертвыми тѣ, которые прежде жили, [называется] и побѣдью потому, что губить тѣхъ, которыхъ онъ обманулъ, такъ и тѣмъ, возмущается онъ по той жестокости, которую онъ обнаружилъ въ отношеши къ людямъ. Есть такіе, которые въ известномъ повѣствованіи книги Царствъ, — когда Давидъ изчисляетъ народъ Израильскій и по слову Писанія навлекъ на себя гнѣвъ Господа: *И приложила гнѣвъ Господи возжечься противъ Израиля и возбудилъ Онъ Давида говоря* [въ его шпѣ] (2 Цар. XXIV, 1 и дал.), — подъ гнѣвомъ Господа разуметь видѣть дьявола, хотя соответственно особенностямъ греческаго языка писатель говоритъ не въ женскомъ родѣ *гнѣвъ Господа*, говорящій (*αγαλλίαστος*), а въ мужскомъ родѣ (*αγαλλίας*); потому что Господь посылаетъ гнѣвъ Свой вѣростю чрезъ слухъ ангеловъ. Итакъ Богъ, Который богатъ милосердіемъ и богатъ по любви Своей, которую возлюбилъ родъ человѣческій, и любви не простой, но избивальной, когда мы были мертвыми по грѣхамъ нашимъ, оживилъ насъ и не только оживилъ (про этого мало для благодати и величія Его) но оживилъ съ Иисусомъ Христомъ, давая намъ имѣть со Христомъ одну и ту же жизнь. Но некоторые вмѣсто нашего изъяснителя толковали слово перевели *И были сынами гнѣва не по природѣ, а, относитъ имъ совершенно*, потому что слово *αγαλλίας* (по природѣ) имѣетъ двойное значеніе. Но хотя оно и не звучитъ такъ, однако оно должно быть возмущается гнѣвъ гнѣвъ мѣсто обиды.

Гнѣвъ обиды не спасаетъ. Страсти настоящего времени въ достатокъ той безумной страсти, которая открыта въ насъ (Гнѣвъ XIV) возмущается насъ скорѣе по благодати чѣмъ по дѣламъ своимъ. Но мы впрочемъ не можемъ воздвигъ Бога за то, что Онъ былъ намъ.

СЛОВО Б. *И соотнодился и видится съ гнѣвомъ да въ шпѣ не известна* {оубе посл} по Христу Иисусу. Ваше слово сказало, что Богъ возбудилъ Христа отъ мертвыхъ и

цалъ Ему сидѣть во правую руку Свою на небесахъ выше всякаго начальства и власти, и силы, и господства, и всякаго имени, которое именуется не только въ этомъ вѣкѣ, но и въ будущемъ. А теперь присоединяетъ: *Потому что и насъ возбудилъ съ Нимъ и далъ сидѣть по правую руку Свою на небесахъ* Такимъ образомъ спрашивается: „Какимъ образомъ Богъ, спасшій насъ и возбудившій, вмѣстѣ съ тѣмъ далъ сидѣть [намъ] съ Христомъ?“ И если кто вмѣстѣ въ виду дать на это болѣе простой отвѣтъ, тотъ будетъ утверждать, что [Апостолъ] въ виду предвѣденія Божіа сказалъ, какъ будто уже о совершившемся о томъ, что имѣеть быть; и что въ Писаніи будущее обыкновенно изображается чрезъ прошедшее время. Такъ, напримѣръ, о крестѣ Господа: *Протрѣли руки Мои и ноги Мои* (Псал. XXI. 17). и въ другомъ мѣстѣ о страданіи Его: *Какъ овца Онъ былъ веденъ на закланіе* (Исайя LIII, 7), и еще о страданіи отъ бичеваній: *Извоя Его мы исцѣлились* (ст. 5) и въ другомъ мѣстѣ (тамъ же): *За беззаконія народа Моего былъ веденъ на смерть* (ст. 8 по LXX). И вошь,—такъ какъ будущее всегда сомнительно,—для того, чтобы надежда людей не колебалась, не была шаткою, какъ будто уже о совершившемся говорится о томъ, что Богъ знаетъ, какъ имѣющее быть (ибо для Него нѣтъ ничего сомнительнаго): такъ что тѣ, которые слышатъ объ этомъ, будутъ считать имѣющее совершиться какъ бы уже совершившееся, потому что, — по ученію мудрецовъ, — бывшее уже не можетъ быть отнесено къ числу несовершившагося. А другой толкователь, понимающій воскресеніе и царство Христово въ духовномъ смыслѣ, не задумался утверждать, что святые уже сидятъ и царствуютъ съ Христомъ. потому что, вѣдь, какъ святой не есть въ плоти, хотя и живетъ въ плоти, но обращается въ небесномъ, хотя и ходитъ по землѣ и, переставая быть плотію весь обращается въ духъ; такъ и на небесахъ онъ сидитъ съ Христомъ, потому что царство Божіе есть внутри насъ (Лук. XVII, 21),

и гдѣ сокровище наше будетъ, тамъ будетъ и сердце наше (Мф. VI, 21); и, будучи твердыми и непоколебимыми, мы сидимъ съ Христомъ, Премудростію, Правдою, Истиною. Но можно сказать и такъ, что, какъ мы получили только залогъ Духа Святаго, еще не получивъ Его полноты, такъ и сидимъ и царствуемъ мы съ Христомъ, еще не получивши совершеннаго пребыванія на небесахъ.

Стихъ 7: *Чтобы показать въ наступающія времена изобильное богатство благодати своей въ благодати въ Иисусъ Христъ.*—Каково величіе благодѣянія и какъ многообразна благодать, по которой Господь далъ намъ, освобожденнымъ отъ смятенія этого міра, сидѣть и царствовать съ Христомъ, это особенно обнаруживается изъ того, что въ будущіе вѣка Онъ имѣеть показать Свою славу не одному, а всѣмъ разумнымъ твореніямъ, [стоящимъ] выше насъ и обнаружить Свое богатство: потому что мы, нѣкогда бывшіе подъ властію закона адскаго,—вслѣдствіе нашихъ пороковъ и грѣховъ, такъ что мы были подчинены какъ дѣяніямъ плоти, такъ и наказаніямъ [за нихъ].—теперь будемъ сидѣть съ Христомъ и царствовать съ Нимъ. А сидѣть мы будемъ не въ какомъ-нибудь низменномъ мѣстѣ, но выше всякаго начальства, власти, силы и господства, и всякаго имени, называемаго подъ небомъ не только въ этомъ вѣкѣ, но и въ будущемъ. Вѣдь, если Христосъ, воздвигнутый изъ мертвыхъ, сидитъ по правую руку Бога на небесахъ выше всякаго начальства, и власти, и силы, и господства, и проч., и если мы сидимъ и царствуемъ съ Христомъ; то необходимо думать, что и мы будемъ сидѣть выше того, надъ чѣмъ сидитъ Онъ. Но, можетъ быть (qui), прилежный читатель станетъ изслѣдовать вопросъ и скажетъ: „Итакъ что же? Человѣкъ выше ангеловъ и всѣхъ властей на небѣ?“ А такъ какъ давать на это утвердительный отвѣтъ опасно, то пусть ошъ начальства, и власти, и силы, и господства, и всякое имя, называемое подъ небомъ не только въ этомъ вѣкѣ, но

Твор. Блаж. Іеронима кн. 17.

и въ будущемъ (особенно потому, что все будетъ покорено подъ ноги Христа) относить не къ доброй, а къ враждебной сторонѣ,—именно: пусть говорить, что эти силы суть ангелы измѣнники, и князь міра сего, и Люциферъ, восходящій утромъ; надъ ними святые имѣютъ сидѣть въ концѣ концовъ съ Христомъ, подавая также свои благодѣянія тѣмъ, которые нынѣ необузданно и злоупотребляя своей свободою блуждаютъ то тамъ, то здѣсь и низвергаются въ бездну грѣховъ. Когда же они будутъ имѣть надъ собою такихъ сидящихъ [sessores—всадниковъ], то начнутъ управляться уже по волѣ ихъ. Но другой [толкователь] слова Апостола: *Чтобы показать въ будущіе вѣка изобильное богатство благодати Своей въ благодати надъ нами въ Христвъ Іисусъ* относить къ тому пониманію, что мы спасены не по заслугѣ нашей, а по благодати Его, а доказательствомъ великой благодати Его служить то, что Онъ умеръ болѣе за грѣшниковъ, чѣмъ за праведниковъ (*Ибо за добраго кто дерзнулъ бы погибнуть?*) и имѣетъ дать намъ то, чего ни глазъ не видѣлъ, ни ухо не слышало, и что не входило на сердце человѣку (1 Корин. II, 9). Все это отчасти уже да въ Христвъ Іисусъ, потому что безъ Христа никто не можетъ быть названъ благимъ.

Стихи 8, 9: *Ибо вы благодатию спасены чрезъ вѣру, и это не отъ васъ: ибо [это] даръ Божій, не вслѣдствіе дѣлъ, чтобы кто-либо не сталъ хвалиться.*—Потому, говорить онъ, Богъ имѣетъ показать въ благодати въ имѣющіе придти вѣка богатство благодати Своей, что вы спасены по благодати чрезъ вѣру, а не чрезъ дѣла. И самая вѣра сія не отъ васъ, но отъ Того, Который призвалъ васъ. И это [говорится] для того, чтобы къ намъ не подкралась скрытая мысль: „Если-де мы спасены не чрезъ наши дѣла, то несомнѣнно спасены чрезъ вѣру, и, слѣдовательно, съ другой стороны намъ принадлежитъ то, что мы спасены. Поэтому-то онъ прибавилъ и сказалъ, что даже и самая вѣра не есть слѣдствіе нашей воли, но божественнаго дара. Но это не

значить, что у человѣка отвергается свобода воли и что,— по слову Апостола, въ посланіи къ Римлянамъ,—[это дѣло] принадлежить не текущему или хотящему, но милосердствующему Богу (*Римл.* IX, 16), а то, что и самая свобода воли имѣеть своимъ источникомъ Бога, и къ Его благодѣянію относится все, такъ какъ Онъ позволилъ, чтобы мы желали даже добра. И все это для того, чтобы никто не похвалялся, что онъ спасся самъ собою, а не Богомъ.

Стихъ 10: *Ибо мы—Его твореніе, созданные во Христе Иисусе для добрыхъ дѣлъ, которыя приготовилъ Богъ, чтобы мы въ нихъ ходили.*—Онъ присоединилъ причину, почему мы спасены благодатію чрезъ вѣру, да и это не отъ насъ, но по дару отъ Бога; онъ говоритъ: *Ибо мы Его твореніе*, то есть то, что мы живемъ, дышемъ, мыслимъ и можемъ вѣровать, принадлежить Ему, потому что Онъ есть создатель нашъ. И прилежно обрати вниманіе, что Апостолъ не сказалъ: *Мы Его изображение* (*figuratio*) и *образование подобно слѣпку* (*plasmatio*), но: *Мы—Его твореніе*. Дѣйствительно, образование слѣпка представляетъ происхожденіе изъ жидкой земли: а твореніе представляетъ начало по образу и подобію Божію. Это также обозначается и въ сто восемнадцатомъ Псалмѣ чрезъ сопоставленіе различныхъ дѣйствій: *Руки Твои сотворили и образовали меня* (*Псал.* СХVIII, 73). Первое мѣсто принадлежить творенію, а потомъ [уже совершается] образование. А такъ какъ названіе творенія и устроенія всегда соединяются съ великими дѣйствіями,—напр.: „тотъ городъ основанъ“ или: „этотъ міръ созданъ въ началѣ“, и такъ какъ каждый изъ святыхъ по разнообразію ученія и добродѣтелей въ себѣ самомъ есть цѣлый міръ; то поэтому и нынѣ мы называемся созданными во Христѣ и созданы мы для дѣлъ благихъ или тѣхъ, которыя мы сами совершили, или имѣемъ совершить, или въ другихъ тваряхъ, къ которымъ должно относиться наше обращеніе, чтобы мы ходили въ томъ, что уготовалъ Богъ, давши намъ великую

надежду, пока мы будемъ ходить въ томъ, что чудно уготовалъ Богъ. И такъ какъ мы приблизились къ понятію (по-шен) твари, и такъ какъ Премудрость въ Притчахъ Соломона говорить, что Она создана въ начало путей Божіихъ (*Притч.* VIII, 22); то многіе, чтобы не быть въ необходимости называть Христа тварію, отрицаютъ все таинство Христово, такъ что говорятъ, что въ этой премудрости угазывается не Христось, а премудрость міра. Мы свободно заявляемъ, что нѣтъ опасности называть тварію Его, Котораго съ позволю увѣренностію въ исполненіи надежды нашей мы исповѣдуемъ и червемъ, и человекомъ, и распятымъ, и проклятімъ, и въ особенности [свободно] потому, что въ двухъ предшествующихъ стихахъ эта Премудрость обѣщаетъ сказать то, что будетъ (sunt) по прошествіи вѣковъ (*Притч.* VIII, 22); но такъ какъ вѣка создалъ Христось, и то, что говорится впоследствии, есть то, что Онъ обѣцалъ уже сказать въ будущемъ; то это послѣдующее должно относить уже не къ природѣ Божества, а къ воплощенію, тѣмъ болѣе, что въ Еврейскихъ спискахъ имѣются не слова: *Господь создалъ Меня началомъ путей Своихъ*, а слова: *Господь имѣетъ Меня*. Но между обладаніемъ и твореніемъ великое различіе, потому что находящійся въ обладаніи, конечно, существуетъ и оказываетъ противодѣйствіе, и имѣетъ свойства къ тому, чтобы быть во власти. А сотворенный ¹⁾ есть тотъ, котораго не было прежде, чѣмъ онъ сталъ существовать, или же на другое переносится [нѣчто] отъ того, кто былъ прежде, какъ напр., и мы нынѣ называемся сотворенными Иисусомъ Христомъ, — именно мы сотворены не въ томъ смыслѣ, будто насъ прежде не было, но сотворены въ добрыхъ дѣлахъ [для добрыхъ дѣлъ]. Поэтому и Давидъ въ пятидесятомъ Псалмѣ молитвенно взываетъ: *Сердце чистое,*

¹⁾ Связь рѣчи показываетъ, что въ этомъ мѣстѣ вмѣсто Creator текста Лия должно быть слово creatus.

Боже, создай во мнѣ (Псал. L. 11). Но несомѣнно, что и прежде грѣха онъ имѣлъ чистое сердце, когда Богъ говорить о немъ: *Я нашелъ Давида, сына Иессеева по сердцу Своему (Дѣян. XIII, 22).* Но какъ въ этомъ мѣстѣ *твореніе* употреблено въ смыслѣ *возстановленія*, такъ и во Христѣ *тварность* и *твореніе* (основаніе) можно понимать въ соотвѣтствіе съ отдѣльными дѣяніями и преуспѣяніемъ [въ нихъ], т. е. такъ, что Христосъ создается, рождается и утверждается въ вѣрующихъ ежедневно, потому что соотвѣтственно различнымъ заслугамъ они называются „горами“ и „долинами“, „холмами“ и „равнинами“.

Стихи 11, 12: *Поэтому вспоминайте, что такъ какъ вы,—никогда язычники по плоти, называвшіеся крайнею плотью отъ того, который называется обрѣзаніемъ въ плоти, совершеннымъ рукою,—въ то время были безъ Христа, отчуждены отъ общенія съ Израилемъ и чужды завету обѣтованія, не имѣя надежды и безъ Бога въ мѣртъ.*—Называя Ефесянъ язычниками по плоти, онъ показываетъ, что они не были язычниками по духу, какъ Іудей, наоборотъ, бывши язычниками по духу, а по плоти Израильтянами. Итакъ, Іудей и язычники раздѣляются на четыре разряда. Одни были обрѣзаны и по плоти, и по духу, каковы были: Моисей, Ааронъ, Апостолы и Наванаилъ, тайное Іудейство, котораго созерцая Господь говорить: *Вотъ по истинѣ Израильтянинъ, въ которомъ нѣтъ хитрости (Іоан. I. 47).* Другіе—тѣ, которые не были обрѣзаны ни по плоти, ни по духу, каковы: Навуходносоръ и Фаравонъ, и нынѣ великое множество римскихъ и варварскихъ народовъ, которые не вѣруютъ въ Бога. Третьи—тѣ, которые обрѣзаны только по плоти, а духъ имѣютъ необрѣзанный, къ которымъ говорить пророкъ: *Обрѣзыватьшесь предъ Богомъ вашимъ, а не обрѣзываете [только] крайнюю плоть вашу. (Іерем. IV, 4);* и въ другомъ мѣстѣ: *Всѣ язычники не обрѣзаны по плоти; а домъ Израилевъ обрѣзанъ сердцемъ (Іерем. IX, 26).* Последніе—это тѣ, о которыхъ теперь идетъ рѣчь: *Что вы никогда язычники по*

плоти, называвшіеся крайнею плотію отъ того, который называется обрѣзаніемъ во плоти, совершеннымъ рукою. Таково нынѣ все множество вѣрующихъ и весь наполненный язычниками міръ. Итакъ для различія отъ язычниковъ по духу изъ Іудеевъ Ефесяне называются язычниками по плоти, потому что по духу они были Израильтянами; вѣдь и въ другомъ мѣстѣ Писаніе упоминаетъ о плотскомъ Израилѣ говоря такъ: *Вы видите Израиля по плоти* (1 Корн. X, 18), потому что по духу онъ не былъ Израилемъ; но Апостолъ искусно умѣрилъ слова свои такъ: *Которые назывались крайнею плотію*, „назывались“, говоритъ онъ, „отъ того, который назывался обрѣзаніемъ, совершеннымъ рукою“, а не: „были“. Не потому, что онъ былъ обрѣзаніемъ, а потому, что усвоилъ себѣ это имя, такъ что въ дѣйствительности былъ обрѣзаніемъ, совершеннымъ рукою, а не обрѣзаніемъ по духу. Вмеѣстѣ съ тѣмъ необходимо обратить вниманіе и на то, что мы, — безъ Христа бывшіе нѣкогда въ отчужденіи, — по его словамъ, — отъ обращенія съ Израилемъ и въ устраненіи отъ обѣтованій и завѣта Божія, — такъ какъ теперь приняли обѣтованіе и завѣтъ Его, называемся уже имѣющими обращеніе съ Израилемъ; такимъ образомъ всѣ требованія закона исполнились въ насъ, ибо законъ именно духовенъ, и мы главнымъ образомъ обрѣзываемся и субботаствуемъ въ духѣ, принося духовныя жертвы, такъ какъ ихъ храмъ и алтарь разрушены; мы отъ плодовъ своихъ приносимъ Богу десятины, мы закалаемъ Непорочнаго Агнца и препоясавъ чресла съѣдаемъ Пасху вполне готовыми [въ путь]. Ибо какъ обрѣзаніе въ плоти называется совершеннымъ рукою, такъ въ отличіе отъ него представляется другое обрѣзаніе, которое, какъ мы сказали, не есть совершенное рукою, но духомъ. А слова его: *Не имѣя надежды и безъ Бога въ міръ* значатъ не то, что у Ефесянъ, прежде чѣмъ они увѣровали во Христа, не было многихъ боговъ, которыхъ они почитали, а то, что если кто существуетъ безъ

истиннаго Бога, тотъ не имѣеть никакаго бога. И многозначительно прибавлена: *безъ Бога въ міръ*, потому что они имѣли бога, котораго, какъ Богъ зналъ напередъ, они будутъ имѣть; и предъ лицомъ Предвидящаго они не были безъ Бога; но въ міръ они были безъ Бога.

Стихъ 13: *А нынѣ во Христъ Иисусъ вы, нѣкогда бывшіе далеко, стали близкими въ крови Христовой, ибо Онъ есть міръ нашъ.*—Богъ есть вездѣ и вездѣ всецѣло, посему кто можетъ удалиться отъ Того, въ Которомъ есть все? И Самъ Онъ говоритъ чрезъ пророка: *Я Богъ приближающійся и не издалека* (Иерем. XXIII, 23). И Псалмопѣвецъ свидѣтельствуеть: *Если я взойду на небо, Ты тамъ, если я сойду въ адъ, Ты при мнѣ* (Псал. CXXXVIII, 8). Такимъ образомъ хотя въ Немъ все, однако говорится, что Онъ далеко отъ нечестивыхъ согласно съ словами Писанія: *Богъ далеко отъ нечестивыхъ* (Притч. XV, 29) Тотъ, отъ Котораго удалены нечестивые, близокъ къ святымъ. Наконецъ, хотя Онъ былъ далекъ отъ Ефесянъ, но въ крови Иисуса сдѣлаясь близокъ имъ; но еще съ большею тщательностію должно обратить вниманіе на то, что безъ крови Господа Иисуса никто не приблизится къ Богу, ибо Онъ самъ есть міръ нашъ, какъ говоритъ: *Миръ Мой даю вамъ, миръ Мой оставляю вамъ* (Иоан. XIV, 27). Ибо какъ премудрость творитъ мудрецовъ, а праведность—праведниковъ, а освященіе—святыхъ, а жизнь—живыхъ, такъ и самъ міръ дѣлаеть насъ примиренными, такъ что мы говоримъ: *Съ ненавидящими миръ я былъ въ миръ* (Псал. CXXX, 7). А если Христосъ есть міръ вѣрующихъ, то, слѣдовательно, кто живетъ безъ мира, тотъ не имѣеть Христа.

Стихи 14—18: *Который то и другое сдѣлалъ единымъ, и разрушая среднюю преграду стѣны и устраняя вражду плотию Своею, а законъ заповѣдей ученіями* (dogmatibus), *чтобы въ Себѣ Самомъ два устроить въ одного новаго человека, подавая* (faciens) *миръ, чтобы того и*

другого въ одномъ тѣлѣ примирить съ Богомъ чрезъ крестъ убивая вражду на немъ и приходя благовѣствовать миръ вамъ, бывшимъ въ отдаленіи и миръ тѣмъ, которые вблизи, ибо чрезъ Него мы оба имѣемъ доступъ къ Отцу въ одномъ духѣ. — Средняя преграда и стѣна есть та, которая раздѣляла между собою тотъ и другой народъ. Относительно ея и въ книгѣ Бытія говорится по поводу рожденія близнецовъ повивальною бабкою: *Почему ради тебя разрушилась преграда* (Быт. XXXVIII, 9). И такъ послѣ того, какъ Спаситель въ плоти Своей устранилъ мудрованіе плоти, которая враждебна Богу (Римл. VIII), и заповѣди Закона замѣнилъ евангельскими ученіями, чтобы изъ Іудейства и язычества создать одинъ народъ христіанскій, благовѣствуя миръ и согласіе намъ, бывшимъ вдали, и тѣмъ остаткамъ Іудеевъ которые изъ народа Израильскаго чрезъ проповѣдь апостоловъ увѣрвали; тогда чрезъ Него мы приступили къ Богу и узнали, что мы имѣемъ единого въ духѣ Отца, и исполнилось то, что Онъ говоритъ въ Евангеліи: *И будетъ одно стадо и одинъ пастырь* (Іоан, X, 16), и снова: *И другихъ овецъ имѣю Я, которыя не изъ этого овчача двора,* — указывая этимъ на то, что мы должны быть собраны и изъ народовъ языческихъ. А вражда, которая была разрушена въ плоти Спасителя, была убита чрезъ крестъ, ибо написано: *Чтобы примирить то и другое съ Богомъ въ одномъ тѣлѣ, чрезъ крестъ убивая вражду на немъ.* Не такъ, какъ имѣется въ Латинскихъ спискахъ (codicibus): *въ Самомъ Себѣ*, потому что вслѣдствіе двоякаго значенія греческаго мѣстоименія ἐν αὐτῷ оно можетъ быть понято и въ значеніи: *въ Самомъ Себѣ*, и: *на немъ*, т. е. *на крестѣ*, потому что по-гречески крестъ (σταυρός) мужскаго рода. А законъ заповѣдей устранилъ ученіями (dogmatibus), послѣ того, какъ обрѣзаніе, и суббота, и Пятидесятница, которое было оставлено народу Божію, и Пасха, и Пятидесятница, чтобы они не оказались въ очахъ Божіихъ безсодержательными, были поняты иначе,

чѣмъ они понимались, и послѣ того, какъ оставляя убивающую букву, мы начали слѣдовать животворящему духу. А слова Его: *Приходя благовѣствовать миръ вамъ, которые вдали*, т. е. язычникамъ, *и тѣмъ которые вблизи*, т. е. Іудеямъ, эти слова, по моему мнѣнію, онъ заимствовалъ изъ Исаіи, измѣнивъ слова (*aliis verbis*) и воспользовавшись мыслию Писанія, какъ своею. Въ самомъ дѣлѣ, этия пророкомъ написано: *Пути его я видѣлъ и исцѣлилъ его, и утѣшилъ его, и далъ ему истинное утѣшеніе: миръ на миръ тѣмъ, которые были вдали и которые вблизи (Исаіи, LVII, 18)*. И такъ дѣйствительно выражено по переводу общенародному (*Vulgata*). Впрочемъ, кто прочитаетъ извѣстныя слова Апостола, относящіяся къ Іисусу Христу: *Устроая миръ кровію креста Своего тѣмъ, которые были на землѣ, и тѣмъ, которые были на небесахъ* и прочее, сказанное въ томъ же мѣстѣ, тотъ не подумаетъ, что мы, называемые Израилемъ по духу, были далеко, а Іудеи, называемые Израилемъ только по плоти, были близко. Полное изъясненіе этого мѣста онъ примѣняетъ къ ангеламъ и силамъ небеснымъ, и къ душамъ человѣческимъ, потому что Христосъ Своею кровію соединилъ земное и небесное, прежде бывшее въ разъединеніи и, какъ добрый Пастырь, Онъ вознесъ на горы страждущее овца и далъ ему возможность быть съ другими, и присоединилъ драхму къ другимъ, бывшимъ въ здоровомъ состояніи (*Лук. XV*), и заповѣди закона обратилъ въ тѣ ученія (*dogmata*), тѣнь и образъ которыхъ созерцалъ Моисей по изображеніямъ въ скинии (*Исх. XX*). И при этомъ произошло такъ, что крестъ Госнода былъ на пользу не только землѣ, но и небу, не только людямъ, но и ангеламъ; и вся тварь была очищена кровію Господа своего. А свои слова: *Чтобы въ Самомъ Себѣ два создать въ одного новаго человека*, которыя, повидимому, болѣе согласны съ вышеуказаннымъ значеніемъ о Іудеяхъ и язычникахъ, онъ приспособилъ къ своему пониманію: такъ онъ говоритъ, что человѣкъ, соз-

данный по образу и подобію Божію, послѣ примиренія снова восприметь тотъ же образъ, который нынѣ имѣютъ ангелы, а человѣкъ утратилъ. А новый человѣкъ, говоритъ онъ есть тотъ, который обновляется ежедневно и имѣеть обитать въ новомъ мірѣ, когда будетъ новое небо и новая земля (*Исаи*, LXV), и будетъ пить новую чашу въ царствѣ Іисуса (*Мрк.* XIV), и воспѣвать нѣсьнъ новую (*Псал.* XXXII, 5 и *Псал.* XCP), и будетъ наслаждаться чтеніемъ Ветхаго и Новаго Заѣта. Также и то, что пишется въ другомъ мѣстѣ: *Вотъ я дѣлаю новое, что нынѣ родится* (*Исаи* XLIII, 19), даетъ такой смыслъ, что начало обновленія приписываетъ настоящему вѣку. Впрочемъ совершенной и законченной новизнѣ онъ не считаетъ возможнымъ осуществиться въ этомъ вѣкѣ. И какъ теперь мы видимъ какъ бы въ зеркалѣ и загадочно, а тогда увидимъ лицомъ къ лицу (1 *Корнѣ.* XIII), такъ и возстановленіе новаго человѣка тогда можетъ быть вполнѣ и совершенно закончено, когда будетъ соединено небесное и земное, и когда мы приступимъ къ Отцу единодушно, съ единымъ чувствомъ и единомысленно. Я не знаю, что такое и въ другомъ посланіи (если только кто его принимаетъ) Павелъ показываетъ въкоторымъ благоразумнымъ читателямъ, говоря такъ: *Всѣ эти, принимая свидѣтельство вѣры, не приняли обѣтованія, такъ какъ Богъ предопредѣлилъ (предусмотрѣлъ) относительно насъ ничто лучшее, чтобы они не безъ насъ приняли совершенство* (*Евр.* XI, 39). Поэтому вся тварь совоздыхаетъ съ нами,—стонающими въ этой [тѣлесной] кущѣ, и соболѣзнуетъ намъ, зачатымъ въ чревѣ подѣ давленіемъ страха Божія, соболѣзвующимъ и ожидающимъ откровенія сыновъ Божіихъ,—чтобы освободиться отъ суеты рабства, которому она нынѣ подчинена, и чтобы было одно стадо и одинъ Пастырь, и чтобы исполнилась молитва Господа, который возглашаетъ: *Да будетъ воля Твоя какъ на небѣ, такъ и на землѣ* (*Мѣ.* VI, 10).

Стихи 19—22: *И такъ вы уже не иностранцы и не*

пришельцы, но сограждане [сожители] святыхъ и близкіе (домашніе) Богу, воздвигнутые на основаніи Апостоловъ и пророковъ, когда Самъ Иисусъ Христосъ служитъ послѣднимъ краеугольнымъ камнемъ, на которомъ все зданіе стройно сложенное возростаетъ въ Господь въ святой храмъ, на которомъ и вы соединены въ зданіе для жилища Богу въ духъ.—На то, что онъ прежде сказалъ: Чуждые завѣтовъ и обѣтованія, отвѣчаетъ теперь: *Итакъ вы уже не иностранцы и не пришельцы*, а на то, что прежде выразилъ словами: *Отчужденные отъ общенія съ Израилемъ*, теперь говорить: *Вы сожители святыхъ и близкіе къ Богу*. Это мѣсто всего больше имѣетъ значеніе противъ тѣхъ, которые стремятся удерживать ученіе о двухъ природахъ. Ибо какимъ образомъ чужестранцы сдѣлались сожителями святыхъ, и какимъ образомъ близкими къ Богу стали тѣ, которые нѣкогда были отчуждены отъ общенія съ Израилемъ, если природа не можетъ превратиться ни въ худшую, ни въ лучшую? А слѣдующія за тѣмъ слова: *Созданы на основаніи Апостоловъ и пророковъ* болѣе соответствують первому, чѣмъ второму толкованію, въ которомъ мы выше сказали, что до пришествія Христова Израиль былъ близкимъ, а язычники вдали. Этимъ свидѣтельствомъ мы можемъ пользоваться и противъ Маркіона, и противъ остальныхъ древнихъ еретиковъ, которые проповѣдуютъ, что Богъ Закона одинъ, а Евангелія—другой. Дѣйствительно, вѣдь, если они уже не иностранцы, не пришельцы, но сограждане святыхъ и близкіе къ Богу, воздвигнутые на основаніи Апостоловъ и пророковъ съ Самимъ Иисусомъ Христомъ, какъ послѣднимъ краеугольнымъ камнемъ, на которомъ все стройно воздвигнутое зданіе возростаетъ въ святой храмъ въ Господь, на которомъ и Ефесяне созидаются вмѣстѣ въ жилище Божіе въ духъ; то одинъ есть Богъ одного зданія и храма, которые воздвигнуты на основаніи апостоловъ и пророковъ. Посему, если все стройно воздвигнутое зданіе въ Господь возростаетъ въ

святой храмъ, то всѣми силами намъ нужно стремиться къ тому, чтобы быть тѣми камнями о которыхъ написано: *Камни святыя быстро движутся на поверхности земли (Захар. IX, 16)*. И когда мы будемъ живыми камнями, обтесанными со всѣхъ сторонъ, легкими, тщательно выглаженными, не имѣющими никакой шероховатости, то будемъ обращены въ зданіе храма и будемъ жилищемъ Богу. И устроится въ насъ завѣтъ ковчега, стражъ закона Божія и Херувимы, т. е. *множество познанія*, а внутреннейшая часть сердца нашего назовется новымъ именемъ: мы будемъ называться *dabir* (דַּבִּיר), что мы можемъ назвать *прорицалищемъ*, *или отвитомъ*, и—выражаясь точнѣе и ближе къ буквѣ,—*λαλητήριον*, т. е. *мышо*, *идь говорятъ*, такъ что вмѣстѣ съ Апостоломъ воскликаемъ: *Или вы ищете доказательства того Христа, Который говоритъ во мнѣ (2 Коринт. XIII, 3)*. Но всякое зданіе, воздвигнутое на основаніи Апостоловъ и пророковъ, можетъ обозначать не только насъ, но и небесныя силы, такъ что они всѣ одинаково являются жилищемъ Божиимъ въ духѣ; ибо, говорятъ, было бы несообразно, чтобы зданіе, сложенное и устроенное изъ людей, возросло въ Господѣ въ святой храмъ и было жилищемъ Божиимъ въ духѣ, а ангелы и нѣкоторыя блаженныя силы, которыя на небесахъ служатъ Богу, были бы удалены отъ такого счастья. Послѣдній же краеугольный камень, который поддерживаетъ оба народа, или,—по другому толкованію,—соединяетъ земное и небесное, есть Христосъ Господь нашъ, Который отсѣченъ отъ горы не руками, и о Которомъ псалмопѣвецъ свидѣлствуетъ въ такихъ словахъ: *Камень, который отвергли строители, этотъ камень сдѣлался главою угла. Это было отъ Господа (Псал. XVII, 22)*, потому что онъ былъ отвергнутъ фарисеями, которые, повидимому, и имѣли познаніе въ Законѣ, создали храмъ Божій на заповѣдяхъ Закона, а принять онъ былъ отъ Бога, какъ краеугольный камень, чтобы въ срединѣ имѣть двѣ ограды, и чтобы чрезъ Него и тотъ,

и другой народъ имѣлъ доступъ къ Богу. Этотъ краеугольный камень для невѣрующихъ есть камень преткновенія и камень соблазна; кто упадетъ на него, тотъ разобьется; а на кого Онъ самъ обрушится, того онъ разобьетъ (Лук. XX).

КНИГА ВТОРАЯ.

По молитвамъ вашимъ, Павла и Евстохія, мы приступаемъ къ второй книгѣ [толкованій на посланіе] къ Ефесянамъ, имѣя въ виду послать новый незначительный трудъ въ Римъ. Это не потому, что его удостоитъ читать достопочтенное собраніе (senatus) ученыхъ и вписать въ древнія книгохранилища, а потому, что святая Марцелла въ письмахъ настоятельно просила исполнить это. Я же, ежедневно вспоминая о ея запятіяхъ, природныхъ дарованіяхъ и трудѣ, каждый разъ обвиняю себя въ бездѣтельности. потому что я, находясь въ уединеніи монастыря и видя предъ собою тѣ ясли, въ которыхъ пастыри поспѣшили поклониться лежащему въ нихъ Младенцу (Лук. II), не могу сдѣлать того, что благородная жена исполняетъ при шумѣ семейной жизни, имѣя на рукахъ управленіе домою, въ ущербъ своимъ дѣламъ. Посему и ее, и васъ, и если случайно найдется еще какой-либо читатель, я умоляю вообще помнить, что я представляю вамъ свое слово, не тщательно обдуманное и не отдѣланное; но для разъясненія таинствъ Писаній, пользуюсь почти простонародною рѣчью и иногда въ день пробѣгаю до тысячи стихковъ, чтобы начатое толкованіе на Апостола,—именно молитвами Павла самого, посланія котораго мы пытаемся истолковать,—было выполнено.

Глава III. — Стихи 1—4: *Ради этого дѣла я, Павелъ — узникъ Иисуса Христа ради васъ язычниковъ; однако, если только вы слышали о устроеніи благодати, которая дана мнѣ въ васъ,—ибо по откровенію мнѣ сдѣлалось извѣстнымъ таинство, какъ я прежде кратко написалъ,—въ та-*

комъ случай читая вы можете понять мое пониманіе тайны Христовой.—Что касается послѣдовательности рѣчи и построенія выраженія, мы, тщательно изслѣдуя, ничего не могли найти для того, чтобы возстановить ее въ отношеніи къ начальнымъ словамъ: *Рада этого дѣла я—Павелъ—узникъ Іисуса Христа ради васъ язычниковъ*. И дѣйствительно, вѣдь онъ не сказалъ, что ради этого дѣла я, Павелъ, сдѣлалъ это, или это, или училъ этому, или этому, но оставивъ [читателю] подразумѣвать мысль, переходить къ другому предмету. Можетъ быть, намъ,—зная о томъ, въ чемъ онъ и самъ сознается, говоря: *Хотя неискусенъ въ рѣчи, однако не въ знаніи* (*Корнѳ.* XI, 6),—не поискать ли [намъ] скорѣе порядка въ его мысляхъ, чѣмъ словахъ. Этотъ порядокъ можетъ быть возстановленъ [кажется] такъ. Я, Павелъ—узникъ Іисуса Христа и узникъ за васъ, происходящихъ изъ язычниковъ, ради того (дѣла) позналъ тайну, чтобы и вамъ передать ее, какъ въ этомъ же самомъ посланіи немного прежде я говорилъ вамъ. Но вы должны услышать устройство благодати Божіей, которая дана мнѣ въ васъ, которые изъ язычниковъ, ради которыхъ я и [сдѣлался] узникомъ Іисуса Христа. А что Павелъ былъ узникомъ Іисуса Христа за язычниковъ, это можетъ быть доказано его мученичествомъ, потому что, брошенный въ узы въ Римъ, онъ послалъ это посланіе въ то время, когда были написаны посланія и къ Филимону, и къ Колоссянамъ, и къ Филиппійцамъ, какъ мы показали это въ другомъ мѣстѣ. Или же,—такъ какъ это читается въ весьма многихъ мѣстахъ,—узами души называется это тѣло, въ которомъ душа содержится какъ бы заключенною; посему мы говоримъ, что Павелъ для того былъ подвергнутъ тѣлеснымъ узамъ, не разрѣшался и не былъ съ Христомъ, чтобы совершеннымъ было его проповѣданіе между язычниками. И хотя нѣкоторые этому мѣсту даютъ иной смыслъ,—именно: Павелъ отъ чрева матери своей былъ предназначенъ и освященъ на проповѣдь язычникамъ еще

прежде рожденія своего, а потомъ уже подвергся узамъ плоти; но я думаю, что въ этомъ мѣстѣ испорчено выраженіе. Въ-место того, чтобы сказать: „Ради этого дѣла я, Павелъ, — узникъ Иисуса Христа за васъ, язычниковъ, позналъ тайну, какъ немного прежде и написалъ вамъ, посему вы читая можете понять“, онъ говоритъ: „Я, Павелъ—узникъ по откровенію, мнѣ сдѣлалось извѣстно таинство“ и проч. Но если кто можетъ на основаніи связи рѣчи и слово-выраженій доказывать, что Апостолъ былъ безупреченъ въ рѣчи и не допустилъ погрѣшности въ области грамматикъ, то такого должно выслушать съ вниманіемъ. А мы каждый разъ [замѣчая] неправильные обороты рѣчи или то, что замѣчено выше, не упрекаемъ Апостола, какъ дѣлаютъ зложелатели, но соглашаемся съ нимъ, потому что онъ, Еврей изъ Евреевъ, безъ блеска краснорѣчія, безъ искусства сочетанія словъ и красоты выраженія никогда не былъ бы въ силахъ обратить къ вѣрѣ во Христа весь міръ, если бы не благовѣствовалъ Его силою Божіею, а въ премудрости слова. Ибо онъ самъ обращается къ Коринѳянамъ такъ. *И я когда приходилъ къ вамъ, братіе, не съ выотою мудрости и слова, возвышая вамъ свидѣтельство Божіе* (1 Коринѳ. II, 1) *И снова: И слово мое, и проповѣдь моя не въ убѣдительныхъ словахъ мудрости, но въ провленіи духа и силы, чтобы вѣри ваша была не въ премудрости человѣческой, но въ силѣ Божіей* (Тамъ же, 4 и 5 ст.). И такъ тотъ, кто допускаетъ неправильности въ рѣчи и не можетъ сдѣлать разстановки словъ, и заключить мысль,—[тотъ] смѣло усвоитъ себѣ премудрость и говоритъ: *Такъ какъ по откровенію мнѣ сдѣлалось извѣстнымъ таинство, какъ я немного прежде написалъ.* Ибо на самомъ дѣлѣ, кто всмотрится въ выше-изложенную часть посланія, тотъ увидитъ открытыя ему таинства, нѣкоторую малую часть изъ нихъ онъ изложилъ въ своемъ словѣ, не столько выставляя все ему извѣстное, сколько въ малой мѣрѣ показывая, о чемъ онъ умолчалъ. По

этому, говорить онъ, вы читая можете понять мысль мою или мудрость въ таинствѣ Христовомъ. Это и есть то, что мы показали въ предисловіи: никакое изъ посланій Павла не имѣеть столькихъ таинствъ, не окутано столь сокровеннымъ смысломъ, который, — какъ похваляется Апостоль — ему извѣстенъ и который въ краткихъ словахъ онъ показываетъ намъ, чтобы мы перечитывали съ большимъ вниманіемъ то, что написано.

Стихи 5—7: *И которыя не была извѣстна другимъ родамъ, сынамъ человѣческимъ такъ, какъ нынѣ она открыта святымъ Его апостоламъ и пророкамъ въ Духъ, что язычники суть сонаследники, соучастники въ тѣлѣ, сопричастники обитованія во Христвъ чрезъ благовостованіе, служителемъ котораго сдѣлался и я по дару благо-Божіей, данной мнѣ по дѣйствию силы Его.* — По нашему мнѣнію, необходимо болѣе полно разсмотрѣть, каковымъ образомъ таинство Христово, которое Апостоль отчасти изслѣдовалъ выше, было извѣстно другимъ родамъ: знали ли его Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ и прочіе пророки, или нѣтъ? Писаніе указываетъ, что ими предсказаны были пришествіе Христово и призваніе язычниковъ. Дѣйствительно, вѣдь Авраамъ видѣлъ день Его и возрадовался (Іоан. VIII, 56) и говорится ему: *Благословятся въ стмени твоёмъ весь народы* (Быт. XXII, 18). И Іаковъ пророчески говоритъ о Томъ, который долженъ родиться отъ стмени Іуды: *Онъ будетъ ожиданіемъ народовъ* (Быт. XLIX, 10). Также и Моисей думалъ, что повошеніе Христово есть большее богатство, чѣмъ сокровища Египта (Евр. XI, 26). И Исаія говоритъ: *Вотъ два въ чревь приметъ и родитъ* (Ис. VIII, 14) и въ другомъ мѣстѣ: *Будетъ отрасль Іессея, которая и возстанетъ, чтобы царствовать надъ народами, на Него будутъ надѣяться народы* (Ис. IX, 10). И чтобы не очень удлиннять доказательства, достаточно сказать немногое изъ Псалмовъ: *И поклонятся предъ лицемъ Его весь племена (familiae) се-*

мейства народовъ (Псал. XXI, 28), и слова: *Всѣ народы будутъ служить Ему* (Псал. XVII, 11). А еще яснѣе народъ Израильскомъ и о Господѣ Спасителѣ: *Посѣти виноградникъ этотъ и усоверши тотъ, который насадилъ десница Твоя, и на Сына, котораго Ты укрѣпилъ Себѣ* (Псал. LXXIX, 15, 16). И совершеніе воплощенія Его называется въ слѣдующихъ словахъ: *Да будетъ рука Твоя надъ мужемъ десницы Твоей и надъ сыномъ челоука, котораго Ты укрѣпилъ Себѣ* (ст. 18). Итакъ, нужно понимать или вмѣстѣ съ Монтаномъ, что патріархи и пророки говорили въ восхищеніи, и не знали, что говорили, или же если такое мнѣніе нечестиво (потому, что духъ пророческій былъ подчиненъ пророкамъ), — они несомнѣнно понимали, что говорили. А если понимали, то какимъ образомъ теперь Павелъ утверждаетъ, что другимъ родамъ не было извѣстно, что было открыто Апостоламъ Христовымъ? Итакъ, и нужно отвѣчать такъ, что Апостолъ осторожно и знаменательно свидѣтельствуешь, что таинство было неизвѣстно съ намъ челоуческимъ, но не сынамъ Божиимъ, которымъ говорится: *Я сказалъ: вы боги, и всѣ сыны Вышняго* (Псал. LXXXI, 6). Именно потому, что принявшіе Духа усвоившенія, изъ числа которыхъ были патріархи и пророки знали таинство Божіе. Или же, если это не принимается, кажется слишкомъ насильственнымъ и натянутымъ, то рѣчь наша будетъ идти такъ: Апостолъ опредѣленно и вообще указалъ, что другимъ родамъ таинство Господа было совершенно неизвѣстно, а сказалъ, что древніе патріархи и пророки не знали его такъ, какъ оно было открыто Его святымъ и Апостоламъ. Поэтому и пророкъ Іоаннъ называется бѣльшимъ изъ всѣхъ пророковъ (Лук. VII): онъ лично созерцалъ Того, котораго пророки предсказывали и перстомъ указалъ на Него съ словами: *Вотъ Агнецъ Божій, вотъ Тотъ Который взялъ грѣхи міра* (Іоан. I, 29). Соотвѣтственно такому значенію должно толковать и слѣдующія слова: *Мнѣ*

гіе пророки и праведники желали видѣть то, что вы видите, и не видѣли, и слышать то, что вы слышите, и не слышали (Лук. X, 24). Конечно, они хотѣли видѣть и слышать то, что знали, какъ имѣющее быть. Въ самомъ дѣлѣ, если бы они не знали имѣющаго наступить, то какимъ образомъ могли бы желать того, чего не знали? Въ книгахъ Царей мы читаемъ, что Господь во снѣ общаетъ Соломону и говорить: *За то, что ты просилъ отъ Меня этого именно (verbum), а не просилъ дней многихъ, не требовалъ ни богатствъ, ни жизни враговъ своихъ, но просилъ, чтобы понимать и слушать правый судъ, вотъ Я исполнилъ прошеніе (verbum) твое и далъ тебѣ сердце благоразумное и премудрое, каковымъ не было твое прежде у тебя, и послѣ тебя не возстанетъ подобный тебѣ (2 Цар. III, 11),* И какимъ образомъ нѣкоторые думаютъ, что Апостоламъ Христовымъ открыто таинство, которое было неизвѣстно Соломону, когда божественный голосъ общалъ Соломону быть мудрѣ всѣхъ апостоловъ и потомъ патріарховъ? Онъ и самъ о себѣ говоритъ съ полною увѣренностію: *Богъ научилъ меня премудрости, и я позналъ разумъ святыхъ (Прем. VII, 21).* Также и Давидъ похваляется знаніемъ сокровенной тайны, говоря: *Неизвѣстное и тайное премудрости Своей Ты открылъ мнѣ (Псал. L, 8).* И тому, кто рукоплескалъ себѣ за премудрость, Богъ говоритъ чрезъ пророка: *Развѣ ты мудрѣ Даниила? (Іезек. XXVIII, 3).* Итакъ, или должно держаться того смысла, который мы прежде установили, т. е. что патріархи и пророки не знали такъ тайны Христовой, какъ нынѣ она открыта Апостоламъ, потому что одно дѣло держать въ рукахъ что-либо, а другое дѣло что-либо предвидѣть духомъ. Или же должно сказать, что какъ лица не похожи на лица, и сердца на сердца, такъ, и по слову Апостола, есть и различныя дарованія, и одинъ имѣетъ пророчество, другой—роды языковъ, третій—дары исцѣленій, иной вспомошествованія другимъ и управ-

леніе ими; тотъ мудръ, а этотъ вѣренъ, тотъ имѣеть способность разъяснять тайное, а тотъ довольствуется простою в рою (1 *Корнѣ*. XII). Потому что вѣдь не всё подобно Соломону одинаково говорили о природѣ звѣрей, птицъ и растній, чтобы разсуждать, начиная отъ кедръ Ливанскаго иссопа, который проросъ сквозь ограду. Съ своей стороны Соломонъ, можетъ быть, не такъ былъ прозорливъ, какъ Моисей относительно всѣхъ видовъ жертвъ и богопочитанія, притомъ Господь не бесѣдовалъ съ нимъ лицомъ къ лицу, какъ не имѣлъ, такъ и не понималъ прекраснаго устроен сосуудовъ, образецъ которыхъ ему показалъ на горѣ Господи (3 *Цар.* IV; сравн. *Исх.* XXXII, XXV). И какъ должно в ровать, что патріархи и пророки имѣли нѣчто такое, чего имѣли апостолы; такъ, наоборотъ, по нуждѣ, соотвѣтствен времени и роду проповѣди Евангелія, апостолы имѣли бол извѣстное таинство Христова; его знали также и святые муж въ древности, но не такъ, какъ Апостолы, которымъ надъ жала обязанность проповѣдать. Но что это за таинство, к торое не было открыто другимъ родамъ такъ, какъ нын Конечно, это то, что далѣе слѣдуетъ: *язычники суть и наследники, соучастники въ тѣлѣ, сопричастники обѣт ванія во Христѣ Исусѣ чрезъ благовѣствованіе*, служил лемъ котораго сдѣлался Павелъ по дару благодати Божіе которая дана ему по дѣйствию силы Его. Я знаю, что пр соединеніе имъ союза *со* (сонаслѣдники и т. д.) на Латв своемъ языкѣ дѣлаеть рѣчь некрасивою. Но такъ какъ э есть въ Греческомъ языкѣ, и отдѣльныя слова, слоги, чер и точки въ св. писаніяхъ исполнены смысла, то поэты мы согласны скорѣе подвергнуться упреку за словопроизв ство и словосочетаніе, чѣмъ за поврежденіе смысла. Итѣ язычники суть сонаслѣдники Израиля, или,—что намъ в жется лучше,—Христа, такъ какъ наслѣдіе наше есть Богъ Это написано и въ другомъ мѣстѣ: *Наслѣдники Божіи сонаслѣдники Христу* (*Римл.* XIII, 17). Это не значит

что между нами раздѣляется какое-либо наслѣдство, но что самъ Господь есть наслѣдіе и достояніе наше, потому что говорится: *Господь наслѣдіе ваше* (Втор. XVШ, 2), и въ другомъ мѣстѣ: *Господь часть и наслѣдіе мое* (Псал. XV, 5). А *соучастники въ тѣлѣ* значить то, что какъ въ одномъ тѣлѣ есть много членовъ, напр.: глаза, руки, ноги, уши, чрево и колѣна, и такъ какъ они суть въ одномъ тѣлѣ, имѣють свое различіе и взаимно другъ за друга радуются или скорбятъ; такъ и тѣ, которые увѣровали во Христа, хотя имѣють различную благодать, однако собраны въ одномъ тѣлѣ Церкви. Да и въ двухъ выше указанныхъ словахъ, т. е. словахъ *сонаслѣдники* и *соучастники въ тѣлѣ* уже дается поводъ думать, что въ одномъ тѣлѣ есть нѣчто различное. А изъ его прибавленія: *и соучастники обѣтованія въ Христѣ Иисусѣ* уничтожается всякая мысль о различіи, потому что тамъ, гдѣ есть соучастіе, все совершенно общее. И прекрасно его прибавленіе: *Черезъ благовѣтствованіе, служителемъ котораго сдѣлался и я по дару благодати, которая дана мнѣ по дѣйствию силы Его*, чтобы показать, что это дѣло благодати, а не его заслуги. Вѣдь онъ зналъ, что былъ гонителемъ и опустошалъ Церковь Христову. Такимъ смиреніемъ совершенно исключается грѣхъ превозношенія, въ которомъ нѣкоторые обвиняють его потому, что онъ говоритъ, что ему открыто таинство, которое было неизвѣстно пророкамъ и патриархамъ, но ученіе смиренія никогда не выражался надменно, говоря, что благовѣтствованіе, служителемъ котораго онъ былъ, было дѣломъ не его заслуги, но благодати Божіей. Тѣ, которые полагають, будто пророки не понимали своихъ рѣчей и говорили какъ бы въ изступленія, вмѣстѣ съ настоящимъ свидѣтельствомъ для подтвержденія своего ученія пользуются также и тѣмъ, которое находится во многихъ спискахъ посланія къ Римлянамъ, именно: *А Тому, Который можетъ укрѣпить васъ по благовѣтствованію моему и проповѣди о Христѣ Иисусѣ по открове-*

нію тайны, скрытой отъ временъ вѣчныхъ, а открытою нынѣ чрезъ писанія пророковъ и чрезъ пришествіе Господа нашего Іисуса Христа и проч. Таковымъ необходимо отвѣтить кратко, что въ прошедшія времена умолчана была тайна Христа не для тѣхъ, которымъ было обѣщано ея исполненіе, но для всѣхъ народовъ, которымъ она впоследствии была открыта. Равнымъ образомъ должно примѣтить и то, что таинство нашей вѣры могло быть открыто только чрезъ пророческія Писанія и пришествіе Христово. Итакъ не понимающіе пророковъ и нехотящіе ихъ знать, но утверждающіе, что они довольствуются только Евангеліемъ, пусть знаютъ, что имъ неизвѣстна тайна Христова, которая въ теченіе вѣковъ была извѣстна язычникамъ.

Стихи 8, 9: *Мнѣ меньшему изъ всѣхъ святыхъ дана благодать сія благовѣствовать среди язычниковъ неизслѣдимое богатство Христово и просвѣщать всѣхъ о томъ каково устройство тайны, скрытой отъ вѣчности въ Богъ сотворившемъ совершенно все.*—Я не думаю, что Апостолъ Павелъ не былъ въ согласіи съ тайными мыслями своимъ, когда говоритъ, что онъ по истинѣ меньшій изъ всѣхъ святыхъ, напр., тѣхъ, которые были въ Ефесѣ, въ Коринѣ, и въ Фессалоникахъ, или тѣхъ, которые были вѣрующими во всемъ міру; хотя называть себя меньшимъ изъ всѣхъ святыхъ есть доказательство смиренія; но вмѣстѣ онъ виновенъ въ нѣкоторой неправдѣ, когда, имѣя на душѣ одно, уста провозносятъ другое. Итакъ нужно отыскать доказательство того, что онъ на самомъ дѣлѣ былъ и меньшимъ изъ всѣхъ святыхъ, и тѣмъ не менѣе не отпалъ отъ Апостольскаго достоинства. Господь говоритъ ученикамъ Своимъ: *Кто сре васъ хочетъ быть большимъ, пусть будетъ меньше всѣхъ, и кто хочетъ быть первымъ, пусть будетъ послѣднимъ* (Мѡ. XX, 26, 27). Это Павелъ и исполнялъ на дѣлѣ: *Я думаю, что Богъ поставилъ насъ послѣдними, какъ многочисленными къ смерти* (1 Коринт. IV 9). поэтому Г

вель былъ немощнѣе всѣхъ, а потому и больше всѣхъ, которые желали ради Христа быть немощными. Онъ говоритъ: *Большіе всѣхъ ихъ потрудился, но не я, а благодать Божія, которая со мною.* По такому смиренію его, хотя онъ меньше всѣхъ, дана ему среди язычниковъ благодать, чтобы благовѣтствовать неизслѣдимыя богатства Христовы и научать исполненію скрытаго отъ вѣчности въ Богѣ, сотворившемъ все. Но если богатства Христовы неизслѣдимы, то какимъ образомъ они благовѣствуются въ народѣ? Если таинство отъ вѣчности скрыто въ Богѣ, то какимъ способомъ оно чрезъ Павла передается народамъ? Но слова: *неизслѣдимыя* и *скрытое* должно понимать двойко. Неизслѣдимыя прежде богатства нынѣ открыты послѣ страданія Господа; или же въ такомъ смыслѣ, что бывшее неизслѣдимымъ по природѣ сдѣлалось извѣстнымъ вслѣдствіе откровенія отъ Бога, потому что иное дѣло постигнуть тайное по собственной любознательности, что послѣ открытія перестаетъ уже быть неизслѣдимымъ; а иное дѣло не понять своимъ разумѣніемъ, но познать по благодати Божіей то, что ты хотя и познаешь, а также и другимъ покажешь, остается однако неизслѣдимымъ, такъ какъ прежде тебѣ было показано сокровенное только въ мѣру доступности для твоихъ силъ. Богатства Христовы неизслѣдимы; объ этомъ свидѣтельствуетъ также и Псалмопѣвецъ, обращаясь къ самому Христу такъ: *Какъ безконечно множество благодати Твоей, которую Ты сохранилъ для боящихся Тебя (Псал. XXX, 20).* Это богатство благодати Его отъ всѣхъ прошедшихъ вѣковъ было скрыто въ Богѣ, Который есть Творецъ всего. Гдѣ Маркіонъ и Валентинъ, и всѣ еретики, которые утверждаютъ, что есть одинъ Создатель міра, т. е. видимыхъ вещей, а другой—невидимыхъ? Этого послѣдняго они называютъ добрымъ, а какимъ называютъ того, всегда неизвѣстнаго, я не знаю; а добрымъ называютъ только Того, Который есть Отецъ Христа. И вотъ Творцемъ всего провозглашается Богъ, въ Которомъ

отъ всѣхъ прежнихъ вѣковъ было сокрыто таинство Христа этимъ показывается, что Богъ Вѣчнаго и Новаго Завета одинъ и тотъ же. Но таинство скрытое отъ вѣковъ можетъ быть понято и иначе, т. е. сами вѣка, именно всѣ духовные и разумные, жившіе въ теченіе ихъ, не знали о немъ. Слово *вѣкъ* часто понимается въ значеніи людей, жившихъ въ теченіе вѣка. Такъ именно говоритъ и Павелъ посланіи къ Галатамъ: *Чтобы вырвать насъ изъ неправдаго вѣка сего* (Галат. I, 4). и въ другомъ мѣстѣ говорится: *Чтобы показать въ теченіе имѣющихъ придти въ менѣ* (Ефес. II, 7), вмѣсто всѣхъ тѣхъ, которые будутъ живѣ слѣдующіе вѣка.

Стихи 10, 11: *Чтобы нынѣ сдѣлать извѣстною вѣстямъ и начальствамъ на небесахъ многообразную премудрость Божию по предположенію вѣчному, которую (quam fecit) во Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ*. По дару благодати Божіей, которая дана Апостолу, что благовѣствовать неизслѣдимыя богатства Христовы и учить среди народовъ о таинствѣ, которое было неизвѣстно вамъ. Для того это самое таинство и было открыто и чтобы не только народамъ, но и властямъ, и силамъ безвѣстна чрезъ Церковь многообразная премудрость Божья которая вѣкогда по предположенію древнихъ вѣковъ предназначена, а нынѣ является исполненною въ Христѣ. Но многообразная премудрость Божія, открытая нынѣ чрезъ Церковь, была извѣстна властямъ и начальствамъ на небесахъ подъ которыми мы должны разумѣть святыхъ служителей Божіихъ (хотя вѣкоторые разумѣютъ здѣсь князя воздушныхъ и ангеловъ его), то насколько болѣе она была неизвѣстна патриархамъ и пророкамъ, о которыхъ мы выше сказали что они до нѣкоторой степени знали таинство Христово, не знали такъ, какъ апостолы! Итакъ, премудрость Божья которая называется греческимъ словомъ *πολυποίκιλος* и, т. е. сказать, многообразна, нынѣ чрезъ Церковь Божию открыта.

начальствамъ и властямъ. Издревле Богъ въ мысли Своей предзначилъ ей быть, и нынѣ по тому, что мы видимъ, мы признаемъ, что она совершенна. Итакъ Крестъ Христовъ не только намъ, но и ангеламъ и всѣмъ небеснымъ силамъ былъ полезенъ и открылъ тайнство, котораго они не знали. Въ концѣ концовъ они изумляются Господу, возвращающемуся на небо съ тѣломъ и говорятъ: *Кто этотъ, восходящій отъ Эдома; красны одежды Его отъ Восора; такъ [или: этотъ] величественный въ блестящей одеждѣ (Ис. LXIII, 1);* и въ другомъ мѣстѣ: *Кто этотъ царь славы? Господь силъ— Онъ есть царь славы (Псал. XXIII, 10).* Итакъ не будемъ думать, что въ Церкви есть только простая вѣра, но много-частная и многообразная премудрость Божія отмѣчается не только различіемъ, но и великимъ разнообразіемъ. Взираешь ты на колыбель Христа, посмотри также и на небо. Созерцаешь ты Младенца, плачущаго въ ясляхъ, но внимай также и ангеламъ, воспѣвающимъ хвалы. Иродъ воздвигаетъ гоненіе, но волхвы совершаютъ поклоненіе (*Мѡ. II*); Фарисеи находятся въ невѣдѣніи, но звезда показываетъ [Его]. Онъ получаетъ крещеніе отъ раба; но при этомъ раздается свыше голосъ Божій (*Мѡ. III*); погружается въ воды; но сходитъ съ неба голубь, именно Духъ въ видѣ голубя (*Мѡ. III, 16*). Идетъ на страданіе и страшится страданій, желая, чтобы мнновала Его чаша, но обличаетъ Петра въ томъ, что онъ боится чаши [страданій]. Что мудрѣ этого якобы неразумія, яснѣе этого разнообразія, таинственнѣе этой премудрости, которую Онъ проявилъ въ Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ? Хотя по мысли весьма многихъ толкователей на основаніи послѣдовательности и связи рѣчи [это мѣсто] можно понимать въ отношеніи къ созданію Церкви и къ *предположенію* (*πρόθεσις*), которое на латинскомъ языкѣ мы выразили словомъ средняго рода *опредѣленіе*, однако премудрость, бывшая въ Христѣ, указывается здѣсь преимущественно предъ прочимъ, потому что *неразумное Божіе болѣе премудро, не-*

жели человеческое (1 Корнѣ. I, 25). Поэтому, если согласи таинственному смыслу во Христѣ была премудрость (*Еккл.* XXI) то напрасно Аріане хвастаются, что это свидѣтельство — въ ихъ пользу въ томъ смыслѣ, что Премудрость создана въ началѣ путей Божіихъ, и рождена, и получила начало (*id. datam*), но, — конечно по ихъ мысли, — Она создана, и могла быть рождена. А если она рождена, то какимъ образомъ говорится, что она создана и получила начало?

Стихъ 12: *Въ Которомъ мы имѣемъ увѣренность доступъ [къ Богу] по вѣрѣ въ Него съ несомнѣнностію.* — Ничто не можетъ подать намъ увѣренности и чистоты свѣсти, — о которой говорится: *Если совѣсть насъ не упрікаетъ, то мы имѣемъ полное довѣріе къ Богу* (1 Иоан. III, 21), кромѣ Слова, Премудрости, Истины и Правды, — что все принимается въ значеніи Христа. Слѣдовательно, какъ все это подаетъ намъ увѣренность въ Богѣ, такъ доставляетъ намъ и доступъ къ Нему, такъ что умъ нашъ приступаетъ къ Нему и болѣе прилежно созерцаетъ Его и воспринимаетъ для себя нѣчто отъ величества Его и какъ бы отъ солнечныхъ лучей получаетъ для себя нѣкоторую теплоту и сіяніе свѣта и говорить: *Надъ нами было знаменіе свѣта Лица Твоего Господи* (*Псал.* IV, 7). Итакъ велико не только то, что мы имѣемъ увѣренность, но еще имѣемъ ее съ твердостью убѣжденія. Не только имѣемъ доступъ [къ Нему], но, чтобъ этотъ доступъ былъ болѣе несомнѣннымъ, мы имѣемъ его съ твердою увѣренностію; а начало и источникъ этой вѣры доступа [къ Богу] есть вѣра о Христѣ. Итакъ, кто все дѣлаетъ разумно и по порядку, тотъ вѣруетъ, какъ въ Слово и Разумъ, т. е. въ Христа; кто можетъ усвоить премудрости вѣруетъ въ Христа, какъ Премудрость, кто пойметъ истину, тотъ вѣруетъ въ Христа, какъ Истину; кто будетъ жити праведно, тотъ вѣруетъ въ Него, какъ въ Правду. И нѣтъ нужды говорить больше, такъ какъ мнѣ часто представлялось необходимымъ подобнымъ образомъ разсуждать о Христѣ

Стихъ 13: *Посему прошу васъ, не ослабѣвайте въ виду страданій моихъ за васъ, въ чемъ есть ваша слава.*— Въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Латинскій переводчикъ выразилъ мысль: *не ослабѣвайте*, вслѣдствіе двоякаго смысла Греческой рѣчи можетъ быть прочитано: *Чтобы мнѣ не ослабѣть*; такъ что смыслъ будетъ такой: *Посему прошу, чтобы мнѣ не ослабѣть въ страданіяхъ моихъ за васъ* и проч. Итакъ вотъ чего просить Апостоль отъ Господа,— и очень много просить,— чтобы не ослабѣть въ угнетеніяхъ, которыя онъ долженъ былъ переносить. Дѣйствительно, онъ видѣлъ, что онъ проповѣдалъ Евангеліе отъ Іерусалима до Иллирика, ходилъ въ Римъ, отправился или располагалъ идти въ Испанію (*Римл. XV*). По ученію его весь міръ былъ отнять изъ-подъ владычества князя [міра]; прекратилось идолослуженіе и поквнутые читателями [ихъ храмы] наполнились мерзостію и нечистотою. По этой причинѣ все войско демоновъ, вся толпа враждебныхъ силъ ополчилась для вражды противъ него, чтобы посредствомъ терзаній и угнетеній заставить его прекратить проповѣданіе Евангелія и вслѣдствіе нѣкотораго утомленія предаться покою. Итакъ вотъ что онъ говоритъ: *Я прошу о томъ, чтобы не ослабѣть въ страданіяхъ своихъ за васъ*, ибо все, что я переносу, что испытываю, что меня вынуждаетъ, является дѣломъ ради вашего спасенія, такъ какъ я желаю благовѣствовать Евангеліе: эти испытанія мои служатъ вамъ славою. Затѣмъ онъ сказалъ, какъ неискусный въ словѣ, когда бѣ множественному числу слова *страданія* присоединяетъ единственное число *слава*, говоря: *Въ испытаніяхъ моихъ за васъ, въ чемъ есть ваша слава*, вѣсто: *Каковыя испытанія суть ваша слава*, чтобы кто-нибудь случайно чрезъ перестановку словъ не пришелъ къ мысли, что это выраженіе должно относить или къ увѣренности, или къ доступу [къ Богу], или къ вѣрѣ, и не сказалъ, что въ этомъ мы получаемъ увѣренность, доступъ [къ Богу] и вѣру: эта увѣренность, доступъ [къ Богу] и вѣра

являются вашею славою. Но должно слѣдовать вышеуказаному пониманію. Однако соотвѣтственно тому, что вырази Латинскій переводчикъ, эти слова: *Поэтому я прошу, чтобы вы не ослабляли въ виду испытаній моихъ за все, въ чемъ ваша слава* можно истолковать и въ томъ смыслѣ, что онъ проситъ за Ефесянъ, чтобы они не утомились, ослабѣли въ виду страданій Апостола; дѣйствительно, въ и дальнѣйшее болѣе соотвѣтствуютъ такому пониманію: *И сему приклоняю колѣна мои предъ Отцемъ Господа и шего Иисуса Христа, чтобы Онъ далъ вамъ по богатству славы своей силою укрѣпитися*, потому что они дѣйствительно имѣли необходимую вѣрность, чтобы не быть побѣжденными въ виду искушеній. Можетъ быть, кто-либо скажетъ: „Если бы Ефесяне были подвергнуты притѣсненіямъ то конечно Апостолъ могъ за нихъ усердно молиться, чтобы они не ослабѣли и не утомились; а въ настоящемъ случаѣ смѣшно,—когда Павелъ подвергнуть испытаніямъ,—что онъ проситъ объ Ефесянахъ, чтобы они не ослабѣли въ виду скорбей. Но чтобы разрѣшить и этотъ маленькій вопросъ пусть возьмуть такой примѣръ: *Испытанія вашего въ плоти моей вы не презрѣли и не отвергли* (Галат. IV, 13, 14) если только въ этомъ изреченіи показывается, что въ плоти Павла для другихъ явилось испытаніе. Обратимъ вниманіе на людей всего міра (впрочемъ къ чему говорить мнѣ вообще о всѣхъ: будемъ разсуждать о тѣхъ, которые считаются и рующими въ Христа!) и мы будемъ видѣть, что они исходятъ главнымъ образомъ тѣмъ вопросомъ: почему мужа святымъ и служащимъ Богу бываетъ много несчастій, наоборотъ преступники, нечестивые и убійцы процвѣтаютъ находятся въ силѣ, бываютъ богаты и могущественны. Вразая въ своемъ лицѣ слова таковыхъ, Давидъ говоритъ *Сколь благъ Богъ Израилевъ правымъ сердцемъ, а мои почти колеблются; почти спутались шаги мои, потому что я возревновалъ противъ неправедныхъ, видя миръ*

жизнь грѣшниковъ (Псал. LXXII, 1—3) и проч. На это онъ прибавляетъ: Я же сказалъ: „Я безъ причины оправдалъ сердце свое и умылъ руки свои въ невинности и былъ бичуемъ въ теченіе всего дня“. Итакъ не удивительно, что когда Павелъ былъ угнетаемъ въ Ефесѣ и въ Азіи, Ефесяне подвергались искушенію и нуждались въ необходимой помощи, въ его словахъ утѣшенія, чтобы не поддаться слабости въ виду его угнетеній. А что Апостоль многое претерпѣлъ въ Ефесѣ и въ Азіи, это записано также и въ Дѣяніяхъ Апостоловъ; но еще больше мы узнаемъ объ этомъ изъ посланій самого Павла, въ которыхъ онъ говоритъ: Если по человѣческому (рѣшенію) въ Ефесѣ я боролся противъ зпрей, то какая мнѣ польза, если мертвые не воскреснутъ? (1 Корнѣ. XV, 32). И во второмъ посланіи къ Коринѣянамъ: Я не хочу, братіе, чтобы вы остались въ невѣдѣніи о скорби нашей, бывшей въ Азіи, потому что мы были отягощены безъ мѣры и выше силъ, такъ что даже отчаялись жить; но сами въ себѣ имѣли смертный приговоръ, чтобы не полагаться на себя, но на Бога, Который воскрешаетъ мертвыхъ, Который освободилъ насъ отъ столькихъ смертныхъ опасностей и освобождаетъ; но надѣмся, что и еще имѣетъ освободить (2 Корнѣ. I, 8—10). Насколько же угнетала его тяжесть бѣдствій, когда онъ говоритъ: Который освободилъ насъ отъ столь многихъ и столь великихъ опасностей? Итакъ онъ по справедливости проситъ, чтобы не оскудѣла вѣра Ефесянъ въ виду угнетеній и утѣшеній его, которыя онъ переносилъ потому, что проповѣдалъ Ефесянамъ Евангеліе. Эти угнетенія для невѣрующихъ кажутся наказаніями, для вѣрующихъ они суть слава и побѣда, потому что побѣдить и значить не уступить противникамъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ.

Стихъ 14: Посему приклоняю колѣна предъ Отцемъ Господа нашего Иисуса Христа, отъ Котораго на небесахъ и на землѣ получаетъ имя всякое отечество.—Какъ

въ вышеприведенныхъ словахъ нашихъ показано, что и образу тѣлесныхъ глазъ есть очи духовныя, таѣ и тепер должно обратить вниманіе на то, что колѣна виѣшняго челоуѣка одни, а колѣна внутренняго челоуѣка другія. Дѣй свительно, когда Исаія говоритъ: *Укрѣпите опустившія руки и дрожащія колѣна* (Исаія XXXV, 3), и самъ Апостоль въ другомъ мѣстѣ: *Чтобы во имя Іисуса преклонилось всякое колѣно небесныхъ и земныхъ, и преисподнихъ* (Филип. II, 10), то это относится не къ тѣлеснымъ колѣнамъ, но къ покорности духа, къ послушанію сердца и къ смиренію души, которая приклоняется къ землѣ, какъ это воспѣваетъ самъ Псалмопѣвецъ: *Моя души привязались къ землѣ* (Псал. CXVIII, 25); въ самомъ дѣлѣ какимъ образомъ духовное и безтѣлесное бытіе, душа, можетъ прильнуть къ землѣ? Съ другой стороны пусть еще во имя Іисуса склонится на землѣ всякое колѣно; но можемъ ли мы утверждать, что ангелы и прочія силы, пребывающія въ небесныхъ обителяхъ, имѣютъ тѣлесный видъ, чтобы и они приклонили колѣна во имя Его, или чтобы души въ адѣ, освобожденные отъ узъ тѣлесныхъ, приклонили колѣна, которыхъ у нихъ нѣтъ? Такимъ образомъ, какъ подчинившійся Спасителю называется приклонившимъ Ему колѣна, такъ и рабъ грѣха, и имѣющій духа рабства въ страхѣ вѣшается, какъ приклонившій колѣна предъ грѣхомъ. *Остилось у Меня, говоритъ Господь, семь тысячъ мужей, которые не склонили колѣнъ предъ Вааломъ* (3 Цар. XIX, 18), т. е. предъ идоломъ и грѣхомъ. Кто блудоуѣйствуетъ и бѣгаетъ по непотребнымъ домамъ, тотъ приклоняетъ колѣна предъ похотию. Кто гнѣвливъ, тотъ съ колѣноприклоненіемъ чтитъ гнѣвъ. Кто преданъ маммонѣ, и у кого чрево есть богъ его, тотъ приклоняетъ колѣна предъ скуностию и роскошью. Да и какая необходимость мнѣ перечислять отдѣльные случаи? Мы приклоняемъ колѣна предъ діаволомъ столько разъ, сколько разъ согрѣшаемъ. Но излагая это въ духовномъ смыслѣ, мы

не оставляемъ вмѣстѣ съ тѣмъ обычая молиться соотвѣтственно буквальному значенію этихъ словъ, почему (qua) смиренно умоляемъ Бога съ колѣнопривлеченіемъ и припавъ къ землѣ получаемъ отъ Него болѣе, нежели просимъ. Дѣйствительно, мы читаемъ, что Павелъ такимъ образомъ молился на берегу и заповѣдалъ въ молитвѣ колѣноприклоненіе. Но какъ онъ научаетъ людей простыхъ, такъ (наоборотъ) мы знаемъ, что истинное колѣноприклоненіе заключается въ духъ, потому что многіе, склоняя тѣлесное колѣно, не согнули колѣнь души; и наоборотъ многіе, молясь Богу съ несогнутымъ тѣломъ, гораздо болѣе припадали духомъ. Далѣе слѣдуетъ: *Къ Отцу, отъ Котораго получаетъ наименованіе всякое отечество на небесахъ и на землѣ*; здѣсь не прибавлено, какъ въ латинскихъ собраніяхъ св. книгъ: къ Отцу Господа нашего Іисуса Христа, а должно читать просто: *къ Отцу*, чтобы имя Бога Отца усвоялось не Господу нашему Іисусу Христу, а всѣмъ разумнымъ твореніямъ. Итакъ должно спросить: Какимъ образомъ отъ Бога Отца получило имя на землѣ и на небесахъ всякое отечество? И прежде чѣмъ что либо будетъ рѣшено, должно замѣтить, что онъ не сказалъ: *Изъ котораго на небесахъ и на землѣ всякое отечество рождено, или: сотворено*, а сказалъ: *Изъ Котораго на небесахъ и на землѣ всякое отечество получаетъ имя*. Въдлинное дѣло заслужить наименованіе отечества, а иное дѣло имѣть жребій по природѣ. Слово *отечество*, которое на Греческомъ языкѣ выражается словомъ *πατριὰ*, а на Еврейскомъ *mespahn* (משפחה), т. е. *родство*, или *семейство*, мы читаемъ въ книгѣ Числъ: *Составьте счетъ всего собранія Израиля по родамъ и народамъ, по домамъ семействъ, по числу именъ ихъ*, и потомъ немного спустя: *Вотъ эти избранники общества, вожди колѣнъ, по семействамъ своимъ вожди Израиля* (Числ. 1, 2; 16); и снова о колѣнѣ Левія: *И сказалъ Господь къ Моисею въ пустынь Синай такъ: Сосчитай сыновъ Левія по домамъ родства ихъ, по народу*

ихъ, по семействамъ ихъ, сообрази ихъ, всякаго младен мужскаго пола отъ одного мѣсяца и выше (Числ. III, 1). Такъ говорится о народѣ Израильскомъ и о священническо колѣнѣ Левія. Впрочемъ, перебирая самъ въ себѣ мѣста, которыхъ я прочиталъ бы слово „отечество“ въ отношеніи другимъ народамъ, я теперь не нахожу ничего другаго, кро свидѣтельства двадцать перваго псалма, въ которомъ на сано: *И поклонятся предъ лицемъ Его всѣ семейства на довъ* (Псал. XXI, 30) и двадцать восьмого: *Принеси (жертву) Господу, семь народовъ, принсите* (въ жертв *овновъ* (Псал. XXVIII, 1). Такимъ образомъ, какъ Богъ званіе бытія Своего и Своей сущности сообщаетъ даже другимъ вещамъ (elementis), чтобы и онѣ назывались тѣ чѣмъ онѣ не являются отъ природы (ибо было время, ко всего еще не было и если Онъ захочетъ, то будетъ, и все снова обратится въ ничто), но чѣмъ онѣ называютъ какъ дарованнымъ по благодати Божіей; такъ и имя отства Онъ далъ всѣмъ отъ Самого Себя. Чтобы это бы яснѣе, я представляю свидѣтельство изъ св. Писавія. Книгъ Исходъ Господь говоритъ: *Я есмь Сущій* (Исх. III, 1) и еще: *Такъ скажи сынамъ Израилевымъ: Сущій посл меня къ вамъ*. Но развѣ есть только Онъ одинъ, а друг ничего нѣтъ (non egant). Конечно, были Ангелы, небо, зем или моря и самъ Мойсей, говорившій съ Господомъ. Израиль, и Египтяне, къ которымъ и противъ которыхъ былъ посланъ вождемъ и борцомъ. И какимъ образомъ Б усволяетъ только Себѣ имя, общее всей сущности? Причи этого, какъ мы сказали, такова, что все остальное для бы своего получило Божественный даръ. А Богъ, всегда суп и источника никакого другаго не имѣеть, и Самъ для С есть начало и причина Своей сущности, и не можетъ бы представляемъ, какъ виѣющій какую-либо другую осн Своего существа. Ибо вѣдь и въ огнѣ одно есть то, что рячить, а другое, что разгорячено. Огонь безъ жара не

жетъ быть представляемъ. А прочее, что разгорячается отъ огня, заимствуетъ жаръ отъ него, и если огонь мало-помалу слабѣетъ, то съ уменьшеніемъ жара возвращается въ естественное состояніе и уже не называется горячимъ. Соответственно этому и въ Евангеліи тому человѣку, который Спасителя считаетъ не Сыномъ Божиимъ, а какъ бы учителемъ благимъ, говорится: *Почему называешь Меня благимъ? Никто не благъ, кромѣ одного только Бога (Лук. XVIII, 19).* И хотя мы и землю называемъ доброю (Лук. VIII), и чело-вѣка (Мѡ XII), и пастыря добраго (Іоан. X); но никто не благъ по природѣ, кромѣ только Бога. Остальное, чтобы называться благимъ, наслѣдуетъ благость отъ Него. Такимъ образомъ, какъ одинъ только Благой дѣлаетъ благими, и одинъ Безсмертный подаетъ безсмертіе, и одинъ Истинный сообщаетъ имя истины; такъ и одинъ только Отець, какъ Творецъ всего и Причина сущности всего, подаетъ остальнымъ то, что они называются отцами. Отъ земного обратимся въ созерцанію небеснаго. Адамъ, котораго Богъ образовалъ первымъ и для котораго былъ Творцемъ и Отцемъ, конечно знаетъ, что Богу Отцу онъ обязанъ тѣмъ, что составляетъ его сущность (*quod substitit*). Затѣмъ рожденные отъ Адама видятъ отца въ томъ, отъ котораго они произошли. Поэтому и въ Евангеліи отъ Луки, когда послѣдовательно (*paraliter*) въ обратномъ порядкѣ отъ Христа въ родословіи представлены Давидъ и Авраамъ, въ концѣ концовъ Писаніе говоритъ: *Сынъ Сивовъ, Сынъ Адамовъ, Сынъ Божій (Лук. III, 38)*, чтобы показать, что наименованіе отечества на землѣ произошло первоначально отъ Бога. Спрашивается же, по какой причинѣ и на небесахъ всякое отечество получаетъ имя отъ Него? Какъ мы, не происходящіе отъ рода Авраамова, называемся сынами Авраама, а патриарховъ и пророковъ (если только насъ не отдѣляютъ отъ нихъ грѣхи) называемъ своими отцами; такъ, по всему мнѣнію, и ангелы, и прочія (небесныя) силы имѣютъ своего рода

начальства, которыхъ съ радостію называютъ отцами. Въ самомъ дѣлѣ, Архангелъ (вождь Ангеловъ) и Господство, и Начало, и Власть могутъ называться такъ только, какъ вождь Ангеловъ, и только, если у нихъ есть низшія подчиненныя имъ [силы]. Итакъ, можно сказать еще и то, что такъ какъ Богъ Отецъ Господа нашего Иисуса Христа есть Отецъ по существу, то и едиnorodный Онъ по природѣ, а не по усыновленію, а прочія, сотворенныя существа заслужили имя отечества по усыновленію. Но то же, что мы говоримъ объ Отцѣ и Сынѣ, какъ мы знаемъ, сказано и о Духѣ Святомъ; ибо и Спаситель нашъ призывалъ Себя Отцемъ, говоря: *Сынъ, отпускаютъ тебѣ грѣхи* (Марк. II, 5) и: *Дочь, вѣра твоя спасла тебя* (Мѣ. IX, 22), и: *Дети мои, еще немного Я буду съ вами* (Іоан. XIII, 13), а чрезъ Духа Святаго и праведники становятся по усыновленію сынами. Валентинъ думаетъ, что порожденія и сочетанія его „вѣковъ“ получаютъ особенно сильное доказательство изъ этого именно мѣста, совсѣмъ не понимая, что,—какъ мы выше сказали,—и на небѣ, и на землѣ отечество по подобію Отца не бываетъ, а только называется.

Стихи 16—19: *Чтобы дать вамъ по богатству славы Своей чрезъ Духа Его силою укрѣпиться для внутренняго человека, чтобы Христосъ по вѣрѣ обиталъ въ сердцахъ вашихъ и вы, укоренившись и основавшись на любви, могли постигнуть со всеми святыми, что есть широта и долгота, и глубина, и высота; и также знать превосходящую познаніе любовь Христову, чтобы исполниться вами всюю полнотою Божіею.*—Потому, говорить онъ, я приклоняю колѣна свои предъ Отцемъ, по подобію Котораго на небѣ и землѣ получаетъ имя всякое отечество, прося и заклиная Его, чтобы Онъ подалъ вамъ силу славы Своей, т. е. силу получить жребій Его величества, и укрѣпилъ, и утвердилъ васъ чрезъ Духа Святаго, потому что безъ Духа Святаго не бываетъ никакая крѣпость. „Чтобы укрѣпить и

утвердить по внутреннему чело́вѣку“, потому что мы ищемъ не силъ тѣлесныхъ, но силъ духа и желаемъ укрѣпить не ви́шняго, но внутренняго чело́вѣка, чтобы, послѣ того какъ Христосъ будетъ жить во внутреннемъ чело́вѣкѣ, Онъ обита́лъ въ главнѣйшей внутренней части чело́вѣка, т. е. въ сердцахъ вашихъ, не расходясь по всѣмъ членамъ его, но живя въ его разумной сторонѣ и поставляя Себѣ въ ней жилище и сѣдалище. А бываетъ все это чрезъ вѣру, когда мы вѣруемъ въ Него. Поэтому Апостолъ и говоритъ: *Обитаетъ Христу въ сердцахъ вашихъ чрезъ вѣру*. Пребываніе сіе, возникающее чрезъ вѣру, имѣетъ корни свои и основу свою въ любви, такъ что все возрастаетъ и создается на любви, потому что мы—Божіе произрастаніе, Божіе созданіе (1 *Коринт.* Ш.). Но такъ какъ мы вкоренены и основаны на любви (*Ефес.* Ш), то съ полною довѣрчивостію ума своего познаемъ, что Христосъ обитаетъ во внутреннемъ чело́вѣкѣ; тогда мы начнемъ съ прочими святыми стремиться къ тому, чтобы воспріимчивымъ умомъ постигнуть, что есть широта, долготы, глубина, высота, и не только это, но пожелаемъ знать и превосходящую познаніе любовь Христову, такъ что когда все это будетъ въ насъ вполне разумно и стройно, мы исполнимся во всемъ полнотою Божіею. Раньше мы обратимъ вниманіе на значеніе широты и длины, глубины и высоты въ тѣлесномъ смыслѣ, чтобы чрезъ это имѣть возможность перейти къ духовному. Напримѣръ, пусть будетъ широта этого неба и земли, т. е. всего міра, отъ востока до запада, а долготы—отъ юга до сѣвера, глубина—въ безднахъ и адѣ, а высота—поднимающееся надъ небеснымъ. А вотъ нѣкоторые,—на основаніи словъ Еккліаста,—утверждаютъ, что небо кругло и движется на подобіе шара. Но шарообразное не имѣетъ ни широты, ни долготы, ни глубины, ни высоты, но во всѣхъ частяхъ своихъ одинаково (соaequalis), то необходимость вынуждаетъ насъ подъ высоту разумѣть ангеловъ и высшія силы, подъ

глубиною—адъ и то, что внизу его; а подъ долгою и шириною—среднее, находящееся между высшимъ и низшимъ. И такъ какъ отсюда слѣдуетъ, что одинъ бываетъ близокъ или къ высшимъ, или къ низшимъ, то начинающіе направляться къ лучшему и небесному, и подниматься къ высокому, называются долгою; а тому, что весьма близко къ нижней части и склоняется къ порокамъ, дано имя широты: *Ибо широкъ и пространенъ путь, ведущій къ смерти* (Мѡ. VII, 13). Совершенно все это можетъ быть понято въ крестѣ Господа нашего Іисуса Христа, потому что, восходя на высоту, Онъ отвелъ въ плѣнъ плѣненіе (Псал. LXXII, 19) и сошелъ въ низменнѣйшія части земли. А послѣ высоты и глубины проповѣдь о крестѣ пошла по всей землѣ. И такимъ образомъ, она охватываетъ и высоту, и глубину, и широту, и долгоу. И не удивительно, если крестъ Христовъ владѣетъ всѣмъ безъ исключенія, потому что даже и тотъ, кто распятъ съ Христомъ, имѣетъ ту же самую власть. Дѣйствительно, пусть онъ познаетъ сперва широту, начиная съ низшаго и познавая меньшее; а потомъ долгоу, то есть тѣхъ, которые поставлены на землѣ и слѣзати къ возвышенному и высшему; послѣ же этого—глубину, то есть противныя и враждебныя силы, которыя враждуютъ противъ насъ въ этомъ мірѣ; и наконецъ—высоту, потому что мы только тогда получимъ возможность восходить къ высшему, когда, имѣя познаніе о нихъ, заставимъ ихъ быть у себя подъ ногами. И не должно думать, что въ этомъ конецъ нашего труда, такъ что, основавшись и укоренившись въ любви мы вмѣстѣ со всѣми святыми будемъ (*possimus*) понимать что есть широта и долгота, и высота, и глубина, если только мы съ всякимъ тщаніемъ не пожелаемъ познать превосходящую познаніе любовь Христову, такъ что намъ будетъ извѣстна не только простая, но превосходящая любовь Христова. Но конецъ не достигается еще тѣмъ, чтобы только имѣть познаніе о превосходящей любви Христовой, если мы

не присоединимъ еще другого, т. е. чтобы слѣдовать превосходящей познаніе любви. Поэтому должно замѣтить, что Христосъ имѣетъ великую и превосходящую любовь къ познанію, то есть тѣхъ, которые желаютъ знать себя, которые въ законѣ Его размышляютъ день и ночь, которые обращаютъ слова въ дѣла и исполняютъ на дѣлѣ (шапи) то, что думаютъ. Но кто бываетъ таковъ, что достоинъ имѣть чрезъ познаніе свое превосходящую любовь Христову, тотъ не долженъ думать ни о чемъ кромѣ познанія. И такимъ образомъ онъ исполнится всякою полнотою Божіею не только въ настоящемъ вѣкѣ, но и въ будущемъ; такъ что тотъ, кто теперь начинаетъ быть полнымъ въ прилежаніи чрезъ чтеніе, потомъ болѣе совершенно исполнится Богомъ, Который, исполняя Себя, есть полнота всего.

Стихи 20, 29: *А Тому, Который можетъ сдѣлать все болѣе обильно, чѣмъ мы просимъ или разумѣемъ, по силѣ, которая дѣйствуетъ въ насъ, истинная слава (ipse gloria) въ Церкви и въ Христѣ Иисусѣ во все роды вѣка вѣковъ. Аминь.*—Къ вышесказанному: *Поэтому приклоняю колѣна свои предъ Отцемъ, отъ Котораго получаетъ имя всякое отечество на небесахъ и на землѣ, чтобы Онъ далъ вамъ по богатству Своему силою укрѣпиться и проч.,* теперь присоединяетъ: *А Тому, Который можетъ сдѣлать все болѣе обильно, чѣмъ мы просимъ или разумѣемъ, чтобы показать то, что онъ, дѣйствительно, по слабости человеческой настоятельно просилъ того, что имъ казалось полезнымъ; впрочемъ, что касается истины, Богъ можетъ подать болѣе, чѣмъ просить и надежды наши Онъ превосходить дѣйствіями, потому что мы не знаемъ, о чемъ должно молиться и часто просимъ того, что противъ насъ, думая, что оно полезно намъ. Въ самомъ дѣлѣ, насколько полезно для блудника болѣть и мучиться отъ слабости, чѣмъ храмъ Христовъ дѣлать членами блудницы? Итакъ, Богъ можетъ подать не только болѣе того, чего мы просимъ, но и болѣе*

того, что мы разумѣемъ. Иногда бываетъ, что чувства своего мы не выразимъ въ звукахъ, а слова не объясняютъ мысли, и мы молчаливо и неизъяснимыми воздыханіями испрашиваемъ, какъ говорить самъ Апостоль, не знаемъ чего,—того, чего не можемъ высказать. Итакъ, Онъ подаетъ намъ больше, чѣмъ мы просимъ или подразумеваемъ, по силѣ, которая дѣйствуетъ въ насъ; такъ что, какъ теперь не по заслугамъ нашимъ, но выше нашихъ желаній, Онъ подаетъ намъ нѣчто, чего мы не имѣли дерзновенія просить и не думали, что заслуживаемъ, если и просили; такъ и въ остальномъ Онъ подаетъ намъ то, чего ни мысль не можетъ обнять, ни языкъ—вымолвить. Итакъ, самому Богу да будетъ слава прежде всего въ Церкви, которая чиста, такъ какъ не имѣетъ ни порока, ни скверны, и которая потому можетъ усвоить славу Божию, что она есть тѣло Христово; а потомъ во Христѣ Іисусѣ, потому что въ тѣлѣ воспріятого человѣка, которому принадлежатъ все члены вѣрующихъ, обитаетъ тѣлесно вся полнота Божества. А слава эта касается (*extenditur*) не только настоящихъ временъ и оканчивается въ будущихъ вѣкахъ; но она остается, возрастаетъ, умножается на все роды и на вѣки вѣковъ, несклазаемо вѣчно.

Глава IV.—Стихъ 1: *Итакъ заклинаю васъ я, узникъ о Господѣ, чтобы вы достойно ходили званіемъ, которымъ вы призваны.*—Писать такъ онъ могъ, находясь въ узахъ Христовыхъ и въ темницѣ за свидѣтельство. Но лучше, если мы скажемъ, что онъ узникъ Господа [*или съ прибавл. нашего*] въ любви Христовой. Свидѣтелемъ этого является и Климентъ, который пишетъ къ Коринтянамъ: „Узы любви Божіей кто можетъ изобразить (1 *Коринт.* XIII)? И въ первой евангѣ Царствъ мы читаемъ: *Посль этихъ словъ было то, что душа Ионавана привязалась къ Давиду* (1 *Цар.* XVII, 1). И пророкъ говоритъ объ апостолахъ: *За Тобою послѣдуютъ съ руками, окованными желѣзомъ* (*Исал.* CVI);

дѣйствительно любящіе Христа послѣдуютъ [за Нимъ], связанные узами любви. Есть и другое объясненіе, которое должно быть принято или не должно, это зависитъ отъ воли читателя. Узами души называется это тѣло, и такъ какъ Павелъ принялъ это тѣло на служеніе Евангелію, то послѣдовательно онъ и называется узникомъ Христовымъ. Также и пророкъ Іеремія въ второмъ порядкѣ стиховъ (secundo alphabeto) книги Плачъ свидѣтельствуешь, что это тѣло называется узами, а тѣ, которые заключены въ этомъ тѣлѣ, называются узниками, въ такихъ словахъ: *Чтобы смиритъ подѣ ногами Своими всѣхъ узниковъ земли (Плач. III, 34)*. То же самое мы читаемъ и въ другомъ мѣстѣ отъ лица Іисуса Христа, Который говоритъ: *Тѣмъ, которые были въ узахъ: „Выйдите“, и тѣмъ, которые въ мракѣ: „Откройтесь“ (Исаи XLIX, 9)*. Можно также показать изъ пророка, что узы этого грѣха и мракъ невѣденія разсѣяны пришествіемъ и проповѣдію Іисуса Христа. Но и выше показанный смыслъ имѣетъ мѣсто, т. е. что узы—это тѣло, а настоящая земная жизнь есть мракъ, въ которомъ есть правители мрака и тѣнистыя горы, о которыя намъ воспрещается спотыкаться. А въ словахъ его: *Чтобы вы достойно ходили въ званіи, которымъ были призваны, достойно ходящимъ должно признавать того, Который выступаетъ чрезъ говорящаго: Я есть путь (Іоан. XIV, 6 и Ис. XXX) и не увлоняется ни вправо, ни влѣво, отвращаетъ ногу свою отъ всякаго злаго пути (Притч. IV), и исполняется на немъ: Богомъ направляются пути человека (Псал. XXXVI, 22)*.

Стихъ 2: *Съ всякимъ смиреніемъ и крѣпостію съ терпѣніемъ.*—Кто знаетъ, что онъ—земля и пепель, и спустя малое время долженъ разсыпаться въ прахъ, тотъ никогда не вознесется гордостію; и кто, представляя вѣчность Божію, будетъ помышлять о краткой и почти находящейся въ концѣ жизни человѣческой, тотъ будетъ смиреннымъ и кроткимъ, ибо *тлѣнное тѣло отягощаетъ душу и эта земная куша*

угнетаетъ быстро бѣгущій умъ (Премудр. IX, 15); посему будемъ говорить съ всякимъ смиреніемъ: *Господи, не вознеслось сердце мое, и не возвысились очи мои* (Пс. СXXX, 1). Но всякое смиреніе обнаруживается не столько въ словахъ сколько въ умѣ, такъ что совѣсть знаетъ, что мы смиренны и мы никогда не должны думать, что мы что-нибудь знаемъ или понимаемъ, или что-нибудь значимъ (esse). А кротость такова, что не возмущается никакою страстію, и особенно не прерывается гнѣвомъ и яростію. Кто имѣетъ таковую, тотъ наследуетъ блаженство, обѣщанное словомъ Божиимъ, — именно будетъ обладать землею, т. е. будетъ повелѣвать своимъ тѣломъ и господствовать надъ нимъ, подчиненнымъ [ему], и первое наследіе его будетъ въ томъ, чтобы въ плоти жить не по-плотски. Нѣкоторые, нахмуривъ чело, надвинувъ брови и взвѣсивая каждое слово, ослариваютъ себѣ значеніе учителей и судей. И это не потому, что сами они знаютъ нѣчто, достойное того, чтобы гордиться имъ, но потому, что видятъ нѣкоторыхъ простыхъ братьевъ не знающими кой-чего въ сравненіи съ собою.

Оказывая взаимное снисхожденіе въ любви. — Если кто понимаетъ, что значитъ: *Оказывая взаимное снисхожденіе въ любви*, тотъ не будетъ думать, что такое повелѣніе относится къ святымъ мужамъ, но именно къ тѣмъ, которые наставлены въ начаткахъ добродѣтелей. Въ самомъ дѣлѣ, святые не будутъ имѣть того, въ чемъ бы могли оказывать взаимное снисхожденіе, а только тѣ, которые, какъ люди, еще побѣждаются нѣкоторою страстію. И не удивительно, если Ефесяне слышатъ это, такъ какъ среди множества вѣрующаго еще были нѣкоторые, которые должны были взаимно оказывать другъ другу снисхожденіе. Это же самое, по моему мнѣнію, значитъ и то, что пишется къ Галатамъ: *Носите ваше бремя другъ другу* (Галат. VI, 2). Такимъ образомъ то и другое мѣсто мы можемъ истолковать и иначе, говоря такъ: несеніе тяжестей другъ друга и взаимное снисхожденіе.

схожденіе въ любви исполняютъ тѣ, которые богаты и облегчаютъ недостатокъ бѣдныхъ. Если кто подаетъ помощь болящему брату, тотъ въ любви снисходитъ къ нему. Если кто, проводя блаженную жизнь въ безбрачіи, поможетъ другому, который имѣетъ жену, и дѣтей и едва можетъ пропитывать себя, и если онъ утѣшитъ такого насколько можетъ, тотъ будетъ похваленъ, какъ носящій тяжесть другого. Бываетъ такой, который не можетъ помочь, когда видитъ чахнущую отъ бѣдности мать или вдову сестру; если такому кто протянетъ руку, тотъ поддержалъ его въ любви. Будемъ ли мы слѣдовать первому, или второму толкованію, — [должны знать, что] кто не имѣетъ любви, тотъ не утѣшаетъ ни согрѣшающаго, ни находящагося въ нуждѣ брата и презираетъ слова Апостола говорящаго: *А мы болѣе крѣпкіе должны носить немощи болѣе слабыхъ, а не угождать самимъ себя* (Римл. XV, 1).

Стихи 3, 4: *Заботясь соблюдать единеніе духа въ союзъ мира. Одно тѣло и одинъ духъ, какъ и призваны вы въ одномъ упованіи призванія вашего.* — Правильно говорится Ефесянамъ, — которые уже послѣдовали единенію Духа Святаго: *Заботясь соблюдать единеніе духа въ союзъ мира; вѣдь тотъ получаетъ наставленіе заботиться о сохраненіи чего-либо, кто что-нибудь имѣетъ; а кто ничего не имѣетъ, тому приказывается имѣть заботу о томъ, чтобы онъ имѣлъ.* Это мѣсто имѣетъ силу особенно противъ еретиковъ, которые, порвавъ или уничтоживъ связи мира, воображаютъ, что *они сохраняютъ единство духа, хотя единство духа сохраняется въ союзѣ мира.* Дѣйствительно, когда мы говоримъ не одно и то же, и другой говорить: *Я Павловъ, я Аполлосовъ, я Кифинъ* (1 Корнѣ 1, 12), то мы раздѣляемъ единство духа и разрываемъ его на части. Но, можетъ быть, сейчасъ же кто-нибудь поставитъ возраженіе: „Какимъ образомъ разнообразна благодать и различны дары [ея], когда должно быть сохраняемо единство духа“? Правда, есть раз-

личные дарованія, но въ томъ же Духѣ, и различныя служенія, но тотъ же Господь, и многоразличныя дѣйствія, но одинъ и тотъ же Богъ, дѣйствующій все во всѣхъ (1 Корнѣ. XII, 4 и дал.). А слова его: *Одно тѣло, одинъ духъ* понимаются или просто въ смыслѣ тѣла Христова, которое есть Церковь, или же въ значеніи тѣла, которое Онъ удостоилъ принять отъ Дѣвы, чтобы нѣкоторые не подумали, что Онъ воплотился столько разъ, сколько являлся въ Вѣтхѣхъ Забѣтѣхъ. И одинъ Духъ Святой,—одинъ именно раздаятель и освятитель всѣхъ. Или, можетъ быть, подъ однимъ тѣломъ разумѣются жизнь и дѣла, которыя по-гречески называются *πρακτικὸς βίος*, а подъ однимъ духомъ разумѣется познаніе и созерцаніе, которое въ собственномъ смыслѣ сосредоточивается въ сердцѣ и называются у нихъ *θεορία*. И такъ, когда кто-либо будетъ членомъ Церкви и не будетъ отдѣленъ отъ единого духа ея, тогда таковой будетъ въ одномъ упованіи призванія. Спрашивается: какимъ образомъ можетъ быть одна надежда призванія, когда у Отца есть много обителей? На это мы скажемъ, что одна надежда призванія есть царство небесное, какъ бы единый домъ Отца, и въ единомъ домѣ различныя обители, ибо *одна слава солнцу, другая лунѣ и другая звѣздамъ* (1 Корнѣ. XV, 41). Можно указать еще въ смыслѣ болѣе утопченномъ то, что въ концѣ вещей все должно быть восстановлено въ прежнее состояніе, когда всѣ мы образуемъ одно тѣло и преобразимся въ мужа совершеннаго и исполнится молитва Спасителя на насъ: *Отче, дай, чтобы какъ Я и Ты едино, такъ и эти во мнѣ были едино* (Іоан. XVII, 21). Мнѣ не безызвѣстно, что въ изложенныхъ мною словахъ: *Забогайся соблюдать единство духа въ союзѣ мира* весьма многими разумѣется не Духъ Святой, но расположеніе ума и чувства, по которому у всѣхъ вѣрующихъ была одна душа и одно сердце (Дьян. IV). Также и Апостоль наставляеть дѣвственницу, *чтобы она была свята тѣломъ и духомъ* (1 Корнѣ. VII, 34), т. е. дѣлами тѣла

и настроеніемъ мысли. Но къ частному (*specialis*) толкованію можетъ быть привлечено и общее разъясненіе, т. е., чтобы она сохраняла единство духа въ союзѣ мира, который не увлекается всякимъ вѣтромъ ученія и, подобно глупцу не измѣняется, какъ мѣсяць (*Еккл. XXVII*), служа то діаволу, то Богу. Но пусть она имѣетъ одно тѣло для добрыхъ дѣлъ и плоть свою всегда представляетъ въ храмъ Богу. И одинъ духъ: всегда чувствуя одно и то же въ единомъ упованіи призванія, чтобы, никогда не колеблясь относительно обѣтованій, твердою мыслию вѣровать въ воскресеніе и возстановленіе всѣхъ.

Стихи 5, 6: *Одинъ Господь, одна вѣра, одно крещеніе, одинъ Богъ и Отецъ всѣхъ, Который надъ всеми и чрезъ всѣхъ и во всѣхъ.*—Какъ вѣра есть нѣчто другое сравнительно съ крещеніемъ, Богомъ и Господомъ, такъ и крещеніе, Господь и Богъ есть нѣчто другое сравнительно съ тремя взятыми отдѣльно, которые называются одновременно (*pariter*). Я говорю такъ, имѣя въ виду Савеллія, который полагаетъ, что Богъ Отецъ есть тотъ же, что и Сынъ, и смѣшиваетъ лица, когда въ Томъ и Другомъ признаетъ одно и то же божество. Вотъ [здѣсь] яснѣйшимъ образомъ называются одинъ Богъ Отецъ и одинъ Господь Сынъ. Еще полнѣе это написано въ посланіи къ Коринѳянамъ: *Но намъ одинъ Богъ Отецъ, изъ Котораго все, и одинъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, чрезъ Котораго все и мы чрезъ Него* (1 Коринѳ. VIII, 6). Ибо какъ у Бога Отца Сынъ не отнимаетъ значенія Господа, хотя только Самъ называется Господомъ, такъ и Отецъ не лишаетъ Сына значенія Бога, когда только Отецъ называется Богомъ. И въ другомъ мѣстѣ мы читаемъ: *И знайте, что Господь самъ есть Богъ* (Псал. XCIX, 2), и еще въ другомъ мѣстѣ: *Господь Богъ твой есть одинъ Богъ* (Второз. VI, 4). Въ самомъ дѣлѣ, если,—какъ думаютъ аріане,—только Богъ Отецъ есть Богъ, то съ такою же послѣдовательностію [можно заклю-

читать что] только Іисусъ Христосъ есть Госнодь, и [что] ни Отець не есть Госнодь, ни Сынъ не есть Богъ. Но, Боже сохрани думать, что въ господствѣ нѣтъ божества, или въ божествѣ нѣтъ господства. Одинъ Госнодь и одинъ Богъ, потому что господство Отца и Сына есть одно Божество. Поэтому и вѣра называется единою, такъ какъ мы одинаково вѣруемъ въ Отца, и въ Сына и въ Духа Святаго; и крещеніе едино, потому что одинаково мы крещаемся въ Отца и въ Сына, и въ Духа Святаго. Мы и погружаемся трижды, чтобы явилось одно таинство св. Троицы. При этомъ мы не крещаемся въ имена Отца и Сына и Святаго Духа, но въ одво имя, которое понимается, какъ Богъ. И мнѣ удивительно, по какой послѣдовательности мысли Аріѳ, Македоній и Евномій въ одномъ имени, въ одномъ и томъ же дѣйствіи, въ одномъ и томъ же таинствѣ подозрѣваютъ различіе природы (разногласіе является согласнымъ въ нечестіи) и имѣя одинъ и тотъ же грязный источникъ [въ ученіи] о твореніи Сына и Святаго Духа, произвели различные потоки ереси? *Едино крещеніе.* Эти слова имѣютъ силу и противъ Валентина, который стремится доказать, что есть два крещенія, и противъ всѣхъ еретиковъ, чтобы они знали, что у нихъ нѣтъ крещенія, но что одна только Церковь Христова есть жизненный источникъ. Одно крещеніе можетъ называться и потому, что, хотя мы погружаемся и трижды, по причинѣ таинства Троицы, однако это считается какъ одво крещеніе. Также одно и то же крещеніе есть въ водѣ, въ духѣ и въ огнѣ, и то, о которомъ говорить Госнодь: *Имѣю креститься крещеніемъ* (Лук. XII, 50) и: *Крещеніемъ Моимъ будете креститься* (Марк. X, 39). А различіе предлоговъ посредствомъ которыхъ говорится: *Одинъ Богъ и Отецъ всѣхъ, Который надъ всѣми и чрезъ всѣхъ, и во всѣхъ* указываетъ на различное пониманіе. Ибо надъ всѣми есть Богъ Отець, потому что онъ есть источникъ всего. Чрезъ всѣхъ есть Сынъ, потому что Онъ все прониваетъ (*transcurrit*) и проходитъ чрезъ

все. Во всемъ есть Духъ святой, потому что безъ Него нѣтъ ничего. Но не должно думать, что одинъ Богъ есть и Отецъ всего вообще, такъ что имя Отца можетъ быть усвоено даже и неразумнымъ животнымъ. Но, какъ для десяти человѣкъ: для пяти сыновъ и пяти рабовъ, мы и, хотя одинаково и называемъ Его [для всѣхъ десяти (ногит десет)] однимъ Господомъ и однимъ Отцемъ,—однако не для всѣхъ Онъ—Отецъ и не для всѣхъ—Господинъ; такъ и въ Его словахъ: *Одинъ Богъ и Отецъ всѣхъ*, нужно понимать, что для однихъ Онъ—Отецъ, а для другихъ—Богъ. Такое же учение о тваряхъ и о Богѣ имѣетъ и Зенонъ съ своими стойками. Слѣдуя ему и Виргилій говоритъ (*Энеид. VI*): „Ибо Богъ ходить по всѣмъ землямъ и пространствамъ моря“ и т. д., и еще: „Отъ начала духъ нитаетъ и поддерживаетъ небо и земли, и влажныя равнины моря, и свѣтящійся кругъ луны, и громадныя звѣзды, и умъ, разлитый по членамъ, движетъ всю громаду, смѣшиваясь съ большимъ тѣломъ“. Нѣкоторые написаны у Апостола: *Надъ всеми, чрезъ всѣхъ и во всѣхъ* думаютъ относить къ Отцу и Сыну и Святому Духу такъ, что *надъ всеми* есть Отецъ—Творецъ всего *чрезъ всѣхъ*, Сынъ, потому что чрезъ Сына сотворено все, а *во всѣхъ* Духъ святой, ибо Онъ подается вѣрующимъ, и мы—храмъ Святаго Духа: и Отецъ, и Сынъ обитаютъ въ насъ.

Стихъ 7: *А каждому изъ насъ дана благодать по мѣрѣ дарованія Христова*.—Хотя Богъ Отецъ надъ всеми, чрезъ всѣхъ и во всѣхъ, однако благодать подается каждому въ мѣру. Это не то значить, что Богъ подаетъ благодать и Духа ограниченно (*ad mensuram*), потому что величіе Его не имѣетъ предѣла, но то значить, что Онъ вливаетъ влагу по мѣрѣ сосудовъ, подавая такое количество дара, какое можетъ принять тотъ, которому подается. Дѣйствительно, и Духа не подаетъ Богъ ограниченно, или разлитое одинаково повсюду не можетъ имѣть ограниченія. Чтобы это было болѣе ясно, возьмемъ примѣръ, хотя и не совершенный и

дающій не полное подобіе, тѣмъ не менѣе такой, чрезъ который можетъ быть понято, что́ говорится. Море, конечно, огромно, и его объемъ извѣстенъ одному только Богу. Поэтому, если кто захочетъ многимъ людямъ передать его соотвѣтственно возможности для нихъ понести, необходимо, чтобы онъ каждому подавалъ по мѣрѣ и такимъ образомъ части того, что въ цѣломъ (solidum) неизмѣримо, получаютъ [извѣстную] мѣру. Такъ и Духъ Святой, дѣйствительно, неизмѣримъ и не заключается ни въ какія границы; однако каждому Онъ подается насколько это возможно. И необходимо примѣтить, что эта же самая благодать, которая нынѣ подается, дана намъ по мѣрѣ дара Христова.

Стихъ 8: *Поэтому говоритъ: Восходя на высоту взялъ въ плъни плъненіе, далъ дары въ людяхъ.*—Такъ какъ Онъ выше сказалъ: *А каждому изъ насъ дана благодать по мѣрѣ дарованія Христова*, чтобы подтвердить эти самые дары, которые немного послѣ онъ и перечислилъ, говоря: *И самъ далъ нѣкоторыхъ, какъ Апостоловъ, а нѣкоторыхъ, какъ пророковъ, а нѣкоторыхъ, какъ благовѣстниковъ, а нѣкоторыхъ, какъ пастырей и учителей* и то, что это дано Спасителемъ, онъ взялъ въ доказательство изъ шестьдесятъ седьмого псалма, чтобы мы знали, что людямъ распредѣлена та самая добыча, которую Христосъ заслужилъ, какъ побѣдитель. Ибо восходя на высоту, Онъ плънилъ плъненіе. Мы, которые нынѣ вѣруемъ во Христа, собравшись изъ язычниковъ, хотя и были твореніемъ Божиимъ, были плънены діаволомъ и розданы во власть его слугамъ. Итакъ пришелъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, принося съ Собою, по словамъ пророка Іезекиіля (Гл. IX и XII) сосуды побѣды и, покрывъ главу, чтобы Его не узнали враги, проповѣдалъ тѣмъ, которые были въ плъну и которые содержались въ узахъ, разрѣшеніе и освободилъ насъ отъ узъ и цѣпей вражескихъ, какъ ту Евангельскую женщину, о которой Онъ Самъ говоритъ: *А сію дочь Авраама, которую*

*Сатана связалъ уже восемнадцатъ лѣтъ назадъ не подлежало ли разрѣшить отъ узъ сихъ въ день субботній (Лук. XIII, 16). А освобожденныхъ насъ, и чрезъ новое плѣненіе вырванныхъ изъ прежняго плѣна возвелъ съ Собою на небо, и тѣмъ самымъ, которыхъ, какъ побѣдитель, вырвалъ изъ руки враговъ, подалъ различные благодатные дары. И Апостолъ употребилъ здѣсь изысканное выраженіе далъ дары въ людяхъ, хотя въ Псалтири написано *принялъ дары въ людяхъ (Псал. LXVII, 19)*. Но тамъ говорится *принялъ* потому, что это еще не совершилось, а обѣщается, какъ будущее. А здѣсь, когда пишетъ Апостолъ, потому, что Онъ уже далъ, и что Церкви основаны уже во всемъ мірѣ, пишется, что Онъ *далъ*, а не *принялъ*. Нѣкоторые это мѣсто разъясняютъ такъ, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ для того восшелъ на небо, чтобы оттуда послать Ангеловъ и прочія силы для охраненія Своихъ Церквей. А такъ какъ это земное мѣсто недостойно того, чтобы быть мѣстомъ пребыванія высшихъ силъ, то онѣ находятся нѣкоторымъ образомъ какъ бы въ плѣну. Ибо для того (говорятъ они) Онъ восшелъ на высоту, чтобы, взявъ въ плѣнъ плѣненіе, дать дары людямъ. Но это все Апостолъ говорить для того, чтобы,—сказавши выше: *Оказывая взаимное снисхожденіе въ любви, заботясь сохранять единеніе духа въ союзѣ мира,*—научить, что при различныхъ благодатныхъ дарованіяхъ Церковь находится въ согласіи и не даетъ повода къ расколамъ и разногласіямъ вслѣдствіе того, что каждый изъ насъ получаетъ дары по мѣрѣ дарованія Христова. Не одни и тѣ же [дары], но однако всѣ призваны въ одно тѣло и въ одинъ духъ, т. е. какъ одинъ Господь и одна вѣра, и одно крещеніе, и одинъ Богъ Отець, такъ и мы одно и то же, такъ какъ сохраняемъ единство духа въ союзѣ мира.*

Стихъ 9: *А то, что Онъ восшелъ, что такое какъ не то, что Онъ и сошелъ [прежде] въ низшія части*

земли.—Тотъ, о которомъ нынѣ говорится, что Онъ восшелъ, восшелъ потому, что прежде того Онъ сошелъ внизъ. Ибо это и значить: *А что Онъ восшелъ, что это такое, какъ не то, что Онъ и сошелъ* [внизъ]. Итакъ необходимо изслѣдовать относительно того, что написано въ другомъ мѣстѣ: *Никто не взошелъ на небо лишь только сшедшій съ неба Сынъ Человѣческій (Іоан. III, 13)* [именно]: какимъ образомъ восшелъ раньше нисшедшій. Ибо когда онъ говорилъ это, то показывалъ, что послѣ схождения съ небесъ Онъ нѣкогда восшелъ на небо. Равнымъ же образомъ должно разсудить и о томъ, какъ должно понимать это восхождение и снисхождение: по тѣлу ли въ пространственномъ смыслѣ (localiter), или же выше тѣла, т. е. духовно, или же тѣмъ и другимъ способомъ? А подъ нижайшими частями земли разумѣется адъ, въ который сходилъ Господь и Спаситель нашъ, чтобы побѣдоносно отвести съ Собой на небеса души святыхъ, которыя были заключены тамъ. Поэтому и послѣ воскресенія Его многія тѣла святыхъ были видимы въ святомъ городѣ (Мѡ. XXVІІ). А что адъ находится въ низшихъ частяхъ земли, объ этомъ свидѣтельствуетъ и Псалмопѣвецъ, говоря: *Открылась земля и пожрала Давана, и простерлась надъ собраніемъ Авирона (Псал. CV, 17)*, а болѣе полно изъясняется это въ книгѣ чиселъ (глава XVI). Также и въ другомъ мѣстѣ читаемъ: *Пусть придетъ смерть на нихъ и пусть они сойдутъ живыми въ адъ (Псал. LIV, 16)*.

Стихъ 10: *Сшедшій Онъ же есть и восшедшій выше вѣсѣхъ небесъ, чтобы исполнить все.*—Тѣлесно ли проходя всѣ небеса и всѣ высоты, и небесныя окружности, называемыя у философовъ шарами, и восходя, сталъ Онъ на вершинѣ свода, или,—воспользуемся самымъ словомъ,—въ срединѣ дуги (apside); или же, конечно, мы должны вѣровать, что Онъ стоялъ надъ небомъ, т. е. невидимымъ, презирая и отстраняя все тѣлесное и созерцая вѣчное. Итакъ Сынъ Божій сошелъ въ нижнія области земли и взошелъ на всѣ не-

беса, чтобы исполнить не только Законъ и пророковъ, но и нѣкоторыя сокровенныя цѣли, которыя зналъ только Онъ съ Отцемъ; вѣдь мы и не можемъ знать, какимъ образомъ кровь Христова была полезною и Ангеламъ и тѣмъ, которые были въ адѣ, и однако не можемъ не знать, что она принесла пользу. Сходилъ же Онъ въ адъ и восшелъ на небеса, чтобы исполнить тѣхъ, которые были въ тѣхъ областяхъ, насколько они могли это воспринять. Изъ этого нужно знать, что прежде, чѣмъ Христосъ сходилъ и восходилъ, все было пусто и нуждалось въ полнотѣ Его. Это мѣсто имѣеть особенно важное значеніе противъ Эвіона и Фотина. Ибо если самъ Онъ, прежде спедшій съ неба, есть и восходящій на небо, то какимъ образомъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ есть не прежде Маріи, а послѣ Маріи. Имѣеть оно силу также и противъ тѣхъ, которые въ болѣзненномъ заблужденіи измышляютъ двухъ сыновъ. Вотъ весьма ясно и говорится, что Онъ и восходящій, и сходящій. Но, и говоря такъ, мы не даемъ непосредственно повода къ восстановленію древней ереси, которая утверждаетъ двойственное домостроительство Христа, а исповѣдуемъ такимъ образомъ одного Сына и Божія, и Человѣческаго, такъ что не отсѣкаемъ одной части домостроительства воспринятаго человѣка, которымъ мы спасены, вѣруя ему только отчасти.

Стихи 11, 12: *И Онъ Самъ далъ нѣкоторыхъ Апостолами, а нѣкоторыхъ пророками, а другихъ благовѣстниками, а иныхъ пастырями и учителями для наставленія святыхъ, на дѣло служенія, къ созиданію тѣла Христова.*—Изъ этого мѣста самымъ яснѣйшимъ образомъ доказывается единство Божества Отца и Сына. Въ самомъ дѣлѣ, то, что теперь приписывается Христу какъ Его даяніе, въ первомъ посланіи къ Коринѣянамъ представляется какъ дѣло Бога Отца. *Ибо иныхъ,*—говоритъ Апостоль,—*Богъ поставилъ въ Церкви сперва Апостолами, во вторыхъ, пророками, въ третьихъ, учителями, потомъ—силы и даро-*

ванія исцѣленій, вспоможенія, управленія и роды языковъ (1 Коринѣ. XII, 28). Не понимая этого, Савеллій слилъ въ одно Отца и Сына, такъ какъ не думаетъ, что одно и то же дѣйствіе принадлежитъ различнымъ лицамъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо замѣтить, что здѣсь говорится, что Апостоловъ, пророковъ, благовѣстниковъ, пастырей и учителей далъ Христосъ, а тамъ говорится, что ихъ поставилъ Богъ. Итакъ Отецъ и Сынъ поставилъ, или далъ сперва Апостоловъ, во-вторыхъ, пророковъ, не тѣхъ, которые будутъ предсказывать будущее, какъ читаемъ въ В. Завѣтѣ, но тѣхъ, которые будутъ обличать и судить невѣрныхъ и неискреннихъ, ибо таковыхъ пророковъ онъ описываетъ въ другомъ посланіи (2 Коринѣ. XI); въ-третьихъ: благовѣстниковъ, ноги которыхъ прекрасны для провозвѣщенія міра (Римл. X). Но при этомъ не должно думать, что какъ среди первыхъ трехъ служеній, по его словамъ, есть одни Апостолы, другіе пророки, третьи благовѣстники, такъ и между пастырями и учителями Богъ поставилъ различныя служенія. Вѣдь онъ не говоритъ: „А иныхъ пастырями, а иныхъ—учителями, но говоритъ: *А иныхъ пастырями и учителями*, такъ что тотъ, кто пастырь, долженъ быть и учителемъ; и чтобы въ Церквахъ, если кто-либо не можетъ учить насомыхъ, пусть то и не принимаетъ на себя служенія пастыря, хотя бы то былъ и святой. Или же иначе: чтобы одинъ и тотъ же предстоятель Церкви былъ и пастыремъ, и учителемъ: пастыремъ—для овецъ, а учителемъ—для людей. *Ибо людей и скотовъ Ты, Господи, спасеши* (Псал. XXXV, 7). Я думаю, что до нѣкоторой степени (quemadmodum) въ Церквахъ и нынѣ находится, какъ пророкъ и благовѣстникъ, пастырь и учитель, такъ можно открыть даже и Апостола, въ которомъ имѣются признаки и отличительныя черты (indicia) апостольства, и съ другой стороны, какъ внутри, такъ и внѣ, какъ въ Церкви, такъ и среди еретиковъ, есть такіе, которые оказываются лжеапостолами, лжепророками, лжеблаговѣстниками,

лжепастырями, лжеучителями. Но относительно ересей, дѣйствительно, нѣтъ никакого сомнѣнія, что соотвѣтственно ихъ ложной вѣрѣ они имѣютъ все ложное. А въ Церквахъ развѣ, повидимому, нѣтъ ложныхъ пастырей, которые не пасутъ овецъ по правиламъ церковной жизни, но какъ наемники нисколько не помышляютъ о спасеніи стада, такъ какъ не обращаютъ заблуднаго и не ищутъ погибшаго, а только получаютъ отъ овецъ молоко и шерсть, т. е. пищу и одежду? —И не будемъ думать, что Апостолъ въ этомъ отрывкѣ высказался непослѣдовательно. Но такъ какъ онъ преднославлялъ мысль, что Богъ надъ всѣми, во всѣхъ и чрезъ всѣхъ, и каждому изъ святыхъ дана благодать по мѣрѣ дарованія Христова; то теперь онъ прибавляетъ, что въ Церкви поставлены (distributos) одни, какъ Апостолы, другіе, какъ пророки, иные, какъ благовѣстники, иные, какъ пастыри и учителя, которые необходимы для усовершенствованія святыхъ, для дѣла служенія, для созиданія тѣла Христова, потому что, такъ какъ Церковь—тѣло Господа, и такъ какъ Церковь устроится изъ живыхъ камней; то тѣ, которые выше указаны, какъ поставленные въ Церкви, имѣютъ такое дѣло, чтобы соотвѣтственно домостроительству и ввѣренному имъ служенію устроить Церковь Христову, т. е. тѣло Его. Итакъ, если кто не устроитъ Церкви Христовой и не наставляетъ народа подчиненнаго ему (чтобы изъ подчиненнаго народа устроилась Церковь Христова), тотъ не долженъ называться ни Апостоломъ, ни пророкомъ, ни благовѣстникомъ, ни пастыремъ, ни учителемъ.

Стихи 13—15: Пока не достигнемъ все въ единствѣ вѣры и познаніи сына Божія въ мужа совершеннаго въ мѣру возраста полноты Христовой. Такъ что болѣе не будемъ младенцами, колеблющимися и увлекающимися всякимъ вѣтромъ ученія по человѣческой лжи и коварству для обмана заблужденіемъ, но соблюдая истину въ любви, чтобы умножатъ все въ Томъ, Который есть Глава Хри-

стосъ.—Должно спросить: о какихъ это всѣхъ говорить Апостоль, что они достигнуть въ единствѣ вѣры: Всѣ ли люди, или всѣ святые, или только всѣ, воспріимчивые разумомъ? Мнѣ же кажется, что онъ говорить о всѣхъ людяхъ, потому что есть многіе вѣтры ученія. И когда движеніемъ ихъ возбуждены волны, то люди уносятся туда и сюда невѣрнымъ движеніемъ и различными заблужденіями. Поэтому нужно трудиться со всякимъ тщаніемъ, чтобы прежде всего стремиться къ цѣли въ единствѣ вѣры, а затѣмъ въ томъ же единствѣ имѣть познаніе Сына Божія. Когда обладаніе этимъ будетъ обезпечено, то, переставая быть младенцами и получая мѣру внутреннаго человѣка. (которая есть мѣра полноты, мѣра Христова) мы получимъ въ удѣлъ наименованіе мужа совершеннаго, но однако такъ, что до окончательнаго возраста полноты Христовой дойдетъ все множество вѣрующихъ и уже, не колеблясь въ ученіяхъ, не будетъ уноситься по подобію дѣтей опаснымъ потокомъ невѣрія, пока эти вѣянія, дующія отсюду, отъ еретиковъ ли, или отъ мудрецовъ вѣка сего въ видѣ различныхъ и противорѣчивыхъ ученій, не причиняютъ кораблекрушенія, или не станутъ угрожать слушающимъ ихъ; пока одни, не желая лжи, проповѣдуютъ однако ложное; а другіе, со всѣмъ остроуміемъ измышляя козни заблужденія, спѣшатъ обмануть и побѣдить насъ. Но когда святые вполнѣ достигнутъ (*occurrerint atque pervenerint*) мѣры вышесказаннаго мужа, тогда, познавая любовь Христову, будутъ умножать въ Немъ всѣ воспріятыя сѣмена истины, имѣя главою Церкви Господа Іисуса. А такъ какъ его слова: *Чтобы мы больше не были колеблющимися младенцами* и проч. свидѣлствуютъ, что и онъ былъ, какъ бы колеблющимся младенцемъ, то нужно разсмотрѣть: не сказалъ ли онъ этого по смиренію, или же сознавая, что онъ видитъ только отчасти и разумѣетъ отчасти, онъ понималъ, сколь далеко отстоитъ онъ отъ совершеннаго познанія и высказался истинными выраженіями своего сознанія. По

этому, если кому угодно видѣть въ этихъ словахъ выраженіе его смиренія, тотъ пусть воспользуется слѣдующимъ примѣромъ: *Когда я былъ младенцемъ, то говорилъ какъ младенецъ, мыслилъ, какъ младенецъ, познавалъ, какъ младенецъ; а когда сдѣлался мужемъ, то бросилъ то, что свойственно младенцу* (1 Корнѳ. XIII, 11). А другой на это будетъ отвѣчать, что Апостоль достигъ возраста мужа совершеннаго по сравненію съ другими; но онъ называется еще младенцемъ въ отношеніи къ тому, что предназначено святымъ. Дѣйствительно, всѣ Апостолы, которые вѣруютъ въ Христа, у пророка называются младенцами въ словахъ: *Вотъ Я и дѣти, которыхъ далъ Мнѣ Богъ* (Ис. VIII, 18). Послѣ этого необходимо разсмотрѣть болѣе внимательно то, что, можетъ быть, не по смиренію только Апостоль говорить, что онъ не только младенецъ, но и колеблющійся, и увлеченный всякимъ движеніемъ ученія въ разныя стороны къ заблужденіямъ, по обольщенію людскому, по лукавству. А кто думаетъ, что онъ высказалъ это не по смиренію, а вслѣдствіе сознанія недостатковъ, тотъ говорить: Апостоль Павелъ былъ человѣкомъ тонкаго и остраго природнаго ума, который ясно предугазывалъ, что должно отвѣчать на возраженія первыхъ изъ тѣхъ, которые начнутъ его оспаривать. Такимъ образомъ онъ часто видѣлъ, что съ той и другой стороны говорятъ о противоположныхъ предметахъ и указываютъ нѣчто столь правдоподобное, что могутъ вводить слушающаго въ сомнѣніе; поэтому онъ, какъ человѣкъ, находящійся въ брэнномъ тѣлѣ, правда, уносился всякимъ вѣтромъ ученія, но не сокрушался о скалы, и корабль его не наполнялся волнами, потому что онъ стоялъ на кормѣ, держа руль и твердостію вѣры разсѣкалъ пѣнистыя волны ереси. Но однако онъ смотрѣлъ на бушующіе съ разныхъ сторонъ вѣтры не безъ трепета, не безъ опасеній, не спокойно и мирно, а заботливымъ ухомъ схватывалъ и побѣждалъ опасное. *Однако побѣда не была для него обезпечена.* Такимъ образомъ, когда онъ видѣлъ, что

слова противниковъ и основанія, съ помощію которыхъ они хотятъ извратить истину, нѣтъ возможности легко преодолѣть; что ихъ разсужденія полны всякаго рода хитрости искусныхъ словосочетаній, составлены съ дьявольскою изворотливостію: то надѣялся на помощь Божию, чтобы Онъ изгвалъ изъ ума его всякія сомнительныя думы, такъ что онъ вѣрилъ бы безъ всякихъ затрудненій несомнѣнной и твердой истинѣ и умножалъ ее въ любви Христовой, Котораго онъ признавалъ главою, какъ своимъ, такъ и всего тѣла Церкви. Должно знать, что на Греческомъ языкѣ это мѣсто ясенѣе, тогда какъ при переводѣ на латинскій языкъ слово въ слово смыслъ, связанный съ (отдѣльными) словами, затемняетъ то, что говорится (Апостоломъ).

Стихъ 16: *Изъ Котораго все тѣло, сложенное и соединенное чрезъ всякое соединеніе взаимной помощи, по дѣйствію въ мѣру каждого въ отдѣльности члена производитъ возрастаніе тѣла къ созданію Его въ любви.*—Въ концѣ бытія тварей (genus), когда мы начнемъ созерцать Бога лицомъ къ лицу и въ мѣру достигнемъ полноты возраста Христа (отъ полноты котораго мы всё получили, *Іоан. I, 16*), такъ что Христосъ будетъ въ насъ не отчасти только, по совершенно весь, и мы, оставивъ начатки дѣтства, возрастемъ въ того мужа, о которомъ говоритъ пророкъ: *Вотъ Мужъ, имя Его „Востокъ“ (Захар. VI, 12)*, и Іоаннъ Креститель внушаетъ: *Посль меня идетъ Мужъ, Который оказался впереди меня, потому что былъ прежде меня (Іоан. I, 27)*; тогда,—въ соединеніи единой вѣры и единого познанія сына Божія, Котораго нынѣ мы, по различію своихъ мыслей, познаемъ не одною и тою же вѣрою и не однимъ и тѣмъ же познаніемъ,—все тѣло, которое прежде было разсѣяно и разодрано на разныя части, обратится къ своей цѣлости и соединенію, такъ что одно вспомошествованіе и одно и то же дѣйствованіе и законченное совершенство одного возраста дасть возможность для равномернаго возрастанія

всего тѣла и всѣ члены по мѣрѣ своей получать прощенье своего возраста. Но все это зданіе, чрезъ которое по частямъ увеличивается тѣло Церкви, исполнится взаимною въ себѣ любовію. Подъ образомъ одного разумнаго животнаго мы будемъ понимать всѣ разумныя твари, и то, что мы сказали объ отдѣльныхъ членахъ и частяхъ его, должно быть относимо къ каждой разумной твари. Будемъ думать, что это животное такъ раздѣлено на члены, жилы и нервы, что ни кость не прилѣпляется къ кости, ни жила не соединяются съ жилою. Отдѣльно расположены глаза; самостоятельно находятся ноздри; руки занимаютъ разныя мѣста; иначе расположены ноги; такимъ же образомъ расположены и разбросаны члены. Вообрази, что явился вѣкій врачъ съ такими познаніями, что онъ могъ бы подражать Эскулапу, какъ говорить о немъ въ языческихъ басняхъ, и воскресить Вирбія въ новомъ образѣ и съ новымъ именемъ. Ему будетъ необходимо каждый въ отдѣльности членъ возстановить на своемъ мѣстѣ, скрѣпить связку съ связкою и, по укрѣпленіи отдѣльныхъ членовъ какою-нибудь склейкою, воспроизвести цѣлое тѣло (ишш согрис). До этого времени мы представляли подобіе; а теперь будетъ взятъ другой примѣръ для того, что мы хотимъ понять. Вотъ пусть растетъ ребенокъ и съ незамѣтнымъ теченіемъ времени доходитъ до возмужалости: рука будетъ имѣть свой приростъ; ноги испытываютъ свое увеличеніе; желудокъ невѣдомо для насъ наполняется; незамѣтно для глазъ расширяются плечи, и по мѣрѣ своей по частямъ вырастаютъ всѣ члены, однако такъ, что кажутся растущими не для себя, а для тѣла. Такимъ образомъ подобно этому при возстановленіи всѣхъ, когда придетъ истинный врачъ Іисусъ Христосъ съ цѣлію оздоровленія всего тѣла Церкви, нынѣ разорваннаго и разсѣяннаго, каждый въ мѣру вѣры и признанія Сына Божія (такового мы называемъ *признающимъ* потому, что онъ прежде зналъ, а потомъ пересталъ знать) снова приметъ свое мѣсто и начнетъ быть тѣмъ, чѣмъ прежде былъ; но однако такъ, что,—не по уче-

нію другихъ еретиковъ,—всѣ будутъ поставлены въ одномъ и томъ же возрастѣ, т. е. всѣ будутъ преобразованы въ ангеловъ, но каждый членъ будетъ совершеннымъ по мѣрѣ и служенію своему; наир., ангель отступникъ начнетъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ былъ сотворенъ; а человѣкъ, изгнанный изъ рая, снова будетъ восстановленъ, какъ воздѣлыватель рая. Однако все будетъ таково, что взаимно соединится между собою въ любви; и когда членъ будетъ веселиться съ членомъ и радоваться преуспѣванію другого, тѣло Христова, Церковь первородныхъ, бдеуть обитать въ небесномъ Іерусалимѣ, который въ другомъ мѣстѣ у Апостола называется матерію святыхъ (*Галат. V*). Это у насъ представляется болѣе темнымъ потому, что (какъ мы выше сказали) на Греческомъ языкѣ оно высказано въ переносномъ смыслѣ. А во всякомъ сравненіи, при буквальной переводѣ съ одного языка на другой смыслъ рѣчи и ея сущность (*germina*) затемняются, какъ бы густыми вѣтвями шиповника.

Стихи 17—19: *Посему я говорю и заклинаю Господомъ, чтобы вы не поступали болѣе такъ, какъ поступаютъ и язычники въ суетности ума своего, въ помраченіи смысла, въ отчужденіи отъ пути Божія по невидѣнію, которое въ нихъ, по слѣпотѣ сердца ихъ, которые въ отчаяніи предались безстыдству въ дѣланіи нечистаго съ жадностію.* — И такъ, Ефесяне, я говорю это вамъ и заклинаю васъ, чтобы, имѣя достигнуть въ мѣру полноты возраста Христова, вы не ходили такъ, какъ ходятъ язычники, которые, служа идоламъ, злоупотребляютъ чувствомъ и мыслию для развращенныхъ дѣлъ. Они хотя для того и получили душу и разумъ, чтобы познавать Бога, однако отделились отъ пути Его (другого такого пути безъ Христа мы не познали) и ходятъ въ слѣпотѣ сердца своего. И дай Богъ, чтобы имъ показали достаточными ихъ грѣхи, и чтобы они хотя бы поздно принесли покаяніе и осудили пороки, къ которымъ непрестанно увлекались съ страстью: это было бы средствомъ для того, что-

бы имъ опомниться послѣ заблужденія. А теперь въ отчаяніи и погрязая въ мерзости и безднѣ зла подобно неразумнымъ скотамъ, они предавались безстыдству, дѣлая все, что ни захочетъ тѣло, желаетъ душа и подсказываетъ похоть; и такъ какъ они не пропустили ничего такого, что печисто, то дѣлали это отъ жадности, никогда не насыщаясь въ излишествахъ, и похоть ихъ не имѣла предѣловъ. Такъ, несомнѣнно, кромѣ позволенной для мущины связи съ женщиной, они зашли дальше, мужчины съ мужчинами совершая позорныя дѣла и въ самихъ себѣ получая удовлетвореніе своего извращеннаго чувства. Пустота чувства, помраченіе ума устремляются на двѣ стороны: на дѣла вѣка сего и на временную мудрость, когда именно мы или держимся на томъ, что приваждаетъ вѣку сему и быстро проходить, или не обращаемъ мысли къ тому, что имѣетъ быть полезно. Не кажется ли вамъ, что пустымъ чувствомъ и помраченнымъ умомъ ходить, напр., тотъ, который дни и ночи мучится въ изворотахъ мысли; который, будучи тщательнымъ изслѣдователемъ природы, устремляетъ глаза за предѣлы неба, и проникаетъ за предѣлы земли и въ нѣкоторую безирефлексивную пустоту бездны; который построяетъ ямбическій стихъ и заботливо въ душѣ своей различаетъ и сопоставляетъ великую путаницу стихотворныхъ размѣровъ, и, наконецъ (перейдемъ въ другую область), тотъ, который правдою и неправдою ищетъ богатства, льститъ владыкамъ, захватываетъ чужое наслѣдство и собираетъ имущество, которое, — самъ не зная, — когда долженъ будетъ оставить. Слова же его: *Въ отчаяніи касательно самихъ себя, ἀπληγῆκότες ἑαυτοῦς* на Греческомъ языкѣ имѣютъ совсѣмъ иное значеніе, чѣмъ на Латинскомъ, ибо находящіеся *въ отчаяніи* называются ἀπληγῆκότες; а это суть тѣ, которые послѣ грѣха не скорбятъ, т. е., не чувствуя своей гибели, несутся къ низу и бросаются на смерть, какъ дикіе звѣря, которые видятъ смертоносное желѣзо. Покажи мнѣ двухъ человѣкъ, предав-

шихся одному и тому же пороку: одинъ понимаетъ, что онъ сдѣлалъ, и мучится этимъ, другой наслаждается преступленіемъ и не только не скорбитъ, но даже хвастается и воображаетъ, что онъ получилъ нѣкоторую палму и превосходство въ совершеніи позорнаго. Не кажется ли тебѣ, что тотъ страдаетъ, а этотъ почти не страдаетъ? Если можно, то выразимъ дословно и скажемъ ἀπληγῆρότες, т. е. *не страдающіе* или: *не имѣющіе скорби*. Ибо и нѣкоторый философъ проповѣдалъ отсутствіе скорби (ἀναλγησίαν). Тѣ, которые признаютъ существованіе различныхъ природъ, пусть знаютъ, что язычники съ помраченнымъ умомъ ходили въ суетѣ чувства потому, что предались невѣдѣнію и слѣпотѣ. Только тотъ не называется несвѣдущимъ и слѣпымъ, кто можетъ познавать и видѣть; и мы не говоримъ, что камень слѣпъ, а дикое животное не имѣетъ знанія, потому что съ него не спрашивается и къ его природѣ не относится, чтобы оно познавало, а камень видѣлъ. Если въ природѣ язычниковъ не было способности познавать и созерцать жизнь Божію, то это потому, что у плотскихъ (сhoicogim) и духовныхъ различна не природа, а воля. Выше мы сказали о дѣланіи съ жадностію всякой нечистоты: но это относится не къ скупости, какъ просто кажется, а къ похоти и роскоши. Такой смыслъ мы можемъ подтвердить свидѣтельствомъ другого мѣста. Въ первомъ посланіи къ Фессалоникійцамъ пишется: *Ибо такова воля Божія, [именно:] освященіе ваше чтобы вы воздерживались отъ блудодѣянія, чтобы каждый изъ васъ умѣлъ (sciat) владѣть своимъ сосудомъ въ святости и чести: не въ плотскихъ пожеланіяхъ, какъ и язычники, не познавшіе Бога, но чтобы каждый не обходилъ и не обманывалъ въ дѣлѣ брата своего, потому что воздаятелемъ за всё это бываетъ Господь, какъ мы и прежде сказали вамъ, и свидѣтельствовали; ибо не призвалъ васъ Богъ въ нечистоту, но въ освященіи (1 Фессал. IV 3—7)*. Тщательно наблюдай, что, призывая насъ къ чистотѣ

и желая, чтобы мы довольствовались только женами [своими], онъ сказалъ: *Чтобы никто не обходилъ и не обманывалъ на дѣль брата своего*, т. е., чтобы не пытался осквернить жену другого, оставляя свою. Тамъ, гдѣ у насъ имѣется: *Не обманывалъ на дѣль брата своего*, на Греческомъ читается: *Καὶ πλεονεχτεῖν ἐν τῷ πράγῃ μα τι τὸν ἀδελφὸν αὐτοῦ*. А πλεονεξία значитъ жадность; но мы, сохраняя при передачѣ силу слова, не можемъ теперь перевести этого мѣста такъ: *Чтобы никто не обходилъ и съ жадностью не обманывалъ на дѣль брата своего*. Въ самомъ дѣлѣ, какова послѣдовательность, какъ въ томъ отрывкѣ, который мы теперь представили въ качествѣ примѣра, такъ и въ той мысли, которую мы преимущественно стараемся изложить въ посланіи къ Ефесянамъ, — именно: въ томъ, что между безстыдствомъ и нечистотою, непорочною и братскою любовію сверхъ ожиданія Апостолъ внезапно называетъ жадность? Да не будетъ вамъ казаться тягостнымъ то, что мы долго задерживались надъ темными мѣстами. Вѣдь, мы въ началѣ были вынуждены объявить, что между всеѣми посланіями Павла это посланіе преимущественно трудно для пониманія, какъ по выраженіямъ, такъ и по смыслу.

Стихъ 20: *Но вы не такъ познали Христа, если только вы слышали о Немъ и научились въ Немъ*. — Если бы всѣ тѣ, которые, повидимому, слышали о Христѣ, дѣйствительно слышали о Немъ, то Апостолъ никогда не сказалъ бы Ефесянамъ, — и особенно тѣмъ, которымъ были открыты таинства Христовы, — *Если только вы слышали о Немъ*. Но познать Христа это то же, что познавать истину; и слушать о Немъ это то же самое, что слушать премудрость, правду, крѣпость, воздержаніе и проч., чѣмъ называется Христось. Итакъ, если кто-либо услышалъ и позналъ Христа, тотъ не ходилъ бы въ суетности чувства своего; такой не пойдетъ въ помраченіи ума и не будетъ отчужденъ отъ жизни Божіей. Онъ будетъ имѣть даже и познаніе, и послѣ

того какъ невѣдѣніе будетъ разсѣяно, а свѣтъ проникнетъ въ тьму, всякая слѣпота удалится отъ очей сердца его. Когда онъ приобрѣтетъ это, то уже не предастся безстыдству и не будетъ дѣлать нечистаго съ жадностію, переходя за предѣлы дозволеннаго въ брачной жизни. Но если кто-нибудь случайно будетъ побѣжденъ страстію, тотъ будетъ страдать отъ раны своей и испытаетъ мученія совѣсти, потому что онъ потеряетъ свободное (открытое) лице и чистоту непорочной мысля. Итакъ будемъ познавать Христа и слушать Его; если есть кто-нибудь такой, который можетъ сказать: *Или вы ищете доказательства Того, Который говоритъ во мнѣ, Христа* (2 Коринѳ. XIII, 3); то будемъ прибѣгать къ нему и днемъ, и ночью, будемъ принимать къ устамъ и словамъ Его: это Христосъ говоритъ намъ; это слова Духа Святаго, которыя онъ намъ провозглашаетъ. Ибо Богъ поставилъ въ Церкви сперва Апостоловъ, во-вторыхъ, пророковъ, въ-третьихъ, учителей. Но не нужно отчаяваться и въ томъ, что нѣкогда самъ Христосъ будетъ говорить въ мысляхъ нашихъ и Самъ собою будетъ учить насъ, и не будетъ искать орудія въ чужихъ устахъ. Только не будемъ порабощены грѣху, я тѣломъ нашимъ да не возобладѣютъ пороки; тогда войдетъ въ него премудрость.

Стихъ 21: *Такъ какъ истина въ Иисусъ*. Имя *Иисусъ* обозначаетъ иногда того человѣка, который Богомъ Слово^{мъ} былъ принятъ отъ Дѣвы, какъ говорится: *Назовется имя Его Иисусъ, ибо Онъ спасетъ народъ отъ грѣховъ его* (Лук. I, 31), и въ другомъ мѣстѣ: *Иисусъ же утомленъ былъ отъ пути* (Іоан. IV, 6) и другія мѣста. А иногда это имя значить Богъ Слово: *Ибо намъ одинъ Господь Иисусъ Христосъ, чрезъ Котораго всё*. Итакъ, если въ какомъ-либо мѣстѣ *Иисусъ* говорить: *Я есмь путь и истина* (Іоан. XIV, 6), то говорить это потому, что Онъ—Сынъ Божій. А когда Павелъ пишетъ: *Такъ какъ истина въ Иисусъ*, то говорится о храмѣ тѣла, въ которомъ обитаетъ Богъ Слово, *Ибо Слово было плотью и обитало среди насъ* (Іоан. I, 14):

если только того и другого не должно понимать въ отноше-
ніи къ Богу Слову, потому что какъ жизнь обитаетъ въ
Немъ и Онъ Самъ есть жизнь: *Ибо какъ Отецъ имѣетъ*
жизнь въ самомъ себѣ, такъ и Сыну далъ имѣть жизнь
въ самомъ Себѣ (Іоан. V, 26); такъ и истина называется
Сыномъ и показывается, какъ обитающая въ Немъ. Но мы
говоримъ это, не отдѣляя Іисуса отъ Христа, также и Бога
Слова отъ того, котораго Оно приняло, и не говоря, что этотъ
второй былъ человѣкомъ, но соотвѣтственно значенію дѣй-
ствій или мѣсть Того, Котораго признаемъ единымъ Сыномъ
Божіимъ и человѣческимъ, называя иначе до [утробы] Дѣвы
и послѣ Ней. Можно понимать и иначе. *Такъ какъ истина*
въ Іисусѣ: ня въ одномъ изъ патріарховъ, пророковъ и Апо-
столовъ не было истины, только въ одномъ Іисусѣ. Дѣйстви-
тельно, одни изъ нихъ познавали отчасти, и отчасти проро-
чествовали и видѣли какъ бы чрезъ зеркало въ гаданіи (1
Коринт. XIII, 12). Въ одномъ только Іисусѣ явилась Исти-
на Божія, которая открыто заявляетъ: *Я есмь истина* (Іоан.
XIV, 6) и Которая вѣрующимъ въ Нее соотвѣтственно вѣрѣ
подаетъ свободу. Ибо кто познаетъ истину, тотъ отъ истины
одаряется свободою. И сама Истина приняла видъ раба, сми-
рила Себя, была въ послушаніи Отца даже до смерти (*Фи-*
лип. II, 6—8) съ цѣлію (propterea) сдѣлать раба свободнымъ,
ибо гдѣ Духъ, тамъ и свобода. Если мы хотимъ распознать
въ Іисусѣ видъ свободнаго и сущность (faciemque) истины,
то взойдемъ съ Нимъ на гору и посмотримъ на Него Пре-
ображеннаго: тамъ и одежды Его,—т. е. Писаніе, провозвѣ-
щающее о Немъ,—измѣняются; а также Моисей и Ілія,
т. е. Законъ и пророки являются въ словѣ (*Мат.* XVII, 1—6).
Пока Господь не измѣнилъ вида раба и не восшелъ на гору,
законъ обращался въ нечистотѣ и пророки были въ униже-
ніи. А когда Онъ восшелъ на высоту, то восхотѣлъ измѣ-
нить и одежды Свой, тогда и смыслъ изъ рабскаго сдѣлался

яснымъ и свободнымъ. Тогда также Моисей и Ілія измѣняютъ и лица, и одежды.

Стихъ 22: *Чтобы вамъ отложить ветхаго по прежней жизни человека, который истлѣваетъ вслѣдствіе обманчивыхъ пожеланій.*—Такъ какъ мысль, повидимому, течетъ по порядку и соотвѣтственно связи рѣчи, то чтеніе должно быть таково: *А вы не такъ познали Христа (если только вы слышали о Немъ и научены въ Немъ), чтобы отложить вамъ ветхаго по прежней жизни человека, который истлѣваетъ вслѣдствіе обманчивыхъ пожеланій, такъ какъ истина въ Иисусѣ, такъ что смыслъ мѣста будетъ таковъ: какъ истина есть въ Иисусѣ, такъ будетъ она и въ васъ, которые познали Христа и слышали Его и научены были отложить ветхаго по первому образу жизни человека, истлѣвающего вслѣдствіе обманчивыхъ пожеланій. А называется тотъ ветхій человекъ, котораго должно отложить, потому, кажется мнѣ, что онъ изветшалъ въ злодѣянїяхъ. Дѣйствительно, онъ, всегда блуждая по первому образу жизни и по оболстительнымъ пожеланїямъ и, истощаясь въ дѣлахъ тлѣнїя, подвергается тлѣнїю и падаетъ. А такъ какъ онъ непрерывно вращается въ обманчивыхъ пожеланїяхъ и никогда не отстаетъ отъ порока, то и называется не истлѣвшимъ, а истлѣвающимъ, т. е., что онъ каждый день, часъ и мгновеніе портится, встрѣчаетъ преграды и истлѣваетъ.* Но слово Божіе, умерщвляющее, чтобы оживотворить мертваго и чтобы оживотворенный искалъ Господа, Котораго прежде погубили не зналъ, [это слово] не подвергается тлѣнїю, но умерщвляетъ ветхаго человека: *Ибо Я, — говоритъ Онъ, — убиваю, и Я животворю* (Второз. XXXII, 39), и: *Когда Онъ погублялъ ихъ, тогда они искали Его* (Псал. LXXVII, 34). Но не будемъ думать, что сказанное нынѣ: *Который тлѣетъ вслѣдствіе обманчивыхъ пожеланій*, противорѣчитъ тому, что написано въ другомъ мѣстѣ: *И если внѣшній нашъ человекъ тлѣетъ, то тотъ, который внутри, обновляется во всякъ день*

дни (2 Корнѣ. IV, 16), потому что тлѣніе вѣшняго чело-
вѣка есть обновленіе внутренняго, и, наоборотъ, тлѣніе вну-
тренняго челоуѣка есть возстановленіе вѣшняго. Но кто ни-
будь, можетъ быть, подумаетъ, что Апостоль Павелъ гово-
рить просто: Если кто-либо растлѣваетъ храмъ Божій, то
Богъ растлитъ такового, ибо: *святъ храмъ Божій, кото-
рымъ являетесь вы*. Но, можетъ быть, и тамъ сврывается
нѣчто, что отъ насъ ускользнуло. Если мы—храмъ Божій,
по написанному: *Ибо храмъ Божій святъ, которымъ явля-
етесь вы* (1 Корнѣ. III, 17), то и оскверняющій храмъ Бо-
жій есть одинъ, а то, что оскверняется—другое. Должно
спросить: Кто это тотъ, который оскверняетъ храмъ Божій?
Если ты найдешь враговъ Іерусалима, разрушающихъ и осквер-
няющихъ храмъ, выстроенный изъ камней, то также (pariter)
увидишь и всякаго разрушающаго и оскверняющаго храмъ
Божій, котораго осквернить и разрушить Богъ, въ отмщеніе
за разрушеніе храма Своего. Однако и храмъ (именно храмъ
живой и чувствевный), предавшійся кознямъ губителя, заслу-
живаешь наказаній; такъ какъ онъ оскверненъ и разрушенъ,
то онъ утратилъ свойство нетлѣнія.

Стихи 23, 24: *Но обновитесь духомъ ума вашего и
облекитесь въ новаго челоуѣка, который созданъ по Богу
въ праведности и святости истины*.—Мы обновляемся не
умомъ безъ духа и не духомъ безъ ума, но обновляемся сов-
мѣстно въ духъ ума нашего, такъ что какъ поемъ мы ду-
хомъ, поемъ и умомъ, молимся духомъ, молимся и умомъ,
такъ и обновляемся въ духъ ума нашего, чтобы когда умъ
будетъ чистъ и непороченъ и чуждъ отъ всякаго грязнаго
пятна, тогда къ нему присоединился и духъ; тогда они будутъ
такъ связаны нѣкоторою связью (glutino) единства между
собою, что это будетъ называться уже не просто духомъ, а
духомъ ума. А когда будемъ обновлены духомъ, который есть
духъ ума нашего; тогда облечемъ въ новаго челоуѣка, ко-
торый созданъ по Богу. А другими словами, по моему мнѣ-

нію, это—то же самое, что говорится въ другомъ мѣстѣ: *Вы облеклись въ Иисуса Христа (Римл. XIII, 14)*, ибо Онъ есть тотъ новый человѣкъ, въ Котораго мы должны одѣться и облечься. Въ самомъ дѣлѣ, что было не новымъ въ томъ человѣкѣ, который былъ воспринятъ нашимъ Спасителемъ? Зачатіе, рожденіе, дѣтство, ученіе, жизнь, добродѣтели, и, наконецъ, крестъ и страданія [Его], побѣдившаго въ нихъ власти міра и выставившаго на позоръ враждебныя силы, а также воскресеніе и вознесеніе на небо. Итакъ Онъ по истинѣ созданъ въ праведности и святости истины, потому что Онъ—истинный Богъ,—былъ Сыномъ истиннаго Бога, и въ Немъ по истинѣ исполнилась вся совершенно вѣра и правда Божія. Итакъ, кто можетъ подражать Его жизни, и выразить въ себѣ всѣ добродѣтели, и будетъ кротокъ и смиренъ сердцемъ, какъ Онъ былъ кротокъ и смиренъ сердцемъ, и положить душу свою за друзей, какъ Онъ положилъ душу Свою за овецъ Своихъ: подверженный бичеванію, молчалъ; злословимый не отвѣчалъ проклятіями, но смирениемъ преодолевалъ гордость: тотъ облеченъ въ новаго человѣка и можетъ сказать съ Апостоломъ: *Живу уже не я, но живетъ во мнѣ Христосъ (Галат. II, 10)* и: *Подражайте мнѣ, какъ и я Христу (1 Корнѣ. XI, 1)*; также можетъ таковой принять во вниманіе и слова Іоанна: *Кто говоритъ, что онъ вѣруетъ въ Христа, долженъ и самъ ходить, какъ Онъ ходилъ (1 Іоан. II, 6)*. А слова Апостола: *Кто сотворенъ не Богу* на Латинскомъ языкѣ имѣютъ не тоже самое значеніе, какъ на греческомъ. Въ самомъ дѣлѣ у насъ сотвореніе (creatio) значитъ или: *произведеніе*, или: *рожденіе*, а у Грековъ подъ именемъ творенія понимается дѣйствіе сооруженія и созиданія; и то, что у насъ называется *созиданіе* (conditio) у Грековъ называется *твореніемъ* (creatio). Посему и ересь злословящая о рождествѣ Христовомъ извлекаетъ примѣръ изъ словъ Соломона: *Господь создалъ Меня началомъ путей Своихъ (Притч. VIII, 22)*. Итакъ необходимо обратит

вниманіе на то, что твореніе и образованіе (созиданіе) употребляются только въ отношеніи къ великимъ дѣяніямъ. Напр., міръ былъ сотворенъ, городъ былъ основанъ; но домъ, хотя бы онъ и былъ великъ, болѣе правильно называть построеннымъ, чѣмъ созданнымъ или сотвореннымъ, ибо въ отношеніи къ дѣяніямъ и произведеніямъ великимъ употребляется слово *твореніе*. Изъ этого должно замѣтить, что этотъ новый человѣкъ, который по Богу созданъ въ Христѣ, есть великое дѣло Божіе и возвышается надъ прочими тварями, ибо говорится, что Онъ такъ созданъ, какъ міръ и начало путей Божіихъ, и сотворенъ въ началѣ всѣхъ простыхъ веществъ (*elementorum*).

Стихъ 25: *Поэтому, отлагая ложь, говорите истину каждый съ ближнимъ своимъ, потому что мы члены одинъ другого.*— Не просто, какъ полагаютъ нѣкоторые, и не въ нравственномъ смыслѣ Апостоль заповѣдуетъ, оставивъ ложь, говорить съ ближними правду. Въ противномъ случаѣ, кто не будетъ ближнимъ [намъ], тотъ долженъ будетъ выслушивать ложь. Правда, подобнымъ же образомъ выражено и въ Законѣ: *Не прелюбодѣйствуй съ женою ближняго твоего* (Ис. XX, 17). Если подъ ближнимъ разумѣется только родственникъ или другъ, то прелюбодѣйство съ чужими по праву дозволяется. Но онъ ближнимъ называетъ всякаго человѣка, который рожденъ отъ одного родоначальника съ ними. Это именно показывается и въ той притчѣ, которая говоритъ о человѣкѣ, шедшемъ изъ Іерусалима въ Іерихонъ и попавшемъ въ руки разбойниковъ, и о прошедшихъ мимо священникѣ и Левитѣ: онъ встрѣтилъ заботливое попеченіе въ лицѣ Самарянина и отвезенъ къ хозяину гостиницы (*Лук. X*). А послѣ этого Господь утверждаетъ, что тотъ былъ ближній, который умилосердился надъ нимъ, и такимъ образомъ показываетъ, что всѣ люди суть ближніе для всѣхъ. И при такомъ разумѣніи это мѣсто, дѣйствительно, научаегъ (*aedificat*) слушающихъ. Впрочемъ, слѣдующія слова: *Такъ какъ мы члены одинъ другого*, какъ миѣ кажется обозначаютъ

большее таинство и говорятъ о тѣхъ, которые близки намъ по вѣрѣ и добродѣтели. Въ самомъ дѣлѣ, членами другъ друга являются только вѣрующіе для вѣрующихъ, христіане для христіанъ и совершенные для тѣхъ, которые имѣютъ вполне законченную (совершенную) добродѣтель. Поэтому самъ Павелъ, какъ совершенный говоритъ въ другомъ посланіи: *А премудрость мы провозглашаемъ между совершенными* (1 Коринѣ. II, 6). Итакъ онъ заповѣдуетъ то, чтобы каждый нѣчто таинственное и сокровенное и исполненное божественною истинною говорилъ съ ближнимъ своимъ, и чтобы *день дню провозвѣщала слово, а ночь ночи сообщала познаніе* (Псал. XVШ, 3), т. е. чтобы нѣчто ясное и свѣтлое показывалось тѣмъ, которые заслуживаютъ того, чтобы слышать. *Вы есте свѣтъ міра* (Мѡ. 4, 14). Затѣмъ покрытое тѣнью и закутанное тайною и всякимъ покровомъ (посѣ) святыни, сообщалъ тѣмъ, которые и сами оказываются ночью, тьмою и мракомъ, о которомъ говорится: *И мракъ подъ ногами Его* (Псал. XVII, 10) [т. е.] несомнѣнно Бога, потому что и Моисей на горѣ Синай вступаетъ въ бурю и мракъ, гдѣ былъ Богъ (Исх. XIX) и о самомъ Богѣ говорится: *Мракъ сдѣлалъ покровомъ Себѣ* (Псал. XVII, 12). Итакъ каждый пусть говоритъ съ ближнимъ своимъ истину и таинственное, и не даетъ святыни псамъ, и не бросаетъ бисера предъ свиньями (Мѡ. VII); но того только, кто имѣетъ елей истины, пусть онъ вводитъ въ горницу и въ кладовую Жениха. Затѣмъ будемъ знать, что слова: *говорите истину каждый съ ближнимъ своимъ* заимствованы изъ пророка Захаріи (VШ, 16).

Стихъ 26: *Гнѣвайтесь и не согрѣшайте.*— Ни у кого не возбуждаетъ сомнѣнія то, что эти слова заимствованы изъ четвертаго псалма и, повидимому, они противоположны тому, что говорится въ другомъ мѣстѣ: *А теперь отложите и вы всякій гнѣвъ и недобованіе, и злобу, и хулу, и безстыдныя рѣчи изъ устъ вашихъ* (Колосс. Ш, 8). Хотя и простое пониманіе этого мѣста въ смыслѣ того, что развязывается

узда гнѣва, опасно. Однако не только у насъ, но и у философовъ слово *гнѣвъ* понимается въ двоякомъ значеніи; во-первыхъ, когда мы, возмущенные обидою, движемся естественными требованіями; во-вторыхъ, когда по прекращеніи нападений на насъ и утишенія гнѣва умъ можетъ разсуждать, но тѣмъ не менѣе желаетъ мщенія тому, кто признается оскорбителемъ. Посему я думаю, что здѣсь идетъ рѣчь о первомъ видѣ гнѣва, и намъ, какъ людямъ, сдѣлана уступка: возмущаться при видѣ (*ad faciem*) какого-нибудь недостойнаго дѣйствія, но чтобы спокойствіе ума возмущало только какъ бы нѣкоторое легкое движеніе вѣтра; т. е., чтобы мы не легко поддавались бурнымъ волнамъ ярости. Вашъ писатель Фирмианъ написалъ ученымъ и въ то же время краснорѣчивымъ языкомъ книгу *О гнѣвѣ Божіемъ*, которая, по моему мнѣнію, болѣе чѣмъ достаточна для пониманія гнѣва.

Да не заходитъ солнце въ гнѣвъ вашемъ.—Если мы понимаемъ по-просту то солнце, которое видимо тѣлесными очами, то погрѣшаемъ только тогда, когда гнѣвъъ продолжается и послѣ захода солнца. Но не погрѣшаемъ тогда, когда, напримѣръ, гнѣваясь отъ перваго часа до одиннадцатаго, мы дѣлаемъ то, что намъ подсказываютъ негодованіе, ярость, гнѣвъъ. Мнѣ кажется, что нѣтъ ничего несообразнаго такого толкованія, какъ будто не можетъ кто-либо отъ восхода солнца до захода неистовствовать въ столь великихъ преступленіяхъ, что потомъ въ теченіе всей своей жизни невозможно искупить ихъ слезами. Съ другой стороны, не большее ли мѣсто имѣетъ гнѣвъъ днемъ; въ то же время ночь съ наступленіемъ сна является успокоеніемъ ярости и, если бы мы даже гнѣвались тогда, мы переносимъ свою гнѣвливость на слѣдующій день. Поэтому истинное солнце, заходящее надъ злыми пророками,—какъ объ этомъ написано: *надъ вашими пророками солнце зашло въ полдень* (Амос. VІІ. 9), —зайдетъ также надъ всѣми грѣшниками, и восходъ Его не

будеть для нихъ благоприятнымъ; и Апостоль учить, чтобы мы не дѣлали чего-нибудь такого, за что солнце скрывается для насъ, и главная сторона сердца нашего окутывается мракомъ. Нѣкоторые полагають, что это мѣсто должно понимать такъ же просто, какъ и мѣсто изъ четвертаго псалма, откуда оно, повидимому, заимствовано: *Что вы говорите въ своемъ сердцѣ, на своихъ постеляхъ, то да будетъ вамъ огорченіемъ* (Псал. IV, 5), т. е. чѣмъ вы согрѣшаете на дѣлѣ, словами или помышленіями, то вы очищайте покаяніемъ въ теченіе ночи; тогда гнѣвъ будетъ не продолжителенъ и не будетъ перенесенъ на слѣдующій день.

Стихъ 27: *И не давайте мѣста діаволу.*—Діаволь слово греческое, которое на латинскомъ языкѣ значить *клеветникъ*; на Еврейскомъ языкѣ онъ называется: *сатана*, т. е. *противникъ*, или: *врагъ*, и у Апостола: *Веліалъ*, т. е. *безъ ярма*, потому что съ шеи своей сбросилъ служеніе Богу, что Акила перевелъ словомъ: *отступникъ*. И при этомъ должно знать, что тамъ, гдѣ въ Ветхомъ звѣтъ написано: *сыны заразы*, какъ въ словахъ: *Сыновья Илія, сыны заразы* (1 Цар. II), въ Еврейскихъ свиткахъ вмѣсто *зараза* употреблено: *Веліалъ*, т. е. *діаволь*, хотя весьма многіе вмѣсто *Веліалъ* у Апостола читають неправильно: *Веліаръ*. Итакъ, говоритъ онъ, не давайте мѣста діаволу, который, какъ левъ рыкающій, ищетъ доступа, чтобы сдѣлать нападеніе. Дѣйствительно, какъ Отецъ и Сынъ стоятъ предъ дверію сердца и ударяють въ нее, чтобы войти и совершать вечерю съ тѣмъ, кто Ихъ приметъ (Апок. III); такъ и врагъ всегда готовъ броситься на насъ, и когда мы даемъ [ему] мѣсто, то входитъ. Но обыкновенно, прежде чѣмъ войти онъ бросаетъ нѣкоторыя стрѣлы и помыслы дѣлаеть предтечею своего пришествія. Если эти помыслы мы воспріимъ въ сердцѣ своемъ и позволяемъ возрастать, то, когда онъ увидитъ въ насъ увеличившуюся для себя добычу, рѣшается и самъ войти. Наконецъ, онъ бросилъ первую стрѣлу въ сердце Іуды Иса-

ріота, чтобы онъ предалъ Спасителя; если бы этотъ несчастный полученную стрѣлу не согрѣлъ, то никогда послѣ омовенія хлѣба въ солило не вошелъ бы въ него Сатана. вмѣстѣ съ тѣмъ тщательно размыслите о томъ, что сатана нашель средство (Iosim) для входа въ сердце Іуды, — хотя поразиль его еще раньше, — только на вечери Спасителя (Іоан. XIII); это потому, что мы преимущественно предаемся въ его власть тогда, когда насъ не побѣждаетъ ни челоуѣколюбіе, ни кротость, ни милосердіе того, кого мы недостойно ненавидимъ. Съ этими словами Апостола: *Не давайте мѣста діаволу* сравнивается мѣсто изъ Еккліаста: *Если на тебя найдетъ духъ имѣющаго власть, то не давай ему твоего мѣста* (Еккл. X, 4). Онъ гордый и надменный хочеть взойти, хочеть подойти; но ты не давай ему мѣста, если бы даже онъ полагалъ, что ты угнетень, а онъ торжествуетъ, потому что власть діавола заключается не въ его надменности и хвастовствѣ, а въ твоемъ желаніи.

Стихъ 28: *Кто крилъ, тотъ пусть уже не крадетъ, но больше работаетъ, дѣлая руками своими то, что хорошо, чтобы имѣть для передачи тому, кто имѣетъ нужду.* — Такъ какъ тѣ, котоыре врацаются въ дѣлахъ этой жизни, ради пропитанія и добыванія необходимаго бываютъ вынуждены покунать или продавать и стремиться къ прибутку отъ своего дѣла, то даже тѣмъ, которые освободились отъ другихъ страстей, именно, прелюбодѣйства, блуда, идолослуженія, челоуѣкоубійства, трудно не поддаться послѣдному пороку. Посему Апостоль увѣщавааетъ вынѣ Ефесянъ, чтобы они ради прибутка не впадали въ преступленіе воровства; называя воровство, онъ разумѣеть все то, что является ущербомъ для другого. Но справедливо, чтобы каждый, трудясь собственноручно и приобрѣтая трудомъ средства къ жизни, подавалъ немущимъ. Итакъ, кто работаетъ только для того, чтобы самому не нуждаться, а другимъ не протягиваетъ руки (contahit manum), тотъ хотя и хвастается, однако не

исполняетъ заповѣди Апостола. Но слова: *Кто крадеъ, пусть уже не крадетъ* можно понимать болѣе возвышенно въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, что написано о лжепророкахъ, *которые крадутъ слово, каждый у ближняго своего* (Иерем. XXIII, 30), и въ Евангеліи: *Всѣ, приходившіе раньше Меня, воры были и разбойники* (Іоан. X, 8), и къ Римлянамъ: *Ты, проповѣдующій, что не должно крестъ, крадешь* (Римл. II, 21), — все это показываетъ, что мы не должны (prohibeamus) совершать духовнаго воровства. Такимъ же образомъ и слѣдующія слова: *А лучше пусть трудится, своими руками дѣлая то, что хорошо* по справедливости не могутъ быть отнесены только къ тому, что необходимо для жизни, т. е. невозможно, чтобы добрымъ называлось что-либо преходящее, и что относится къ маммонѣ неправды. Въ самомъ дѣлѣ, хотя бы праведный трудъ собралъ богатства, пріобрѣтенныя безъ хитрости, достаточно для нихъ, если они не будутъ называться зломъ; но они не заслуживаютъ названія блага. Итакъ, доброе дѣлаетъ тотъ, кто уклоняется отъ зла и дѣлаетъ добро, и трудится на нивѣ души своей, чтобы она наполнилась духовнымъ хлѣбомъ, и онъ могъ подавать аячущему и живущему въ нуждѣ, доставляя сотрудникамъ своимъ хлѣбъ своевременно. Но если есть таковъ тотъ, который дѣлаетъ добро, то слѣдовательно, который крадетъ, тотъ крадетъ слова и ученіе, живя отъ кражи и отъ кражи сшивая себѣ изголовье, и то тамъ, то здѣсь собирая для себя въ Писаніи клочки, чтобы шить себѣ разодранную тунику, которая снизу, а не сверху. А туника Церкви, т. е. тѣло Христова соткана сверху, и ни въ одной части своей не имѣетъ швовъ и не можетъ быть разорвана даже язычниками.

Стихъ 29: *Да не исходитъ изъ устъ вашихъ никакое злое слово, но только доброе для своевременнаго созиданія, чтобы подавать благодать слушающимъ.* — Добрымъ словомъ для благовременнаго назиданія, подающимъ благодать слушающимъ бываетъ то, которое учитъ слѣдовать добро-

дѣтели и избѣгать пороковъ; а дурнымъ словомъ—то, которое призываетъ къ грѣхамъ и склонныхъ [къ нимъ] еще болѣе побуждаетъ къ полному паденію. Въмѣсто переведеннаго нами *для своевременнаго созиданія*, т. е. того, что на греческомъ языкѣ выражено словомъ *τῆς χρείας*, въ Латинскихъ собраніяхъ св. книгъ переводчикъ для благозвучія измѣнялъ и употребилъ выраженіе: *для созиданія вѣры*. Какъ только отъ нашихъ словъ кто-либо получаетъ пользу и по соответствію мѣста, времени или лица назидаетъ слушающихъ, то изъ устъ нашихъ исходитъ доброе слово. А когда мы говоримъ или не во-время, или въ неподходящемъ мѣстѣ, или не такъ, какъ пригодно для слушающихъ, тогда каждый разъ изъ устъ нашихъ исходитъ злое слово къ разстройству тѣхъ, которые слушаютъ. Итакъ, будемъ соображать то, что мы говоримъ, потому-что за всякое слово праздное мы дадимъ отчетъ въ день суда (*Мѡ. XII*). И даже, если бы мы не оскорбляли никого, но если не назидаемъ, то за слово злое намъ должно быть воздаяніе.

Стихъ 30: *И не печаливайте Святаго Духа Божія, Которымъ вы знаменованы въ день искупленія.*—Печаль Духа Святаго должна быть понимаема такъ-же, какъ и гнѣвъ Божій, и сонъ, и прочія страданія по подобію людей. Это значить не то, что Духъ Святой испытываетъ печаль и Божество ощущаетъ нѣкоторое безпокойство, а то, что мы человѣческими выраженіями познаемъ движенія Божественнаго чувства, потому что Онъ печаливается, когда мы согрѣшаемъ и какъ бы оплакиваетъ грѣшниковъ. Ибо и Спаситель, бывшій въ тѣлѣ, оплакивалъ Іерусалимъ (*Лук. XIX*), а въ лицѣ пророка весь родъ человѣческій, говоря: *Горе мнѣ, душа, потому что погибъ отъ земли отвращающій* [длинно: *почитающій*] *и нѣтъ между людьми того, который направляетъ: въ судятся въ крови* (*Мих. VII, 2*). А перечисляя у Іезекііа дѣла нѣбогда святаго города, говорятъ: *Во всемъ этомъ ты печалилъ Меня* (*Іезек. XX*). А знаме-

нованы мы Святымъ Духомъ Божіимъ такъ, что и духъ нашъ, и душа запечатлѣваются знаменіемъ Божіимъ, и мы получаемъ тотъ образъ и подобіе, по которымъ созданы отъ начала. Это знаменіе Святаго Духа по слову Спасителя подается отъ запечатлѣнія Бога: *Ибо Ею*, говоритъ Онъ *назнаменовалъ Богъ Отца* (Иоан. VI, 27). Итакъ знаменуется отъ Отца Духомъ Святымъ всякій, кто своею вѣрою въ Бога показалъ, что Онъ—истинный Богъ. Онъ знаменуется для того, чтобы сохранить эту печать и показать ее въ день искупленія чистою и неповрежденною, и неспорченною ни въ какой своей части и по ней быть причисленнымъ къ тѣмъ, которые искуплены.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Павла и Евстохія! въ предисловіи къ первой книгѣ толкованій на посланіе къ Ефесянамъ я болѣе чѣмъ достаточно сказалъ о значеніи доказательствъ въ посланіи Павла къ Ефесянамъ, и по немногу,—гдѣ былъ поводъ къ тому,—хотя и кратко показалъ, что блаженный Апостоль ни къ одной изъ церквей не писалъ столь таинственно и не раскрылъ столь сокровенныя священнодѣйствія. А теперь, такъ какъ я, подкрѣпляемый молитвами вашими и святой Марцеллы, диктую третью, т. е. и послѣднюю книгу на то же посланіе, то мнѣ кажется справедливымъ показать, что и словопроизводство самого имени соотвѣтствуетъ вышеизложенному мною смыслу. Слово *Ефесъ* переводится на латинскій языкъ словомъ *хотъніе*, или: *совѣтъ мой въ немъ*, или еще: *душа моя въ немъ*. Хотъніе, совѣтъ и духъ Божій бываетъ въ томъ, который можетъ сказать: *Ибо Онъ Самъ далъ мнѣ познаніе о всемъ* (Еккл. I и 1 Иоан. V), и хотя неизвѣстное и тайное Божественной премудрости было открыто Ему, однако слѣдуетъ свидѣтельство говорящаго: *Я нашелъ Давида, сына Иессеева, мужа по сердцу Своему, который исполнилъ всѣ желанія*

Мои (Дьян. XIII, 22). На мужа этого рода указывает и пророкъ Осія, говоря: *Кто мудръ и пойметъ* [или: *понимаетъ и признаетъ*] *это, разуменъ и признаетъ то,* (Ос. XIV, 10). Затѣмъ, чтобы вы знали, что велико отличие человѣка просто праведнаго отъ праведнаго мудреца, послушайте, какую славу наследуютъ отдѣльные изъ мертвыхъ въ воскресеніи: *И многіе изъ спящихъ встанутъ изъ праха земнаго: одни въ жизнь вѣчную, а другіе на позоръ и смятеніе вѣчное, и разумные будутъ блистать, какъ сіяніе тверди, и многіе изъ праведныхъ будутъ, какъ звѣзды на вѣкъ* (Дан. XII, 2). Будутъ блистать, говорить, праведные, какъ звѣзды на вѣкъ, и разумные, т. е. имѣющіе знаніе Писанія, какъ сіяніе неба. Это не то значить, что ученый мужъ не долженъ быть также и праведнымъ, а то, что праведный, если не будетъ наученъ, будетъ такъ далеко отъ праведнаго мудраго, какъ блескъ звѣздъ отъ сіянія тверди. Поэтому, если кто наставленъ только въ размысленіи о Законѣ, но не радить о своей жизни, тотъ не имѣетъ дерзновенія сказать: *Отъ заповѣдей Твоихъ я научился, посему устремляюсь къ исполненію всѣхъ повелѣній Твоихъ* (Псал. CXVIII, 10); онъ, какъ мѣдь звенящая и какъ бряцающій кимвалъ и соль, утратившая силу, долженъ быть попираемъ въ грязи (1 Корн. XIII, Марк. IX и Лук. XIV). Но если мнѣ дадутъ на выборъ то и другое (оставляя въ сторонѣ того, кто имѣетъ мудрость и праведность), то я предпочелъ бы праведную простоту ученой злобѣ, потому что въ первомъ случаѣ хотя и меньшая слава звѣздъ однако по существу равна свѣту, а во второмъ случаѣ по мѣрѣ пріобрѣтенія знанія является большая отвѣтственность. *Сильные претерпятъ мученія* (Премудр. VI, 7). Также: *Рабъ, который познаетъ волю господина своего и не исполнитъ ея, будетъ подвергнутъ биченію многимъ* (Лук. XII, 47). Это потому, говорю я, что хочу показать, почему имя Ефесянъ значить духъ, совѣтъ и волю Божію, —именно потому, что они, оставивъ чу-

деса волшебства, ревность къ заблужденію перенесли на познаніе истины. Ради спасенія ихъ Павелъ трудился столь много, что писалъ къ Коринѣянамъ: *Если я, судя по человѣчески, боролся въ Ефесѣ съ звѣрями, то какая мнѣ польза, если мертвые не воскресаютъ* (1 Коринѣ. XV, 32)? Что это за звѣри? Это именно тѣ, относительно которыхъ Псалмопѣвецъ говорить въ молитвѣ: *Не предай звѣрямъ душу, полагающуюся на Тебя* (Псал. LXXIII, 13). И въ другомъ мѣстѣ: *Запрети звѣрямъ въ камышъ* (Псал. LXVII, 31). Дѣйствительно, врагъ нашъ, діаволь, какъ рыкающій левъ бѣгаетъ вокругъ (1 Петр. V, 8). Когда же онъ увидѣлъ, что главный городъ Азіи похищенъ изъ пасти его на сторону ученія Павла, то, собравъ все отряды спутниковъ своихъ, устремился подавить его и, безчестно возносясь, хотѣлъ подобно орлу устроить надъ нимъ гнѣздо свое (Ис. XIV; Притч. IV). Чувствуя это, и со всякою тщательностію сохраняя сердце свое (потому что кому не извѣстны его коварства), Апостоль даже послѣ побѣды, но побѣды не безкровной, говорилъ: *Мы не хотимъ, братіе, оставить васъ въ невѣдѣніи о терзаніяхъ нашихъ, которыя были намъ въ Азіи, потому что мы былиотяжены сверхъ мѣры, выше силы, такъ что намъ даже стало невыносимо жить* (2 Корнѣ. I, 8). А то, что посланіе отправляется чрезъ Тихиба, это весьма согласно съ священнотайственнымъ содержаніемъ того же посланія (1 Фессал. IV). На это предпосылаетъ указаніе и оглавленіе девятаго псалма: *О тайнахъ сына, потому что слово Тихикъ значить молчащій, т. е. не бросающій бисера предъ свиньями и не дающій святыни псамъ, но свободно говорящій къ Богу: Въ сердце своемъ я скрылъ слова Твои, чтобы не согрѣшилъ предъ Тобою* (Псал. CXVIII, 11).

Стихъ 31: *Всякое огорченіе, и ярость, и гнѣвъ, и вопли и злословіе да отнимется отъ васъ съ всякою злобою.*— Огорченіе противоположно пріятности. Поэтому горькіе попросту называются сладкими, о чемъ и пророкъ Іеремія гово-

рить такъ: *И огорченіе Твое возшло на меня (Іерем XV, 17)*. А ярость есть начинающійся гнѣвъ и разгорѣвшееся въ душѣ негодованіе. Гнѣвъ же (видами котораго являются горечь и ярость) по утоленіи ярости требуетъ мщенія и хочетъ обидѣть того, котораго считаетъ повредившимъ ему. Хотя на это также указывается и въ лицѣ Божиємъ очень часто, — какъ, напримѣръ: *Господи! не обличай меня въ ярости Своей и не исправляй меня въ гнѣвъ Своємъ (Псалм. VI, 1)*, — однако возмущенія [Его] духа не должно сравнивать съ нашими, потому что въ Немъ все умѣренно и приведено въ порядокъ, и наказаніе, которымъ исправляются грѣшники, называются такъ соотвѣтственно нашему словоупотребленію. А мы, если гнѣваемся, то приходимъ въ смятеніе, и увлекаемые яростію перестаемъ быть самими собою. Поэтому отъ насъ должны быть удалены всякое раздраженіе и ярость, и гнѣвъ. Ибо къ извѣстному слову Евангелія: *Всякій, гнѣвающийся на брата своего безъ причины, будетъ ответственнымъ предъ судомъ (Мат. V, 12)* напрасно прибавлены слова: *безъ причины*, потому что Апостоль яснѣйшимъ образомъ говоритъ, что намъ не позволяется гнѣваться даже и безъ причины: *Огорченіе и ярость и гнѣвъ да будутъ удалены отъ васъ*. Также и въ тридцать шестомъ псалмѣ устраняется всякое возмущеніе души вообще: *Успокойся отъ гнѣва и оставь ярость*. Въ самомъ дѣлѣ, если гнѣвъ желаетъ мщенія, а всякое мщеніе требуетъ воздаянія зломъ тому, кто является нашимъ оскорбителемъ; и если Христіанинъ не долженъ воздавать зломъ за зло, но, наоборотъ, зломъ побѣждать добро (1 Петр. III и Римл. XII, 19) и если *Господь говоритъ: „Мнѣ отмщеніе, и Я воздамъ“ (Второз. XXXII, 35)*: то всякій гнѣвающийся согрѣшаетъ, ибо: *Гнѣвъ чловѣка не приноситъ оправданія Божіа (Іак. I, 20)*. Послѣ огорченія, ярости и гнѣва совершенно правильно запрещаются среди насъ также вопли и злословіе, потому-кто когда-либо поддастся ярости, у того по необходимости она прорвется въ крикъ, и

онъ, дрожа отъ возмущенія, подобно древесному листу будетъ метаться туда и сюда и кричать: „О неправда мірская! О несправедливые суды Божіи!“ и проч., что обыкновенно говорятъ тѣ, которые вслѣдствіе ярости въ негодованіи утратили разсудительность ума. Затѣмъ, злорѣчіе бываетъ не только открытое и рождающееся изъ гнѣва, но оно проявляется и безъ гнѣва при спокойной мысли. Такъ, напримѣръ, кто нибудь возмущается управленіемъ этого міра и говоритъ: „Вотъ это должно быть не такъ, а должно быть оно вотъ такъ“, или, напримѣръ, кто-либо, поставленный въ Церкви и вѣрующій въ Бога, колеблется въ ученіи, котораго не позволительно не знать, именно: судить объ Отцѣ, Сынѣ и Святомъ Духѣ иначе, чѣмъ содержитъ истинная сущность его, или не такъ вѣруетъ въ воскресеніе мертвыхъ, какъ учитъ Писаніе, или, заведую чужой премудрости, представляетъ, что неправильно учить тотъ, кто въ дѣйствительности имѣетъ вселенскую вѣру, и, наоборотъ, еретика за лестъ, которую встрѣчаетъ съ его стороны, признаетъ истинно вселенскимъ по вѣрѣ; или кто сладкое называетъ горькимъ, а горькое—сладкимъ. Поэтому у насъ съ всякимъ прилежаніемъ должно читаться Св. Писаніе, и мы день и ночь должны размышлять въ законѣ Господнемъ, чтобы, какъ признанные истинными участниками пиршества, знали, какая монета настоящая и какая—поддѣльная. Затѣмъ мы должны отложить огорченіе, ярость, гнѣвъ, вопли и злословіе такъ, чтобы это было удалено вмѣстѣ съ всякою злобою. *Злоба* должна быть понимаема или какъ нѣчто противоположное добродѣтели, что мы называемъ иначе *порокомъ*, или какъ *злое настроеніе* или *безпутство*, обнаруживающіяся въ упорствѣ и лукавствѣ.

Глава V.—Стихъ 1 [Глава IV, ст. 31]: *Но будьте взаимно благосклонны, милосерды, даруя (прощая) самимъ себя, какъ и Богъ даровалъ вамъ въ Христѣ.*—Выше мы сказали, что огорченію противоположна сладость, которую теперь Апостоль называетъ *χρηστότητα*, т. е. болѣе правиль-

но: *пріятность*, чѣмъ *благосклонность*, научая насъ, чтобы мы, осудивъ всякое огорченіе, ярость, гнѣвъ, вопли, злословіе, бурное движеніе и нѣкоторую жесткость лица, были милосердными и ласковыми и привлекали людей къ близости съ собою такъ, чтобы никто не страшился приближаться къ намъ; эта близость сравнивается съ милосердіемъ, но, уступая другимъ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ не лишаемся того, что даемъ сами, ибо далѣе слѣдуетъ *давая самимъ себѣ*, такъ какъ доброе для другого болѣе служить тому, кто даетъ, чѣмъ тому, кому дано. Кто оказываетъ милосердіе бѣднымъ, тотъ самъ насытится, и кто даетъ имъ, тотъ даетъ въ заемъ Богу. Впрочемъ, можетъ быть понимаяемо и такъ, что въ томъ, въ чемъ мы ласковы и милосерды и, оставивъ возмущеніе, которое насъ беспокоитъ, мы перешли къ любезности и умеренности, мы сами получимъ даваніе и даръ, когда изъ злыхъ обращаемся въ добрыхъ и даемъ сами себѣ то самое, что Богъ Отецъ даровалъ въ Христѣ. Дѣйствительно, если, оставивъ пороки, послѣдуемъ добродѣтелямъ,—а всѣ добродѣтели: мудрость, истина, правда, кротость и прочее относятся къ Христу; то имѣя эти добродѣтели, мы приобретаемъ ихъ себѣ собственнымъ прилежаніемъ и даемъ себѣ возможность имѣть то, что Богъ даровалъ намъ въ Христѣ Іисусѣ. Другой же [толкователь] слова: *давая самимъ себѣ* пусть понимаетъ просто, такъ что, какъ выше говорится: *Будьте взаимно ласковы*, такъ и теперь: *давая самимъ себѣ* вмѣсто: *давая взаимно себѣ*, такъ что какъ Богъ въ Христѣ простилъ намъ грѣхи наши, такъ и мы должны отпустить тѣмъ, которые согрѣшили противъ насъ. А для доказательства того, что отпущеніе грѣховъ въ свѣц. Писаніи называется дарованіемъ, пусть онъ возьметъ тотъ примѣръ изъ Евангелія отъ Луки, гдѣ говорится, что одному человѣку должны были одинъ пятьсотъ динаріевъ, а другой—пятьдесятъ (гл. VII); онъ обоимъ простилъ долгъ и на вопросъ Спасителя спрошенный отвѣтилъ, что большую любовь къ

довѣрителю будетъ имѣть тотъ, которому больше дано. И въ молитвѣ Господней говорится: *Отпусти намъ долги наши, какъ и мы отпускаемъ должникамъ нашимъ* (Мѡ. VI, 12). А Богъ даровалъ намъ въ Христѣ, находясь не внѣ, но обитая въ Немъ, ибо Отецъ въ Сынѣ и Сынъ въ Отцѣ. Но при этомъ Тотъ, въ Которомъ подается, не меньше Того, Который въ Немъ подаетъ, потому что и Апостоль говоритъ: *И если я что-либо даровалъ вамъ, то отъ лица Христа и Бога* (2 Корнѡ. II, 10).

Итакъ будьте подражателями Богу, какъ сыны возлюбленнѣйшіе.—Кто понимаетъ, какъ сказано: *Будьте совершенны, какъ и Отецъ небесный совершенъ есть* (Мѡ. V, 48), тотъ будетъ знать, какимъ образомъ и теперь говорится: *Будьте подражателями Богу* (1 Корнѡ. IV, 163). А въ посланіи къ Коринѣянамъ онъ также говоритъ: *Подражайте мнѣ, какъ и я Христу* (1 Корнѡ. XI, 1). Въ самомъ дѣлѣ, они не могли быть подражателями Христу непосредственно, но для нихъ было уже много, если они могли быть подражателями подражателя Его. А Ефесянамъ, какъ будто тѣмъ, которыхъ онъ научилъ столь многими тайнствамъ, онъ уже не говоритъ: „Будьте моими подражателями“, и не говоритъ: „Подражателями Христа“, но: *Подражателями Богу*. Это не то значить, что быть подражателемъ Христа значить меньше, чѣмъ подражателемъ Бога (ибо Христосъ есть Богъ), но то, что быть подражателемъ по человѣку одно, а по Богу—другое. Ибо хотя мы прежде того знали Христа по плоти, но теперь уже не знаемъ Его по плоти. И самъ Спаситель говоритъ,—показывая уничиженіе въ домостроительствѣ: *То, что Сынъ видитъ Отца дѣлающимъ, тоже и Самъ дѣлаетъ также* (Іоан. V, 19). Это значить не то, будто Отецъ создалъ иное небо и иную землю, и по подобію ихъ Христомъ сотворены иное небо и иная земля и прочія составныя части (elementa); а значить то, что Сынъ дѣлаетъ то же самое, что дѣлаетъ и Отецъ. А въ чемъ мы можемъ быть

равны Богу, объ этомъ Онъ засвидѣтельствовалъ выше, говоря: *Даруя себѣ, какъ и Богъ даровалъ вамъ въ Христѣ, ибо я не думаю, чтобы въ остальномъ, что творить Богъ, человѣкъ могъ подражать Богу; а, напримѣръ, какъ Богъ милосердъ и посылаетъ дождь на злыхъ и добрыхъ и т. д., такъ и мы должны изливать свою доброту на всѣхъ людей. Когда мы будемъ это дѣлать, то будемъ возлюбленными чадами или самаго Павла, или, — какъ мнѣ думается лучше, — Бога.*

Стихъ 2: *И ходите въ любви, какъ и Христосъ возлюбилъ насъ и предалъ Самого Себя въ приношеніе за насъ въ жертву благоуханную Богу.* — Кто ради спасенія другихъ даже до крови борется противъ грѣха, тотъ ходитъ въ любви, подражая Христу, Который настолько возлюбилъ насъ, что претерпѣлъ крестъ за спасеніе всѣхъ. Ибо какъ Онъ предалъ Себя за насъ, такъ и этотъ, охотно умирающій за тѣхъ, за которыхъ можетъ, подражаетъ Тому, Который предалъ Себя въ приношеніе и жертву благоуханную Отцу; онъ и самъ будетъ приношеніемъ и жертвою благоуханною Богу.

Стихи 3, 4: *А блудодѣяніе и всякая нечистота или жадность, пусть даже и не называются среди васъ, какъ это прилично святымъ; также и позорныя, и глупыя слова, и шутовство, не имѣющее отношенія къ дѣлу [не соответственное вашему положенію], но благодареніе.* — Если бы не было нѣкотораго изъ философовъ циника, который училъ, что всякое щекотаніе плоти и всякое истеченіе сѣмени, вызываемое какимъ-либо треніемъ или прикосновеніемъ при случаѣ не должно быть избѣгаемо, и если-бы мудрецы вѣка сего не соглашались съ такимъ позорнымъ и заставляющимъ краснѣть отъ стыда ученіемъ: то святой Апостолъ въ посланіи къ Ефесянамъ никогда не связалъ бы съ блудодѣяніемъ всякой нечистоты, а къ нечистотѣ не присоединилъ бы жадности (скуности), не той, которая побуждаетъ насъ къ собиранію денегъ, а той, о которой мы сказали выше:

Пусишь не обходитъ и съ жадностію не обманываетъ въ дѣль брата своего. Это именно потому, что ненасытный и неудовлетворимый проходитъ по всѣмъ родамъ позорныхъ дѣяній и распутства. *Какъ прилично, говорить, святымъ.* Поэтому ученію святымъ не можетъ называться тотъ, кто помимо блудодѣйства оказывается виновнымъ еще въ какой-либо нечистотѣ и жадѣ похоти къ удовольствіямъ, которыя улаждаютъ его. А если кто либо полагаетъ, что жадность должно понимать въ томъ значеніи, которое мы показали, то онъ долженъ указать причины, по которымъ жадность сверхъ обыкновенія поставляется среди блудодѣянія, нечистоты, позорныхъ и глупыхъ разговоровъ и шутовства. Затѣмъ подъ глупыми разговорами, по моему мнѣнію, нужно понимать не только слова тѣхъ, которые рассказываютъ о чемъ-либо постыдномъ, чтобы возбудить смѣхъ и съ притворнымъ юродствомъ издѣваются надъ тѣми, которымъ желаютъ понравиться; но и разсужденія тѣхъ, которые считаются мудрецами вѣка сего и, преинаясь о естественныхъ предметахъ, утверждаютъ, что они узнали точно число песчинокъ на морскомъ берегу, капли воды въ Океанѣ, огромныя небесныя пространства и средоточіе земли. Встрѣчаются глупые разговоры и въ Церкви. Такъ, напр., если кто-либо, введенный въ заблужденіе непонятными словами пророка Исаи, полагаетъ, что небо закруглено подобно своду, и что на небесахъ поставленъ престоль, на которомъ возсѣдаетъ Богъ и подобно владыкѣ (*improatoris*) и судіи окруженъ стоящими ангелами, которые повинуются словамъ повелителя и посылаются на различныя служенія (*Ис. VI*). Но такъ какъ за глупыми разговорами слѣдуетъ шутовство, то ихъ должно относить преимущественно къ глупымъ и невѣжественнымъ рассказамъ. Между глупыми рѣчами и шутовствомъ замѣчается то различіе, что глупые разговоры не имѣютъ въ себѣ ничего мудраго и достойнаго человѣческаго сердца человѣка. А шутовство исходитъ отъ разумной мысли и съ намбреніемъ приискиваетъ нѣкоторыя

слова городскія, или деревенскія, неприличныя, или шутивыя; другимъ словомъ его можно назвать смѣхотворство съ цѣлью вызвать смѣхъ у слушающихъ. Но и его совершенно должны устранять святые мужи, которымъ болѣе прилично плакать,—какъ мы читаемъ въ нѣкоторомъ Еврейскомъ Евангеліи, будто бы слова Господа къ ученикамъ: *И будьте радостными только тогда, когда увидите брата своего въ любви.* Кажется, что до этого мѣста не было предложено ничего лишняго и стоящаго внѣ связи рѣчи и расположенія словъ [въ посланіи]. Но о слѣдующемъ за тѣмъ и находящемся въ концѣ: *Но болѣе благодареніе* можетъ быть кто-нибудь спросить и скажетъ: „Что значать эти слова послѣ запрещенія прелюбодѣянія и нечистоты, и неумѣренности, и позорныхъ дѣлъ, и глуныхъ рѣчей и шутовства. Въ самомъ дѣлѣ, если ему было угодно говорить о какой-либо добродѣтели, то онъ долженъ былъ говорить прежде всего объ истинѣ, о справедливости и любви. Но какъ это является непоследовательнымъ, такъ и тамъ была бы непоследовательность и при такой же свободѣ рѣчь не имѣла бы порядка. Поэтому можетъ быть, что въ этомъ мѣстѣ названо не то благодареніе, когда мы благодаримъ Бога, но то, по которому мы среди людей называемся любезными, благопріятными или [наоборотъ] лживыми. Глуности и шутовство не прилично христіанину; но прилично, чтобы рѣчь его была приправлена нѣкоторою солью, чтобы онъ имѣлъ расположеніе у слушателей. А такъ какъ было въ обычаѣ, — кромѣ нѣкоторыхъ ученыхъ среди Грековъ, — слово *εὐχαριστία* употреблять для обозначенія только таинства причищенія, а не *быть пріятнымъ* или *любезнымъ*; то, думаю, Апостоль, какъ Еврей изъ Евреевъ, воспользовался простонароднымъ словомъ, и его смыслъ захотѣлъ разъяснить значеніемъ другаго слова, и это въ особенности потому, что у Евреевъ *благопріятный* и *благодарящій* выражается однимъ словомъ. Поэтому я полагаю, что и въ Притчахъ написано такъ: Γούη

εὐχάριστος ἐγείρει ἀνδρὶ δόξαν, т. е. *жена благодарная приноситъ мужу славу*, вмѣсто: *благоприятная*. Мы, кажется, сдѣлали бы насиліе надъ словами Писанія, рѣшительно принимая переводъ: *благодарная жена* вмѣсто: *благоприятная*, если бы и прочія изданія св. книгъ не совпадали съ нашимъ мнѣніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, Акила и Θεοδοτίωνъ, и Симмахъ употребили γυνὴ χάριτος, т. е. *жена благоприятная*, а не εὐχάριστος, что относится къ дѣйствіямъ благодати.

Стихъ 5: *Но знайте то, что всякій блудодѣй, или нечистый, или жадный, потому что онъ служитъ идоламъ, не имѣетъ наслѣдія въ Царствѣ Христа и Бога.*— Должно замѣтить, что запретивши выше шесть пороковъ: блудодѣяніе, нечистоту, жадность, позорныя дѣянія, глупыя рѣчи, шутовство, теперь онъ указалъ только три: блудодѣяніе, нечистоту и жадность; если кто въ нихъ виновенъ, то не можетъ имѣть наслѣдія въ Царствѣ Божіемъ и Христовомъ. Дѣйствительно, если бы такимъ же образомъ говорящій глупыя рѣчи и шутъ были чужды Царства Божія, какъ и тѣ три, которыхъ онъ особенно выдѣлилъ, то приговоръ показался бы жестокимъ и не соотвѣтствующимъ человѣческой немоци: такъ какъ сказанное въ шутку уже служить къ нашему осужденію, потому что, *кто не согрѣшаетъ въ словахъ, тотъ совершенъ* (Іак. III, 2). Но и говоря такъ, мы не отводимъ мѣста глупымъ разговорамъ и шутовству; тѣмъ не менѣе хотя у Отца есть многія обители, т. е.: хотя кто-либо и чуждъ блудодѣянія, нечистоты и роскоши, однако, если такой будетъ также говорить глупыя рѣчи и обнаруживать склонность къ шутовству, то не удержитъ того мѣста, которымъ онъ имѣлъ владѣть, если бы не имѣлъ этихъ пороковъ. Но кто-нибудь отвѣтитъ: „Пусть такъ! Глупыя рѣчи и шутовство не связаны съ такою же отвѣтственностію, какъ блудодѣяніе, нечистота и жадность, но развѣ не слѣдовало бы вмѣстѣ съ этими тремя указать и позорныя дѣла? На это должно сказать, что подъ позорными дѣлами здѣсь показы-

вается скрытое помышленіе, когда умъ нашъ возбуждается въ похоти и когда раздраженіями плоти разжигается пылкая душа и не обуздывается ни страхомъ Божиимъ, ни воспоминаніемъ о судѣ. Наконецъ, и выше Апостоль назвалъ одинаково три порока безъ упоминанія о позорныхъ дѣлахъ: *Но блудодѣяніе и всякая нечистота и жадность пусть даже и не называются между вами;* да и потомъ безчестіе указано вмѣстѣ съ глупыми рѣчами и шутовствомъ; и какъ глупыя рѣчи и шутовство навсегда исключаютъ изъ Царства и губятъ человѣка, такъ и эти позорныя дѣла. Но такъ какъ въ вышеприведенныхъ словахъ: *Чтобы онъ не обходилъ и съ жадностію не обманывалъ на дѣль брата своего* (1 *Тессал.* IV, 6), мы сказали, что жадность поставлена вмѣсто блудодѣянія, то спросимъ о томъ, что теперь говорится въ словахъ: *или жадный, который служитъ идоламъ*: согласно ли это съ вышеуказаннымъ, или съ обыкновеннымъ пониманіемъ. Въ весьма многихъ мѣстахъ, пророковъ мы находимъ, что идолослуженіе названо блудодѣяніемъ: *Будутъ блудодѣйствовать,* говоритъ онъ, *по слѣдамъ идоловъ своихъ* (*Ос.* IV, 12) и: *Духомъ блудодѣянія они прельщены.* Итакъ, блудодѣяніе можетъ быть понято и выше въ значеніи идолослуженія. Но если подъ жаднымъ разумѣется тотъ, который, собирая какъ бы то ни было деньги, желаетъ законно и незаконно имѣть монеты и наслаждается полнымъ кошелькомъ, то таковой идолопоклонникъ въ томъ смыслѣ, что онъ поклоняется самому изображенію монеты и почитаетъ въ нихъ скрытыхъ идоловъ. Какъ богомъ людей прожорливыхъ является чрево, такъ по справедливости богомъ жадныхъ могутъ быть названы деньги, особенно когда Апостоль въ другомъ мѣстѣ называетъ жадность идолослуженіемъ. При этомъ должно посмотрѣть, чтó имѣлъ онъ въ виду, говоря: *въ Царствѣ Христа и Бога* (1 *Корнѳ.* X). Развѣ царство Христа одно, а царство Бога—другое? Или царство Отца и Сына одно и то же? Но если быда же онъ сказалъ: *въ Царствѣ Сына и Отца,*

то мы вѣдь чрезъ Сына приходимъ къ Отцу, и хотя существуетъ различіе Божественныхъ Лиць, однако величество царствующихъ одно и то же. Но когда онъ сказалъ: *Въ Царствѣ Христа и Бога*, то мы должны понимать самого Бога и Христа, потому что, даже когда Онъ передастъ Царство Богу и Отцу, не Отецъ будетъ во всёхъ, а Богъ будетъ всёмъ во всёхъ. Но гдѣ есть Богъ, тамъ должно разумѣть, какъ Отца, такъ и Сына. Наконецъ, что мы говоримъ объ Отцѣ и Сынѣ, то также должны имѣть въ умѣ и о Святомъ Духѣ.

Стихъ 6: *Никто да не оболъщаетъ васъ пустыми словами, ибо ради нихъ приходитъ гнѣвъ Божій на сыновъ невѣрія.* — Слова, которыя обманываютъ и являются преградой, суть пусты и безсодержательны. А тѣ, которыя назидаютъ слушающихъ, бываютъ полны смысла, изобильны и сжаты. Итакъ вслѣдствіе того, что есть очень многіе, которые говорятъ, что наказаній за грѣхи не будетъ и не будетъ внѣшнихъ мученій; но самый грѣхъ и сознание проступка будетъ вмѣсто наказанія, ибо не умираетъ червь въ сердцѣ ихъ и въ душѣ ихъ разгорится огонь на подобіе лихорадки, которая мучитъ больнаго не внѣшнимъ образомъ, но терзаніями наказываетъ самое тѣло безъ прибавленія внѣшнихъ терзаній. Итакъ, пустыми и безсодержательными словами онъ назвалъ тѣ уговоры и тѣ обманчивыя уловки, которыя, повидимому, имѣютъ нѣкоторый блескъ краснорѣчія и льстятъ грѣшникамъ, но, внушая имъ довѣріе, онѣ скорѣе увлекаютъ ихъ къ вѣчнымъ наказаніямъ. Дѣйствительно, Богъ ни на что такъ не гнѣвается, какъ на превозношеніе грѣшника, когда онъ съ холодною гордостію высокомерно не склоняется къ плачу и не проситъ о милосердіи за грѣхъ, *ибо за это приходитъ гнѣвъ Божій на сыновъ недовѣрія*, или не поддающихся убѣжденію, потому что слово ἀπληθεία можетъ быть лучше понято, какъ неуступчивость *убѣжденію*, чѣмъ въ противоположномъ значеніи *довѣрія*; а сынами, не

склонными къ убѣжденію, или сынами недовѣрія, называются они такъ же, какъ и сынами погибели, и сынами блудодѣянія, и сынами смерти, и сынами геенны и проч., что весьма легко можетъ быть найдено въ различныхъ мѣстахъ Писаній.

Стихъ 7: *Итакъ, не дѣлайтесь соучастниками ихъ.*—Сообщникомъ (particeps), или соучастникомъ (comparticeps) сыновъ невярія бываетъ тотъ, кто является [виновнымъ] въ блудодѣяніи и въ нечистотѣ, и въ жадности, за что приходитъ гнѣвъ Божій на сыновъ невярія. А сообщникомъ ихъ онъ бываетъ потому, что принимаетъ участіе и имѣетъ общеніе въ злыхъ дѣлахъ; а соучастникомъ является въ отношеніи къ тому, кто бываетъ участникомъ съ другими, такъ что въ этомъ словѣ разумѣется и сообщникъ. Но въ сообщникѣ не всегда заключается соучастникъ. Тщательно различай слова *сообщникъ* и *соучастникъ*, ибо, по моему мнѣнію, въ священномъ Писаніи слово *сообщникъ* понимается всегда въ добромъ значеніи, а *соучастникъ*—въ дурномъ: *Посему помазалъ Тебя, Боже, Богъ Твой елеемъ радости больше сообщниковъ Твоихъ* (Псал. XLIV, 8) и въ другомъ мѣстѣ: *Ибо мы сдѣлались сообщниками Христа, если только до конца будемъ держать твердымъ начало сущности* (substantiae) (Евр. III, 14). Затѣмъ я не помню, чтобы гдѣ-либо читалъ,—кромѣ настоящаго мѣста,—слово *соучастникъ*; но очевидно, что здѣсь оно употреблено не въ хорошемъ значеніи, а въ смыслѣ противоположномъ.

Стихъ 8: *Ибо некогда вы были тьмою, а теперь вы—свѣтъ въ Господѣ.*—Если возможно, чтобы тьма обращалась въ свѣтъ, то не существуетъ природы, которая погибаетъ и не можетъ получить спасенія, какъ полагаютъ нѣкоторые еретики. Посему спросимъ тѣхъ, которые это выдумываютъ: „Всѣ ли нечестивые суть мракъ или нѣтъ?“ Въдь изъ нихъ нѣкоторые хотя и называются по причинѣ злобы мракомъ, однако теперь, обратившись къ лучшему, называ-

ются свѣтомъ въ Господѣ. Но, какъ праведные суть свѣтъ міра, такъ нечестивые назовутся соотвѣтственно сему (consequenter) мракомъ. И въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ праведные суть свѣтъ, то они увидятъ свѣтъ въ свѣтѣ, а такъ какъ неправедные суть мракъ, то они—народъ, сидящій въ тьмѣ и ничего не видающій. Раздѣленіе и различіе ихъ между собою мы видимъ по плодамъ, потому что всякій, дѣлающій зло, ненавидитъ свѣтъ и не приходя къ свѣту является мрачнымъ и есть сынъ ночи и мрака. А кто трудится для истины, и приходитъ къ свѣту, тотъ свѣтъ есть и сынъ дня и свѣта (*Іоан. III, 20, 21*). Но сіяющіе и мрачные распознаются по свѣту или мраку сердца. На это ты скажешь: „Не говорится ли о праведныхъ: *А нынѣ они суть свѣтъ въ Господѣ* для различія отъ тѣхъ, которые суть свѣтъ, но не свѣтъ въ Господѣ? Но объ Ефесянахъ, которые дошли до высокой степени (summam) познанія вполне справедливо ищется, что они свѣтъ въ Господѣ. Впрочемъ, и не самый мракъ обращается въ свѣтъ, или свѣтъ измѣняется въ мракъ; а это тѣ, которые заслужили названіе добродѣтели, или порока отъ того, чѣмъ они являются; а если они обратятся изъ одного въ другое, то будутъ имѣть своимъ удѣломъ или названіе свѣта, или мрака, соотвѣтственно качествамъ (ἑκ τῶν ἰσχυρίων γενεῶν), которыя имѣютъ.

Ходите какъ чада свѣта.—Если Богъ есть свѣтъ и въ Немъ нѣтъ тьмы, то сыны свѣта суть сыны Божіи; также если Христосъ есть истинный свѣтъ, то и сыны Его, къ которымъ Онъ говоритъ: *Дети Мои, еще немного Я остаюсь съ вами (Іоан. XIII, 23)*, суть сыны истиннаго свѣта. Изъ этого слѣдуетъ (colligitur), что сыны Бога Отца тѣ же, что и сыны Іисуса Христа.

Стихъ 9: *Ибо плодъ свѣта является во всякой благодати, справедливости и истинѣ.*—Мы выдвигаемъ это свидѣтельство противъ Маркіона, который отдѣляетъ Бога правды отъ Бога благаго, и говоритъ, что Творецъ есть справед-

ливый, а другой,—мнѣ неизвѣстно какой—сынъ Котораго есть пришедшій Христось,—есть Богъ только благой. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь плодъ свѣта является не только въ благодти, но и въ правдѣ, и въ истинѣ. Итакъ, гдѣ есть благодть, тамъ есть и справедливость, а гдѣ справедливость, слѣдовательно, тамъ и истина. Итакъ, у благаго Отца Христова, какъ сознаются и сами они, есть истина и благодть. А гдѣ есть благодть и истина, у того самаго, а не у другого, есть, какъ нынѣ учитъ Апостоль, и справедливость. Пусть Маркіонъ пойметъ также, что и самъ Христось называется благодтію, истиною и справедливостію. Благодтію потому, что Онъ не по дѣламъ, а по милосердію подаетъ благодать вѣрующимъ; а правдою въ томъ, что онъ каждому воздаетъ то, что онъ заслуживаетъ; наконецъ, истиною—въ томъ, что только Онъ знаетъ причины всѣхъ твореній и вещей.

Стихъ 10: *Испытывая, что благоугодно Богу.*—Все должно дѣлать съ разсужденіемъ, чтобы съ осторожностію и заботливо дѣлать только то, что,—какъ мы знаемъ,—угодно Богу, подобно благоразумному мѣняльщику денегъ, который испытываетъ монету не только по виду (осио) но и по вѣсу и по звуку. Но такъ какъ въ этомъ мѣстѣ порядокъ расположенія мыслей, повидимому, нарушенъ и весь отрывокъ какъ будто съ излишкомъ переполненъ (словами), то, какъ мнѣ думается, рѣчь можно возстановить въ такомъ видѣ: „Итакъ, не будьте соучастниками ихъ, испытывая, что благоугодно Богу, ибо хотя вы нѣкогда были мракомъ, но теперь вы—свѣтъ въ Господѣ, ходите, какъ сыны свѣта, обнаруживая плоды свѣта во всякой благодти, правдѣ и истинѣ“.

Стихъ 11: *И не пріобщайтесь къ безплоднымъ дѣламъ тьмы.*—И въ посланіи къ Галатамъ Апостоль представилъ плодъ въ духѣ, а дѣло—въ плоти, говоря такъ: *Но дѣла плоти явно извѣстны, это суть блудодѣланіе* и проч. (Галат. V, 19); *А плодъ духа есть любовь, радость, миръ* (ст. 22) и проч. Затѣмъ въ настоящемъ мѣстѣ онъ

назвалъ дѣла тьмы безплодными; кто дѣлаетъ ихъ, тѣ соединяются въ одно общество.

Но болѣе и обличайте. — Среди прочихъ повелѣній имѣть возможность обличать согрѣшающихъ является дѣломъ величайшей свободы. Но это можетъ дѣлать только тотъ, кто не заслуживаетъ услышать: *Лицемеръ! выбрось прежде сучокъ изъ глаза своего, и тогда можешь выбросить бревно изъ глаза брата твоего* (Лук. VI, 42). Посему то пророки, не оскверненные никакою мерзостью грѣховъ и не имѣющіе запятнанной совѣсти могли обличать другихъ, впадающихъ въ грѣхи. Поэтому должно замѣтить, что обличать можетъ только тотъ, кто самъ не обличается въ себѣ самомъ.

Стихъ 12: *Ибо позорно и говорить о томъ, что дѣлается ими въ тайнѣ.* — Мнѣ кажется, что здѣсь нѣтъ связи рѣчи, такъ что сказанное теперь не зависитъ отъ вышесказаннаго, и невозможно узнать, къ кому это должно быть отнесено, если только не указать на перестановку вышесказаннаго и не связать этихъ словъ съ сынами недовѣрія, чтобы можно было изъяснить такъ, что дѣлаемое въ тайнѣ сынами недовѣрія позорно и рассказывать, — это именно: блудъ, нечистота и всякая жадность.

Стихъ 13: *Но все обличаемое дѣлается очевиднымъ отъ свѣта, ибо все являемое есть свѣтъ.* — „Все“, несомнѣнно, что это дѣлаемое въ тайнѣ сынами недовѣрія, ибо это по обличеніи дѣлается очевиднымъ отъ свѣта. Но свѣтъ обличаетъ то, что прежде было мракомъ, и уже послѣ того сдѣлалось свѣтомъ въ Господѣ; такъ что чрезъ обличеніе оно становится лучшимъ, и въ измѣненномъ видѣ является всенародно, и какъ общеизвѣстное (*publicata*) становится свѣтомъ, ибо все очевидное есть свѣтъ.

Стихъ 14: *Посему снзъ говоритъ: „Встань, спящій, и воскресни изъ мертвыхъ, и просвѣтитъ тебя Христосъ“* [или: *взойдетъ для тебя Христосъ*]. — Такъ какъ дѣла мрака, обличенныя свѣтомъ, являются на свѣтъ, то послѣ измѣ-

ненія обличеннаго, людямъ спящимъ и мертвымъ говорится, — потому что они дѣлали дѣла мрака: *Встань, спящій, и воскресни изъ мертвыхъ*. Можетъ быть, кто-нибудь спроситъ: „Кто это говорить? или: „Чьими словами воспользовался Апостоль?“ И тотъ, кто довольствуется простымъ отвѣтомъ, скажетъ, что онъ представилъ здѣсь вычитанное въ сокровенныхъ пророкахъ, — какъ дѣлалъ это, — что до очевидности извѣстно и изъ другихъ мѣстъ, — и не потому, что онъ одобрялъ сокровенныя [писанія], но потому, что онъ пользовался и другими стихами Арата и Эпименида, и Менандра для доказательства желаемой мысли въ извѣстное время. Однако онъ не засвидѣтельствовалъ этимъ, что свято все, что они ни писали, хотя и утверждалъ, что нѣчто они сказали вѣрно. А другой, можетъ быть, будетъ думать, что Апостоль представилъ здѣсь какъ бы олицетвореніе Святаго Духа, и скажетъ, что это является убѣжденіемъ къ покаянію. А я, по убожеству своему, послѣ тщательнаго пересмотра всѣхъ изданій древнихъ Писаній и даже самихъ Еврейскихъ свитковъ, нигдѣ не нашелъ этого изреченія. А можетъ быть намъ слѣдуетъ сказать, что какъ въ древности пророки говорили въ собранія: *Такъ говоритъ Господь* и: *Такъ какъ говоритъ Господь*, такъ и нынѣ Апостоль, исполненный Духа Святаго внезапно взялъ и высказалъ слова, которыя въ немъ говорилъ Христосъ: *Такъ говоритъ Господь*. Кромѣ того необходимо разсудить и о томъ, какимъ образомъ одному и тому же говорится и, какъ живому: *Встань спящій*, и, какъ мертвому: *И воскресни изъ мертвыхъ?* Это потому, что въ человѣкѣ есть и духъ, который, — какъ мы говорили, — всегда принимается въ хорошемъ значеніи, и душа, которой, — какъ мы читаемъ, — усвоятся немощи и смерть грѣшниковъ; такимъ образомъ, настоящія слова: *Встань, спящій* слѣдуетъ отнести къ духу, а слѣдующее: *Воскресни изъ мертвыхъ* должно усвоить душѣ, ибо *Душа, которая согрѣшитъ, умретъ* (Іезек. ХVІІІ, 4). Но мы рѣшительно никогда не читали о смерти

духа. Итакъ, Христось, истинный свѣтъ, взойдетъ надъ тѣмъ, который всталъ отъ сна и воскресъ изъ мертвыхъ. Я слышалъ нѣкогого, спорящаго относительно этого мѣста Писанія; онъ, чтобы поразить зрителей по образцу театральныхъ зрѣлищъ, сбросилъ съ себя предъ народомъ покрывало, чего прежде никто не видалъ, и утверждалъ, что эти слова Апостола относятся къ Адаму, погребенному на лобномъ мѣстѣ, гдѣ былъ пригвожденъ ко кресту Господь. Лобнымъ мѣстомъ оно названо потому, что тамъ скрыта голова перваго человѣка. Такимъ образомъ во время пригвожденія Господа къ кресту, Онъ висѣлъ надъ могилою Адама и исполнилось пророчество, гласящее: *Встань, Адамъ спящій, и воскресни изъ мертвыхъ*, и не такъ, какъ мы читаемъ: ἐπιφάσει σοι Χριστός, т. е. *взойдетъ надъ тобою Христось*, по: ἐπιφάσει, т. е. *коснется тебя Христось*, это потому, что именно прикосновеніемъ самой крови и тѣла висящаго, онъ будетъ оживотворенъ и возстанетъ. И тогда по истинѣ осуществится тотъ образъ, въ которомъ мертвый Елисей воскресилъ мертваго (4 Цар. XIII). Я предоставляю свободному выбору читателя рѣшить: истинно ли это, или нѣтъ. Несомнѣнно, что тогда это сказаніе понравилось народу и было принято съ рукоплесканіями и плясвою. Я знаю только одно, что такое значеніе не согласно ни съ толкованіемъ этого мѣста, ни съ связью рѣчи.

Стихъ 15: *Итакъ, вы видите, какъ осторожно нужно ходить вамъ: не какъ неразумнымъ, но какъ премудрымъ.*— Ефесянамъ правильно говорится, чтобы они, имѣвшіе подготовленный умъ къ различенію добра и зла, ходили съ осторожностію и испытывая все, держались того, что твердо признали, какъ доброе. Но кто видитъ, какъ должно ему ходить и какъ осторожно подниматься на ступень, чтобы не споткнуться о камень, и кто говоритъ: *Господи, слово Твое есть свѣтильникъ ногамъ моимъ* (Псал. CXVIII, 105), тотъ конечно, мудръ; дѣйствительно, я не думаю, чтобы какой-ли-

бо неразумный отъ природы, хотя бы онъ и захотѣлъ ходить осторожно, могъ исполнить эту заповѣдь, потому что она дана премудрымъ, а не глупымъ. Изъ этого мы должны понять, что и нравственныя заповѣди (хотя онѣ весьма многимъ кажутся ясными на основаніи того, что говорится въ восемнадцатомъ Псалмѣ: *Заповѣдь Господня ясна, просвѣщающая очи*) нуждаются въ разумномъ и осмотрительномъ толкованіи, ибо эта ясная заповѣдь просвѣщаетъ очи тѣхъ, которые, оставивъ неразуміе предадутся усердному изученію мудрости.

Стихъ 16: *Дорожа временемъ, потому что дни злые.*— Кто мудръ и потому ходитъ осмотрительно, тотъ дорожитъ временемъ. А дорожитъ (*или*: покупаетъ) потому, что дни—злы. Когда мы истрачиваемъ время въ совершеніи добраго дѣла, то мы покупаемъ его и усвоаемъ себѣ то, что было продано по злодѣйству человѣческому. Но никто, ищущій необходимаго въ этой жизни и помышляющій о богатствѣ и заботахъ, которыя въ Евангеліи называются терніемъ (*Марк. IV*, и *Лук. VIII*), не можетъ снова купить себѣ времени. Но, выкупая время, которое является въ дняхъ злыхъ, мы нѣкоторымъ образомъ измѣняемъ его: и дни злые обращаемъ въ дни добрыя, дѣлаемъ ихъ днями не настоящаго, но будущаго вѣка. Это мѣсто можетъ быть разъяснено и иначе. О, Ефесяне, вамъ, пробудившимся отъ сна вѣка сего, возшло Солнце правды—Христось. Ходите осторожно и благо-разумно и, отбросивъ неразуміе, держитесь мудрости, по которой вы можете не измѣняться съ измѣнчивостью времени, но разнообразіе времени дѣлать для себя однимъ временемъ. А такъ какъ поднимается много гоненій (ибо первоначально Церкви подвергались потрясеніямъ почти ежедневно), то вы держитесь одного теченія и знайте, что его должно сохранять, чтобы не измѣняться подобно глупому, какъ луна; но съ твердостію ума держитесь того, что однажды начали, именно, чтобы вы по волѣ судіи не измѣнялись, если увидите су-

дію говителя; и, наоборотъ, если явится другой судія, похваляющій ваше ученіе, вы будете исповѣдать себя христіанами; но сохраняйте во всякое время то, что вы имѣете. Для того, чтобы это было яснѣе, представимъ нѣкоторый примѣръ изъ св. Писанія. Іосифъ имѣлъ одно стремленіе быть угоднымъ Богу. Оно не измѣнилось ни съ какою-перемѣною времени: ни вслѣдствіе зависти братьевъ, ни подъ тяжестію рабства, ни искушеніями юности, ни увѣщаніями госпожи, ни нечистою темницы, ни знатностію власти въ Египтѣ; но всегда онъ былъ одинаковъ, и, какъ мы сказали, выкупая себѣ разнообразіе времени, онъ злые дни обратилъ въ добрые. То же самое нужно думать и объ Іовѣ, потому что онъ, проводимый чрезъ различныя искушенія, ни богатствами, ни бѣдствіями, ни лишеніями, ни язвами, ни укорами друзей, ни одиночествомъ, ни возвращеніемъ, послѣ этого, всѣхъ благъ не подвергся измѣненію, ибо онъ искупилъ себѣ время и дни злые обратилъ въ добрые.

Стихъ 17: *Посему не дѣлайтесь неразумными, но разумѣйте, какова воля Божія.*—Такъ какъ время злое и, какъ мы выше сказали, должно быть искупаемо, то прежде должно искать премудрости, чтобы чрезъ нее имѣть силу познавать, какова воля Божія. Ибо мы не можемъ ходить осторожно, какъ только (nisi) напередъ уразумѣвъ волю Божію. Ибо въ каждомъ дѣлѣ прежде всего должно разсудить, что угодно Богу, и потомъ уже, имѣя сужденіе, дѣлать то, что будетъ признано, какъ угодное Ему.

Стихъ 18: *И не напивайтесь виномъ, въ которомъ невоздержанность, но исполняйтесь духомъ.*—Такъ же, какъ мы не можемъ служить двумъ господамъ: Богу и маммонѣ (Мф. VI), такъ мы не можемъ одновременно и наполняться духомъ и виномъ. Ибо кто наполняется духомъ, тотъ имѣетъ благоразуміе и кротость, стыдливость и чистоту; а кто наполняется виномъ, тотъ имѣетъ неразуміе, ярость, наглость и похоть. Въ дѣйствительности я полагаю возможнымъ обо-

значить это однимъ словомъ *невоздержаніе*. Если бы нѣкоторые это поняли, то никогда не обличили бы меня въ безразсудствѣ и ереси за то, что я въ книгѣ о соблюденіи дѣвства сказалъ, что юношамъ необходимо отказывать въ винѣ и что не должно бросать на огонь масла и увеличивать естественный плотскій пылъ очагомъ похоти. Но подъ именемъ вина, въ которомъ невоздержаніе, можетъ быть понимаемо и то вино, о которомъ говорится въ пѣсни Моисея: *Вино ихъ ярость драконовъ и неисцѣлимое бѣшенство аспидовъ* (Втор. XXXII, 85), потому что всѣ, опьяненные помыслами вѣка сего, пьютъ и безумствуютъ, изbleвываютъ вино и бросаются въ пропасть; и, какъ говорить баснословный разсказъ о Лапидвахъ и Кентаврахъ, стремятся въ взаимной гибели. Этому вину противоположно то, которое Господь обѣщалъ пить съ нами въ Своемъ Царствѣ (Марк. XIV). Мы неоднократно замѣчали, что слово *духъ* безъ прибавленія употребляется въ хорошемъ смыслѣ: кажется, что это должно быть замѣчено и относительно настоящаго мѣста.

Стихъ 19: *Говоря себѣ самимъ въ псалмахъ и хвалебныхъ пѣсняхъ, и пѣсняхъ духовныхъ, поя и воспѣвая Господу въ сердцахъ своихъ.* — Кто будетъ воздерживаться отъ опьяненія виномъ въ которомъ невоздержность и вмѣсто этого будетъ исполненъ духомъ, тотъ все будетъ принимать въ духовномъ смыслѣ: псалмы, хвалебныя пѣснопѣнія и пѣсни. А какое различіе между псалмомъ, хвалебнымъ пѣніемъ и пѣснію объ этомъ мы весьма полно узнаемъ въ Псалтири. А нынѣ необходимо сказать вкратцѣ, что хвалебныя пѣснопѣнія провозглашаютъ крѣпость и величіе Божіе и всегда удивляются Его дѣйствіямъ, или благодѣяніямъ. Это и содержатъ всѣ псалмы, которые или начинаются, или оканчиваются возгласомъ: *Аллилуйя*. А собственно псалмы касаются нравственнаго дѣянія, такъ что мы чрезъ посредство тѣла познаемъ, что должно дѣлать и чего избѣгать. Но кто разсуждаетъ о вещахъ возвышенныхъ и, какъ утонченный

толкователь, разъясняетъ согласіе въ мірѣ, порядокъ и стройность всего сотвореннаго, тотъ поетъ духовную пѣснь. Но, впрочемъ (чтобы болѣе простымъ людямъ высказать болѣе ясно то, что мы хотимъ), псаломъ относится къ тѣлу, а пѣснь—къ душѣ. Итакъ, и воспѣвать, и восхвалять Господа мы должны болѣе духомъ, чѣмъ голосомъ. Вотъ это именно и говорится въ словахъ: *Пою и воспѣвая въ сердцахъ своихъ Господу*. Пусть слушаютъ это юноши, пусть слушаютъ это тѣ, которые несутъ служеніе въ церкви: пѣть Богу должно не голосомъ, а сердцемъ и не должно по образцу трагиковъ смазывать гортань нѣжными лекарствами, чтобы въ храмахъ слышалось театральное колебаніе голоса и пѣніе, но пѣть съ страхомъ, съ добрыми дѣлами, съ познаніемъ св. Писанія. Хотя кто-либо оказался бы и плохимъ пѣвцомъ (*κακόφωνος*), но если онъ имѣетъ добрыя дѣла, то онъ сладкій пѣвецъ предъ Богомъ. Если будетъ пѣть рабъ Христовъ, то нравится не голосъ поющаго, а слова, которыя произносятся, такъ что злой духъ, бывшій въ Саулѣ изгоняется изъ тѣхъ, которые подобнымъ же образомъ подчиняются его власти и не входятъ въ тѣхъ, которые изъ дома Божія дѣлаютъ народное зрѣлище.

Стихъ 20: *Всегда за все воздавая благодареніе Богу и Отцу во имя Господа нашего Иисуса Христа*.—Нѣчто подобное этому написано и въ первомъ посланіи къ Фессалоникійцамъ: *Всегда радуйтесь, непрестанно молитесь, за все благодарите* (1 Фессал. V, 16, 17). Эту заповѣдь можетъ исполнять только тотъ, кто знаетъ, что промысломъ Божиимъ сохраняются пять воробьевъ, продаваемыхъ за двѣ мелкихъ монеты, изъ которыхъ ни одинъ не попадаетъ безъ воли Отца въ силокъ (Лук. XII). А слова его: *Благодаря всегда и за все* должно разсматривать съ двухъ сторонъ,—именно: чтобы мы во всякое время и за все, что бываетъ съ нами, приносили благодареніе Богу; чтобы не только за то, что мы почитаемъ, какъ благо, но даже и за то, что насъ гнететъ и

бываетъ противъ нашей воли, радостная мысль прорывалась въ похвалѣ Богу и мы говорили: *Нагимъ я вышелъ изъ чрева матери моей, нагимъ и отыду. Какъ было угодно Богу, такъ и было: да будетъ имя Господа благословенно (Иов. I, 21).* Это благодареніе у мужей благоразумныхъ замѣтно и вообще, и въ частности. Вообще это тогда, когда мы благодаримъ Бога за то, что для насъ восходитъ солнце, течетъ день, ночь обращается въ отдохновеніе, съ восходомъ и заходомъ свѣтилъ происходитъ непрерывная смѣна времени (года); за то, что намъ служатъ дожди, земля рождаетъ, составныя части міра (elementa) повинуются; за то, что дано такое множество разнообразныхъ животныхъ, какъ для перевозки, такъ и для работы, какъ для изготовленія одежды, какъ для подражанія, такъ и для удивленія; наконецъ, и за то, что мы родились, что мы существуемъ, что въ мірѣ мы встрѣчаемъ заботу о себѣ, какъ бы въ нѣкоторомъ домѣ могущественнѣйшаго отца семейства и сознаемъ, что все, существующее въ мірѣ, создано ради насъ. А, въ частности, когда мы воздаемъ благодареніе Богу за благодѣянія оказываемыя намъ. Но это дѣлаетъ и иноплеменникъ, и Іудей и сборщикъ податей (мытарь), и язычникъ. Только христіанамъ свойственна добродѣтель воздавать благодареніе Создателю даже въ томъ, что кажется намъ неблагопріятнымъ, если, на примѣръ, разрушится домъ, если возлюбленнѣйшая жена и дѣти попадутъ въ плѣнъ, или будутъ отравлены, или претерпятъ гибель на морѣ; если мы потеряемъ богатства вслѣдствіе описи, если здоровье подломится отъ безчисленнаго множества болѣзней и всегда возможной слабости при несчастной болѣзни ногъ. Тѣ, которые видятъ въ себѣ людей болѣе святыхъ, обыкновенно возсылаютъ благодаренія Богу за освобожденіе отъ опасностей и несчастій. А по слову Апостола величайшая добродѣтель въ томъ, чтобы въ самыхъ опасностяхъ и несчастіяхъ возсылать благодареніе Богу и всегда говорить: „Благословенъ Богъ! Я знаю, что терплю

меньше, чѣмъ заслужилъ: этого мало сравнительно съ моими грѣхами; мнѣ воздается не по достоинству“. Вотъ это духъ Христіанина; онъ, взявши крестъ свой, слѣдуетъ за Спасителемъ; его не ослабляютъ ни лишенія, ни страданія; его, какъ говоритъ [Горацій] Флаккъ, „безтрепетнаго будутъ вести развалины, если бы даже сталъ разсыпаться разбитый міръ“. А кто, какъ мы выше сказали, воздаетъ благодареніе Богу и Отцу, пусть воздаетъ его чрезъ Посредника между Богомъ и человѣкомъ, т. е. Иисуса Христа.

Стихъ 21: *Подчиняясь взаимно въ страхъ Христовомъ*.—Пусть это слушаютъ епископы, пусть это слушаютъ пресвитеры, пусть слушаетъ это и весь чинъ учителей,—они подчинены своимъ подчиненнымъ и пусть подражаютъ Апостолу, который говоритъ: *Ибо хотя я былъ свободенъ отъ всего, но для всѣхъ себя самого сдѣлалъ рабомъ, чтобы всѣхъ приобрести* (1 Коринѳ. IX, 19); и въ другомъ мѣстѣ: *Чрезъ любовь служите другъ другу* (Галат. V, 13). Поэтому и самъ онъ съ такою же любовію служить всѣмъ Церквамъ изъ язычниковъ. Также и Спаситель принялъ видъ раба, такъ что прислуживалъ ученикамъ Своимъ и умывалъ ихъ ноги (Іоан. XIII). Между первенствующими изъ язычниковъ и Христіанъ различіе состоитъ въ томъ, что первые господствуютъ надъ подчиненными, а мы служимъ имъ, и мы бываемъ тѣмъ выше, чѣмъ меньшими изъ всѣхъ кажемся. Но и слова его: *Въ страхъ Христовомъ* должны быть понимаемы такъ, что и самое подчиненіе должно быть не ради славы человѣческой, а ради страха Христова, такъ какъ мы боимся оскорбить Его. Впрочемъ, кто-либо другой будетъ разъяснять слова: *Подчиненные взаимно въ страхъ Христовомъ* такъ, что это общее сужденіе будто бы въ дальнѣйшей рѣчи раздѣляется на части: *Жены пусть повинуются своимъ мужамъ, дѣти, повинуйтесь родителямъ и: Рабы повинуйтесь господамъ плотскимъ въ страхъ и трепетъ*. Но, по нашему мнѣнію, должно подчиняться не только такъ,

чтобы жена подчинялась мужу, дѣти родителямъ и рабы господамъ, но и такъ, чтобы взаимно были подчинены мужья—женамъ, соотвѣтственно обязанности, которая заповѣдана, отцы—дѣтямъ, чтобы они оставили угрозы и доставляли имъ необходимое изъ того, что имѣютъ; и чтобы дѣлалось это въ страхѣ Христовомъ, т. е., чтобы, какъ Онъ былъ въ послушаніи у рабовъ Своихъ, такъ и тѣ, которые, повидимому, являются бѣльшими, подчинялись меньшимъ себя въ служеніи, которое имъ повелѣно. Мы можемъ понимать этотъ страхъ и въ значеніи *εὐλαβεία*, т. е. робкая почтительность, которая болѣе близка къ любви. Ибо Ефесянамъ было непристойно, чтобы они что-либо дѣлали изъ страха, а не изъ любви.

Стихи 22, 23: *Жены пусть будутъ подчинены своимъ мужьямъ, какъ Господу: потому что мужъ есть глава жены, какъ и Христосъ—глава Церкви.*—Прибавленнаго въ латинскихъ спискахъ *да будутъ подчинены* не имѣется въ греческихъ собраніяхъ св. книгъ. Въ самомъ дѣлѣ, эти слова относятся къ высшимъ и подразумѣваются: *Взаимно подчиненные въ страхѣ Христовомъ*, такъ что вообще слѣдуетъ, что подчиненными должны быть и жены мужьямъ своимъ такъ, какъ Господу. Но это болѣе понятно на греческомъ, чѣмъ на латинскомъ языкѣ. Итакъ, какъ Церковь подчинена Христу, такъ и жена должна быть подчинена своему мужу; дѣйствительно, какъ Христосъ имѣетъ первенство и служеніе въ Церкви, такъ и мужъ, и жена подчиняются тому же порядку. Но должно видѣть, что какъ союзъ въ Христѣ и Церкви святъ, такъ же свято и единеніе въ мужѣ и женѣ. Но какъ не всякое еретическое сборище можетъ назваться Церковію Христовою и имѣть своимъ главою Христа, такъ и не всякій брачный союзъ, составленный не въ подчиненіи своему мужу по заповѣдямъ Христовымъ, можетъ правильно именоваться супружествомъ: скорѣе это прелюбодѣяніе. Но иначе подчиняется жена мужу, какъ господину, потому что къ нему обращеніе ея, и онъ будетъ господство-

вать надъ нею (*Быт.* III). Вѣдь и Сара называла Авраама господиномъ (*Быт.* XVIII). Чѣмъ болѣе это добровольное служеніе будетъ управляться волею; тѣмъ болѣе оно будетъ взаимно соразмѣрнымъ [приходить къ равенству], и кромѣ того чрезъ угожденіе приводитъ господствующаго въ рабство. Нѣкоторые, *по наведенію*, истолковываютъ это мѣсто такъ, что утверждаютъ, будто подъ женою разумѣется тѣло, а подъ мужемъ—душа. И какъ Церковь подчинена Христу, такъ и тѣла должны подчиняться уму, и управляться однимъ духомъ, если будутъ связаны съ Господомъ, ибо *кто прильпляется къ Господу, есть одинъ Духъ* (1 *Коринт.* VI, 17).

Онъ есть Спаситель тѣла.—Такъ какъ природа Церкви ближе отъ сущности Христа и притомъ ниже Его, то поэтому, кажется мнѣ, она и называется тѣломъ Христовымъ. Спасителемъ этого тѣла называется Иисусъ Христосъ, т. е. Слово, Премудрость и прочія добродѣтели, подъ которыми разумѣется Сынъ Божій. Съ большею тщательностію поищи, если только можешь найти въ священныхъ свиткахъ,—употребленія имени „плоть“ для обозначенія Церкви. Дѣйствительно, Церковь ни въ какомъ случаѣ не называется *плотію*, но *тѣломъ* Христовымъ. Затѣмъ очевидно, что всякая плоть по необходимости есть и тѣло, но не, наоборотъ, гдѣ тѣло, тамъ и плоть.

Стихъ 24: *Но какъ Церковь подчинена Христу, такъ и жены своимъ мужьямъ во всемъ.*—Церковь Христова славна, не имѣть скверны или недостатка, или чего-либо подобнаго. И такъ, грѣшникъ и оскверненный какою-нибудь нечистотою не можетъ называться сыномъ Церкви (*de Ecclesia*) и считаться повинующимся Христу. Но, какъ возможно то, что Церковь, прежде имѣвшая скверну или пятно, послѣ была доведена до юношеской невинности и чистоты; такъ и грѣшникъ пусть бѣжитъ къ Врачу (потому что не здоровые имѣютъ нужду во врачѣ, а больные (*Лук.* V), и исцѣлятся раны его, и онъ снова будетъ принадлежать Церкви, которая есть

тѣло Его. Также онъ достаточно изысканно и осторожно говоритъ Ефесянамъ: *Какъ Церковь подчинена Христу, такъ и жены мужьямъ своимъ.* Дѣйствительно, если жена такъ должна быть подчинена мужу, какъ Церковь Христу, то союзъ между мужемъ и женою будетъ святымъ, и они никогда не будутъ подчиняться страстямъ тѣла. Поэтому, если кто-либо противопоставить намъ то, что пишется къ Коринѳянамъ, т. е. чтобы *мужъ воздавалъ женѣ должное, а жена мужу* (1 Корнѳ. VII, 3), тотъ пусть замѣтитъ великое различіе между Коринѳянами и Ефесянами. Первымъ пишется слово, какъ питающимся молокомъ и младенцамъ, среди которыхъ возникали несогласія и раздѣленія и было слышно о прелюбодѣявіи, котораго даже не было и среди язычниковъ; а потому имъ дѣлается уступка, чтобы послѣ молитвы они возвращались и чтобы не удерживались во власти Сатаны; впрочемъ, и тамъ онъ говоритъ, что прощаетъ имъ это не добровольно, а по снисхожденію. А Ефесяне, у которыхъ онъ провѣлъ три года и которымъ открылъ всѣ святыни Христовы, воспитываются иначе, и потому каждый имѣеть полную свободу воли: слѣдовать ли Коринѳянамъ или Ефесянамъ и спасаться: рабствомъ ли Коринѳянамъ или свободою Ефесянъ. Спаситель говоритъ: *Горе рождающимъ или кормящимъ въ тотъ день* (Лук. XXI, 23), т. е. въ день суда, который въ собственномъ смыслѣ есть день брачнаго пира. Поэтому нужно стремиться всячески къ тому, чтобы ревностно подражать больше Ефесянамъ, чѣмъ Коринѳянамъ и не быть застигнутымъ врасплохъ, какъ во время потопа, въ купаль, продаждѣ, или въ брачныхъ союзахъ; но держать въ рукахъ возжеванные свѣтильники (Мѳ. XXIV).

Стихи 25—27: *Мужья, любите своихъ женъ, какъ и Христосъ возлюбилъ Церковь, и предалъ Себя за нее, чтобы освятить ее, очищая омовеніемъ воды въ слово, и чтобы представить ее Себѣ славною Церковію, не имѣющею пятна или порока или чего-либо подобнаго, но что-*

бы она была свята и непорочна.—Хотя мужъ и жена удерживаются взаимною любовію (подобно женѣ Газдрубала, которая по взятіи въ плѣнъ мужа бросилась въ пламень, и, прочимъ женщинамъ, которыя не хотѣли пережить смерти мужей), однако мудрый мужъ никогда не сравнить этой любви съ любовію Христа и Церкви. Итакъ, въ качествѣ святой должна быть понята та любовь, которою и Исаакъ возлюбилъ жену свою *Ревекку*, что значить *терпѣніе*, и изъ Месопотаміи, окружаемой со всѣхъ сторонъ рѣками вѣка сего, ввелъ ее въ землю обѣтованія, чтобы она утѣшила его послѣ смерти матери его. А здѣсь горечь прекращенія синагоги Онъ умѣрилъ союзомъ съ Церковію. Говоря такъ, мы даемъ поводъ къ возраженію со стороны еретиковъ, которые думаютъ, что должно отвергнуть совершенно всѣ брачные союзы, и они особенно пользуются этимъ мѣстомъ. Но имъ кратко нужно сказать, что въ этомъ мѣстѣ Апостолъ запрещаетъ страстность, нечистоту и невоздержность между мужемъ и женою, а не святой союзъ. Въ противномъ случаѣ, если бы онъ совершенно запрещалъ брачный союзъ, къ чему было бы говорить: *Женъ своихъ*, когда онъ могъ бы сказать: „*Мужи, любите женщинъ*“, или: „*женъ*“, ибо слово: *своихъ* собственно показываетъ на брачный союзъ, и далѣе въ слѣдующихъ словахъ: *Мужья должны любить своихъ женъ, какъ тѣла свои*, и еще яснѣе: *Кто любитъ свою жену, тотъ любитъ самого себя, ибо никто никогда не ненавидитъ свою плоть, но питаетъ и согреваетъ ее*, такъ какъ по опредѣленію древняго закона и по восстановленіи его въ Евангеліи мужъ и жена становятся одною плотію. Такимъ образомъ, какъ мы сказали, въ бракъ сдѣлана уступка ради дѣторожденія. А удовольствія, получаемыя отъ объятій любовницъ, осуждены для супруговъ. При чтеніи этого всякій мужъ и всякая жена пусть понимаютъ, что послѣ зачатія они должны служить болѣе молитвѣ, чѣмъ брачному сожитію. И то, что въ животныхъ и звѣряхъ опредѣлено по самому за-

кону природы,—чтобы имѣющія родить не совокуплялись до самаго рожденія,—въ людяхъ предоставлено свободѣ, чтобы чрезъ воздержаніе отъ удовольствій была для нихъ награда. Но такъ какъ въ переносномъ смыслѣ мы сказали, что мужи суть души, а жены—тѣла, то нужно сказать, что душа такъ должна любить плоть [или: тѣло], какъ Христосъ Церковь, чтобы предать себя за спасеніе ея, и освятить ее словомъ ученія, чтобы представить себѣ ее не имѣющею скверны или какого-либо порока ветхаго человѣка, особенно когда она знаетъ, что въ воскресеніе оно должно быть спасено и имѣть узрѣть спасеніе Божіе. Такой мужъ имѣетъ главою Христа, и когда, смиряясь для спасенія плоти, будетъ единою плотью съ женою своею, то отвлечетъ ее къ духу и, соединившись съ Господомъ, перестанетъ быть плотью. Прекрасно также онъ, говоря о брачномъ союзѣ, употребилъ понятія *пятно* и *морщк* (морщина—*ruga*) для опредѣленія красоты Церкви, взявъ ихъ изъ примѣра женщинъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ въ женскихъ тѣлахъ часто бываютъ темныя пятна, собираются морщины и пестрѣютъ веснушки, и это составляетъ предметъ великой заботы для женщинъ,—именно: побуждаетъ ихъ уничтожать все, что кажется грязнымъ, и представлять супругамъ тѣло въ его красотѣ; такъ и души должны быть очищены отъ всякой грѣховной нечистоты, чтобы морщина ветхаго человѣка разгладилась юностію и съ дня на день обновлялась въ новаго человѣка.

Стихъ 28: *Такъ и мужья должны любить женъ своихъ, какъ свои тѣла.*—И въ книгѣ Бытія отъ лица Адама говорится: *Вотъ это нынѣ кость отъ костей моихъ и плоть отъ плоти моей* (Быт. II, 23); и потомъ то же самое утверждается въ Евангеліи словами Господа: *Сотворившій отъ начала сотворилъ мужчину и женщину и сказалъ: Посему оставитъ человекъ отца и мать и прильнетъ къ женѣ своей, и будутъ два въ одной плоти* (Марк. XIX, 45). Такимъ образомъ о женахъ должно имѣть пощеченіе, какъ о

своихъ тѣлахъ, такъ какъ мужъ и жена составляютъ одну плоть. Но никто не любитъ своего тѣла безчестно или самого себя изъ-за плотскаго союза (coitus), но согрѣваетъ и питаетъ тѣло, какъ бы сосудъ своей души, чтобы, разбивъ сосудъ, не разлить и не разсѣять того, что въ немъ содержится. Да и въ буквальноймъ смыслѣ, пока жена служитъ дѣторожденію и дѣтямъ, она имѣетъ такое же отношеніе къ мужу, какъ тѣло къ душѣ. А если она предпочтетъ работать Христу болѣе, чѣмъ міру, то уже перестанетъ быть женою и называется мужемъ, потому-что мы всѣ желаемъ достигнуть степени мужа совершеннаго. Посему если мы и это будемъ понимать въ переносномъ значеніи, то будемъ любить наше тѣло, и тѣлесныя ощущенія, конечно, низшія сравнительно съ душою, но такія, съ помощію которыхъ до души доходитъ пониманіе благородныхъ искусствъ и упражненіе въ добродѣтеляхъ.

Стихъ 29: *Кто любитъ свою жену, тотъ любитъ самого себя, ибо никто никогда не возненавидѣлъ плоти своей, но питаетъ и согрѣваетъ ее.*—Понимая по-просту здѣсь, — послѣ наставленія въ святой любви между мужемъ и женою, — мы получаемъ повелѣніе питать и согрѣвать своихъ женъ, т. е. доставлять имъ средства къ жизни и одежду, и все необходимое. Но намъ могутъ возразить, что не вѣрна мысль Апостола, будто никто никогда не возненавидѣлъ плоти своей, потому что люди, страдающіе желтухою (morbo regio), или чахоткою (ptysi), или ракомъ, или насморкомъ (distillationibus=истеченіемъ мозговыхъ выдѣленій), предпочитаютъ смерть жизни и ненавидятъ свои тѣла. Итакъ, рѣчь должно относить болѣе къ образному пониманію и говорить, что пусть душа любитъ ту плоть, которая имѣетъ узрѣть спасеніе Божіе, и питаетъ и согрѣваетъ ее, наставляя въ ученіи, насыщая небеснымъ хлѣбомъ, орошая кровію Христовою, чтобы она, уврѣленная и чистая, могла свободно слѣдовать за мужемъ и не отягощаться никакою слабостію

или тяжестію [или: никакимъ бременемъ слабости]. Это прекрасно подходитъ къ подобію Христа, питающаго и согрѣвающаго Церковь, такъ какъ Онъ говоритъ Іерусалиму: *Сколько разъ я хотѣлъ собрать сыновъ твоихъ, какъ курица собираетъ птенцовъ своихъ подъ крылья, и ты не хотѣла.* Души также согрѣваютъ тѣла свои, чтобы это тлѣнное облечь въ нетлѣніе и поддерживаемое посредствомъ крыль съ болшею легкостію поднять въ воздухъ. Итакъ, и мы, мужи, будемъ согрѣвать женъ своихъ, а души—свои тѣла, чтобы и жены, и мужья, и тѣла обратились въ души. И ни въ какомъ случаѣ пусть не будетъ различія половъ: но какъ среди ангеловъ нѣтъ мужа и жены, такъ и мы, имѣющіе быть подобными ангеламъ, уже теперь начнемъ быть тѣмъ, что намъ обѣтовано на небесахъ.

Стихъ 30: *Потому что мы—члены Его, отъ плоти Его и отъ костей Его.*—Такъ какъ мы—члены тѣла Христова, и Христосъ питаетъ и согрѣваетъ Церковь, то и мы питаемъ и согрѣваемъ плоть свою, которую никто никогда не вознанивидѣлъ. Но мы члены тѣла Христова не по природѣ вѣчнаго Божества, а потому, что Онъ удостоилъ насъ воспринять челоѣчество (hominem). Хотя и самый воспринятый челоѣкъ имѣетъ природу нашихъ тѣлъ, однако онъ не имѣетъ нашего происхожденія, ибо мы образуемся изъ челоѣческаго сѣмени (coagulamus—свертываемся, сгущаемся), а Онъ рожденъ отъ Святаго Духа. Но можно сказать и иначе: такъ какъ тѣло Христово представляетъ [тѣло] Церкви, а Церковь составляется изъ всѣхъ вѣрующихъ, то Павелъ и Ефесяне суть члены тѣла, т. е. Церковь Христова.

Стихъ 31: *Посему оставитъ челоѣкъ отца и мать, и будутъ два въ одной плоти.* Мы уже часто замѣчаемъ, что Апостолы и Евангелисты употребляли не одни и тѣ же слова, приводя свидѣтельства Вѣтнаго Завѣта, это же мы подтверждаемъ и здѣсь. Въ дѣйствительности это свидѣтельство въ книгѣ Бытія записано такъ: *Посему челоѣкъ оставитъ*

отца своего и мать свою и привяжется къ жень своей и будутъ двое въ одной плоти (Быт. II, 24). А въ настоящемъ мѣстѣ Апостоль вмѣсто находящихся тамъ словъ *ἐνεκεν τοῦτοῦ*, т. е. *посему*, употребилъ *ἀντί τοῦτοῦ*, что не можетъ быть выражено по-латыни другими словами, затѣмъ въ дальнѣйшихъ словахъ уничтожилъ мѣстоименія: *своего*, *свою*, оставивъ только *отца* и *матерь*, а то, что находится въ срединѣ: *и привяжется къ жень своей*, онъ совсѣмъ пропустилъ, и только слова, слѣдующія за ними, связалъ съ вышеприведенными и поставилъ такъ: *и будутъ двое въ одной плоти*. Всё это мы отмѣтили съ тою цѣлію, чтобы и въ остальныхъ мѣстахъ,—гдѣ Апостолами заимствованы свидѣтельства какъ будто изъ пророковъ и изъ Ветхаго Завета, а въ нашихъ спискахъ священныхъ книгъ не обрѣтаются,—не спѣшить къ нелѣпостямъ и бреднямъ сокровенныхъ книгъ (апокрифовъ); но мы должны знать, что писанное у нихъ, въ Ветхомъ Заветѣ есть, только не такъ изложено у Апостоловъ, а заимствованъ только смыслъ, такъ что только тщательными изслѣдователями можетъ быть найдено, гдѣ заимствованное написано. Итакъ, Апостоль для убѣжденія мужа и жены въ взаимной любви взялъ примѣръ Адама и Евы. Такъ что, какъ ребро берется у Адама и превращается въ сунругу, и жена снова приводится въ единство плоти съ мужемъ,—ибо кто любитъ жену, тотъ любитъ самого себя; такъ и мы должны любить женъ своихъ. То же самое въ переносномъ значеніи объясняется въ отношеніи къ Христу и Церкви; такъ что Адамъ предызображаетъ Христа, а Ева—Церковь, ибо послѣдній Адамъ былъ въ духъ животворящій (1 Кор. XV). И какъ отъ Адама и жены его рождается весь родъ человѣческій; такъ отъ Христа и Церкви произошло все общество вѣрующихъ; оно сдѣлалось единымъ тѣломъ Церкви и снова полагается въ боку Христа и наполняетъ мѣсто ребра и становится единымъ тѣломъ мужа, какъ о томъ въ Евангеліи просить самъ Господь: *Отче, дай,*

чтобы и эти были въ Насъ едино такъ же, какъ Я и Ты едино есмы (Іоан. XVII, 21). Спросимъ теперь и Маркіона: на какомъ основаніи (qua consequentia) онъ это заимствованное изъ Вѣтхаго Завѣта (Instrumento) мѣсто рѣшается (queat) изъяснить въ примѣненіи къ Христу и Церкви, если, по его мнѣнію, все Вѣтхозавѣтное Писаніе не относится къ Христу.

Стихъ 32: *Таинство это (sacramentum hoc=сія святыня) велико, я же говорю, въ Христвѣ и въ Церкви.*—Не вся,—какъ многіе полагаютъ,—исторія Адама и Евы, написанная въ книгѣ Бытія легко можетъ быть относима къ Христу и Церкви, но только то, чтó поставлено въ настоящемъ мѣствѣ, т. е. *Посему человекъ оставитъ отца своего и мать свою и привяжется къ женѣ своей, и будутъ двое въ одной плоти.* Дѣйствительно, первый человекъ и первый прорицатель Адамъ предсказалъ это о Христвѣ и о Церкви,—именно, что Господь и Спаситель нашъ оставитъ Отца Своего, Бога, и мать Свою, небесный Іерусалимъ, и придетъ на землю ради Своего тѣла, Церкви, Онъ создалъ Ее отъ ребра Своего, и ради Нее Слово было плотію. А такъ какъ не всѣ таинства (святыни) равны между собою, но одно больше, а другое меньше,—то Апостоль и говорить нынѣ: *Сіе таинство велико, и вмѣствѣ указываетъ на смиреніе того, который говорить: Я же говорю, въ Христвѣ и Церкви.* Григорій Назіанзинъ [Богословъ], мужъ весьма краснорѣчивый, и превосходно наставленный въ Писаніяхъ, когда разсуждалъ со мною объ этомъ мѣствѣ, то обыкновенно говорилъ: „Посмотри, сколь велико таинственное значеніе этого мѣста, такъ что Апостоль, изъяснивъ его въ отношеніи ко Христу и Церкви, не утверждаетъ, что онъ выразился такъ, какъ это соотвѣтствуетъ достоинству этого свидѣтельства; но онъ говоритъ нѣкоторымъ образомъ [какъ бы такъ]: „Я знаю, что это мѣсто исполнено неизрѣченными святынями и нуждается въ божественномъ сердцѣ со стороны толкователя. А я, по мало-

душію своему, между прочимъ, полагаю, что его должно понимать въ отношеніи къ Христу и Церкви. И не потому, что есть что-либо, большее Христа и Церкви; а потому, что трудно все, чтó говорится объ Адамъ и Евѣ, истолковать относительно Христа и Церкви“.

Стихъ 33: *Во всякомъ случаѣ и каждый въ отдельности изъ васъ пусть любитъ свою жену, какъ самого себя.*— Пусть каждый имѣетъ въ виду, что Апостоломъ заповѣдана такая же любовь мужа къ женѣ, какъ и къ ближнему своему; въ самомъ дѣлѣ написано: *Возлюби ближняго своего, какъ самого себя (Левит. XIX, 18)*, а теперь говорится: *Пусть каждый любитъ жену свою, какъ самого себя.* Итакъ, любовь къ ближнему и къ женѣ пусть будетъ одна и та же. Поэтому, если ближній, по толкованію Спасителя, является въ каждомъ человѣкѣ, то не будетъ никакого различія въ любви между женою и какимъ угодно человѣкомъ; но говорить такъ было бы очень неразумно. Дѣйствительно, въ ближнемъ полагается подобіе, чтобы ты любилъ его, какъ себя, и желалъ его спасенія. А въ отношеніи къ женѣ нарѣчіе такъ же, какъ имѣетъ значеніе не уподобленія, а утвержденія и одобренія съ нѣкоторою силою. Поэтому мы говоримъ о мужахъ: „Онъ сдѣлалъ, какъ мужъ“, и о Спасителѣ написано: *Мы видѣли славу Его, какъ бы славу Единороднаго (Іоан. I, 14)*. Это незначитъ того, что будто Самъ Спаситель имѣлъ славу сравнительно съ другимъ едиnorodнымъ: ибо Онъ Самъ и есть едиnorodный, и кромѣ того, если бы былъ другой едиnorodный, то онъ не могъ бы называться едиnorodнымъ. Поэтому Онъ не нуждается въ примѣрѣ другаго едиnorodнаго; но Онъ имѣетъ славу, какъ Единородный, т. е. какъ прилично Ему Самому имѣть славу. Это же заявляетъ и начало семьдесятъ втораго псалма, — впрочемъ, только у Грековъ: ὡς ἀγαθὸς ὁ Θεὸς τῷ Ἰσραὴλ τοῖς ἐσθῆσι τῆ καρδίᾳ, что у нашихъ переведено: *Какъ благъ Богъ Израиля правымъ сердцемъ (Псал. LII, 1)*. Въ иномъ случаѣ у гре-

ковъ ѿс, т. е. такъ же какъ употребляется болѣе для обозначенія подобія, чѣмъ для утвержденія сказаннаго, если ты не замѣтишь утвержденія, а какъ бы примѣръ [уподобленія]. вмѣстѣ съ тѣмъ нужно обратить вниманіе и на то, что мужу приказывается любить жену, а женѣ—бояться мужа. Дѣйствительно, любовь свойственна мужу, а страхъ женѣ. А истинному рабу не только страхъ, но еще и трепеть; почему дааѣе и говорится: *Рабы, повинуйтесь плотскимъ господамъ со страхомъ и трепетомъ.*

А жена, чтобы боялась мужа.—Если въ отношеніи къ Богу страхъ предъ наказаніемъ не позволяетъ боящемуся быть совершеннымъ [въ любви]; то на сколько больше должна быть несовершенна жена, боящаяся не только Бога, но и мужа. Поэтому нужно изслѣдовать: въ плотскомъ ли смыслѣ должно понимать жену и страхъ жены? Въ дѣйствительности часто бываетъ такъ, что жены оказываются лучше сравнительно съ мужьями, и повелѣваютъ ими, и домоу управляютъ, и дѣтей воспитываютъ, и держатъ порядокъ жизни въ семьѣ, въ то время, какъ мужья ведутъ роскошный и развратный образъ жизни. Я предоставляю свободному выбору читателя рѣшить: должны ли таковыя жены господствовать или бояться? Посему, если въ переносномъ смыслѣ, какъ мы сказали выше, въ женѣ усматривается тѣло, а въ мужѣ—душа, то нѣтъ ничего несообразнаго въ томъ, чтобы бояться ей, какъ служительницѣ мужа, поставленной на низшей степени и съ болѣе слабою природою. Дѣйствительно, какъ говоритъ Криспъ, мы пользуемся преимущественно господствомъ духа и служеніемъ тѣла. А кто слѣдуетъ простому пониманію мужа и жены, тотъ будетъ указывать на двойное значеніе страха, и скажетъ, что одинъ есть тотъ, о которомъ говоритъ Іоаннъ: *Боящійся имѣетъ терзаніе и боящійся не бываетъ совершеннымъ* (1 Іоан. IV, 18). Поэтому и рабы вмѣютъ духъ рабства въ страхъ, котораго отъ нихъ требуетъ Господь, говорящій къ нимъ: *И если Я—Отецъ, то гдѣ*

слава Моя, а если Я—Господиъ, то гдѣ страхъ Мой (Малах. I, 6). А другой страхъ тотъ, который у философовъ называется *εὐλαβεῖα*, а у насъ, хотя и не вполне соотвѣтственно, можетъ быть переданъ словомъ *почтительная боязнь*. Пророкъ также знаетъ страхъ совершенныхъ людей; если кто его испытываетъ, тотъ бываетъ совершенъ, какъ говорится въ тридцать третьемъ Псалмѣ: *У боящихся Его нѣтъ скудости* (Псал. XXXIII, 10). Итакъ женѣ можетъ быть поведѣно имѣть такой страхъ, чтобы онѣ боялись, т. е. имѣли почтительное отношеніе къ мужу своему.

Глава VI.—Стихъ 1: *Дѣти! повинуйтесь родителямъ своимъ въ Господѣ, ибо это справедливо. Почитай отца своего и мать свою (это есть первая заповѣдь въ обѣтованіи), чтобы тебѣ было хорошо и чтобы ты былъ долговѣченъ на землю.*—Въ двухъ значеніяхъ можетъ быть понятно это: должно ли, чтобы своимъ родителямъ въ Господѣ дѣти повиновались, или должно, чтобы дѣти своимъ родителямъ повиновались въ Господѣ. Но и то и другое должно быть, т. е. чтобы мы повиновались тѣмъ родителямъ, которые родили насъ въ Господѣ,—каковыми были Павелъ и другіе Апостолы,—и исполняли то, что они намъ прикажутъ, также и то, чтобы мы повиновались въ Господѣ тѣмъ родителямъ, отъ которыхъ мы по плоти рождены, и исполняли то, что не противно волѣ Божіей. Мы также поставимъ въ затрудненіе и еретиковъ, которые не хотятъ признать, что Ветхій Заветъ происходитъ отъ благаго Бога, Сынъ Котораго есть Іисусъ Христосъ. По этой причинѣ Апостоль Христу, Сына благаго Бога, пользуется Писаніемъ Творца и заимствуетъ ученіе о повиновеніи дѣтей изъ Ветхаго Закона. Это свидѣтельство, взятое изъ Книги Исходъ, представлено тамъ въ такомъ видѣ: *Почитай отца твоего и мать твою, чтобы было тебѣ хорошо и чтобы ты былъ долговѣченъ на землю, которую далъ тебѣ Господь Богъ твой* (Исх. XX, 12); изъ этого мѣста теперь онъ выпустилъ послѣднія слова, и это есть пятая заповѣдь

десятословія. Поэтому должно спросить, почему онъ говорить, что это первая заповѣдь, когда первая заповѣдь гласить: *да не будетъ у тебя другихъ боговъ, кромѣ Меня*. Вслѣдствіе этого нѣкоторые читаютъ такъ: *это есть первая заповѣдь въ обѣтованіи*, какъ будто первая четыре заповѣди сказанныя прежде не содержатъ въ себѣ обѣтованій, и только въ этой одной представляется обѣтованіе: *чтобы тебѣ было хорошо, и чтобы ты былъ долговѣтенъ на землю*. Но мнѣ кажется, что эти толкователи не совсѣмъ тщательно обзрѣвали [заповѣди], вѣдь съ второю заповѣдію соединено обѣтованіе, ибо тамъ говорится: *Не дѣлай себѣ идола, ни всякаго подобія, которое сверху на небо, и которое внизу на землю, и которое въ водахъ подъ землею, не поклоняйся имъ и не закалай имъ жертвы. Ибо я—Господь Богъ твой, Богъ ревнитель, воздающій за грѣхи отцовъ дѣтямъ до третьяго и четвертаго поколѣнія, тѣмъ, которые возненавидѣли Меня, и Я милосердную къ множеству тѣхъ, которые любятъ Меня и тщательно соблюдаютъ заповѣди Мои*. Впрочемъ, можетъ быть, у Апостола такъ сказано потому, что для выходящаго изъ Египта народа десятословіе было первымъ закономъ, и каждая заповѣдь десятословія должна быть называема первою заповѣдію по сравненію съ тѣми, которыя потомъ написаны въ Законѣ. А кто будетъ держаться вышеуказаннаго изложенія, тотъ пусть говоритъ, что заповѣдь здѣсь дана отдѣльно: *Почитай отца своего и мать свою*, а послѣ того въ своемъ мѣстѣ положено обѣтованіе: *чтобы ты былъ долговѣтенъ на землю, которую тебѣ далъ Господь Богъ твой*. А въ той заповѣди: *Не дѣлай себѣ идола, ни всякаго подобія*, не отдѣльно, а въ томъ же сочетаніи словъ и рѣчи не столько дано обѣтованіе, сколько заключена мысль для восхваленія Бога, оказывающаго милосердіе множеству тѣхъ, которые любятъ Его и соблюдаютъ заповѣди Его. Съ другой стороны, тотъ, кто стремится доказать, что всѣ заповѣди десятословія представляютъ первую заповѣдь,—

тотъ будетъ доказывать, что обѣтованіе о долголѣтіи на землѣ относится не только къ тѣмъ, которые повинуются родителямъ, но и къ другимъ многочисленнымъ заповѣдямъ, и будетъ онъ вынужденъ представить всѣ заповѣди, въ которыхъ поставляется въ награду то, что исполняющіе ихъ будутъ долголѣчны на землѣ, которую Господь Богъ далъ имъ. А толкователь, отличающійся отъ него, долженъ требовать доказательства того, что перечисленные заповѣди написаны прежде этой заповѣди. И если онъ этого не сможетъ доказать, то напрасно будетъ его утвержденіе, что и къ другимъ заповѣдямъ также присоединено обѣтованіе. Послѣ этого должно показать, что обѣщаніе сынамъ долголѣтія на землѣ за почитаніе отца и матери должно понимать не въ Іудейскомъ плотскомъ значеніи. Въ самомъ дѣлѣ, необходимо признать, что многіе, чтившіе родителей, скоро умерли и, наоборотъ, непочтительные къ родителямъ достигали весьма глубокой старости. Если въ обѣтованіяхъ говорится о долголѣтіи, и если жизнь въ тѣлѣ есть счастье, то пусть Іудеи и подобные Іудеямъ отвѣтятъ, что значитъ извѣстное мѣсто въ Псалмахъ: *Горе мнѣ, что пребываніе мое продолжилось: Я обиталъ съ жителями Кидара (Псал. СХІХ, 7) и въ Экклизіастѣ Соломона слѣдующее мѣсто: Я восхвалилъ всѣхъ мертвыхъ, которые нѣкогда умерли, предпочтительно предъ живыми, которые живутъ до настоящаго времени, но лучше тѣхъ и другихъ тотъ, который еще не родился и не видѣлъ всего зла, которое совершилось подъ солнцемъ (Еккл. IV, 2, 3), и немного спустя: Если мужъ родитъ сто [дѣтей] и проживетъ еще большее число лѣтъ, и многочисленны будутъ дни его, и душа его насытится благами и могилы не будетъ для него; я [все-таки] сказалъ: Лучше его выкидыши, который явился въ суетъ, и въ мракъ скроется имя его, и онъ даже не видѣлъ солнца (Тамъ же, ст. 6) и проч. Дѣйствительно, если восхваляются мертвые сравнительно съ живыми и (по мнѣнію нѣкоторыхъ, думающихъ, что души прежде*

рожденія въ тѣлахъ пребываютъ въ небесахъ) если лучше тѣхъ и другихъ еще не родившійся, и если вся жизнь есть испытаніе, а по словамъ Іова: *Смерть для мужа—успокоеніе* (Іов. Ш, 13) и тоже по его словамъ и словамъ Іереміи: *Проклятъ день, въ который мы рождаемся* (Іерем. XX, 14): то какимъ образомъ нынѣ общается чтущимъ отца и мать, что они будутъ долголѣтны на землѣ, которую далъ имъ Господь Богъ ихъ. Итакъ, должно отыскать ту землю, которую Господь обѣщаль и далъ ушедшимъ изъ духовнаго Египетскаго рабства, которые съ всякимъ терпѣніемъ прошли по ужаснымъ пустынямъ этой жизни и побѣдили многихъ царей, которыхъ потрясъ Господь, и прибыли въ Іудею, которая текла медомъ и молокомъ, и, разрушивъ Іерихонъ подъ предводительствомъ Іисуса Навина и опустошивъ Гай, что значитъ *пропасть*, вошли въ Іерусалимъ, и устроился для нихъ храмъ подъ властію Соломона, царя мирнаго (Іисус. VI, 8?), и получили они въ обладаніе землю, которая была приготовлена для кроткихъ: *Блаженны кроткіе ибо они унаследуютъ землю* (Мѡ. V, 4), которая по истинѣ есть земля живыхъ, о чемъ также говоритъ Псалмопѣвецъ: *Я върую, что увижу блага Божіи въ странѣ живыхъ* (Псал. XXVI, 13). Продолжительную жизнь и мудрость онъ имѣеть въ правой рукѣ, держа въ лѣвой богатство и славу.

Стихъ 4: *И вы, отцы, не вызывайте на гнѣвъ дѣтей своихъ, но воспитывайте ихъ въ ученіи и жизни Господней.*—Неповиновеніе родителямъ есть грѣхъ со стороны дѣтей, и такъ какъ родители могутъ потребовать нѣчто развращенное, то Апостоль присоединилъ, (что нужно повиноваться) *въ Господь*. А грѣхъ родителей вызывать малыхъ дѣтей и питающихся млекою на гнѣвъ, или же юношамъ и находящимся въ болѣе зрѣломъ возрастѣ приказывать то, что тяжело. Такимъ образомъ, какъ за повиненіе и подчиненіе дѣтей указана награда, такъ и родителямъ повелѣно умѣренное господствованіе, чтобы они знали, что они стоятъ во гла-

въ не рабовъ, а дѣтей. Но Апостолъ еще не ограничился этимъ заключеніемъ заповѣди, а кромѣ того прибавилъ: *Воспитывайте ихъ въ ученіи и жизни Господней*. Это воспитаніе на Греческомъ языкѣ мы находимъ лучше выраженнымъ чрезъ слово *κοιναίσις*, т. е. главнымъ образомъ *увѣщаніе*, и *воспитаніе* больше, чѣмъ *строгость*. Пусть читають епископы и пресвитеры, которые учать своихъ дѣтей свѣтскимъ наукамъ, заставляють читать комедіи и пѣть постыдныя сочинительства лицедеевъ, въ то время какъ воспитаніе ихъ, можетъ быть, происходитъ на церковныя издержки; и такимъ образомъ то, что за грѣхъ дѣвица или вдова, или бѣднякъ какой-либо принесли въ сокровищницу [Церкви], истощая все свое состояніе,—[то] въ видѣ новогодняго подарка, или въ видѣ корзинки въ дни Сатурналій, или въ видѣ платы Минервы [плата за уроки], учитель грамматики и краснорѣчія обращаетъ на свои домашніе расходы, на поддержку [языческаго] храма, или на грязныя дѣла въ непотребныхъ домахъ. Священникъ Илій самъ былъ святымъ, но такъ какъ онъ не воспитывалъ дѣтей своихъ во всякомъ ученіи и строгости, то палъ навзничь и умеръ (1 Цар. IV, 18); онъ не могъ простереться впередъ и ужалъ назадъ, и, пораженный корчами спиннаго хребта, смотрѣлъ подобно женѣ Лота. А несомнѣнно, что онъ наставлялъ дѣтей своихъ, говоря такъ: *Почему вы дѣлаете такія дѣла злыя, какъ я слышу о васъ отъ всего народа. Не дѣлайте такъ, дѣти мои, ибо не хороша молва, которую я слышу о васъ* (1 Цар. II, 23, 24). О такого рода отцахъ и Исаія съ плачемъ восклицаетъ: *И сыны иноземцевъ родились у нихъ* (Ис. II, 6). Поэтому, если такъ онъ заповѣдалъ Ефесянамъ и многимъ, которые, какъ обыкновенно бываетъ въ народѣ, людямъ, занятымъ дѣлами этой жизни, чтобы они воспитывали своихъ дѣтей во всякомъ порядкѣ и увѣщаніи Господнемъ; то что нужно думать о священникахъ, о порядкѣ жизни которыхъ онъ пишетъ Тимоѳею: *Сыновей [дѣтей] имѣющему*

въ повиновеніи съ всякою честію (1 Тимов. Ш, 4). И то же самое съ настойчивостію повторяетъ: *Имѣющаго дѣтей вѣрныхъ, не подлежащихъ обвиненію въ распутствѣ или въ неповиновеніи* (Тит. I, 6, 7); и, прибавляя причинный союзъ, онъ,—кабъ будто пороки дѣтей вѣняются родителямъ,—говоритъ: *Ибо должно епископу быть безъ преступленія, какъ домостроителю Божію* (Тит. I, 7). Итакъ, епископъ не можетъ быть безъ вины, если сынъ его не будетъ послушенъ и будетъ обвиненъ въ невоздержности.

Стихи 5—8: *Рабы, повинуйтесь плотскимъ господамъ съ страхомъ и трепетомъ и въ простотѣ сердца вашего, какъ Христу, служа не для вида, какъ угождающіе всѣмъ, но, какъ рабы Христовы, исполняющіе волю Божію отъ души: съ вѣрностію служа какъ бы Господу, а не людямъ, зная, что каждый [за все], что дѣлаетъ хорошаго, такъ и получитъ воздаяніе отъ Бога, какъ рабъ, такъ и свободный.*—Когда пророкъ говоритъ объ Іерусалимѣ: *Какое ты, убоявшійся человека смертнаго и сына человеческого* (Ис. LI, 12), и Апостоль Петръ въ своемъ посланіи: *Не бойтесь страха ихъ, но освящайте Иисуса Христа въ сердцахъ своихъ* (1 Петр. Ш, 14, 15) и Спаситель также подтверждаетъ: *Не бойтесь тѣхъ, которые могутъ збить тѣло и не могутъ сдѣлать ничего большаго: но бойтесь того, который можетъ и тѣло, и душу погубить въ вѣки* (Мѣ. X, 28), и Соломонъ свидѣтельствуетъ о томъ же: *Сынъ, почитай Господа и будешь крѣпокъ, а другаго, кромѣ Ею, не бойся* (Притч. VIII); то въ виду этого Апостоль какъ будто проповѣдуетъ нѣчто противоположное,—чтобы рабы повиновались господамъ плотскимъ съ страхомъ и трепетомъ, и чтобы жена боялась мужа. При этомъ, кто будетъ отвѣчать просто, тотъ скажетъ, что эти заповѣди установлены не для совершенныхъ рабовъ и тѣхъ, которые познали сокровенную мудрость, но для тѣхъ, которые имѣютъ только начатки вѣры и нуждаются въ ученіи менѣе высокомъ (ли-

milioribus doctrinis). А другой пусть утверждаетъ, что тотъ, кто не имѣеть духа рабства *наки въ боязнь*, не подлежитъ совершенно тому приговору, чтобы повиноваться плотскимъ господамъ съ страхомъ и трепетомъ, говоря то же и относительно жены, которой повелѣвается, чтобы она боялась мужа; а третій и въ этомъ также мѣстѣ, какъ и въ отношеніи жены, будетъ думать, что слово *страхъ* употреблено въ смыслѣ почтительной боязни; но онъ будетъ стѣсняться тѣмъ, что здѣсь къ страху присоединенъ трепеть. Въ самомъ дѣлѣ, женѣ можетъ быть приличнымъ страхъ почтительный, т. е. чтобы она обнаруживала почтительную боязнь къ мужу. Но тамъ, гдѣ въ наличности есть трепеть, боязнь уже не даетъ понятія о почтеніи, а о страхѣ. Такимъ образомъ въ отношеніи къ рабамъ по необходимости прибавлено, чтобы они послѣ страха Господня имѣли и трепеть, а для отличія отъ Владыки духовнаго здѣсь говорится о господинѣ плотскомъ, такъ что рабу, который увѣруетъ въ Бога, но еще не достигнетъ полноты познанія, прилично служить плотскому господину съ страхомъ и трепетомъ въ простотѣ сердца своего, и служить ему такъ вѣрно, какъ Христу. Долженъ онъ служить не для вида, какъ дѣлаютъ желающіе угодить людямъ, но чтобы необходимость онъ обращалъ въ предметъ своего желанія и изъ служенія своего дѣлалъ себѣ награду, въ особенности, если господинъ по плоти не приказываетъ совершать отличнаго отъ того, чтó угодно Господу духа. Вѣдь именно это и значать слова: *служба не по виду* [только], *чтобы понравиться людямъ, но какъ рабы Христовы, исполняющіе волю Божію*. Но и эту вѣрность рабъ пусть имѣеть не по принужденію, а добровольно и по духу, такъ работая господину своему, какъ Христу, отъ котораго онъ получилъ награду за вѣрное служеніе не меньшую, чѣмъ и въ томъ случаѣ, если бы онъ, какъ свободный, служилъ добровольно. Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо замѣтить, что къ повиновенію рабовъ и сыновъ Апостоль сдѣлалъ различныя

прибавленія; дѣйствительно, относительно дѣтей онъ говоритъ: *Повинуйтесь родителямъ своимъ въ Господь*, а рабамъ: *Повинуйтесь господамъ плотскимъ съ страхомъ и трепетомъ*, такъ что, какъ между боязнью жены и раба есть различіе, такъ и между повиновениемъ рабовъ и дѣтей также есть различіе. Повелѣвая рабамъ повиновение господамъ своимъ, онъ присоединяетъ: *какъ Христу* и еще: *какъ рабы Христовы, исполняющіе волю Божию*, это для того, чтобы рабъ не слушался плотскаго господина, если бы этотъ захотѣлъ приказать противное заповѣдямъ Божиимъ. Но какъ и Коринтянамъ соотвѣтственно временнымъ условіямъ онъ предписалъ, чтобы изъ-за вѣры въ Христа между мужемъ и женою не было развода, если бы одна сторона изъ двухъ захотѣла вѣровать, такъ и Ефесянамъ съ Колоссянами онъ устанавливаетъ теперь условно менѣе строгія правила, потому что многіе, имѣя начатки вѣры, полагали, что господь изъ язычниковъ должно было презирать, чтобы не показалось, что онъ и слухъ возбуждаетъ противъ господь, а съ другой стороны, онъ учитъ, чтобы и слуги не повиновались господамъ, если господа будутъ давать приказанія совершать преступное и позорное.

Стихъ 9: *И господа тоже дѣлайте для нихъ, оставляя угрозы, и зная что на небесахъ есть Господь и вашъ, и ихъ, и у Него нѣтъ лицепріятія.*—Что это такое выше повелѣно рабамъ, чтобы можно было сказать, что и господа должны дѣлать то же, что и рабы? Я думаю, что это сказанное имъ: *Въ простотѣ сердца и: Исполняя волю Божию и: Отъ души и: Съ довѣріемъ*, или благоволеніемъ къ рабамъ, потому что εὐνοια можетъ значить и то, и другое. Вѣдь каждый [за все], что сдѣлаетъ добраго, приметъ награду отъ Господа, будетъ ли онъ служить рабомъ, какъ сказано, или будетъ въ свободномъ подчиненіи, какъ должно; такъ что господинъ не долженъ быть страшенъ и готовъ наносить удары, зная, что и онъ имѣетъ Владыку на небѣ, у

Котораго нѣтъ лицепріятія и который одинъ только судить о волѣ [человѣка] и соотвѣтственно ей лучшаго человѣка предпочитаетъ худшему, различая дѣйствія, а не людей.

Стихъ 10: *Наконецъ укрѣпляйтесь въ Господь и въ могущество силы Его.*—Я знаю, что на Греческомъ языкѣ употреблено слово *крѣпость* вмѣсто: *сила*, т. е. *ἰσχύς*, потому что сила у нихъ называется *ἀρετή*; но такая замѣна у насъ въ Писаніяхъ обычна, такъ что мы безразлично употребляемъ эти два слова въ значеніи: *сила*, особенно въ виду того, что подъ крѣпостію разумѣется сила духа. Впрочемъ, и у философовъ среди четырехъ силъ поставлена крѣпость: очевидно, что она относится не къ тѣлу, а къ духу. Итакъ его слова: *Укрѣпляйтесь въ Господь и могущество силы Его* въ полнотѣ своей понимаются въ отношеніи къ Христу, такъ что тѣ, которые увѣруютъ въ Него, пусть укрѣпляются во всѣхъ силахъ, которыя въ Немъ разумѣются. И благоразумно послѣ особенныхъ заповѣдей, которыя должно соблюдать мужамъ и женамъ, родителямъ и дѣтямъ, господамъ и слугамъ, теперь онъ всѣмъ вообще повелѣваетъ укрѣпляться въ Господь и въ Его могущество, приготовлять себя противъ діавола, о которомъ онъ пишетъ въ дальнѣйшихъ словахъ.

Стихъ 11: *Облекитесь во все оружія Божіи, чтобы имѣть возможность стать противъ всехъ козней діавола.*—Изъ того, что мы читаемъ выше, и того, что во всѣхъ писаніяхъ говорится о Господѣ Спасителѣ, весьма ясно показывается, что все оружія Божіи, въ которыя намъ приказывается облечься нужно видѣть въ Спасителѣ, такъ что сказать: *Облекитесь во все оружія Божіи* значить то же, что и сказать: „Облекитесь въ Господа Иисуса Христа“. Въ самомъ дѣлѣ, если истина есть препоясаніе, а правда есть панцырь (латы), и если Спаситель есть и истина и правда; то для всякаго несомнѣнно, что Онъ есть и панцырь, и препоясаніе. Итакъ, соотвѣтственно этому Онъ будетъ и приго-

товленіе Евангелія мира, и щитъ вѣры, и спасительное копье, и мечъ духа, т. е. слово Божіе, и слово живое и дѣйствительное, и острое болѣе обоюдоостраго меча. Но какія мы можемъ видѣть другія оружія Божіи, въ которыя должно было бы облечься тому, кто имѣеть сражаться противъ всѣхъ хитростей діавола, какъ не силу, которая есть Христось. Кто такимъ образомъ будетъ облеченъ въ Него, соотвѣтственно всему тому, что разумѣется подъ Нимъ, тотъ будетъ въ состояніи отражать всѣ козни діавола, и потому, что онъ препоясанъ истиною, не легко такого будетъ увлечь къ ученію ложному. А вслѣдствіе того, что онъ облеченъ въ панцырь правды, онъ не будетъ пронзенъ стрѣлами неправды. Бромъ того, такъ какъ онъ будетъ снабженъ прекраснѣйшими поножниками въ приготовленіи благовѣствованія мира, какъ тотъ, который окончательно приготовилъ дѣла свои и сдѣлался человѣкомъ мира и ничего не дѣлаетъ вызывающаго войну, или смятеніе; то онъ и не будетъ осужденъ съ тѣми, которые не приготовлены. Также и невѣріе, враждебное вѣрѣ, не будетъ имѣть силы тамъ, гдѣ имѣется щитъ вѣры. А голова,—и главная часть сердца и души,—въ которой совмѣщены всѣ чувства, и которая покрыта шлемомъ,—не подвергнется ударамъ. Наконецъ, какъ мужъ сильный и воинственный, онъ поразитъ всѣ противныя истинѣ ученія и покоритъ ихъ, держа въ рукахъ мечъ духовный, т. е. Слово Божіе. Итакъ, Апостоль, желая показать многоразличныя измышленія діавола, которыми онъ старается захватить насъ въ такихъ положеніяхъ, при которыхъ мы не съ полною заботливостію сохраняемъ сердце свое, назвалъ ихъ *μεθοδεϊας*, т. е. изобрѣтательность, изворотливость (хитрость). Въ самомъ дѣлѣ, если мы воздержимся отъ удовольствій, то онъ поймаетъ насъ на скупости, какъ мало остерегавшихся ея. Поэтому, если мы воздержимся отъ скупости и удовольствій, то онъ захватитъ насъ на невоздержной жизни и сдѣлаетъ такъ, что чрево для насъ дѣлается богомъ, и такимъ обра-

зомъ преодолѣеть даже то, что, повидимому, крѣпко въ насъ. И какъ обыкновенно мудрые вожди войскъ осаждаютъ главнымъ образомъ мало укрѣпленныя мѣста городовъ, чтобы, вторгнувшись черезъ нихъ, легче взять тѣ, которыя укрѣплены; такъ и діаволъ стремится вторгнуться чрезъ тѣ, которыя видятъ открытыми, или по крайней мѣрѣ не крѣпко закрытыми, и достигнуть до самой внутренней твердыни сердца и души. Да и кабая необходимость мнѣ говорить о многихъ его козняхъ, когда уже по этимъ познаются и прочіе виды его изворотливости? *Діаволъ* же есть имя греческое, и значитъ: *клеветникъ* (обвинитель). А по свойству еврейской рѣчи,—ибо и колѣно Завулона имѣло въ имени своемъ нѣкоторое сходство съ этимъ словомъ,—оно значитъ *катарбон*, т. е. *стекающій внизъ*, потому что мало-по-малу онъ движется отъ добродѣтели къ пороку и низвергается съ небесъ на землю.

Стихъ 12: *Ибо борьба у насъ направляется не противъ плоти и крови, но противъ начальствъ, противъ властей, противъ правителей міра этой тьмы, противъ духовъ нечистоты въ небесныхъ [пространствахъ].*—Я не думаю, чтобы Павелъ въ посланіи къ Коринѳянамъ могъ сказать: *Ваша борьба не противъ плоти и крови*, потому что имъ онъ пишетъ: *Да постигнетъ васъ искушеніе только человѣческое. Ибо всрензъ Богъ, Который не допуститъ, чтобы вы искушены были больше, чѣмъ можете* (1 Корнѳ. X, 13). Дѣйствительно, я полагаю, что борьба противъ плоти и крови это та, которая называется искушеніемъ человѣческимъ, именно: когда плоть похотствуетъ вопреки духу и побуждаетъ насъ къ дѣланію дѣлъ своихъ, т. е. блудодѣяннй нечистоты, невоздержности, идолослуженія, вражды, раздоровъ, ревности, грѣха, споровъ, несогласія, раздѣленій, козней, пьянства, безчинства и проч. (*Галат. V, 19—21*). Затѣмъ не бываетъ оно человѣческимъ искушеніемъ, или борьбою противъ плоти и крови, когда или самъ Сатана иреображается

въ Ангела свѣта и старается убѣдить насъ, чтобы мы его почитали Ангеломъ свѣта, или дѣлаетъ нѣчто подобное, употребляя всякія усилія, ложныя чудеса и пророчества и всякій несправедливый обманъ. Въ самомъ дѣлѣ, когда врагъ уловляетъ кого-либо, чтобы обмануть его и говорить въ немъ: *Такъ говоритъ Господь*, то обманываетъ его не такъ, какъ плоть и кровь, или искушеніе человѣческое, а какъ начало и власть, и правитель мрака (*Ефес. IV, 12*), и духовное непотребство. Посему не будемъ давать мѣста ему, но, — даже если на насъ и найдетъ духъ власти имѣющаго, — не дадимъ ему мѣста, какъ написано. Но кто-нибудь можетъ быть скажетъ, что слова Апостола: *Борьба у насъ направляется не противъ плоти и крови, но противъ начальниковъ и властей* и проч. дальнѣйшее, — (*Ефес. VI, 12*) сказаны для того, чтобы мы научились, что не отъ плоти и крови исходятъ тѣ пороки, которые мы разсматриваемъ, какъ вызываемые плотію, но подсказываются намъ нѣкоторыми духами непотребными. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ есть демоны, служащіе любовной страсти, страстными пѣснопѣніямъ, какъ это внушаетъ и пророкъ, говоря: *Они обольщены духомъ прелюбодѣянія* (*Осн. IV, 22*). Сверхъ того говорятъ, что есть нѣкоторыя варварскія наименованія ихъ, какъ это признавали тѣ, которыхъ простой народъ называетъ злодѣями (колдунами), есть заклинанія, молитвы и различныя цвѣта, а также разнообразныя роды металловъ и яствъ, въ которыхъ якобы пребываютъ призванные демоны и, какъ говорятъ, увлекаютъ несчастныя души. А другіе изъ нихъ вызываютъ гнѣвливость, ярость и войны; а иные господствуютъ надъ враждебными дѣйствіями и возбуждаютъ въ людяхъ ненависть. Такимъ образомъ въ виду того, что Апостоль хотѣлъ насъ наставить, что эти виды пороковъ происходятъ въ насъ не изъ тѣлесной природы, а вслѣдствіе подстрекательства демоновъ, онъ и говоритъ: *Борьба у насъ направляется не противъ плоти и крови, но противъ начальствъ и властей и правителей міра этой тьмы, про-*

тѣхъ духовъ непотребства въ небесныхъ [пространствахъ]. И потому нынѣ мы представили примѣры тѣхъ несчастныхъ, которые подчиняются волшебнымъ хитростямъ и которымъ запрещается дѣлать это, чтобы именно отразить мнѣніе тѣхъ, которые думаютъ, что всѣ порочныя дѣянія происходятъ отъ плоти и крови, и что демоны не имѣютъ никакой силы, чтобы возбуждать насъ къ грѣху. По нашему мнѣнію такую борьбу имѣлъ и Іаковъ, т. е. именно не противъ плоти и крови, когда онъ остался одинъ и на борьбу съ нимъ выступилъ человекъ, помогавшій ему и подкрѣплявшій его противъ другого, который сражался съ нимъ до пота. И вмѣстѣ съ тѣмъ обрати вниманіе на то, что Іаковъ боролся въ теченіе всей ночи по обычаямъ борющихся, да не кажутся очень смѣшными тѣ, которые [такъ] думаютъ (*Быт. XXXII, 24—28*). Въ самомъ дѣлѣ, что за важность, если бы, какъ говорятъ они, Іаковъ былъ побѣдителемъ, или былъ побѣжденъ. Но соответственно разумной и соответственной борьбѣ патриарха должно вѣровать, что у него была борьба, которую имѣютъ люди, могущіе сказать: *Борьба у насъ направляется не противъ плоти и крови*. Мнѣ нѣтъ необходимости раскрывать святыню этого мѣста, такъ какъ, если я буду живъ, то въ своемъ мѣстѣ о ней должно будетъ разсудить болѣе полно. Но мы спрашиваемъ (Обратись къ книгѣ: „*Questiones Hebraicae in Genesis*“): Гдѣ въ В. Завѣтѣ Апостоль Павель читалъ это, или на какомъ основаніи онъ предложилъ вниманію всѣхъ, о чемъ менѣе всего написано. И мы угадаемъ, что Апостоль въ болѣе возвышенномъ смыслѣ конялъ то, что въ книгахъ Закона, Іисуса [Навина], Судей, Царствъ и Паралипоменонъ написано о сраженіяхъ и единоличной борьбѣ, напр., Давида и Голіафа и сыновъ Израилевыхъ, иноплемениковъ и прочихъ народовъ, и подъ плотскою войною разумѣлъ духовную, сражаясь въ которой участники или были побѣждены, или одержали побѣду: и въ лицѣ властителей (*Satrapas*) каждой страны было указаніе на высшія силы, а

въ правителяхъ каждаго народа онъ видѣлъ образы тѣхъ, которые нынѣ именуется у него правителями міра и тьмы, а въ образѣ злыхъ людей онъ указалъ на духовную злобу въ небесныхъ [пространствахъ]. И намъ кажется, что Апостоль говоритъ слѣдующее, но другими словами: „Ефесяне! то, что вы читаете о войнахъ Израиля противъ другихъ народовъ, напр., Египтянъ, Идумеевъ, Аммонитянъ и прочихъ народовъ, [то], если вы хотите знать истину, кажется, по-видимому относящимся къ плоти и крови, но все это касается ихъ въ переносномъ значеніи (1 Корн. X)“. А написано это ради насъ, въ которыхъ соприкасаются предѣлы вѣковъ, такъ что мы должны понимать, что наша борьба не противъ плоти и крови, но противъ нѣкоторыхъ духовныхъ и невидимыхъ силъ, противъ правителей этой тьмы, которая облегаетъ этотъ міръ, распространяя заблужденія среди людей невѣрующихъ и противъ духовъ непотребства, которые обитаютъ въ небесныхъ пространствахъ. Это не значитъ то, что демоны проводятъ жизнь въ небесахъ, а то, что находящійся надъ нами воздухъ получилъ это имя [т. е. небеса]. Поэтому то и птицы, летающія по воздуху, называются небесными, ибо и въ другомъ мѣстѣ о птицахъ, носящихся въ этомъ воздухѣ, Апостоль говоритъ: *Въ чемъ некогда ходили и вы по вѣку міра сего, по начальнику власти духа воздуха, который дѣйствуетъ нынѣ въ сынахъ недовѣрія* (Ефес. II, 2). Но общее мнѣніе всѣхъ учителей то, что этотъ воздухъ, раздѣляющій небо и землю, называемый пустымъ, наполненъ враждебными силами. Послѣ этого должно разсудить: отъ кого получили власть начальства и силы и правители тьмы міра и духовныя существа злобы, чтобы быть такими? И иной можетъ быть скажетъ, что діаволь,—отступникъ,—вручилъ своимъ спутникамъ различныя служенія, и что не Богъ былъ виновникомъ этого распредѣленія служеній [злу]. Прилежный читатель можетъ противопоставить таковому извѣстное мѣсто Писанія: *Ибо не бываетъ власти, кро-*

мъ какъ отъ Бога (Римл. XIII, 1). Не если такъ говорится о людяхъ, то тѣмъ болѣе это имѣеть смыслъ въ отношеніи къ тѣмъ, которые имѣють высшую и болѣе утонченную природу. И кто такъ думаетъ, тотъ не подлежитъ въ то же самое время обвиненію въ хуль, потому что каждый по своей волѣ получилъ себѣ въ жребій различныя служенія. И какъ въ городахъ совершившіе что-либо преступное, или позорное, — какъ мы видимъ, — приставлены къ кормленію дикихъ звѣрей, или къ добыванію мрамора, или къ очисткѣ нечистотъ въ мѣстахъ ихъ скопленія или къ предводительству надъ гладиаторами [борцами въ циркѣ], или къ пролитію крови преступниковъ; такъ и демоны по своей свободной волѣ получили въ удѣлъ области или козвей, или обмана, или преступленій, или вѣроломства, и остальныхъ пороковъ, чтобы быть правителями тьмы, такъ какъ они не хотѣли быть начальниками свѣта. Такимъ образомъ эти правители міра и мрака, когда въ борьбѣ противъ кого-либо подставляютъ ему препятствіе и заставляютъ его пасть, тотчасъ привязываютъ его къ своему міру и мраку, надъ которымъ они господствуютъ. Посему должно трудиться съ болѣшею силою, чтобы намъ, однажды услышавшимъ: *Я избралъ васъ отъ міра сего, и вы уже не отъ этого міра; ибо если бы вы были отъ міра, міръ любилъ бы то, что принадлежитъ ему* (Іоан. XV, 19), не возвратиться въ міръ и не быть у него въ подчиненіи, чтобы міръ распялся для насъ и мы для міра, и чтобы Владыка свѣта, Іисусъ [Христосъ] присоединилъ насъ къ Своему міру и далъ намъ быть подъ властію Отца, исторгнутымъ изъ-подъ власти духовныхъ силъ злобы, и изъ области неба, которое имѣеть прейти и не можетъ называться престоломъ Божиимъ. Дѣйствительно, было бы нечестіемъ вѣровать, что духовныя существа злобы въ небесныхъ [пространствахъ] держали то небо, о которомъ Богъ говоритъ: *Небо престолъ Мой* (Ис. LXVI, 1). Итакъ, кто разумѣеть, сколько бываетъ съ нами въ этомъ мірѣ въ присутствіи или отсутствіи на-

шемъ,—такъ какъ мы не можемъ этого видѣть, или по причинѣ сего тѣннаго и земнаго нашего тѣла, которымъ окутана душа, или потому что плотскимъ очамъ не поддается болѣе тонкая природа,—тотъ будетъ видѣть, чтó такое есть тотъ мракъ, о которомъ говорится у Апостола,—именно: или вся сія земная жизнь называется мракомъ (потому что свѣтъ свѣтится въ тьмѣ и тьма его не охватила (*Іоан. 1, 5*), или же то, что земное тѣло, тѣло смерти и нашего ничтожества, затемняетъ, покрываетъ и дѣлаетъ не чувствительнымъ (*obscaecat*) свѣтъ души и ума. Будемъ знать также и то, что за исключеніемъ этого мѣста мы нигдѣ не встрѣчаемъ, ни въ Ветхомъ, ни въ Новомъ завѣтѣ, слова *κοσμοκράτορας*, т. е. правителей міра; это слово Апостоль Павелъ составилъ самъ для того, чтобы, вслѣдствіе необходимости, обращаясь къ Ефесянамъ, новымъ и невидимымъ предметамъ дать новое наименованіе. Кромѣ того еще по поводу слова *въ небесныхъ*,—такъ какъ оно кажется имѣющимъ двойное значеніе,—должно сказать, что оно можетъ относиться къ всему [сказанному], такъ что смыслъ его будетъ такой: „Борьба у насъ не противъ властей *въ небесныхъ* [пространствахъ] и правителей этой тьмы *въ небесныхъ* [пространствахъ], и духовныхъ [существъ] злобы *въ небесныхъ* [пространствахъ]“, а не только: *противъ духовъ злобы въ небесныхъ* [пространствахъ]. Особенно, если мы понимаемъ (какъ уже выше было объяснено), что небесныя пространства называются небесами, когда говорится о птицахъ, или есть обычай говорить, что дождь сходить съ неба, не потому, что онъ сходить именно оттуда. Вѣдь философы утверждаютъ, что облака отстоятъ отъ земли не болѣе, какъ на двѣ тысячи шаговъ,—облака изъ которыхъ изливается дождь какъ мелкій, такъ крупный. Въ этомъ же смыслѣ передается и о томъ, что во время потопа разверзлись стремнины неба. Однако насколько кто бываетъ худшимъ, настолько онъ ближе къ мѣстамъ земнымъ и настолько болѣе грубую [жир-

ную] имѣеть природу. А такъ какъ земля и окружающій насъ воздухъ имѣють свою тѣлесность, то нѣкоторые утверждаютъ, что души, освобожденные отъ тѣлъ,—если онѣ въ настоящей жизни будутъ утончены и сжаты въ тонкое тѣло, такъ сказать, пилюю упражненія и подвиговъ въ добродѣтеляхъ, то онѣ будутъ обитать не въ грубыхъ вещественныхъ пространствахъ, но будутъ близки къ Богу, Который безтѣлесенъ. Но если онѣ будутъ таковы, это о нихъ можно сказать: *Сыны человѣческіе! доколь тяжкіе или: ожирѣвшіе сердцемъ (Псал. IV, 3)*, то вслѣдствіе тяжести тучности своей будутъ увлечены въ низменныя мѣста и отягощены тѣлесностію (*pinguedine*). Послѣ этого нужно разсудить также и о томъ: на этой ли землѣ и въ воздухѣ будетъ нѣкоторое болѣе грубое мѣсто, которое весьма многими называется адомъ, и въ которомъ будутъ пребывать тѣ, которые называются низменными (*inferi*). Но въ настоящемъ мѣстѣ несвоевременно разсуждать о томъ, кто это они, или какое средство и различіе имѣють они съ тѣми, которые называются духовными [существами] злобы въ небесныхъ [пространствахъ]. Наконецъ, намъ нужно яснѣе усвоить изъ представленія Апостола о двоякой борьбѣ, какое различіе между борьбою противъ плоти и крови и борьбою противъ правителей этой тьмы и духовъ злобы въ небесныхъ пространствахъ. Дѣйствительно, когда онъ хотеть показать искушенія человѣческія, т. е. борьбу плоти и крови, то говоритъ съ пренебреженіемъ или съ презрѣніемъ: *Кто отлучитъ насъ отъ любви Божіей: скорбь или угнетеніе, или гоненіе, или голодъ, или нагота, или опасность, или мечъ? Согласно тому, что написано (Псал. XLIII, 22): Ради тебя мы умерщвляемся весь день, считаемся, какъ овцы, предназначенныя на закланіе. Но мы одержали верхъ во всемъ этомъ ради Того, Который возлюбилъ насъ (Римл. VIII, 35, 36)*. А когда онъ хотеть поставить насъ относительно враждебныхъ силъ и правителей мрака, и духовныхъ существъ злобы въ небесныхъ про-

странствахъ, онъ начинаетъ, какъ будто съ другого предмета: Я знаю, что ни смерть, ни жизнь, ни ангелы, ни начальства, ни настоящее, ни будущее, ни сила, ни высота, ни глубина, ни какая-либо другая тварь не можетъ различить насъ отъ любви Божіей, которая въ Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ. Относительно этого мѣста было сказано, можетъ быть, гораздо подробнѣе, чѣмъ этого хотѣлъ бы читатель; но я прошу, чтобы онъ былъ снисходителенъ въ виду трудности этого мѣста и положенія Ефесянъ, которые послѣ хитростей волшебства должны были знать, кѣмъ они нѣкогда удерживались въ обманѣ.

Стихъ 13: *Посему возьмите на себя всѣ оружія Божіи, чтобы [вамъ] было возможно сопротивляться въ день зла и твердо стоять, сдѣлавъ все.*—Подъ днемъ злымъ онъ показываетъ или настоящій день, о которомъ онъ сказалъ выше: *Выкупая время, потому что дни злы* вслѣдствіе тягостей и трудовъ настоящей жизни, ибо не безъ борьбы и тяжести мы достигли до побѣдной пальмовой вѣтви; или же, можетъ быть, разумѣть и день судный, день конца міра, когда діаволъ, врагъ и мститель, пожелаетъ насъ удерживать на своей сторонѣ, отъ которой освободится тотъ, который будетъ имѣть вниманіе къ нищему и убогому, потому что *таковаго Господь освободитъ въ день злой* (Псал. XL, 1). Это тотъ день, о которомъ и въ другомъ мѣстѣ написано: *Вотъ приходитъ день гнѣва Господня* (Ис. XIII, 9). И еще въ другомъ: *Ибо придетъ день Господа, неотвратимый* (insuperabilis—неизлѣчимый) [день] *прости и гнѣва* (Ис. XXII, 6), и снова: *Горе желающимъ дня Господня! Такъ что къ чему вамъ день Господа? И онъ есть мракъ, а не свѣтъ.* [Онъ] *какъ бы таковъ, что если человекъ избѣжитъ встрѣчи съ львомъ и натолкнется на медвѣдя, или вступитъ въ домъ свой и опрется руками своими о стѣну, но укуситъ его змья. Не мракъ ли день Господа, и не свѣтъ, и притомъ мракъ, не имѣющій свѣта* (Амос. V, 18—20)?

Да и какъ не быть злымъ тому дню, который окутанъ тьмою и мракомъ? О немъ также говорить и пророкъ Іовиль такимъ образомъ: *Вострубите трубою въ Сіонъ; проповѣдайте на горы святой Моей, и придутъ въ смятеніе всѣ обитатели земли, ибо приходитъ день Господа, ибо близко день тьмы и бури, день тумана и мрака* (Іоан. II, 1). Объ этомъ днѣ говорить и Софонія такъ. *Близко день Господень великій, близко и очень быстро [наступаетъ] Голосъ дня Господня преогорчевающій, крѣпкій и сильный: день гнѣва— день тотъ, день утѣшенія и нужды* (Софрон. I, 14 и дал.). и проч. А потомъ онъ прибавляетъ: *И Я опечалю людей— ибо они согрѣшили предъ Господомъ* (Апок. XII). Итакъ для того, чтобы кто-нибудь въ день тотъ могъ противостоять діаволу, ибо онъ есть обвинитель братій нашихъ, тотъ пусть возьметъ полное вооруженіе Божіе (ибо это и значить *πανοπλία*, а не просто, какъ передано по-латини, *оружіе*) и облекшись и препоясавшись тѣмъ,—о чемъ далѣе будетъ разсужденіе, пусть знаетъ, что онъ тогда можетъ твердо стоять, если сдѣлалъ все, чтобы, исполненный всякаго рода добродѣтелями, могъ идти твердымъ и ровнымъ шагомъ и не выдвигаться изъ строя и быть изъ числа тѣхъ, о которыхъ Господь говорить: *Есть нѣкоторые изъ здѣсь столицихъ* (Мѡ. XVI, 28) и въ другомъ мѣстѣ: *Ибо вы стоите въ вѣрѣ* (2 Корнѡ. I, 22), и Псалмопѣвецъ говорить: *Поставилъ на камень ноги мои* (Псал. XXXIX, 5). А нѣкоторые представляютъ также третье толкованіе, говоря, что не всякая война противъ діавола оканчивается смертію; но когда мы отойдемъ изъ этого міра, тогда борьба у насъ будетъ сильнѣе и болѣе открыто, т. е. лицомъ къ лицу; и соотвѣтственно этому они излагаютъ то, что мы немного прежде представили: *ни настоящее, ни будущее* въ томъ смыслѣ, что будущая борьба это та, которая должна наступить послѣ этой жизни. Также и въ извѣстныхъ словахъ: *Посему стараемся въ настоящее ли время, или въ будущее быть удобными Ему*

(2 Корн. V, 9); они думаютъ, что настоящимъ временемъ обозначается эта жизнь, а будущимъ—жизнь по смерти. Также и то, что теперь говорится: *И сдѣлавши все, стоятъ* они относить къ тому же значенію, какъ будто кто-либо не можетъ въ настоящей жизни сдѣлать всего, а дѣлаетъ нѣчто только отчасти,—именно отчасти видѣть, отчасти пророчествовать, а стоять совершенно онъ будетъ имѣть возможность только тогда, когда сдѣлаетъ все. Другой же толкователь объясняетъ это болѣе просто, говоря, что Ефесяне убѣждаются и увѣщаются сдѣлать все, съ помощію чего они могли бы стоять въ вѣрѣ и не падать въ преслѣдованіяхъ предъ имѣющими, — какъ это Апостоль провидѣлъ пророческимъ духомъ,—наступить для нихъ испытаніями и гоненіями. А названіе *злого дня*, какъ мы полагаемъ, взято нынѣ собственно изъ сорокъ восьмого псалма.

Стихъ 14: *Итакъ стойте, препоясавъ чресла свои истинною.*—То, что соотвѣтственно членамъ тѣла и плоти въ священномъ Писаніи называются всѣ силы (members) души, ни для кого не остается сомнѣнія; одинъ изъ нихъ, по моему мнѣнію, нынѣ называется *чресла*, которыя повелѣвается намъ препоясать истинною. И въ Евангеліи отъ Луки написано также: *Да будутъ чресла ваши препоясаны, и свѣтильники горящіе въ рукахъ вашихъ* (Лук. XII, 35). Итакъ, въ виду того, что чресла часто понимаются въ значеніи рожденія и сѣмени, какъ, напр.: *Отъ плода чреслъ твоихъ Я посажу на престолъ твоемъ* (Псал. CXXXI, 11), и въ другомъ мѣстѣ: *Еще Левій былъ въ чреслахъ отца своего Авраама, когда встрѣтился съ нимъ отецъ Мелхиседекъ* (Евр. VII, 9, 10), намъ кажется, что тотъ препоясалъ чресла свои, кто никогда не отдавалъ должнаго женѣ своей и не служилъ похоти, но подражаетъ нерожденному Богу, не служа дѣлу рожденія. Я думаю, что это же значить и то, что Іоаннъ имѣлъ поясъ кожаный поверхъ чреслъ своихъ (Мѡ. III) и не принадлежалъ къ числу нечистыхъ, которые

по причинѣ изліянiя сѣмени удалены за предѣлы лагерьа, и не могутъ обитать вмѣстѣ съ ковчегомъ Госнода (*Левит. XIII*), также и къ числу тѣхъ, о которыхъ пишется въ книгѣ Числъ: *Да будутъ одежды его расшиты* [распороты] (*Числ. VIII, ?*). А кто для Христа препоясанъ истиною, тотъ поднимаетъ эти одежды въ высоту и снова ихъ совлекаетъ, и нечистоту обнаженныхъ боковъ покрываетъ, стягиваетъ и заключаетъ поясомъ духовнымъ, и бываетъ онъ готовъ къ битвѣ, и имѣетъ свѣтлыя дѣла, которыя называются горящими свѣтильниками.

И облекшись въ броню правды.—Какъ не легко подвергается ранамъ,—особенно въ тѣхъ мѣстахъ, которыя содержать въ себѣ жизнь,—тотъ, который одѣтъ въ броню добродѣтели, составленную изъ колечекъ, взаимно связанныхъ крючками; такъ и тотъ, кто облеченъ въ броню правды, не будетъ пораженъ подобно оленю въ печень и не впадетъ въ похоть и ярость, но будетъ чистъ сердцемъ, такъ какъ создателемъ этой брони имѣетъ Бога, Который каждому изъ святыхъ созидаетъ всеоружіе и не даетъ ему возможности подвергнуться поражению отъ копья летящаго днемъ и сгорѣть отъ пламѣньющихъ стрѣлъ.

Стихъ 15: *И обувши ноги въ готовности къ благовѣствованію мира.*—Болѣе тщательно посмотрите на то, что именемъ ногъ онъ назвалъ нѣкоторую силу души, потому что ногами мы вступаемъ къ Тому, Который говоритъ: *Я есмь путь* (*Иоан. XIV, 6*), и ихъ мы должны обути въ приготовленіе къ благовѣствованію мира. Прообразомъ этой обуви была извѣстная обувь книги Исходъ, которую повелѣно было имѣть вкушающимъ Пасху и тѣмъ, которые собирались выступить въ путь, ибо говорится такъ: *Всѣ будете ѣсть его въ такомъ видѣ: чресла ваши опоясаны, и сапоги ваши на ногахъ вашихъ, и посохи ваши въ рукахъ вашихъ и будете ѣсть его съ торжествомъ, ибо это Пасха Господня* (*Исх. XII, 11*). Итакъ признакомъ приготовленія

служить то, что вкушать нужно торжественно и съ обутыми ногами, чтобы, укрѣпившись Пасхальнымъ брашномъ, они могли пройти сквозь широкую и ужасную пустыню. Итакъ, кто еще ходить, пусть надѣнетъ обудь; а кто, перешедши Іорданъ, уже вступилъ въ землю обѣтованія, тотъ пусть обнажить ноги свои: *Развяжи, говоритъ, обувь съ ногъ своихъ, потому что то мѣсто, на которомъ ты стоишь, земля святая есть (Ис. III, 5)*. Если кто не есть ни Іисусъ Навинъ, ни Апостолъ, тотъ обуеъ ноги свои въ готовности къ проповѣди Евангелія мира; а кто есть Апостолъ, и можетъ считаться среди двѣнадцати, тотъ пусть сниметъ обувь свою на пути и не покрываетъ ступни своей для отраженія скорпіоновъ и змѣй, но какъ вполне совершенный пусть стоитъ въ землѣ святой и живетъ въ Христѣ и слѣдуетъ за Агнецемъ, куда бы Онъ ни ступилъ. Спрашивается: Не сказалъ ли онъ вынѣ: *Евангеліе мира* въ отличіе отъ какого-либо другого Евангелія? Или можетъ это есть свойство Евангелія, чтобы оно называлось Евангеліемъ мира? Итакъ, кто имѣетъ миръ, тотъ обуеъ для благовѣствованія Христа; а когда онъ будетъ обуеъ, то будетъ готовъ; однако готовый пусть не считаетъ себя совершеннымъ, ибо онъ готовится для того, чтобы продолжать и, продолжая, приходитъ къ концу.

Стихъ 16: *Преимущественно предъ всѣмъ принимая щить въры, посредствомъ котораго вы могли бы гасить раскаленные стрѣлы коварнаго.*—Онъ какъ бы сказалъ: „Во всякомъ дѣлѣ носите щить въры, чтобы подъ прикрытіемъ и защитою встрѣчать летяція стрѣлы и съ искусствомъ воиновъ отклонять ихъ то туда, то сюда. Это та въра, относительно которой и Авраамъ, послѣ многихъ дѣлъ и добродѣтелей, едва удостоился того, что о немъ говорить Писаніе: *Но Авраамъ вървалъ въ Бога, и это вѣрилось ему въ праведность (Быт. XV, 6)*. Но заслуживаютъ вниманія и тѣ стрѣлы лукаваго, которыя онъ хочетъ бросать въ сердца наши чрезъ нечестивые помыслы; одну изъ нихъ бросилъ онъ

въ сердце Іуды, такъ что тотъ предалъ Спасителя. Итакъ, врагъ не можетъ начать поражать душу, если мы будемъ держать щитъ вѣры: на немъ не только преломляются летящія стрѣлы, но угашается и самый огонь стрѣлъ, о которомъ и пророкъ съ плачемъ говоритъ: *Они всѣ прелюбодѣйцы, сердца ихъ какъ бы горящія печь* (Ос. VII, 1). Кто твердою рукою будетъ держать этотъ выпуклый щитъ и, довѣрившись Господу, будетъ знать, что онъ безопасенъ отъ летящихъ стрѣлъ, тотъ безтрепетно говоритъ: *На Господа я полагаюсь; какъ вы говорите душѣ моей: „Переселяйся на гору, какъ воробей“? Ибо грѣшники напрягли лукъ, приготовили стрѣлы на тетивахъ, чтобы въ темноту поражать правыхъ сердцемъ* (Псал. X, 1 2). Такимъ образомъ онъ говоритъ: „Такъ какъ я полагаюсь на Бога, то по какой причинѣ вы подаете мнѣ совѣтъ, чтобы я не стоялъ противъ нападенія враговъ и противъ стрѣлъ, которыя они приготовили противъ меня на тетивахъ, желая поражать не только меня, но и всѣхъ правыхъ сердцемъ [или: прямо въ сердце]. Вотъ я стою на скалѣ и не могу переселяться на мрачныя горы, и всѣ отраженныя стрѣлы обращаются на самихъ тѣхъ, которые ихъ направляютъ“.

Стихъ 17: *И возьмите шлемъ спасенія.*—Съ помощію сего спасительнаго шлема въ нашей головѣ сохраняются неприкосновенными всѣ чувства, и особенно глаза, о которыхъ Соломонъ говоритъ въ книгѣ Еккліастъ: *Очи мудраго въ голову его* (Еккл. II, 14). Ибо онъ зналъ, что такое голова мужа, и каковы эти очи, помѣщенныя въ головѣ мужа. Ибо если глава мужа—Христосъ, и очи мудраго въ головѣ его, то слѣдуетъ, что всякое наше чувство, умъ, помышленіе, слово, намѣреніе (если, впрочемъ, мы были мудры) находится въ Христѣ, а въ Христѣ, значитъ въ Словѣ, свѣтѣ, правдѣ, истинѣ и во всѣхъ добрыхъ силахъ (*virtutibus*).

Стихи 18, 19: *И мечъ духа, который есть слово Божіе. Молясь въ духъ всякою молитвою и прошеніемъ во*

всякое время, и бодрствуя въ немъ съ постоянствомъ и молитвою за всѣхъ святыхъ и за меня.—Слово Божіе истекаетъ отъ Духа Святаго, а враждебное говорится отъ земли и оттуда беретъ свое начало. *Ибо кто отъ земли, тотъ говоритъ отъ земли, а кто приходитъ отъ Бога, тотъ выше всѣхъ. И свидѣтельствуемъ о томъ, что увидѣлъ и услышалъ* (Іоан. III, 31, 32). Дѣйствительно, слово Божіе живо и дѣйственно и остро больше всякаго обоюдоостраго меча, и проникаетъ даже до глубины души, костей и мозговъ. Этотъ духъ разсѣкаетъ и раздѣляетъ, много преуспѣвая чрезъ молитву и прошеніе тѣхъ, которые во всякое время молятся Господу духомъ, какъ говорится въ Писаніи: *Буду молиться духомъ, буду молиться и мыслію* (1 Корн. XIV, 15). И преуспѣвая въ томъ, чтобы чрезъ бодрствованіе и настоящую молитву Апостолъ обогащался въ словѣ и ученіи Божественномъ, и все это богатство приносило пользу для спасенія другихъ, чтобы оно было полезно даже и тѣмъ, которые молятся о немъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ должно удивляться и смиренію Апостола, который проситъ Ефесянъ, чтобы они молились за него: вѣдь онъ говоритъ: *Съ всякимъ постоянствомъ и молитвою за всѣхъ святыхъ и за меня*, такъ что отдѣльно упоминаетъ и о святыхъ, и о себѣ.

Стихъ 20: *Чтобы мнѣ было дано слово открытыми моими устами и утѣренно дѣлать извѣстнымъ таинство благовѣствованія, ради котораго я исполняю въ узлахъ посланничество; такъ, чтобы въ немъ я дерзновенно говорилъ то, что мнѣ должно.*—Его настоящія слова: *Открытыми устами моими и въ другомъ мѣстѣ: Коринтяне! уста мои открыты для васъ в: Открывая уста Свои, училъ Своихъ учениковъ, говоря* (Мѡ. V, 2) и: *Я открылъ уста свои и приникъ духомъ* (attraxi spiritum) (Псал. CXXVIII, 13?) и: *Открою въ притчахъ уста свои* (Псал. LXXVII, 2) и проч., подобное этому, необходимо понимать такъ, какъ будто онъ сказалъ: „Да откроются сокровищницы и да разсыплются со-

кровенныя отъ вѣковъ святыни, чтобы Духъ Святой вошелъ для изнесенія того, что скрывается. А что смыслъ этого свидѣтельства, т. е. словъ: *Чтобы дано мнѣ было слово открытыми устами моими* именно таковъ, это доказывается слѣдующими словами. Онъ говоритъ: *И увѣренно дѣлать извѣстнымъ таинство благовѣствованія*, и не въ притчахъ и примѣрахъ, какъ говорили и пророки, и какъ Самъ Господь“, еще находясь въ тѣлѣ, говорилъ: *Приходитъ часъ, когда я уже не буду говорить вамъ въ притчахъ, но рѣшительно буду возвѣщать вамъ объ Отцѣ* (Іоан. XVI, 25). Такое увѣренное слово можетъ произносить только тотъ, котораго не смущаетъ его сердце: *Ибо если сердце наше не удерживаетъ насъ, то мы имѣемъ довѣріе къ Богу и получили отъ Него, чего только ни попросимъ* (1 Іоан. III). И потому рѣдко встрѣчается такой, который съ увѣренностію будетъ дѣлать извѣстнымъ тайну благовѣствованія, потому что рѣдко встрѣчается такой, который имѣетъ увѣренность въ Богѣ, ибо *Кто похвалится, что онъ имѣетъ сердце непорочное, или кто станетъ говорить, что онъ чистъ отъ грѣховъ* (Притч. XX, 9)? А послѣ этого необходимо вкратцѣ пояснить, что значить: *Ради котораго я исполняю въ узахъ посланничество*, чтобы именно дѣлать извѣстнымъ таинство благовѣствованія. И дѣйствительно, кто понимаетъ это попросту, тотъ скажетъ, что онъ отправилъ настоящее посланіе изъ заключенія въ темницѣ и въ узахъ въ Римѣ; а другой будетъ оспаривать, что онъ выразился такъ вслѣдствіе ничтожества тѣла и этихъ узъ, которыя насъ окружаютъ, и мы еще не знаемъ настолько, насколько вамъ должно знать, а видимъ загадочно, какъ бы въ зеркалѣ; и по истинѣ Апостоль только тогда съ увѣренностію можетъ открывать тайны благовѣствованія, когда сброситъ узы и выйдетъ свободнымъ изъ заключенія; если, впрочемъ, того, который имѣетъ обращеніе въ небесахъ, не должно считать не имѣющимъ оковъ,— хотя онъ и въ оковахъ,—и относительно котораго можно

сказать: *А вы не въ плоти, но въ духъ, если только духъ Божій обитаетъ въ васъ (Римл. VIII, 9).*

Стихъ 21, 22: *Но чтобы и вы знали о томъ, чтоъ происходитъ вокругъ меня, чтоъ я дѣлаю, вамъ это сообщитъ возлюбленный братъ Тихикъ и вѣрный служитель въ Господь: его я послалъ къ вамъ съ тѣмъ именно, чтобы вы знали, чтоъ происходитъ вокругъ насъ и чтобы онъ утѣшилъ сердца ваши.*—Понимайте [это мѣсто] въ двойномъ смыслѣ. Тихибъ посланъ пли съ тою цѣлію, чтобы возвѣститъ имъ, что объ узакъ Апостола сдѣлалось извѣстно всему Римскому судилищу, и что узы его содѣйствовали вѣрѣ въ Евангеліе въ то время; онъ и Колоссянамъ написалъ такъ: *Чтоъ происходитъ вокругъ меня, о томъ сообщитъ вамъ возлюбленный братъ Тихикъ и служитель, и сотрудникъ въ Господь, котораго я послалъ къ вамъ съ тѣмъ именно, чтобы вы знали, чтоъ происходитъ вокругъ насъ, и онъ утѣшитъ сердца ваши съ Онисимомъ, возлюбленнымъ и вѣрнымъ братомъ, который изъ вашей среды: онъ сообщитъ вамъ о всемъ, что дѣлается здѣсь (Колосс. IV, 7 и далѣе).* Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь великимъ утѣшеніемъ было слышать, что въ Римѣ, господинѣ городовъ, и въ твердынѣ Римской власти, Апостоль Павелъ одерживаетъ блестящую побѣду изъ темницы и узъ. Или же, можетъ быть, Тихибъ посланъ былъ ради того, чтобы сообщить имъ о жизни и отношеніяхъ Апостола, которыхъ они не знали, и передать какъ бы нѣкоторый живой образецъ тѣмъ, которые учились дѣйствіямъ и добродѣтелямъ Апостола и желали подражать ему. Для желающихъ подражать ему не малымъ могло быть утѣшеніемъ, когда они узнали, что дѣлалъ Апостоль.

Стихъ 23: *Миръ братіямъ и любовь съ вѣрою отъ Бога Отца и Господа Іисуса Христа.*—Если есть какіе-либо другіе дары, которые подаются отъ Бога Отца и Господа Іисуса Христа, то между ними миръ занимаетъ не самое меньшее мѣсто, ибо онъ превосходитъ всякое чувство и охра-

няетъ сердца и умъ святыхъ; это нѣкоторая ясность души мирной и спокойствіе ея, удаляющія еѣ отъ всѣхъ безпокойствъ и смятеній. Ей подобна любовь съ вѣрою, которую также (et ipsam) подаетъ Богъ Отецъ и Сынъ, чтобы мы любили Бога отъ всего сердца, и ближнихъ, какъ самихъ себя и молились за враговъ своихъ. Такой миръ и такую любовь, которую Апостолъ молитвенно посылаетъ вѣрующимъ, имѣютъ только тѣ, которые заслуживаютъ называться именемъ братьевъ.—Вѣдь *миръ братьямъ и любовь съ вѣрою* и миромъ. Итакъ, и любовь и вѣру подаетъ какъ Отецъ, такъ и Сынъ и пусть умолкнетъ ересь, которая не хочетъ признать, что Сынъ можетъ дѣлать то же, что и Отецъ.

Стихъ 24: *Благодать съ всеми, которые любятъ Господа Иисуса Христа въ непорочности. Аминь.* Нѣкоторые истолковали это мѣсто такъ, что, по ихъ мнѣнію, Господа нашего Иисуса Христа любить тотъ, кто чуждъ дѣламъ тлѣнія, разумѣя подъ ними дѣла тлѣнія въ супружескомъ сожитіи. Поэтому и обычай, и престолярная рѣчь непорочныхъ называетъ дѣвственниками, какъ и тѣхъ, которые не познали женщинъ, а плѣнными тѣхъ, которые вкусили этого рода наслажденій. Сюда же они приспосабливаютъ и извѣстное свидѣтельство Апостола: *Если кто растлитъ храмъ Божій, растлитъ того Богъ* (1 Корнѣ. III, 17). Но въ такомъ случаѣ я не знаю, будутъ ли они въ силахъ объяснить слѣдующее слово. *Каждый имлетъ свой даръ отъ Бога, одинъ именно такъ, а другой такъ* (1 Корнѣ. VII, 7). Итакъ, посмотримъ: не лучше ли подъ порочностію души понимать всякій грѣхъ, и называть непорочными тѣхъ, которые свободны отъ грѣха. Такимъ образомъ любящіе Господа нашего Иисуса Христа бываютъ въ непорочности, пока не удерживаются узами грѣха, и когда съ ними есть благодать Божія. Вмѣстѣ съ тѣмъ я полагаю, что для отличія тѣхъ, которые любятъ Господа нашего Иисуса Христа не въ непорочности, теперь показано, что любящіе Его въ непорочности имѣютъ

благодать. Дѣйствительно, сколь многіе любятъ Господа съ готовностію перенести за Него изгнанія, мученія, бѣдность и всѣ роды безчестій, и тѣмъ не менѣе уступаютъ предъ тѣлесными страданіями; во таковымъ Апостолъ не посылаетъ молитвеннаго благословенія благодати, потому что благодать Господа бываетъ съ всѣми, которые любятъ Господа въ непорочности.
